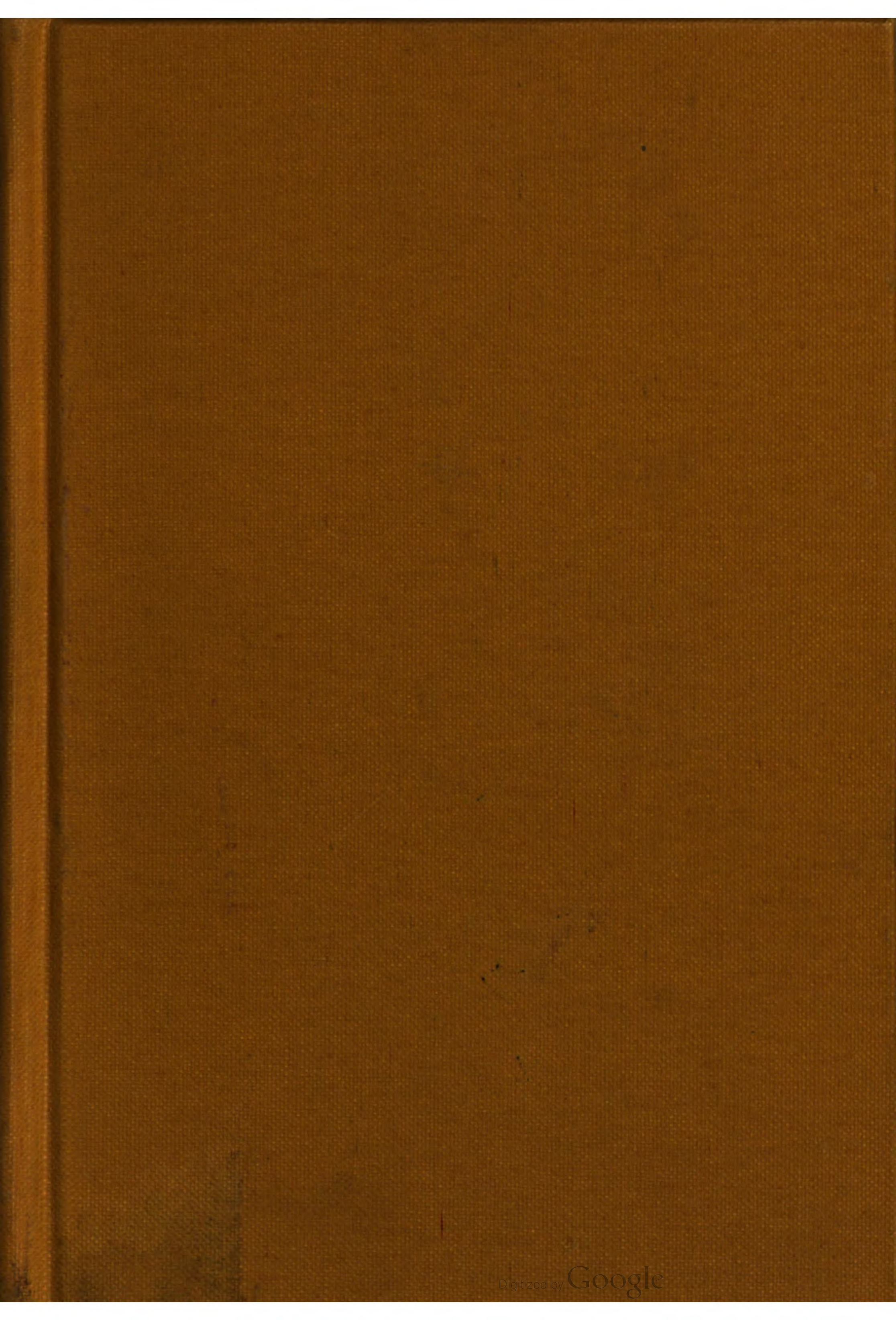




О
ЗАКОНАХЪ.




BRITISH
4 DE 71
MUSEUM


ΠΛΑΤΩΝ
Грав. Скотниковъ

ПЛАТОНОВЫ РАЗГОВОРЫ

О

ЗАКОНАХЪ.

ПЕРЕВОДЪ В. ОБОЛЕНСКАГО,

съ Греческаго.

МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1827.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, три для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, 1826 года Марта 11 дня. Сію рукопись разсматривалъ Ординарный Профессоръ, Надворный Совѣтникъ *Михаилъ Павловъ.*



ЕЯ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

ВАРВАРѢ ИВАНОВНѢ

ЛАНСКОЙ.

Еслибъ я зналъ матерей, болѣе и лучше Васъ занимающихся воспитаніемъ дѣтей своихъ, составляющимъ, по смыслу Платоновыхъ законовъ, основу Государственнаго благоденствія; — не Вамъ посвятилъ бы я переводъ мой.

Переводчикъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

О ЗАКОНАХЪ.

РАЗГОВОРЪ ПЕРВЫЙ
О
ЗАКОНАХЪ.

(Разговаривающія лица: Аѳинянинъ, *Клиній* Критянинъ, *Мегиллъ* Лакедемонянинъ).

Аѳ. Законодательство кому приписывается у васъ, Богу, или кому изъ смертныхъ?

Кл. Справедливѣе приписать его Богу: ибо у насъ законодателемъ былъ Зевесъ, у Лакедемонянъ, какъ говорятъ они, Аполлонъ, не правдаль?

Мег. Правда.

Аѳ. Не по Гомерову ли сказанію говоришь ты, будто Миносъ въ девятый годъ всегда бесѣдовалъ съ отцомъ своимъ Зевесомъ, и по внушенію его далъ вашему государству законы?

Кл. У насъ такъ говорятъ. Сказываютъ притомъ, что братъ его Радамантъ (вамъ знакомо ето имя) былъ человѣкъ справедливѣйшій. Мы Критяне ему приписываемъ сію славу, поелику онъ учредилъ настоящее правосудіе.

Аѳ. Знаменитая слава и сыну Зевесову приличная! Поелику вы оба, ты Клиній и ты Мегиллъ, воспитаны въ столь просвѣщенныхъ, благоустроенныхъ государствахъ, то я желаю побесѣдовать съ вами о правленіи и законахъ; такимъ образомъ занявъ свое вниманіе, съ удовольствіемъ совершимъ путь свой. Дорога же отъ Кносса въ пещеру и ко храму Юпитерову, какъ слышно, весьма пріятна. Въ настоящіе знойные дни путешественникъ найдетъ отдохновеніе подъ тѣнію высокихъ деревъ; въ наши лѣта полезно иногда успокоиться и сладкою бесѣдою облегчить свое путешествіе.

Кл. Кстати, любезный иноземецъ, мы будемъ проходить чрезъ кипарисныя рощи; тамъ есть прекрасныя, высокія, удивительныя дерева; есть прелестныя долины; тамъ въ пріятномъ досугѣ мы будемъ бесѣдовать.

Аѳ. Дѣло говоришь.

Кл. Конечно дѣло. Еще болѣе скажемъ, когда сами увидимъ. Но въ доброй часъ, пойдемъ.

Аѳ. Быть такъ. Теперь скажи мнѣ, для чего у васъ закономъ учреждены общіе столы, гимнастика и вооруженіе?

Кл. Почтенный иноземецъ, всякому легко понять устройство нашего государства. Вы знаете положеніе земли Критской; знаете, что она совсѣмъ не походитъ на долины Өессалійскія. Отъ того тамъ ѣздятъ на коняхъ, мы ходимъ пѣшіе. Наша страна неровна и болѣе удобна для трудолюбія пѣшихъ. Здѣсь необходимость требуетъ употреблять оружія легкія, которыя бы не обременяли бѣгущаго. Для сего полезна легкость лука и стрѣлъ. У насъ все принаровлено къ войнѣ. Законодатель, какъ мнѣ кажется, во всѣхъ своихъ учрежденіяхъ имѣлъ только сію цѣль. Для сего учредилъ онъ общіе столы, видя именно, что во время войны и походовъ къ соблюденію карауловъ всѣ должны ѣсть вмѣстѣ. Кажется онъ зналъ невѣжество тѣхъ, кои не примѣчаютъ, что всякое государство ведетъ вѣчную, непримиримую войну противъ прочихъ государствъ. Если во время войны, для соблюденія стражи, необходимы общіе столы; если тогда начальники и воины должны быть вооружены для общей безопасности: то и въ мирное время тѣже мѣры должны быть соблюдаемы. То, что большая часть называетъ миромъ, есть только одно названіе; въ самомъ же дѣлѣ всякое государство, безъ явнаго обьявленія войны, по свойству своего устроенія, противъ всѣхъ окружающихъ его всегда находится въ непріязненномъ положеніи. Разсматривая съ сей точки, ты

найдешь, что законодатель Крита установилъ всѣ законы, какъ общіе такъ и частные, только относительно къ войнѣ. Повелѣвая соблюдать сіи законы, онъ хотѣлъ намъ показать, что всѣ богатства, всѣ художественныя произведенія и прочія блага принадлежатъ только побѣдителю на войнѣ, и всѣ блага побѣжденныхъ переходятъ въ руки побѣждающихъ.

Аѳ. Ты, кажется, хорошо упражнялся въ познаніи законовъ Крита: скажи мнѣ яснѣе: опредѣляя благоустроенное государство, ты говоришь, что оно состоитъ въ томъ, чтобы имѣть преимущество на войнѣ надъ всѣми прочими государствами. Не такъ ли?

Кл. Точно такъ. Думаю, что и сей Лакедемонянинъ согласенъ со мною.

Мег. Лакедемонянинъ можетъ ли говорить иначе?

Аѳ. Отношеніе сіе принадлежитъ ли только городу противъ другихъ городовъ, а для селеній есть другое?

Кл. Другаго нѣтъ отношенія.

Аѳ. Но одно и тоже?

Кл. Да.

Аѳ. Какъ же? И домъ къ дому въ одномъ селеніи, и одинъ человѣкъ къ другому имѣетъ тоже отношеніе?

Кл. Тоже.

Аѳ. А противъ себя самаго надлежитъ ли поступать какъ противъ врага своего, или какъ иначе?

Кл. Любезный Аѳинянинъ, я бы обидѣлъ тебя, назвавъ Аттическимъ; ты по моему мнѣнію болѣе достоинъ называться именемъ твоего Бога-Аѳины; ты довелъ наше слово до самаго начала его и сдѣлалъ его яснѣе. Теперь совершенно оказалась справедливость словъ моихъ, что всякой есть врагъ всѣмъ, и какъ вообще, такъ и въ частности всякой есть врагъ самъ себѣ.

Аѳ. Что сказалъ ты, мужъ почтенный?

Кл. И по тому то, иноземецъ, побѣдить самаго себя есть первая и знаменитѣйшая побѣда, и напротивъ всего хуже и постыднѣе быть побѣжденнымъ отъ самаго себя, а сіе предполагаетъ, что всякой изъ насъ ведетъ войну противъ самаго себя.

Аѳ. Возмемъ слово сіе обратно: такъ какъ всякой изъ насъ или побѣждаетъ самаго себя, или побѣждается самимъ собою; то можно сказать, что и домъ, и селеніе, и городъ испытываютъ на себѣ тоже, или нѣтъ?

Кл. Что одинъ побѣждаетъ самаго себя, а другой побѣждается?

Аѳ. Да.

Кл. И сей вопросъ твой хорошъ. Безъ сомнѣнія и государство испытываетъ тоже и еще болѣе. О тѣхъ государствахъ, гдѣ отличнѣйшіе побѣждаютъ чернь и слѣдова-

шельно людей худшихЪ, справедливо можно сказашь, что онѣ побѣждаютЪ самихЪ себя; и шакая побѣда справедливо должна прославляшь ихЪ; и напрошивЪ гдѣ произходитЪ прошивное сему....

Аѳ. Не станемЪ изслѣдовашь, худшее торжествуетЪ ли когда надЪ лучшимЪ. Сіе завело бы насЪ слишкомЪ далеко. Но ты сказалЪ шакже, что иногда граждане—сыны одного отечества—состоятЪ болѣе изЪ людей беззаконныхЪ, кои порабощаютЪ подЪ насильство свое справедливыхЪ, но малочисленныхЪ; и ежели они владычествуютЪ, то справедливо можно сказашь, что государство побѣждается само собою и дѣлается худымЪ; а гдѣ злые порабощены, тамЪ государство торжествуетЪ и дѣлается хорошимЪ.

Кл. Сначала странны слова сіи. Но должно сЪ ними согласиться.

Аѳ. РазберемЪ сіе подробнѣе. ВозмемЪ многихЪ брашьевЪ-сыновЪ одного отца и одной машери. Не удивительно , что большая часть изЪ нихЪ несправедливы, и самая малая справедливыхЪ.

Кл. Очень неудивительно.

Аѳ. Для меня и для васЪ излишнее дѣло доказывать, что весь домЪ и все родство нещастны, если преодолѣваютЪ злые ; и счастливы, если сіи преодолѣваются. Мы разсматриваемЪ сіе слово не по красотѣ и

приличію выраженій, но по точности или неправильности относительно къ смыслу законовъ, вникая въ самую ихъ сущность.

Кл. Весьма справедливо говоришь ты, иноземецъ.

Мег. И мнѣ кажется также.

Аѳ. Разсмотримъ далѣе. Пусть будетъ у сихъ братьевъ кто нибудь судьею.

Кл. Положимъ такъ.

Аѳ. Тотъ ли судья лучше, который истребилъ бы злыхъ и приказалъ бы добрымъ управлять самимъ собою? Или тотъ, который, поручая правленіе добрымъ, оставилъ бы жить и худыхъ, принудивъ ихъ добровольно покориться власти первыхъ? Третьяго судью назовемъ по добротѣ его, который зная, что ссорящіеся суть кровные братья, никого не сталъ бы умерщвлять, но прекратилъ бы на будущее время ихъ ссору, давъ имъ законы, и сдѣлалъ бы ихъ друзьями между собою.

Кл. Несравненно лучше послѣдній судья-законодатель.

Аѳ. Но сей законодатель основалъ бы законы свои не на войнѣ, но напротивъ.

Кл. Справедливо.

Аѳ. Устрояющій государство съ чѣмъ болѣе соображается, съ войною ли, которую предусматриваетъ извнѣ, или съ тою, которая какъ возмущеніе возникаетъ внутри самаго государства, отъ которой всякой

желаетъ и молитъ избавленія своему отечеству, и не чаетъ конца ея, какъ скоро она возникаетъ?

Кл. Безъ сомнѣнія онъ болѣе обращаетъ свое вниманіе на войну послѣднюю.

Аѳ. Чего скорѣе можно желать, того ли, чтобъ возмущеніе замолкло съ погибелью однихъ, и чтобъ другіе восторжествовали, или чтобъ дружество и тишина востановились всеобщимъ примиреніемъ, дабы послѣ того обратить противъ внѣшняго врага соединенныя силы?

Кл. Скорѣе пожелаетъ всякой отечеству своему послѣдняго, нежели перваго.

Аѳ. Слѣдовательно и законодатель равнымъ образомъ.

Кл. Не иначе.

Аѳ. А лучшій конѐцъ есть не война, и не возмущеніе: дай Богъ никогда въ нихъ не нуждаться; но миръ и всеобщее согласіе. Побѣда одной части государства надъ другою не показываетъ его благосостояніе, но его нужду. Что, еслибъ кто болѣзненное тѣло, пользуемое пособіями врачевства, почиталъ самымъ здоровымъ, и не обращалъ бы вниманія на то состояніе его, въ коемъ оно не имѣетъ нужды въ сихъ пособіяхъ? Равнымъ образомъ и тотъ никогда не будетъ мудрымъ градоправителемъ, кто, устроя благосостояніе государства или частнаго человѣка, все относитъ только къ

войнѣ; не будетъ мудрымъ законодателемъ и тотъ, кто предписываетъ не войну для мира, но миръ для войны.

Кл. Не могу не отдать справедливости словамъ твоимъ; но удивляюсь, почему сіе не было главною цѣлію въ законахъ Лакедемона и нашихъ?

Аѳ. Ты слишкомъ поспѣшенъ; не горячась мы должны продолжать свою бесѣду; будемъ вопрошать спокойно другъ друга, какъ бы стремясь къ той же цѣли, какую имѣли первые законодатели; слушайте меня со вниманіемъ. Приведемъ здѣсь поэта Тиртея, родомъ Аѳинянина, но получившаго въ Лакедемонѣ право гражданства. Онъ болѣе всѣхъ имѣя въ виду цѣль сію, такъ говоритъ: Я изъ памяти истреблю, и словомъ не почту мужа на войнѣ малодушнаго, сколько бы онъ ни былъ богатъ, каковы бы ни были прочія его достоинства, въ изчисленіи которыхъ Поэтъ почти теряется. Вѣрно ты, Клиній, слышалъ пѣсни его, вѣрно сей Мегиллъ пресыщенъ ими?

Мег. Точно такъ.

Кл. И до насъ онѣ дошли изъ Лакедемона.

Аѳ. Теперь всѣ вмѣстѣ вопросимъ такъ сего Поэта: Тиртей, божественный Поэтъ, коего таланты и высокія чувствованія такъ ясно обнаруживаются въ похвалахъ твоихъ отличившимся на войнѣ: мы во всемъ согласны съ тобою, какъ я, такъ и сей Клиній

Кносскій, но желаемъ знать точно, однихъ ли мужей разумѣемъ съ тобою? Скажи намъ, два ли рода войны ты принимаешь, какъ мы, или нѣтъ? Тутъ не нужно имѣть ума Тиртеева, дабы сказать истину, что два рода войны: одна, которую мы назвали возмущеніемъ; война самая ужасная; другая противъ враговъ внѣшнихъ иноплеменныхъ, которая не имѣетъ жестокостей первой.

Кл. Положимъ такъ.

Аѳ. И такъ какую войну, и какихъ мужей ты разумѣешь, когда однихъ столько превозносишь, а другихъ такъ порицаешь? Какъ кажется, ты разумѣешь здѣсь войну противъ враговъ внѣшнихъ. Въ пѣсняхъ своихъ ты говоришь, что никакъ не можешь терпѣть тѣхъ, кои не смѣютъ смотрѣть на кровопролитную сѣчу и трепещутъ отъ близости враговъ; теперь мы смѣло можемъ сказать, что ты, Тиртей, хвалишь героевъ отличающихся на войнѣ противъ внѣшнихъ враговъ. Долженъ ли онъ на сіе согласиться?

Кл. Почему нѣтъ?

Аѳ. Если сіи герои отличаются доблестію; то можемъ сказать: чѣмъ важнѣе и ужаснѣе сраженіе, тѣмъ превосходнѣе отличившіеся на немъ. Мы имѣемъ себѣ свидѣтеля въ Ѳеогнисѣ, гражданинѣ Сицилійскаго города Мегаръ. Онъ говоритъ, что въ жесточайшемъ междоусобіи мужъ вѣрный достоинъ быть искупленъ сребромъ и золотомъ. И такъ

я утверждаю, что герой отличившійся въ сей опаснѣйшей войнѣ тѣмъ превосходнѣе перваго, чѣмъ превосходнѣе въ семъ случаѣ правосудіе, умѣренность, благоразуміе соединенныя съ мужествомъ. Безъ совершенной добродѣтели нельзя быть твердымъ, непоколебимымъ во время возмущенія. Изъ наемниковъ также премногіе, говоритъ Тиртей, отважно идутъ впередъ, сражаются, ищутъ въ бою смерти; они же по большой части, исключая весьма не многихъ, бываютъ дерзки, несправедливы, беззаконны и люди самые безумные. Но къ чему клонится слово сіе? Что хочетъ объяснить вамъ посредствомъ его вашъ собесѣдникъ? Очень ясно, что всякой законодатель, и Богомъ посланный, какъ въ семъ городѣ, и хотя нѣсколько опытный въ государственномъ устроеніи, издавая законы, болѣе всего имѣетъ въ виду высшую добродѣтель, которую Ѳеогнисъ называетъ вѣрностію непоколебимою въ величайшихъ опасностяхъ, и которая можетъ назваться высочайшею справедливостію. Та же, которую хвалитъ Тиртей, хотя прекрасна и достойно прославляется Поэтомъ, но по сущности своей справедливо полагается послѣднею изъ четырехъ важнѣйшихъ добродѣтелей.

Кл. И такъ, иноземецъ, мы должны поставить своего Миноса въ послѣднемъ разрядѣ законодателей?

Ао. Совсѣмъ нѣтъ, почтенный мужъ; не его, но сами себя мы унижаемъ, если думаемъ, что Ликургъ въ Лакедемонѣ и онъ въ Кноссѣ учредили свои законы только относительно къ войнѣ.

Кл. Что жъ сказать о Миносѣ?

Ао. Такъ, какъ истина и справедливость требуетъ говорить о божественномъ законодателѣ: что онъ далъ законы не въ отношеніи только къ нѣкоторой части добродѣтели, и части самой маловажной, но въ отношеніи къ цѣлой добродѣтели, раздѣливъ ее по роду и по видамъ; не такъ какъ дѣлаютъ нынѣшніе законодатели, кои занимаются только тѣмъ, чего требуетъ настоящая нужда; одинъ изъ нихъ пишетъ о наслѣдствѣ, о переходѣ имѣнія, другой о дѣлахъ уголовныхъ; иные принимаются за иныя безчисленныя дѣла. Но я называю правильнымъ изслѣдованіемъ такое, какое мы теперь себѣ предположили. Я хвалю твой способъ изложенія законовъ твоего отечества: именно должно начать съ добродѣтели и сказать, что Миносъ имѣлъ ее цѣлію въ своихъ законахъ; одного только не одобряю, что ты ограничилъ ихъ одною частію добродѣтелей, и частію маловажной. Вотъ что вовлекло меня въ сей споръ съ тобою. Угодно ли послушать, какаго объясненія я желалъ бы отъ тебя?

Кл. Съ удовольствіемъ.

Аѳ. Надлежало бы сказать, иноземецъ, что законы Критянъ не напрасно столько прославляются. Они достигаютъ своей цѣли, дѣлаютъ щастливыми всѣхъ живущихъ подъ ихъ защитою, и доставляютъ имъ всѣ блага— блага двойственныя: однѣ божескія, другія человѣческія. Божескія суть основаніе всѣмъ прочимъ; государство обладающее ими безъ сомнѣнія владѣетъ и меньшими, и безъ нихъ не можетъ имѣть ничего добраго. Меньшія блага суть здоровье, красота, сила, быстрота въ бѣганіи и во всѣхъ прочихъ тѣлесныхъ движеніяхъ, и богатство не слѣпое, но острымъ зрѣніемъ одаренное и благоразуміемъ сопровождаемое. Мудрость есть первое благо божественное, второе послѣ ея есть чистое расположеніе души — умѣренность; изъ соединенія сихъ благъ съ мужествомъ рождается правосудіе и четвертое благо — мужество. Сіи блага сама природа отличаетъ отъ первыхъ; законодатель долженъ ставить ихъ въ такомъ же порядкѣ, и потомъ давать законы, которые бы могли доставить гражданамъ обладаніе тѣми и другими благами, но такъ, чтобъ человѣческія были подчинены божественнымъ, а божественныя всеобщему разуму.

Въ такомъ же порядкѣ онъ долженъ говорить о брачныхъ союзахъ, о рожденіи и воспитаніи дѣтей, какъ мужескаго такъ и женскаго пола; долженъ показать и юношамъ и

преклоннымъ къ старости, все что достойно похвалы или порицанія; слѣдить и проницательнымъ окомъ назирать ихъ горести, удовольствія и неумѣренныя желанія, предусматривать, упреждать всѣ порывы склонностей, и самымъ закономъ хорошее одобрять и худое порицать; въ гнѣвѣ, въ страхѣ, во всѣхъ возмущеніяхъ души или отъ нещастія происходящихъ, или щастіемъ возбуждаемыхъ, во всѣхъ обстоятельствахъ, коими сопровождаются для людей болѣзнь, война, бѣдность и противное симъ, во всѣхъ душевныхъ расположеніяхъ, законодатель долженъ научать, показать, опредѣлить, что хорошо, что худо; далѣе бдительной взоръ его долженъ быть обращенъ на стяжанія и издержки гражданъ и опредѣлить точную мѣру тому и другому, на взаимныя ихъ отношенія между собою, на связи и разрывы добровольно и противъ воли дѣлаемые, и вникнуть, избыточествуетъ ли въ нихъ или оскудѣваетъ справедливость, или несправедливость; повинующимся закону онъ долженъ воздавать честь, а неповинующимся наказаніе, и въ довершеніе всѣхъ частей законодательства, долженъ опредѣлить, какимъ образомъ совершать погребеніе каждому изъ умершихъ, и какія воздавать почести. Издавъ законы, онъ долженъ дать имъ вѣрныхъ блюстителей, однихъ, избирая по ихъ мудрости, другихъ по испытанной любви къ истинѣ,

такѣ чтобѣ все государственное устройство ограждалось и сохранялось не богатствомѣ и честолюбіемѣ, но непорочностію и правосудіемѣ. Почтенные иноземцы, я желалѣ и теперь желаю вамѣ, чтобѣ вы разсуждали о законахѣ Миноса и Ликурга, приписываемыхѣ Зевесу и Аполлону, такѣ, что вѣ нихѣ все сіе находится, все расположено порядкомѣ и открыто только тѣмѣ, кои ученіемѣ или упражненіемѣ искусились вѣ законахѣ, а для насѣ прочихѣ сокрыто.

Кл. Какимѣ же образомѣ, иноземецѣ, надлежитѣ говорить далѣе сего?

Аѳ. Мнѣ кажется, опять должно разсмотрѣть всѣ виды мужества; оттолѣ перейдемѣ кѣ другому, третьему роду добродѣтели, если угодно. Сказавши о первой, по тому же примѣру будемѣ говорить и о прочихѣ, и такимѣ образомѣ непримѣтно сократимѣ путь свой. Наконецѣ будемѣ разсуждать о цѣлой добродѣтели и обѣяснимѣ, если Богѣ поможетѣ, что вѣ ней должно сосредоточиться все , что мы сказали.

Кл. Хорошо. Но напередѣ постарайся дать свой судѣ о нашемѣ законодателѣ, который говорилѣ во славу Зевеса.

Аѳ. Постараюсь; между тѣмѣ мы и сами другѣ друга посудимѣ: ибо разговорѣ общій. Отвѣчайте: вы сказали, что вашѣ законодатель учредилѣ общіе столы и гимнастику для войны.

Кл. Точно такъ.

Аѳ. А что третье и четвертое? Ибо говоря о добродѣтели, можетъ быть надобно изчислять всѣ части ея; дайте имъ названіе, какое хотите, только бы выражало оно то, что я подъ онымъ разумѣю.

Мег. Въ третьихъ, охотно скажу, и всякой Лакедемонянинъ скажетъ тоже: онъ установилъ охоту.

Аѳ. Постараемся, если можно, назвать четвертый и пятый видъ.

Мег. Я берусь назвать четвертый: это есть терпѣніе въ болѣзняхъ, свойственное болѣе намъ Лакедемонянамъ. Мы оказываемъ его въ кулачномъ бою и въ нѣкоторыхъ хищеніяхъ, въ которыхъ часто достается терпѣть жестокіе побои; у насъ есть *скрытность*, которая чрезвычайно приучаетъ душу къ терпѣнію; есть обычай, зимою ходить безъ обуви, спать безъ одра, исправлять собственныя свои дѣла безъ прислуги, день и ночь проводить въ странствованіяхъ. Въ самыхъ торжественныхъ играхъ должно бороться съ удушительнымъ зноемъ: но упражненія терпѣнія такъ многочисленны, что и пересказать не можно.

Аѳ. Хорошо ты говоришь, Лакедемонянинъ. Итакъ мы назовемъ мужество просто сопротивленіемъ страху и огорченіямъ. Или оно также должно преодолѣвать страсти, удовольствія и опасную лесть, которая из-

нѣживаетъ сердца людей отличныхъ и дѣлаетъ ихъ, подобно восковымъ, ко всему преклонными.

Мег. Оно должно противостоять всему сему, какъ я думаю.

Аө. Припомнимъ здѣсь прежнія слова: Клиній сказалъ, что Государство, равно какъ частный человѣкъ, иногда побѣждаются отъ самихъ себя; не такъ ли житель Кносскій?

Кл. Точно такъ.

Аө. Кого же мы назовемъ худшимъ, горестію ли побѣждаемаго или удовольствіями?

Кл. По моему мнѣнію тотъ хуже, кто побѣждается удовольствіями. И всѣ вообще говорятъ, что побѣждаемый удовольствіями постыднѣе унижается, нежели тотъ, кто уступаетъ горести.

Аө. Но развѣ ваши законодатели, Зевесовъ и Пиөійскій въ законахъ своихъ установили хромое мужество, которое твердо держится только съ лѣвой стороны, а съ правой прямо падаетъ къ обману и обольщенію? Или непоколебимое ни съ той, ни съ другой стороны?

Кл. Я думаю онъ предписалъ мужество ни съ которой стороны непоколебимое.

Аө. Вы говорили о установленіяхъ, которыя вамъ не только не позволяютъ убѣгать горестей, но заставляютъ бороться съ ними, въ надеждѣ на почести и подъ страхомъ наказанія; посмотримъ теперь,

есть ли въ вашихъ Государствахъ постановленія, которыя научали бы побѣждать удовольствіе, не бѣгая его, но въ самомъ наслажденіи. Скажите, какіе законы заставляютъ у васъ быть мужественными противъ необузданныхъ страстей и противъ огорченій, побѣждать то, что должно быть побѣждаемо, не уступая врагамъ близкимъ и самымъ опаснымъ.

Мег. Иноземецъ, я могъ привести многія установленія противъ горестей; но противъ удовольствій я не могу представить никакихъ законовъ, разумѣется важныхъ; можетъ быть есть нѣкоторые, но самые маловажные.

Кл. Признаюсь, едва ли могу найти что либо подобное и въ законахъ Крита.

Аѳ. Добрѣйшіе изъ иноземцевъ! это совсѣмъ не удивляетъ меня; будемъ всегда такъ простосердечны, и не станемъ сердиться другъ на друга, если кто изъ насъ, желая открыть истину и пользу, найдетъ въ отечественныхъ законахъ что либо достойное порицанія.

Кл. Сіе требованіе справедливо, Аѳинянинъ; мы согласны.

Аѳ. Тѣмъ болѣе, Клиній, что въ наши лѣта неприлично сердиться.

Кл. Да, неприлично.

Аѳ. Здѣсь не мѣсто говорить, справедливо или несправедливо порицается правле-

ніе Лакедемона и Крита. Мнѣ легче сказать, нежели вамъ, что говорятъ о семъ другіе народы. Въ самомъ дѣлѣ, сколь не мудры прочіе ваши законы, но одинъ изъ нихъ превосходнѣе всѣхъ, который не позволяетъ никому изъ молодыхъ людей изслѣдовать, какой законъ хорошъ или худъ, и заставляетъ единодушно и едиными устами всѣхъ согласиться, что всѣ законы, какъ установленные самими Богами, справедливы, и не слушать никого, кто сталъ бы говорить иначе. Только мужи, мудростію и лѣтами отличные, имѣютъ право представить Архонту свои замѣчанія, если откроютъ въ законахъ какіе либо недостатки, но представить безъ молодыхъ свидѣтелей.

Кл. Ты справедливо говоришь, какъ оракулъ, знающій все, что дѣлается вдали отъ него, — ты совершенно угадалъ намѣреніе законодателя въ рузсужденіи сего закона; слова твои совершенно истинны.

Аѳ. И такъ мы не сдѣлаемъ преступленія, если вдали отъ юношества и сами по старости своей пользуясь позволеніемъ самаго законодателя, наединѣ между собою будемъ разсуждать о законахъ.

Кл. Точно такъ. Но не будь слишкомъ снизходителенъ къ нашимъ законамъ. Кто станетъ обижаться настоящимъ мнѣніемъ о недостаткахъ какой либо вещи? Напротивъ такой судъ ведетъ къ исправленію

того, кто безъ ненависти, съ добрымъ расположенiемъ его принимаетъ.

Аѳ. Хорошо. Впрочемъ я не могу порицать зоконовъ, не вникнувъ напередъ въ силу ихъ, и съ робостiю къ сему приступаю. Между всѣми Еллинами и варварами, только у васъ, какъ извѣстно, законодатель предписалъ воздерживаться отъ чрезмѣрныхъ удовольствiй. По его же мнѣнiю, какъ мы прежде замѣтили, человѣкъ, отъ самаго дѣтства совершенно незнакомой ни съ какими трудами, опасностями и огорченiями, при первой необходимости долженъ уступить мужу искусившемуся, и поработиться ему; такимъ же образомъ надлежало бы ему разсуждать и объ удовольствiяхъ, что граждане, не познавши ихъ во всю жизнь, не будутъ знать необходимости воздержанiя и презрѣнiя къ дѣламъ постыднымъ; они испытаютъ одну участь съ тѣми, коихъ преодолѣваетъ несчастiе и страхъ, и может быть поработятся людямъ порочнымъ, но знающимъ умѣренность, и въ наслажденiяхъ собою владѣющимъ; но поработятся постыднѣйшимъ образомъ. Душа ихъ съ одной стороны свободная, здѣсь будетъ страдать подъ игомъ жестокаго рабства; они не достойны будутъ называться истинно мужественными и свободными. Разсмотрите, основательно ли сiе мною сказано?

Кл. Кажется основательно въ то время, какъ тебя слушаешь. Но дѣтямъ, или безумнымъ прилично легко вѣрить въ столь важномъ дѣлѣ.

Аѳ. Продолжая начатое разсужденіе если мы перейдемъ отъ мужества къ воздержанію, то найдемъ въ вашихъ благоустроенныхъ Государствахъ въ семъ отношеніи лучшія постановленія, нежели какія бываютъ въ тѣхъ, кои управляются на удачу. Будемъ слѣдовать при семъ тому же раздѣленію, какъ раздѣляли мы войну.

Мег. Сіе не легко сдѣлать.

Кл. Общіе столы и гимнастика, кажется, весьма способны къ тому, чтобъ внушать вмѣстѣ и мужество и умѣренность.

Аѳ. Безъ сомнѣнія, иноземцы, трудно говорить о законахъ, и согласовать ихъ съ самымъ опытомъ. И здѣсь, какъ въ тѣлѣ человѣческомъ не возможно найти такаго врачевства, которое бы по обстоятельствамъ не могло быть и вреднымъ и полезнымъ. Сіи же общіе столы и гимнастика теперь столько полезные, иногда бываютъ средствомъ къ возмущенію. Милетяне, Віотійцы и Турійцы служатъ сему примѣромъ. Сіе древнее постановленіе извращаетъ законы, кои разумъ и сама природа установила въ удовольствіяхъ любви не только для людей, но и для скотовъ. Особенно достойны обвиненія въ семъ отноше-

віи ваши города и другіе слишкомъ привязанные къ гимнастическимъ играмъ; и шутя и строго разсуждая, должно помнить, что природа назначила сіе удовольствіе, общее двумъ поламъ, для произведенія себѣ подобныхъ; иначе оно противно природѣ, и происходитъ отъ необузданности страстей. Всѣ приписываютъ Критянамъ нелѣпый вывымыслъ о Ганимедѣ. Почитая Юпитера творцомъ своихъ законовъ, они изобрели сію басню и приписали ее Богу, чтобъ по примѣру его наслаждаться преступнымъ удовольствіемъ. Но оставимъ басни. Разсуждающему о законахъ главнѣйшіе предметы суть удовольствіе и огорченіе какъ въ общей, такъ и въ частной жизни. Сіи два источника намъ показаны самою природою. Благоденствуетъ всякое Государство, всякой человѣкъ и всякое животное, если черпаетъ откуда, когда и сколько должно; и тотъ нещастливъ, кто безумно истощаетъ сіи источники.

Мег. Хорошо сказано; противъ сего нѣтъ никакаго возраженія. Мнѣ кажется, что законодатель Лакедемонскій справедливо предписалъ убѣгать удовольствій. Законы Кносса пусть защищаетъ самъ Клиній, если хочетъ; но въ Спартѣ сдѣлано самое лучшее постановленіе объ удовольствіяхъ. Законъ нашъ изгналъ изъ всего Государства все, что особенно влечетъ людей къ чрезмѣр-

нымъ наслажденіямъ, къ несправедливости и ко всякому безумію. У Спартанцевъ не увидишь пиршествъ. Ни въ деревняхъ, ни въ городахъ, нигдѣ, куда только власть ихъ простирается, гибильныя приманки не возбуждаютъ сильныхъ страстей. У насъ всякой встрѣтившись съ пьянымъ, на томъ же мѣстѣ подвергаетъ его жестокому наказанію; оргіи не оправдаютъ его такъ, какъ у васъ, гдѣ сіе празднество совершается на колесницахъ. Въ Тарентѣ у нашихъ поселенцовъ я видѣлъ цѣлой городъ пьяныхъ. У насъ ничего подобнаго не увидишь.

Аѳ. Сіи забавы не имѣютъ ничего предосудительнаго, если сопровождаются умѣренностію. Впрочемъ Аѳиняне съ своей стороны могутъ указать вамъ на своевольство вашихъ женщинъ. Наконецъ въ Тарентѣ, у васъ или у насъ, одно только можетъ оправдать подобные обычаи, если они правильно устроены. И еслибъ какой иноземецъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на сіи странности, то всякой сказалъ бы ему: не удивляйся иноземецъ; у васъ обычай, а у насъ другой. Но теперь мы говоримъ, любезные друзья, не о народныхъ предразсудкахъ; рѣчь идетъ о мудрости и несовершенствахъ самыхъ законодателей. Скажемъ пространнѣе о употребленіи вина; — дѣло не маловажное и нехудаго законодателя достойное. Я не говорю о томъ, должно ли

употреблять вино или нѣтъ, но о томъ; предаваться ли пьянству, какъ предаются Скиѳы, Персы, Карѳагеняне, Цельты, Умбры и воинственные Ѳракійцы, и такъ, какъ мы сами пьемъ. Вы, какъ говорите, совершенно воздерживаетесь отъ вина. Скиѳы и Ѳракійцы знаменитымъ дѣломъ почитаютъ пить неумѣренно. Они тогда щастливы, если и жены ихъ упоенныя, виномъ обливаютъ свои одежды. Персы предаются другому роду роскоши, который вамъ неизвѣстенъ. И въ етомъ случаѣ вы благоразумнѣе ихъ.

Мег. Зато они бѣгутъ отъ насъ, какъ скоро мы обращаемъ противъ нихъ оружіе.

Аѳ. Не говори сего, почтенный иноземецъ. Случались и будутъ случаться многія побѣды и бѣгства, не доказывающія твоего мнѣнія; побѣду или потерю на войнѣ нельзя принять яснымъ и несомнѣннымъ признакомъ дѣла праваго или не праваго, хорошаго или худаго. Сильныя Государства всегда одерживаютъ верхъ и владычествуютъ надъ слабыми. Сиракузяне побѣждаютъ Локрійцевъ, народъ въ той странѣ самый благоустроенный и справедливыми законами отличающійся. Аѳиняне побѣдили жителей Кія. Можно найти тысячи подбныхъ примѣровъ. Но лучше оставивъ побѣды и пораженія; постараемся согласиться въ самомъ постановленіи и скажемъ, что одинъ обы-

чай хорошъ, другой худъ. Прежде послушайте меня, какъ должно разсматривать и различать полезное отъ вреднаго.

Мег. Какъ же ты скажешь?

Аѳ. Тотъ по моему мнѣнію несправедливо поступаетъ, кто принимаяся за какой либо предметъ, напередъ предполагаетъ или хвалить, или порицать его. Все равно если одинъ похвалитъ пшеницу, какъ хорошую пищу, а другой услышавъ одно имя сіе, тотчасъ началъ бы охуждать ее, не узнавъ ни пользы, ни вреда ея, не зная, какимъ образомъ приготовленная и въ какомъ состояніи она можетъ приносить пользу. Кажется и мы тоже дѣлаемъ въ своемъ разговорѣ. Услышавъ только имя вина, тотчасъ одинъ хвалитъ его, другой охуждаетъ — и очень неосновательно. Впрочемъ съ одной и съ другой стороны мы представляемъ доказательства и послѣдователей. Мы на своей сторонѣ имѣемъ большинство, и потому, кажется, говоримъ основательно; другіе доказываютъ тѣмъ, что трезвые, не употребляющіе вина, на войнѣ побѣждаютъ; доказательство весьма сомнительное, какъ мы видѣли. Худо пойдетъ разговоръ нашъ, если мы будемъ разуждать такимъ образомъ и о прочихъ законахъ. Я желалъ бы говорить иначе о свойствахъ употребленія вина, и представить настоящій способъ для всѣхъ подобныхъ разсужденій; иначе безчисленные

народы всегда будутЪ не согласны со мнѣніемЪ вашихЪ двухЪ городовЪ.

Мег. Ежели есть для сего прямой способЪ, то для чего медлишь? ПослушаемЪ.

Аѳ. РазсмотримЪ такЪ: еслибЪ кто сталЪ хвалить козеводство, и пользу отЪ сихЪ животныхЪ; а другой кто видѣвЪ козЪ, пасущихся безЪ пастыря по нивамЪ и воздѣланнымЪ полямЪ, напротивЪ порицалЪ бы и проклиналЪ все сіе безначальное стадо, или сЪ худыми его начальниками. Такую брань его должно ли почесть основательною?

Мег. КакЪ можно!

Аѳ. На кораблѣ тотЪ ли хорошій начальникЪ, кто имѣетЪ всѣ знанія, относящіяся до мореплаванія, но у кого на морѣ голова кружится, или тотЪ, сЪ кѣмЪ сего никогда не бываетЪ?

Мег. Кто подверженЪ сей болѣзни, тотЪ при всѣхЪ знаніяхЪ никогда не будетЪ хорошимЪ начальникомЪ корабля.

Аѳ. Хорошій ли военачальникЪ тотЪ, кто владѣетЪ всѣми познаніями военнаго искусства, но малодушенЪ вЪ опасности, и отЪ излишняго страха чувствуетЪ круженія головы?

Мег. Что то за военачальникЪ!

Аѳ. Но если онЪ и познаній не имѣетЪ и трусливЪ.

Мег. Ты говоришь о негодномЪ вождѣ не воиновЪ, но малодушныхЪ женЪ.

Ae. Но еслибѣ кто сталѣ хвалить или порицать какое общество, которое не можетѣ обойтись безѣ начальника, и можетѣ быть полезно только при хорошемѣ правленіи; между тѣмѣ самѣ никогда не видалѣ его вѣ хорошемѣ устройствѣ; но видѣлѣ или предоставленное самому себѣ, или подѣ худымѣ управленіемѣ: повѣримѣ ли мы, что онѣ справедливо хвалитѣ или порицаетѣ?

Мег. Какѣ можно, если онѣ никогда не видалѣ ниодного, настоящимѣ образомѣ устроеннаго, подобнаго общества и не бывалѣ вѣ немѣ?

Ae. Положимѣ, что собесѣдники пиршества также составляютѣ нѣкоторое общество.

Мег. Пусть будетѣ такѣ.

Ae. Бывали ль когда нибудь подобныя общества благоустроенными? Вамѣ легко отвѣчать, что ихѣ никогда не бывало; ихѣ нѣтѣ у васѣ вѣ обыкновеніи, и законѣ запрещаетѣ. Но я находился на многихѣ пиршествахѣ, о всѣхѣ освѣдомлялся, и могу васѣ увѣрить, что ни обѣ одномѣ не слыхалѣ, и не видалѣ, гдѣ бы все было вѣ порядкѣ. Иногда очень рѣдко встрѣчаешь что нибудь хорошее, но вообще вездѣ неустройство.

Кл. Что говоришь ты, почтенный иноземецѣ. Мы совсѣмѣ ничего не знаемѣ о сихѣ собраніяхѣ, какѣ тебѣ извѣстно; ибо никогда вѣ

нихъ не бывали, и непонимаемъ, что можетъ произходить тамъ настоящимъ или ненастоящимъ образомъ.

Аѳ. Справедливое замѣчаніе. Слушай. Ты знаешь, что во всякомъ обществѣ, во всякомъ собраніи, каковъ ниесть предметъ его, необходима глава.

Кл. Безъ сомнѣнія.

Аѳ. Мы сказали, что войско должно имѣть начальника мужественнаго.

Кл. Не иначе.

Аѳ. Ибо мужественный не смущается, какъ робкой, при видѣ опасности.

Кл. Ето такъ.

Аѳ. Еслибъ возможно было дать войску такого полководца, которой совершенно ничего не боится, ничѣмъ не смущается: то сколь великое имѣли бы въ немъ пріобрѣтеніе?

Кл. Конечно.

Аѳ. Но мы говоримъ не о начальникѣ воинства во время войны враговъ со врагами, но о начальникѣ на веселыхъ пиршествахъ друзей съ друзьями.

Кл. Очень хорошо.

Аѳ. Но бесѣда, соединенная съ пьянствомъ, не бываетъ безъ шума. Не такъ ли?

Кл. Возможно ли ето? Я думаю, что здѣсь то и царствуетъ все шумное.

Аѳ. И такъ для пиршенствующихъ особенно нуженъ блюститель порядка.

Кл. И болѣе имъ, нежели другому какому либо обществу.

Аѳ. Самъ онъ, разумѣется, долженъ быть совершенно знакомъ съ законами сего общества; ибо онъ долженъ не только водворять въ немъ согласіе и дружество, но и тѣснѣе утвердить дружественныя узы.

Кл. Весьма справедливо.

Аѳ. Слѣдовательно надъ пиршенствующими долженъ начальствовать мужъ мудрый и трезвый; неопытный юноша, участникъ неумѣренности, долженъ быть весьма щастливъ, если сдѣлавшись главою пиршества, не причинитъ гибельныхъ послѣдствій.

Кл. Да, очень щастливъ.

Аѳ. Предположивъ, что сіи бесѣды могутъ быть и дѣйствительно устроены наилучшимъ образомъ, еслибъ кто и тогда, въ самой сущности ихъ, нашелъ причину порицать ихъ, то порицаніе его могло бъ быть основательно. Но охуждать пиршества за разные безпорядки, значитъ показывать только свое собственное невѣжество въ томъ, что настоящимъ образомъ устроенныя бесѣды намъ вовсѣ не знакомы, и во вторыхъ въ томъ, что всякое общество безъ трезваго начальника и распорядителя должно представиться въ худомъ видѣ. Ты знаешь, что пьяный кормчій, или какой бы ни былъ начальникъ подвер-

гаетъ гибели все и корабли, и колесницы, и войско, и чѣмъ только управляетъ.

Кл. Ты совершенно справедливо сказалъ сіе, иноземецъ. Но скажи, какую пользу могутъ принести намъ пиршества, предположивъ даже въ нихъ надлежащіе законы и устройство? На примѣръ: если войско имѣетъ хорошаго предводителя, то подъ начальствомъ его пріобретаетъ вѣрную побѣду; слѣдовательно здѣсь немалая польза. Тоже бываетъ и въ другихъ случаяхъ; но какія важныя послѣдствія для Государства или для частнаго человѣка отъ надлежащаго учрежденія пиршествъ?

Аѳ. Какія важныя послѣдствія для государства можетъ имѣть доброе воспитаніе одного юноши, или устройство одного хора? На вопросъ сей можно отвѣчать, что отъ одного человѣка въ семъ случаѣ для цѣлаго Государства польза малозначуща. Но если ты спросишь вообще о воспитаніи юношества, какую пользу доставляетъ оно Государству? то не трудно отвѣчать, что благовоспитанные юноши будутъ добрыми гражданами, способными ко всѣмъ отличнымъ подвигамъ, и особенно — побѣждать враговъ. Ибо воспитаніе всегда ведетъ къ побѣдамъ, а побѣда часто сопровождается невѣжествомъ. Побѣды содѣлывали весьма многихъ несправедливыми и надмѣнными, а сія надмѣнность повергала ихъ въ вели-

чайшія бѣдствія. Просвѣщеніе никогда никому не было гибельно; но отъ успѣховъ на войнѣ погибли многіе народы.

Кл. По твоему мнѣнію, любезный, бесѣда за чашею вина, если она устроена надлежащимъ образомъ, составляетъ великую часть просвѣщенія.

Аѳ. Да.

Кл. И послѣ сего ты еще можешь утверждать истину сказаннаго?

Аѳ. Если всѣ сомнѣваются въ словахъ моихъ, то развѣ одинъ Богъ можетъ доказать ихъ истину. Но если вы желаете знать о семъ мое мнѣніе, то я охотно скажу вамъ его теперь, говоря о законахъ и правленіи.

Кл. Очень ради узнать твой образъ мыслей о предметѣ столь сомнительномъ.

Аѳ. Согласенъ на ваше желаніе; о еслибъ я могъ развить со всею ясностію мое мнѣніе, не утомляя вашего вниманія. Напередъ припомните, что всѣ Еллины почитаютъ насъ Аѳинянъ словоохотными, Лакедемонянъ молчаливыми, а Критянъ болѣе глубокомысленными, нежели говорящими. Боюсь, чтобы вы не почли мяня пустымъ говоруномъ, услышавъ пространное слово о ничтожномъ предметѣ,—о винопитіи. Мнѣ не возможно обьяснить правильное и съ природою сообразное устройство пиршествъ, не сказавъ ничего о музыкѣ; говоря о музыкѣ,

опять не могу не коснуться всѣхъ частей хорошаго воспитанія, а сіе заведетъ насъ въ долгое разсужденіе; и такъ разсмотрите, не лучше ли намъ оставить сей предметъ и перейти къ другому слову о законахъ.

Мег. Ты знаешь, что Лары моего семейства соединены правомъ гостепріимства съ вашими Ларами; и самые дѣти, слыша, что они имѣютъ ближайшую связь съ какимъ нибудь другимъ Государствомъ, отъ нѣжной юности питаютъ къ нему великую привязанность, какъ бы ко второму отечеству. Я теперь похожъ на сихъ детей; часто и прежде, когда Лакедемоняне порицали или хвалили за что либо Аѳинянъ, когда еще въ дѣтствѣ мнѣ говорили, твое отечество причинило нашему обиду, или оказало услугу, я всегда принималъ сторону твоихъ соотчичей; такое расположеніе къ вамъ и теперь во мнѣ сохраняется. Меня плѣняетъ ваше нарѣчіе, и несомнѣнною истиною кажется то, что вообще говорятъ объ Аѳинянахъ: что добрый Аѳинянинъ бываетъ отлично добръ: ибо доброта его не происходитъ отъ принужденнаго воспитанія, но, такъ сказать, съ нимъ родится, она есть въ немъ даръ божественный, одна искренность-безъ притворства. И такъ съ моей стороны говори смѣло, что только вздумаешь.

Кл. Сперва выслушай мое слово и одобри, а потомъ говори, что хочешь. Ты вѣрно слышалъ о божественномъ мужѣ Епименидѣ. Онъ изъ Кносса, изъ нашего рода. За десять лѣтъ до войны Персидской, по Божественнному внушенію пришелъ онъ къ вамъ принесть жертву, оракуломъ назначенную. Аѳиняне тогда опасались Персидскаго вооруженія; но онъ предсказалъ имъ, что враги не придутъ прежде десяти лѣтъ; а пришедши, будутъ прогнаны, — не успѣютъ въ своихъ замыслахъ, и сами пренесутъ болѣе зла и бѣдствій, нежели сколько причинятъ другимъ. Наши предки тогда сдружились, и съ того времени я питаю къ вамъ тоже доброжелательство, какое внушили мнѣ мои родители.

Аѳ. Вы, кажется, уже готовы слушать, и я готовъ говорить; боюсь только, чтобы не измѣнили мнѣ силы мои. Но постараюсь. Во первыхъ мимоходомъ опредѣлимъ, что есть воспитаніе, и сколь оно важно. Сіе будетъ введеніемъ къ нашему разсужденію, доколѣ дойдемъ до самаго Бога пиршествъ.

Кл. Начнемъ съ сего, если такъ нужно.

Аѳ. Между тѣмъ, вы судите сами, справедливо ли будетъ мое разсужденіе о воспитаніи.

Кл. Говори.

Аѳ. Я говорю и утверждаю, что желающій быть въ чемъ либо совершеннымъ, долженъ пещись о семъ отъ самой юности своей,

какѣ вѣ забавахѣ, такѣ и вѣ важныхѣ упражненіяхѣ, и прилагать возможное стараніе ко всему, что относится кѣ его искуству. Такѣ, на примѣрѣ, кто хочетѣ быть хорошимѣ земледѣломѣ или зодчимѣ, тотѣ уже вѣ самыхѣ дѣтскихѣ игрушкахѣ долженѣ заниматься зодчествомѣ или земледѣліемѣ. Воспитатель каждому изѣ нихѣ долженѣ доставлять малыя орудія, вѣ подражаніе настоящимѣ, и учить ихѣ предварительнымѣ познаніямѣ: плотника размѣру и правильности, воина верховой ѣздѣ и другимѣ подобнымѣ упражненіямѣ. Должно стараться вѣ дѣтяхѣ уже направлять склонности и удовольствія кѣ тому, вѣ чемѣ они со временемѣ должны быть совершенными. И такѣ воспитаніе есть образѣ жизни устроенный такѣ, чтобы посредствомѣ самыхѣ забавѣ вселялась вѣ сердца дѣтей любовь кѣ тому, что сдѣлаетѣ ихѣ способными кѣ исполненію своихѣ обязанностей вѣ лѣтахѣ зрѣлаго мужества. Теперь скажите, нравится ли вамѣ сіе начало?

Кл. Очень нравится.

Аѳ. Но то, что мы называемѣ воспитаніемѣ, должно быть опредѣлено. Часто желая опорочить или похвалить кого либо, мы говоримѣ: онѣ воспитанѣ, онѣ не воспитанѣ. Одинѣ воспитанѣ для торговли, другой для мореплаванія, и другихѣ безчисленныхѣ родовѣ упражненій. Говоря та-

кимъ образомъ, мы не разумѣемъ того воспитанія, посредствомъ котораго пріобрѣтается желаніе и стремленіе быть совершеннымъ гражданиномъ, умѣть въ правдѣ управлять и повиноваться. Настоящая рѣчь моя имѣетъ предметомъ сей послѣдній образъ воспитанія, и по очевиднымъ причинамъ его только преимущественно должно называть воспитаніемъ; ибо то, которое стремится къ стяжаніямъ, къ умноженію силы или къ пріобрѣтенію особеннаго какаго искуства, безъ просвѣщенія разума, безъ справедливости, есть воспитаніе низкое, рабское, и сего имени не достойное. Не будемъ спорить о названіи; вы уже согласились со мною, что одни благовоспитанные добродѣтельны; и воспитанія нельзя не почесть лучшимъ благомъ для людей благороднѣйшихъ. Если оно иногда бываетъ неудачно, то можетъ быть исправлено, и всякой по возможности во всю жизнь свою долженъ стараться о семъ исправленіи.

Кл. Справедливо, мы согласны съ тобою.

Аѳ. Но мы уже прежде согласились, что добрые люди суть тѣ, кои могутъ управлять собою, а худые тѣ, кои не могутъ.

Кл. Правда.

Аѳ. Повторимъ еще яснѣе то, что мы сказали. Позвольте мнѣ употребить сравненіе: оно можетъ быть послужитъ къ объясненію нашего предмета.

3*

Кл. Говори.

Аѳ. Положимъ, что человѣкъ одинокъ.

Кл. Хорошо.

Аѳ. Что онъ имѣетъ въ себѣ двухъ совѣтниковъ противоположныхъ и безумныхъ, кои называются удовольствіемъ и печалію.

Кл. Такъ.

Аѳ. Сверхъ того онъ имѣетъ ожиданіе будущаго удовольствія или печали — надежду. Надъ ними владычествуетъ разсудокъ, который судитъ, что въ нихъ хорошо, что худо. Онъ сдѣлавшись общимъ правиломъ для цѣлаго государства, называется закономъ.

Кл. Я едва успѣваю слѣдовать за тобою; но продолжай, какъ бы я не отстаю отъ тебя.

Мег. Со мною произходитъ тоже.

Аѳ. Разсмотримъ сіе такъ: представимъ, что человѣкъ есть подобіе божественныхъ существъ, или служащее игрушкою Богамъ, или сотворенное съ важною цѣлію. Сіе намъ не извѣстно. Знаемъ только, что нами обладаютъ двѣ страсти; противныя между собою, онѣ съ разныхъ сторонъ влекутъ насъ къ противорѣчущимъ дѣствіямъ: что составляетъ различіе между добродѣтелію и порокомъ. Разсудокъ говоритъ, что всегда должно слѣдовать одному влеченію и нико-

гда не уклоняясь отъ него, противиться всѣмъ прочимъ силамъ. Сіе руководство разсудка есть златая, священная цѣпь, называемая общимъ закономъ государства, — цѣпь гибкая, драгоцѣнная, между тѣмъ какъ прочія суть грубыя, тяжелыя, желѣзныя. Всѣ побужденія, въ какихъ бы видахъ онѣ ни являлись, должны быть подчинены благотворному руководству закона. Поелику разсудокъ тихъ и далекъ отъ всякаго насильства, то онъ имѣетъ нужду въ пособіи страстей, чтобы златая цѣпь преобладала надъ прочими. Такимъ образомъ ученіе о добродѣтели не будетъ казаться странностію; такимъ образомъ размышляющему объясняется, что значитъ побѣждать самаго себя и быть побѣждаемымъ. Видѣвши различное влеченіе цѣпей, и частный человѣкъ послѣдуетъ влеченію разсудка, и государство, заимствовало ли оно сей разсудокъ отъ Бога, или отъ людей высокою мудростію одаренныхъ, постановитъ его закономъ какъ для внутренняго, такъ и для внѣшняго управленія. Такимъ образомъ точнѣе будутъ раздѣлены добродѣтель и порокъ; а при сей точности яснѣе раскроются свойства воспитанія и другихъ установленій человѣческихъ, напримѣръ, бесѣды сопровождаемой дарами Вакха, которая уже не покажется предметомъ худымъ и нестоющимъ того, чтобъ много говорить о немъ.

Кл. Пусть она оправдаетъ слова сіи; пусть будетъ достойна того, чтобъ говорить о ней.

Аѳ. Хорошо, сдѣлаемъ что нибудь достойное нынѣшней бесѣды.

Кл. Но продолжай.

Аѳ. Отъ употребленія вина что дѣлается съ симъ чуднымъ твореніемъ?

Кл. Съ какою цѣлію ты предлагаешь вопросъ сей?

Аѳ. У меня нѣтъ никакой особенной; спрашиваю, къ какомъ положеніи является человѣкъ, вкусивши вина? И еще яснѣе предложу вопросъ сей, не правда ли, что питье вина усиливаетъ всѣ страсти: и удовольствіе и печаль, и любовь и гнѣвъ?

Кл. И очень усиливаетъ.

Аѳ. Не усиливаетъ ли оно также чувствъ, памяти, мыслей и ума? Или всѣ сіи способности оставляютъ упоеннаго слишкомъ?

Кл. Все совершенно оставляетъ его.

Аѳ. И такъ въ семъ состояніи человѣкъ дѣлается опять младенцемъ.

Кл. Да.

Аѳ. И совершенно не владѣетъ собою.

Кл. Не владѣетъ.

Аѳ. Мы уже сказали, что такой человѣкъ есть худой.

Кл. Безъ сомнѣнія.

Аѳ. Слѣдовательно не одинъ старикъ бываетъ дважды младенцемъ, но и упившійся!

Кл. Нельзя сказать ничего справедливѣе, иноземецъ.

Аѳ. Послѣ сего что можетъ убѣдить насъ ввергаться въ такое состояніе души? Что заставитъ насъ не избѣгать онаго всѣми силами?

Кл. Можетъ быть и есть такое убѣжденіе; ты обѣщалъ доказать сіе.

Аѳ. Правда, я обѣщалъ, и готовъ сдержать свое слово, уважая ваше вниманіе.

Кл. Самая странность и нелѣпость мнѣнія, будто человѣкъ добровольно долженъ ввергаться во всякую слабость возбуждаетъ любопытство.

Аѳ. Въ слабость душевную, говоришь ты? Такъ ли?

Кл. Да.

Аѳ. Странно ли для васъ, если кто добровольно подвергаетъ тѣло свое разслабленію, болѣзни, безобразію и безсилію?

Кл. Разумѣется, странно.

Аѳ. Какъ! тѣ, кои подвергаютъ себя врачеванію, пьютъ сокъ лѣкарственный, развѣ не знаютъ, что въ продолженіи нѣсколькихъ дней тѣло ихъ будетъ въ такомъ состояніи, которое привело бы ихъ къ смерти, если бы продолжалось долго? занимающіеся гимнастическими и другими трудами развѣ не чувствуютъ въ членахъ своихъ разслабленія въ теченіи нѣсколькихъ дней?

Кл. Ето мы знаемъ.

Ао. Знаете также и то, что они добровольно предпринимаютъ сіе для пользы оттолѣ проистекающей?

Кл. Очень хорошо знаемъ.

Ао. Слѣдовательно такимъ же образомъ должно разсматривать и прочіе случаи въ жизни?

Кл. Безъ сомнѣнія.

Ао. И на бесѣду пиршествующихъ должно смотрѣть такимъ же образомъ, если только она имѣетъ свои выгоды?

Кл. Точно такъ.

Ао. Особливо когда найдемъ, что вино имѣетъ такую же пользу для души, какую гимнастика для тѣла и въ началѣ своемъ превосходитъ тѣлесныя упражненія, кои сначала всегда бываютъ трудны, а пить—трудъ нетяжелый.

Кл. Ты справедливо говоришь; но сомнѣваюсь, чтобъ въ винѣ могло быть что либо подобное.

Ао. Испытаемъ, если можно, объяснить сіе: скажи, не примѣчаешь ли ты въ себѣ двухъ родовъ боязни, совершенно противныхъ между собою?

Кл. Какихъ же?

Ао. Вотъ какихъ: Иногда мы боимся, чтобъ не случилось съ нами какого нибудь нещастія.

Кл. Такъ.

Аѳ. Еще болѣе мы боимся худой молвы, которая можетъ распространиться на счетъ нашъ, если мы сдѣлаемъ или скажемъ что либо нелѣпое. Сію боязнь мы назовемъ стыдомъ, и кажется вездѣ она называется такъ.

Кл. Такъ.

Аѳ. Вотъ два рода боязни, изъ которыхъ послѣдняя противится впечатлѣнію печали и предметовъ ужасныхъ, а еще болѣе влеченію величайшихъ удовольствій.

Кл. Весьма справедливо.

Аѳ. Не правда ли, что всякой законодатель, всякой добродѣтельный гражданинъ послѣднюю боязнь почитаетъ священною, именуя ее стыдомъ; противную же ей отважность называетъ безстыдствомъ, которое почитаетъ величайшимъ зломъ, какъ въ частности для каждаго, такъ и вообще для всѣхъ.

Кл. Такъ.

Аѳ. Сей страхъ доставляетъ намъ безопасность въ безчисленныхъ случаяхъ; особливо на войнѣ ему мы обязаны и спасеніемъ и побѣдою. Въ самомъ дѣлѣ двѣ причины доставляютъ побѣду: отважность противъ враговъ и страхъ постыдиться предъ друзьями.

Кл. Истинно.

Аѳ. По симъ причинамъ каждой изъ насъ долженъ быть и безстрашнымъ и боязливымъ.

Кл. Безспорно.

Аѳ. Желая сдѣлать кого либо безстрашнымъ сообразно съ закономъ, мы ставимъ его среди всѣхъ ужасовъ.

Кл. Кажется такъ.

Аѳ. А что мы сдѣлаемъ, чтобъ внушить кому либо страхъ къ тѣмъ предметамъ, которыхъ онъ долженъ бояться? недолжны ли мы ввести его въ борьбу съ безстыдствомъ, и пріучать къ побѣдамъ надъ удовольствіями? не въ войнѣ ли противъ обычныхъ склонностей и въ побѣдахъ надъ ними онъ долженъ доходить до совершеннаго мужества? неопытный въ сихъ сраженіяхъ и въ половину не можетъ быть мужественнымъ. Можетъ ли тотъ назваться совершенно умѣреннымъ, кто никогда не противился удовольствіямъ, желаніямъ увлекающимъ къ безстыдству и несправедливости? кто не побѣждалъ ихъ помощію разсудка, дѣятельности и искусства какъ въ забавахъ, такъ и въ важныхъ занятіяхъ; кто всегда былъ чуждъ сихъ упражненій?

Кл. Невѣроятно.

Аѳ. Но далъ ли Богъ людямъ какое нибудь врачевство наводящее страхъ, котораго чѣмъ больше кто пьетъ, тѣмъ нещастнѣе себя чувствуетъ, съ каждою

каплею болѣе и болѣе страшится всего настоящаго и будущаго; самый мужественный наконецъ приходитъ въ чрезмѣрную робость; но проспавшись и освободившись отъ дѣйствія питья, опять возвращаетъ себѣ прежнее расположеніе души?

Кл. Но есть ли гдѣ на землѣ подобное питье?

Аѳ. Нѣтъ; но еслибъ оно было, що какую пользу принесло бы законодателю для внушенія мужества? тогда мы могли бы сказать ему: почтенный законодатель, ты даешь законы Критянамъ, или другому какому народу; не первой ли долгъ твой — напередъ вѣрнымъ образомъ испытать мужество и робость гражданъ твоихъ?

Кл. Всякой сказалъ бы сіе.

Аѳ. Но не лучше ли испытать безъ опасности, нежели съ опасностію?

Кл. Всякой законодатель лучше захочетъ испытать безъ опасности.

Аѳ. Захочешь ли ты посредствомъ сего питья ставить ихъ среди всѣхъ ужасовъ, узнавать ихъ малодушіе, и посредствомъ увѣщаній, совѣтовъ и отличій заставлять ихъ быть безстрашными, подвергая безчестію тѣхъ, кои не таковы, какими быть ты имъ повелѣваешь; одобряя мужественное и успѣшное упражненіе, за неуспѣшность возлагать наказаніе? или не захочешь,

хотя бы въ питьи не было никакой другой опасности?

Кл. Почемужъ не воспользоваться ему симъ средствомъ?

Аѳ. Такое упражненіе, имѣло бы удивительную легкость въ сравненіи съ нынѣшними опытами, какъ для одного человѣка, такъ и для многихъ вмѣстѣ въ большомъ или маломъ числѣ. И еслибъ кто изъ уваженія къ другимъ, боясь показаться предъ свѣтомъ, прежде нежели укрѣпится противъ всѣхъ страховъ, захотѣлъ бы въ уединеніи пріобрѣсть сію твердость; тотъ съ однимъ симъ питьемъ болѣе бы успѣлъ, нежели со всѣми другими пособіями; послѣ того полагаясь на природу свою и на стараніе, совершенно приготовленный, въ кругу многихъ собесѣдниковъ не убоится показать твердость свою при необходимомъ дѣйствіи питья; уже онъ не уступаетъ ему, но всегда имъ владѣетъ; онъ не сдѣлаетъ погрѣшности отъ забвенія, и не измѣнитъ добродѣтели. Опасаясь силы питья, которая преодолѣваетъ способности человѣка, онъ не позволитъ себѣ испить всей чаши до дна.

Кл. То есть будетъ умѣренъ.

Аѳ. Опять скажемъ такъ своему законодателю: правда, Богъ не далъ людямъ сего зѣлія страхъ наводящаго, и мы еще не обрѣли его. Очарованія сюда не входятъ:

но нѣтъ ли питья для безстрашія, для чрезмѣрной неблаговременной смѣлости? что вы скажете?

Кл. Есть. Это питье есть вино.

Аѳ. Не правда ли, что оно имѣетъ дѣйствіе совершенно противное тому, о которомъ мы говорили? оно дѣлаетъ пьющаго веселѣе, нежели какъ онъ былъ прежде; потомъ чѣмъ болѣе онъ пьетъ, тѣмъ болѣе исполняется пріятнѣйшихъ надеждъ и стремленія къ славѣ; словомъ, какъ мудрецъ, онъ дышетъ свободою, отважностію и неустрашимостію — говорить и дѣлать все, что вздумаетъ.

Кл. Въ этомъ всякой согласенъ съ тобою.

Мег. Безъ сомнѣнія.

Аѳ. Припомнимъ, что мы прежде сказали: что съ двухъ сторонъ особенно должно образовать свою душу: ничего не бояться въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и всего бояться въ другихъ.

Кл. Кажется, ты говоришь о стыдѣ.

Аѳ. Да, о немъ. И такъ какъ мужеству и неустрашимости должно учиться среди ужасовъ: то можно заключить, что противному должно учиться въ противныхъ обстоятельствахъ.

Кл. Справедливо.

Аѳ. Въ какомъ положеніи мы дѣлаемся отважными, самонадѣятельными, въ томъ же самомъ, кажется, должны учиться не быть

безстыдными и дерзкими, привыкать къ страху—говорить, дѣлать или терпѣть что либо постыдное.

Кл. Кажется такъ.

Аѳ. Причины, которыя дѣлаютъ насъ отважными и самонадѣятельными, суть гнѣвъ, любовь, надменность, невѣжество, корыстолюбіе и малодушіе. Къ сему принадлежитъ богатство, красота, сила, и все, что упоевая удовольствіемъ, повергаетъ насъ въ безуміе. Чтобъ открыть сіи страсти и побѣдить ихъ, можемъ ли мы избрать какое другое удовольствіе столь невинное, и при всей возможной осторожности столь сильное, какъ шутка и откровенность въ винѣ? разсмотримъ сіе ближе: чтобъ испытать сердце грубое, жестокое, отъ котораго произходятъ безчисленныя несправедливости, надобно ли искать особенныхъ случаевъ и самихъ себя безполезно подвергать опасности? или безопаснѣе усмотрѣть сіе въ пьяномъ? чтобъ узнать человѣка преданнаго любострастію, надобно ли для сего подвергать опасности тѣхъ, кои намъ всего дороже, — женамъ, дщерямъ и сынамъ узнавать расположеніе души гнусной? Можно бы представить тысячи доказательствъ тому, сколь важно разсматривать свойства людей въ шуткахъ, мимоходомъ, безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій. Ни Критяне, ни другіе народы не

станутъ противорѣчить тому, что сей способъ — познавать другъ друга есть самый лучшій; что легкостію своею, безопасностію и скоростію онъ превосходитъ всѣ прочіе.

Кл. Справядливо.

Аѳ. Полезнѣе же всего здѣсь то, что мы открываемъ свойства и разположенія людей тѣмъ же способомъ, которой можетъ врачевать ихъ и сдѣлать лучшими. Кажется таковъ предметъ политики, или Государственной науки. Не такъ ли?

Кл. Безъ сомнѣнія.

РАЗГОВОРЪ ВТОРОЙ
О
ЗАКОНАХЪ.

Аѳ. Теперь надлежитъ разсмотрѣть, одну ли сію пользу имѣютъ благоустроенныя пиршества, что съ помощію ихъ мы узнаемъ свои характеры? или она соединяется и съ другою великою пользою, которая требуетъ всего вниманія отъ законодателя? Что вы скажете? Пользу ихъ, кажется, доказываетъ самый разсудокъ. Но почему и какимъ образомъ приносятъ онѣ пользу? вникнемъ въ сіе со вниманіемъ, чтобы не впасть въ заблужденіе.

Кл. Говори.

Аѳ. Я опять хочу припомнить, въ чемъ состоитъ прямое воспитаніе. Ибо по моему мнѣнію доброта и совершенство его зависитъ отъ хорошаго устройства пиршествъ.

Кл. Ты приписываешь имъ много.

Аѳ. Первыя чувствованія дѣтей суть удовольствіе и горесть. Онѣ прежде всего сообщаютъ душѣ добродѣтель и пороки. Утвердиться же въ мудрости и въ основательномъ познаніи истины кто успѣетъ при старости, тотъ очень щастливъ; и человѣкъ совершенъ, если владѣетъ сими благами и отъ нихъ зависящими. Воспитаніемъ

я называю добрые навыки дѣтей. Удовольствіе и любовь, печаль и ненависть правильнымъ образомъ поселяются въ юныхъ сердцахъ прежде, нежели начнетъ дѣйствовать на нихъ собственный разсудокъ. Сіи расположенія души при добромъ направленіи будутъ согласны съ разсудкомъ, какъ скоро онъ созрѣетъ; а сіе согласіе есть добродѣтель. Прямое направленіе удовольствія и горести, заставляющее постоянно, отъ начала до конца ненавидѣть то, что достойно ненависти, и любить то, что должно любить, однимъ словомъ назови воспитаніемъ, и ты совершенно произнесешь мою мысль.

Кл. Мы находимъ справедливымъ какъ то, что прежде сего ты сказалъ, такъ и то, что теперь говоришь о воспитаніи.

Аѳ. Сіи чувствованія удовольствія и горести, коихъ правильное направленіе есть цѣль воспитанія, въ продолженіи жизни легко получаютъ отъ людей послабленіе и во многомъ портятся. Но Боги, болѣзнуя о злощастномъ родѣ человѣческомъ, послали ему успокоеніе отъ трудовъ, установили священныя празднества, дали ему въ собесѣдники Музъ, начальника ихъ Аполлона и Вакха, дабы божественными пиршествами исправлять недостатки воспитанія. Теперь разсмотримъ, истинно и сообразно ли съ природою, воспѣваемое намъ слово, или

нѣтъ? Говорятъ, что юность вообще ни въ голосѣ ни въ тѣлѣ не можетъ соблюдать спокойствія, но всегда любитъ движеніе и крикъ. Юноша отъ удовольствія, или прыгаетъ, пляшетъ, или произноситъ разные звуки. Прочія животныя лишены способности понимать правильность и неправильность въ движеніи, и то, что называется мѣрою и гармоніею; намъ же боги, посланные раздѣлять съ нами свои празднества, даровали сіе чувство къ мѣрѣ и гармоніи,—чувство сопровождаемое удовольствіемъ. Симъ чувствомъ они возбуждаютъ насъ, движутъ, соединяютъ въ пѣсняхъ и хороводахъ; самое слово хороводъ произходитъ отъ слова радость. Допустивши сіе, мы должны согласиться, что первое воспитаніе произходитъ чрезъ Музъ и Аполлона. Не такъ ли?

Кл. Такъ.

Аѳ. Слѣдовательно по нашему мнѣнію не получить никакого воспитанія значитъ быть чуждымъ хороводовъ; а благовоспитаннымъ быть значитъ обращаться въ хороводахъ.

Кл. Безъ сомнѣнія.

Аѳ. Хороводъ же вообще состоитъ изъ стройной пляски и пѣнія.

Кл. Необходимо.

Аѳ. И такъ благовоспитанный долженъ умѣть хорошо пѣть и плясать.

Кл. Кажется такъ.

Аѳ. Разберемъ, что значатъ сіи слова, нами сказанныя?

Кл. Какія?

Аѳ. Мы сказали, что онъ хорошо поетъ и хорошо пляшетъ. Должно ли прибавить, что онъ хорошее хорошо поетъ и пляшетъ, или нѣтъ?

Кл. Прибавимъ.

Аѳ. Почитающій хорошее хорошимъ и дурное дурнымъ, и поступающій по сему убѣжденію, лучше ли наставленъ въ пляскѣ и музыкѣ, нежели тотъ, кто тѣлодвиженіемъ и голосомъ умѣетъ совершенно выражать все прекрасное, что только вздумаетъ, но прельщается и наслаждается не тѣмъ, что честно, и ненавидитъ не то, что безчестно? или лучше тотъ, кто хотя не совершенно постигаетъ прекрасное, не можетъ выразить его въ движеніяхъ тѣла или голоса, но здраво судитъ объ немъ по нѣкоторому чувству удовольствія и горести, доброе любитъ и худаго отвращается?

Кл. Ты говоришь о различныхъ родахъ воспитанія, между коими нѣтъ и сравненія.

Аѳ. И такъ, если мы трое знаемъ, въ чемъ состоитъ красота пѣнія и пляски, намъ легко сказать, кто истинно достоинъ назваться воспитаннымъ или невоспитаннымъ. Не зная же сего, мы не можемъ сказать, на чемъ основано и какъ сохраняется воспитаніе. Не такъ ли?

Кл. Подлинно такъ.

Ао. И потому мы должны изслѣдовать, какъ слѣдятъ добычу, то что въ пляскѣ и пѣніи называется красотою образа и прекрасною мелодіею. Если сіе ускользнетъ отъ нашего понятія, то напрасно будемъ терять слова о прямомъ воспитаніи у Еллиновъ или у варваровъ.

Кл. Справедливо.

Ао. Что жь мы называемъ прекраснымъ образомъ или прекрасною мелодіею? Если мужественный и робкій человѣкъ подвергаются равнымъ трудамъ и опасностямъ, то въ сіе время одинъ ли образъ, одинъ ли голосъ сохраняютъ они?

Кл. Тогда на нихъ и цвѣтъ бываетъ совершенно различный.

Ао. Хорошо, любезный Клиній. Но въ музыкѣ есть только образъ и мелодія; мѣра и гармонія составляютъ сущность ея: отъ того всякую пѣснь, всякой образъ можно назвать благомѣрнымъ, стройнымъ, но не благоцвѣтнымъ, какъ называютъ ихъ начальники хоровъ. Робкой и мужественный имѣютъ также свой образъ, свой тонъ; можно сказать: образъ мужества доблестенъ, образъ робости постыденъ. Не теряясь во многорѣчіи, скажемъ кратко: прекрасны всѣ образы и тоны добродѣтели, душевной и тѣлесной, истинной и подражательной, и гнусны всѣ образы порока.

Кл. Справедливо. Мы оба согласны съ тобою.

Аѳ. Еще вопросъ: всѣ ли мы прельщаемся тѣми же пѣснями и плясками, или нѣтъ?

Кл. Совсѣмъ нѣтъ.

Аѳ. Что же вводитъ насъ въ заблужденіе? развѣ не для всѣхъ одна изящность? Развѣ самое добро иногда не кажется добромъ? Или предметы кажутся иначе, нежели каковы они въ дѣйствительности? Ибо никто не скажетъ, что образъ порока иногда бываетъ лучше образа добродѣтели; никто не скажетъ, что онъ привязанъ къ видимости разврата, потому что всякой плѣняется своею музою. Многіе говорятъ, что сущность и совершенство музыки состоитъ въ ея пріятномъ дѣйствіи на душу, въ удовольствіи, которое она доставляетъ. Но такъ говорить не позволительно и не простительно: ибо сіе вовлекаетъ насъ въ заблужденіе.

Кл. Какое?

Аѳ. Пѣсни и пляски суть подражаніе нравамъ, изображеніе нашихъ дѣйствій, характеровъ и различныхъ расположеній духа, въ коихъ человѣкъ находится; потому, для кого хороводы говорятъ, поютъ, движутся сообразно или съ природою или съ обычаями, или равно съ тѣмъ и другимъ; тотъ восхищается ими, хвалитъ ихъ и назы-

ваетЪ совершенствомЪ изящества; но вЪ томЪ, кто находитЪ ихЪ противными или природѣ, или обыкновенію, или благоприличію, онѣ не произведутЪ никакого восхищенія и не пріобрѣтутЪ отЪ него ни похвалы, ни имени прекраснаго. Гдѣ естественной вкусЪ не согласенЪ сЪ обыкновеніями; но при здравомЪ вкусѣ господствуютЪ худыя обычаи, или сЪ прекрасными обычаями не соединяется здравый вкусЪ: тамЪ однимЪ и тѣмЪ же удовольствіямЪ даютЪ различныя названія; одно и то же называютЪ и пріятнымЪ и порочнымЪ; предЪ людьми посторонними, боясь оскорбить ихЪ нѣжный вкусЪ, тамЪ стыдятся подобныхЪ тѣлодвиженей и пѣсней; но только вЪ своемЪ кругѣ забавляются ими по своему.

Кл. Ты справедливо говоришь.

Аѳ. Прельщаться же образомЪ или голосомЪ порока, приноситЪ ли какой вредЪ? и получаютЪ ли какую пользу тѣ, кои употребляютЪ самыя удовольствія кЪ тому, чтобЪ посредствомЪ ихЪ содѣлать добродѣтель любезною?

Кл. БезЪ сомнѣнія.

Аѳ. Не то же ли и здѣсь должно случиться, что случается сЪ тѣми, кои находясь вЪ сообществѣ сЪ порочными, не только не питаютЪ кЪ нимЪ ненависти, но даже радуются ихЪ дружеству, и только вЪ шутку порицаютЪ свою испорченность? Рано или

нездно по необходимости мы уподобляемся тѣмъ, съ коими обращаемся, хотя и стыдимся хвалить ихъ явно. Какое зло или добро можетъ быть выше сего, которое необходимо произтекаетъ изъ сего источника?

Кл. Я не нахожу никакого добра, ни зла выше сего.

Аѳ. Въ государствѣ, которое управляется хорошими законами, воспитаніе юношества, игры его, должны ли зависѣть отъ прихоти поетовъ? Могутъ ли они тою же мѣрою и пѣснію, тѣми же мыслями, которыми сами плѣняются, равно плѣнять юныхъ сыновъ отечества, и склонять ихъ, какъ случится, и къ добродѣтели и къ пороку?

Кл. Возможно ли? Это не сообразно съ разсудкомъ!

Аѳ. Не смотря на то, такъ дѣлается во всѣхъ Государствахъ, кромѣ Египта.

Кл. А у Египтянъ, скажи, какое есть для сего постановленіе?

Аѳ. Странно и слышать. Еще въ глубокой древности, кажется, они усмотрѣли то же самое, о чемъ мы теперь говоримъ; именно, что прекрасные образы, прекрасныя пѣсни должны воспитывать юношество въ самыхъ раннихъ навыкахъ его. Избравъ и опредѣливъ сіи образы они постановили ихъ въ храмахъ священными законами.

У нихЪ ни живописцамЪ, ни другимЪ художникамЪ не позволено производить ничего новаго, и вводить что либо, кромѢ отечественнаго; и досѢлѢ еще сіе не позволяется ни вЪ живописи, ни вЪ музыкѢ во всей ея обширности. Разсматривая тамЪ произведенія, сдѢланныя за тысячи лѢтЪ, разсматривая дѢйствительно тысячилѢтнія, ты найдешь, что всѢ онѢ ни лучше, ни хуже произведеній новѢйшихЪ; во всѢхЪ тоже искусство.

Кл. Очень странно.

Аѳ. И это есть отличное дѢло ихЪ законодательства и политики. Прочіе законы ихЪ худы, недостаточны; но о музыкѢ постановленіе ихЪ истинно достойно уваженія, именно то, что закономЪ можно опредѢлить пѢсни постоянныя, сохраняющія естественную правильность. Правда, сіе принадлежитЪ только Богу и божественному человѢку; такЪ и вЪ ЕгиптѢ, сохранившіяся чрезЪ столь долгое время пѢсни, суть твореніе Изиды; но и нынѢ, кто можетЪ постигать совершенное вЪ семЪ родѢ, тотЪ смѢло долженЪ излагать его и вводить вЪ употребленіе. Стремленіе кЪ удовольствію и горести, то стремленіе, сЪ коимЪ мы всегда желаемЪ наслаждаться новою музыкою, не можетЪ вредить пѢнію древностію освященному; по крайней мѢрѢ сего не было вЪ ЕгиптѢ.

Кл. По словамъ твоимъ такъ и должно быть.

Ао. Замѣтимъ смѣло, что музыка, игры и пляски имѣютъ одно неотъемлемое свойство: мы радуемся, когда почитаемъ себя счастливыми, и счастливы, когда радуемся. Не такъ ли?

Кл. Такъ.

Ао. И въ сей радости мы не можемъ соблюдать спокойствія.

Кл. Справедливо.

Ао. Но развѣ только юные наши дѣти будутъ плясать? а мы старые мужи, взирая на нихъ, по приличію предоставимъ себѣ одно удовольствіе радоваться ихъ играмъ и ликованію. Юная веселость уже оставила насъ; жалѣя о ней и любя ее, мы предлагаемъ состязанія тѣмъ, кои особенно могутъ пробудить въ нашемъ воспоминаніи протекшіе дни молодости.

Кл. Весьма справедливо.

Ао. Теперь не основательно ли говорятъ о лицахъ дѣйствующихъ на празднествахъ, именно, что тотъ достоинъ назваться мудрѣйшимъ, и побѣдителемъ, кто болѣе увеселяетъ и забавляетъ зрителей. Поелику сіи празднества посвящены веселію, то справедливо должно отдавать преимущество и награду тому, кто доставляетъ намъ болѣе радостей. Одобрите ли вы сіи слова и приведеніе ихъ въ самое дѣло?

Кл. Безъ сомнѣнія.

Аѳ. Но, почтенный мужъ, не будемъ поспѣшны въ своихъ заключеніяхъ; разберемъ предметъ по частямъ, такимъ образомъ: что, еслибъ кто предложилъ состязаніе просто, не означивъ, гимнастическое ли оно должно быть, мусиійское ли, или конное; но собравъ всѣхъ гражданъ, предложилъ бы награду съ такимъ обьявленіемъ: желающій да явится состязаться только въ доставленія удовольствія; кто лучше забавитъ зрителей, все равно, какимъ бы то образомъ ни было, тотъ побѣдитъ; и чѣмъ лучше достигнетъ своей цѣли, тѣмъ болѣе будетъ отличенъ предъ своими сподвижниками? Что, думаете вы, произвело бы подобное обьявленіе?

Кл. Что ты хочешь сказать?

Аѳ. Очень естественно, что одинъ, подобно Гомеру, предложилъ бы рапсодію: другой сталъ бы играть на лирѣ; иной представилъ бы трагедію, тотъ комедію. Не удивительно, что иной сталъ бы искать побѣды представленіемъ чародѣйствъ. Еслибъ стеклись сіи сподвижники и тьма другихъ, то можно ли сказать, кто изъ нихъ истинной побѣдитель?

Кл. Нелѣпой вопросъ; какой разумный человѣкъ будетъ отвѣчать тебѣ, самъ напередъ не услышавъ каждаго изъ сподвижниковъ?

Аѳ. Но не хотите ли, чтобъ я за васъ сказалъ сей нелѣпой отвѣтъ?

Кл. Почему нѣтъ?

Аѳ. Если маленькіе дѣти будутъ судьями, то они предпочтутъ всѣмъ показывателя диковинокъ. Не такъ ли?

Кл. Не иначе.

Аѳ. Судъ взрослыхъ юношей предпочтетъ комедію. Просвѣщенный прекрасный полъ, умные юноши и почти весь народъ одобрятъ трагедію.

Кл. Можетъ быть.

Аѳ. А мы старики съ большимъ удовольствіемъ стали бы внимать рапсодисту, который прекрасно выражаетъ Иліаду, Одиссею, или что нибудь изъ Гезіода. Послѣ сего должно рѣшить, кому принадлежитъ побѣда? Не такъ ли?

Кл. Истинно.

Аѳ. Для меня и для васъ должно быть совершенно ясно, что, одобренные нашими сверстниками, имѣютъ преимущество. Наши нравы во всѣхъ Государствахъ признаны лучшими и основательнѣйшими, нежели нравы юныхъ людей.

Кл. Точно такъ.

Аѳ. Я согласенъ съ общимъ мнѣніемъ, что о музыкѣ должно судить по удовольствію, но не по удовольствію каждаго, ктобы то ни былъ. Та муза превосходнѣе всѣхъ про-

чихъ, которою услаждаются люди отличнѣйшіе, украшенные достаточнымъ просвѣщеніемъ; особенно, которою услаждается мужъ, добродѣтелію и воспитаніемъ всѣхъ превосходящій. Добродѣтель необходима для сихъ судей; они должны быть одарены не только благоразуміемъ, но и мужествомъ. Не прилично судьи, приступая къ рѣшенію, учиться отъ самаго театра; его устрашитъ шумъ народа и собственное невѣжество. Неопытный, по малодушію и слабости, изъ сихъ устъ, коими онъ призывалъ Бога, вступая въ сіе званіе, изъ сихъ устъ, къ стыду своему, онъ произнесетъ несправедливый приговоръ. Справедливость требуетъ, чтобъ онъ возсѣдалъ не ученикомъ, но учителемъ народа, и противился бы тѣмъ, кои, отступая отъ всякаго приличія и правильности, доставляютъ зрителямъ удовольствія. Древнимъ Еллинскимъ закономъ позволялось толпѣ зрителей, какъ нынѣ дѣлается въ Сициліи и въ Италіи, отличать рукоплесканіемъ побѣдителя. Сіе вовлекло въ гибель самихъ поетовъ, кои стали сообразаться съ худымъ вкусомъ народа, сдѣлавшагося собственнымъ своимъ учителемъ; сіе погубило также удовольствіе самаго театра. Вмѣсто того, чтобъ видѣть нравы и характеры благороднѣйшіе, выше обыкновенныхъ, и получать чистѣйшее наслажденіе, нынѣ поступаютъ со-

всѣмъ напротивъ. Разсмотрите, что значитъ все сказанное?

Кл. Что именно?

Аѳ. Кажется, уже въ третій или четвертый разъ слово наше возвращается къ первому предмету, что воспитаніе руководствуетъ и влечетъ юношество къ прямому смыслу закона, коего изящество и сущность долговременнымъ опытомъ постигли только мужи старые. Чтобъ удержать юныя сердца отъ удовольствій и огорченій противныхъ закону и правиламъ добродѣтели; чтобы заставить ихъ направлять всѣ свои радости и горести къ той же цѣли, которую имѣютъ въ виду мужи старые; для сего изобрѣтены пѣсни, или лучше сказать, божественныя очарованія. Онѣ производятъ въ душѣ сіе устройство и согласіе, коего юноши не могутъ достигнуть единственнымъ напряженіемъ силъ своихъ. Какъ больнымъ и тѣломъ разслабленымъ, пекущіеся о здоровьи ихъ врачи, въ пріятныхъ снѣдяхъ и питьяхъ, подаютъ полезное лѣкарство, вредныя же вещества покрываютъ отвратительною наружностію и такъ пріучаютъ одно любить, другаго отвращаться: равнымъ образомъ законодатель убѣдитъ поэта, и если нужно принудитъ его выражать въ словахъ высокихъ, изящныхъ, въ правильной мѣрѣ, въ прелестныхъ образахъ и гормоніи характеры мужей

мудрыхъ, мужественныхъ и совершенно добрыхъ.

Кл. Скажи ради Бога, почтенный иноземецъ, неужели ты думаешь, что въ другихъ Государствахъ сіе исполняется? Какъ я знаю и увѣренъ, только у насъ и Лакедемонянъ такъ поступаютъ, какъ ты говоришь. Всѣ новизны, вводимыя въ пляскѣ и музыкѣ, происходятъ не отъ законовъ, но отъ безпорядочнаго и страннаго вкуса, которой не только не привязанъ постоянно къ однимъ предметамъ, какъ у Египтянъ, но всегда измѣняется.

Аѳ. Прекрасно, Клиній; если ты думаешь, что я говорю о нынѣшнемъ состояніи, то развѣ потому, что я не ясно выражаю мысли свои. Я хотѣлъ сказать, чего должно требовать отъ музыки вообще, но, можетъ быть, сказалъ больше. Порицать дѣла неисправимыя и злоупотребленія вкоренившіяся, иногда необходимо, но притомъ всегда очень непріятно. Ты со мною согласенъ, и говоришь, что правила музыки у васъ и у нѣкоторыхъ другихъ соблюдаются лучше, нежели у прочихъ Еллиновъ.

Кл. Такъ.

Аѳ. Но еслибъ всѣ соображались съ вами, то можно ли ручаться, что музыка пойдетъ лучше, нежели теперь?

Кл. Какое сравненіе, еслибъ слѣдовали всѣ нашему примѣру!

Ле. Разсмотримъ, согласны ли мы въ своихъ мысляхъ. У васъ, во всякомъ воспитаніи, во всякой музыкѣ одно ли твердятъ? Заставляете ли вы своихъ поетовъ говорить, что добродѣтельный, умѣреный и справедливый мужъ щастливъ, блаженъ, не смотря на то, великъ ли онъ и силенъ, малъ ли, и слабъ, богатъ или бѣденъ, и что несправедливый ведетъ жизнь бѣдную, плачевную, хотябъ онъ богатствами превзошелъ самаго Цинара и Мида? Прибавимъ къ сему, какъ долженъ говорить Спартанскій Поетъ, еслибъ онъ хотѣлъ говорить справедливо: я не почту ни словомъ, ни памятью того, кто владѣетъ всѣми благами, но не имѣетъ справедливости. Справедливый не устрашится при видѣ враговъ; несправедливый лучше бы не дерзалъ смотрѣть на кровопролитную сѣчу; лучше бы не упреждалъ въ бѣгствѣ Борея, и не владѣлъ бы всѣми, такъ называемыми сокровищами; ибо блага, чернію уважаемыя, не заслуживаютъ сего названія. Превосходнѣйшимъ благомъ у никъ почитается здоровье, красота, сила, богатство; за тѣмъ именуются тысячи другихъ благъ, каковы суть: острота зрѣнія, слуха, здоровое состояніе всѣхъ чувствъ; благо—быть Царемъ, дѣлать все по желанію, и къ довершенію всего, при такихъ обладаніяхъ содѣлаться безсмертнымъ. Вы, и я съ вами, такъ скажемъ, что все сіе для добрыхъ и благочестивыхъ со-

ставляетъ хорошее стяжаніе, но для несправедливыхъ самое худое. Для порочнаго, начиная отъ здоровья, видѣть, слышать, чувствовать и вообще жить есть величайшее зло; такой человѣкъ пусть будетъ безсмертенъ въ обладаніи всѣхъ такъ называемыхъ благъ; и самая вѣчность его менѣе значитъ, нежели самое краткое время справедливой и добродѣтельной жизни. Убѣждаете и заставляете ли вы своихъ поетовъ, сими истинами обличенными въ прекрасную мѣру и гармонію, просвѣщать ваше юношество? — истинами, что такъ называемое зло, есть благо для несправедливыхъ и зло для справедливыхъ; что блага добрыхъ суть дѣйствительныя блага, но не для злыхъ. Согласны ли мы въ томъ, о чемъ я вопросилъ васъ, или нѣтъ?

Кл. Въ иномъ согласны, въ другомъ нѣтъ.

Аѳ. Но пусть кто вѣчно владѣетъ здоровьемъ, богатствомъ и властію, къ сему прибавимъ отличную силу и мужество; пускай не коснется его никакое зло; при всемъ томъ, если онъ питаетъ въ себѣ несправедливость и насильство: не ужели я не увѣрю васъ, что такой человѣкъ не блаженъ, но совершенно нещастливъ?

Кл. Нѣтъ, мы вѣримъ сей истинѣ.

Аѳ. Что же мы скажемъ послѣ сего? Если кто мужественъ, силенъ, прекрасенъ, богатъ и во всю жизнь свою успѣваетъ во

всѣхъ своихъ желаніяхъ, но несправедливъ и притѣснитель человѣчества: то не ужели вы не почитаете жизни его гнусною, или согласитесь со мною и въ томъ, что она совершенно такова?

Кл. Соглашаемся.

Аѳ. Равно и въ томъ, что она худа?

Кл. Нѣтъ, въ етомъ не равно.

Аѳ. По крайней мѣрѣ въ томъ, что она непріятна и ему самому неполезна.

Кл. Какъ можно согласиться въ етомъ!

Аѳ. Какъ друзья! еслибъ Богъ послалъ намъ согласіе! такъ мы противорѣчимъ другъ другу. Для меня, любезный Клиній, сіе кажется такъ необходимо, такъ ясно, какъ ясно то, что Критъ есть островъ. Еслибъ я былъ законодателемъ, то заставилъ бы всѣхъ поетовъ и всѣхъ гражданъ воспѣвать справедливость, и опредѣлилъ бы самое жестокое наказаніе тому, что бы сталъ разглашать въ сей странѣ, что есть нѣкоторые люди нечестивые, но пріятно живущіе; что польза, корысть и справедливость суть предметы совершенно различные. Я внушилъ бы своимъ согражданамъ совсѣмъ другое мнѣніе о сихъ предметахъ, нежели какъ думаютъ объ нихъ Критяне, Лакедемонцы и другіе народы. Но, почтеннѣйшіе иноземцы, я свидѣтельствуюсь Зевесомъ и Аполлономъ; спросимъ у сихъ самыхъ Боговъ, вашихъ законодателей: жизнь справедливая есть ли

пріятнѣйшая? Или надлежитъ различать два образа жизни, одинъ пріятный, другой справедливый? Если они скажутъ, чтоето два образа жизни: то мы опять вопросимъ,— вопросъ основательный—кого должно почитать щастливѣйшимъ, того ли, кто ведетъ жизнь пріятнѣйшую, или справедливѣйшаго? Если они назовутъ щастливѣйшимъ ведущаго жизнь пріятную, то отвѣтъ ихъ былъ бы нелѣпый. Но я не хочу окорблять Боговъ такимъ отвѣтомъ; пусть лучше отвѣтствуютъ родители и законодатели; предположимъ, что вопросъ нашъ относится только къ законодателю или отцу, и онъ назвалъ бы щастливѣйшимъ того, кто ведетъ пріятную жизнь. На сіе я такъ возразилъ бы ему: отецъ мой, ты не желалъ мнѣ сей блаженнѣйшей жизни, но всегда приказывалъ жить справедливѣе. Принимающій сіе основаніе законодатель или отецъ можетъ ли отвѣчать далѣе, не впадая въ противорѣчіе съ самимъ собою? Съ другой стороны, если онъ признаетъ щастливѣйшею жизнь справедливую, то всякой, слушая его, сдѣлаетъ такое возраженіе: Какое благо въ справедливой жизни можетъ найти законъ выше удовольствія? Безъ удовольствія что остается для справедливаго? Но слава, похвала отъ людей и Боговъ, сіи блага изящныя, развѣ не соединены съ удовольствіемъ? Безславіе постыдно, и есть ли

вѣ немѣ какое удовольствіе? Сіе невозможно, божественный законодатель, скажемѣ мы. Не обижать никого, и ни отѣ кого не терпѣть обидѣ, развѣ можно почесть дѣломѣ добрымѣ, изящнымѣ, но вмѣстѣ неприятнымѣ? И напротивѣ какая пріятность вѣ дѣлѣ порочномѣ и постыдномѣ?

Кл. Никакой.

Аѳ. И такѣ слово, не раздѣляющее пріятнаго сѣ справедливымѣ, добраго сѣ прекраснымѣ, весьма правдоподобно если не для другихѣ, то по крайней мѣрѣ для того, кто хочетѣ жить честно и справедливо. Для законодателя всего постыднѣе утверждать противное сему. Ибо никто добровольно не согласится дѣлать то, отѣ чего онѣ долженѣ ожидать не столько радости, сколько огорченія. Но смотря долго на отдаленные предметы, мы, почти какѣ дѣти, наконецѣ чувствуемѣ помраченіе вѣ глазахѣ. Законодатель иначе занимаетѣ наше вниманіе и разсудокѣ; разсѣяваяиракѣ заблужденія, посредствомѣ похвалѣ, обычаевѣ и разсужденіемѣ онѣ убѣждаетѣ насѣ, что справедливость и несправедливость оттѣнены какѣ бы на нѣкоторой картинѣ. Несправедливость противоположна справедливости, и если смотритѣ на нее несправедливый и порочный, то она кажется ему пріятною, а справедливость непріятною. Справедливый же видитѣ то и другое совсѣмѣ иначе.

Кл. Вѣроятно.

Аѳ. Но чей судъ основательнѣе, благороднѣйшей души или худшей?

Кл. Необходимо благороднѣйшей.

Аѳ. Слѣдовательно и несправеливая жизнь не только постыдна, и низка, но истинно непріятнѣе жизни справедливой и благочестной.

Кл. По етому слову такъ должно быть.

Аѳ. Но еслибъ даже сіе было иначе, нежели какъ мы говоримъ, и благомыслящій законодатель для пользы юношества позволилъ бы себѣ ложь: то что можетъ быть невиннѣе и полезнѣе сей лжи, которая можетъ заставить насъ добровольно исполнять справедливость?

Кл. Истина прекрасная, неизмѣняемая; но не легко убѣдить въ ней.

Аѳ. Положимъ такъ. Но не трудно было убѣдить въ баснословномъ сказаніи о Сидонскомъ Кадмѣ и во многихъ другихъ невѣроятностяхъ.

Кл. Въ какомъ сказаніи?

Аѳ. Будто изъ посѣянныхъ зубовъ нѣкогда произрасли воины. Вотъ сильное доказательство для всякаго законодателя, что онъ можетъ убѣдить юные умы во всемъ, въ чемъ только пожелаетъ. Ему остается только обдумать, какое убѣжденіе можетъ принести отечеству болѣе пользы, и потомъ употребить все стараніе къ тому,

какимъ образомъ заставишь всѣхъ жителей одного Государства говорить одно и тоже во всю свою жизнь, и въ пѣсняхъ, и въ вымыслахъ и въ разговорахъ. Если вы со мною не согласны, то можете представить свои возраженія.

Кл. Никто изъ насъ не будетъ спорить о семъ.

Аѳ. И такъ мнѣ остается продолжать свою рѣчь. Я говорю, что три хора Музъ своими пѣснями должны руководствовать людей, начиная отъ перваго возраста, когда сердца ихъ бываютъ юны и нѣжны, и прославлять тѣ блага, о коихъ мы говорили и будемъ говорить. Но главнымъ предметомъ сихъ пѣсней да будетъ то, что жизнь пріятнѣйшая и лучшая по суду Боговъ есть одна и таже. Говоря такъ, мы скажемъ истину, и въ сей истинѣ легче убѣдить симъ, нежели другимъ какимъ либо образомъ.

Кл. Должно согласиться съ тобою.

Аѳ. И такъ дѣтской хоръ музъ первый долженъ выступить на средину, и со всѣмъ стараніемъ возглашать сіи пѣсни въ присутствіи всѣхъ гражданъ. Второй хоръ, состоящій изъ юношей до тритцати лѣтъ, будетъ призывать Аполлона во свидѣтельство истины, и просить, чтобъ онъ былъ къ нимъ милостивъ и напѣчатлѣлъ бы на серцахъ ихъ божественныя правила. Совершенные мужи отъ тридцати до пятиде-

сяши лѣтъ составляютъ трешій хоръ. Тѣмъ, кои по глубокой старости уже не могутъ пѣть, остается быть повѣствователями прорицаній оракула о сихъ истинахъ.

Кл. Ты говоришь о какихъ то трехъ хорахъ; мы недовольно ясно понимаемъ, что они значатъ.

Ае. Но объ нихъ мы уже говорили въ предъидущемъ нашемъ словѣ.

Кл. Мы не поняли; постарайся сказать сіе яснѣе.

Ае. Если помнишь, мы сказали въ началѣ сего разговора, что пылкая юность не можетъ хранить спокойствія ни въ тѣлѣ, ни въ голосѣ, но всегда бы она кричала и прыгала безъ всякаго порядка; что чувство порядка и стройности въ томъ и другомъ случаѣ не принадлежитъ ни одному животному, но есть собственность человѣческой природы; что стройность въ движеніи называется мѣрностію (риѳмосъ), стройность въ звукахъ легкихъ и тяжелыхъ—гармоніею; что хороводъ состоитъ изъ мѣры и гармоніи. Мы сказали, что Боги милосердствуя о насъ, дали намъ наставниками и собесѣдниками Аполлона, Музъ и третьяго, если помните, Вакха.

Кл. Какъ не помнить!

Аѳ. О хорѣ Музъ и Аполлона мы уже говорили; остается сказать о третьемъ хорѣ Вакха.

Кл. Что такое? скажи. Очень любопытно вдругъ слышать о Вакховомъ хорѣ старцевъ; любопытно знать, какъ поютъ и пляшутъ мужи за тридцать лѣтъ, за пятьдесятъ и до шестидесяти.

Аѳ. Ты справедливо замѣчаешь сіе; но должно изъяснить, какимъ образомъ можетъ войти сіе въ обыкновеніе.

Кл. Изъясни.

Аѳ. Въ первомъ вы уже согласились со мною.

Кл. Въ чемъ?

Аѳ. Въ томъ, что совершенный мужъ, и юноша, свободный и рабъ, тотъ и другой полъ и весь городъ, торжественно, не умолкая, должны воспѣвать то, о чемъ мы говорили, и воспѣвать съ возможнымъ измѣненіемъ и разнообразіемъ, дабы пѣсни составляли ненасытимую страсть и удовольствіе поющихъ.

Кл. Нельзя не согласиться, что это такъ быть должно.

Аѳ. Но сію услугу могутъ оказывать не лучшіе ли въ Государствѣ люди, уважаемые по возрасту и мудрости, и въ пѣсняхъ искусные? Или мы безразсудно отвергнемъ тѣхъ, кои владѣютъ божественнымъ даромъ пѣснопѣній пріятныхъ и полезныхъ?

Кл. Не должно отвергать ихъ, какъ доказываютъ твои слова.

Аѳ. Но какимъ образомъ прилично употребимъ сихъ пѣвцовъ? Развѣ не такъ ли?

Кл. Какъ?

Аѳ. Всякой старикъ дѣлается слишкомъ лѣнивымъ къ пѣнію; пѣсни болѣе не услаждаютъ его; чѣмъ онъ старѣе и разумнѣе, тѣмъ болѣе стыдится пѣть, еслибъ сего потребовала необходимость. Не такъ ли?

Кл. Справедливо.

Аѳ. А еще болѣе онъ устыдится пѣть въ театрѣ, при многочисленномъ собраніи народа. Пѣніе старцевъ было бы непріятно, малодушно и слабо, еслибъ, для гибкости и твердости голоса, ихъ подвергли тѣмъ же правиламъ и воздержанію, съ какими приготовляются хороводы, состязующіеся о побѣдѣ.

Кл. Необходимо.

Аѳ. Какимъ же образомъ поощримъ ихъ къ пѣснямъ? Не должно ли опредѣлить закономъ во первыхъ, чтобъ дѣти до восьмнадцати лѣтъ совсѣмъ не вкушали вина? Увѣримъ ихъ, что въ юныхъ тѣлахъ и душахъ не должно прибавлять огня къ огню, и предохранимъ ихъ отъ безумной пылкости, доколѣ они не познакомятся съ трудами. Съ сего времени позволяется умѣренное употребленіе вина до тридцати лѣтъ; но пьянства и упоенія молодой человѣкъ долженъ быть совершенно чуждъ. Достигшій сорока лѣтъ можетъ предаваться веселію пиршествъ и призывать Вакха съ прочими бо-

жествами къ увеселенію и подкрѣпленію старости. Вакхъ посылаетъ намъ въ винѣ врачевство противъ всѣхъ огорченій не разлучныхъ съ нашими лѣтами: мы юнѣемъ съ нимъ и забываемъ всѣ печали; имъ смягчаются суровые нравы, подобно желѣзу въ огнѣ раскаленному; съ нимъ мы оживаемъ. Въ семъ расположеніи духа каждый если недерзостно, по крайней мѣрѣ съ меньшею застѣнчивостію, не среди многочисленнаго собранія, но въ небольшомъ кругѣ слушателей, не при людяхъ чуждыхъ, но среди семейства своего, пѣснію будетъ доставлять удовольствіе.

Кл. Легко можетъ быть.

Аѳ. И такъ небезчестенъ сей способъ заставлять стариковъ принимать участіе въ нашихъ пѣсняхъ.

Кл. Совсѣмъ не безчестенъ.

Аѳ. Но что воспоютъ сіи старцы и какимъ голосомъ? Муза ихъ должна быть прилична ихъ лѣтамъ.

Кл. Безъ сомнѣнія.

Аѳ. Какая же Муза достойна мужей божественныхъ? Но Муза ли хороводовъ?

Кл. Мы не знаемъ другихъ пѣсней, кромѣ тѣхъ, коимъ научились въ хороводахъ; мы поемъ по привычкѣ.

Аѳ. Не трудно понять сіе. Вы не способны къ лучшимъ пѣснямъ. Ваше Государство походитъ на военный станъ; ваши юноши не воспитываются жить въ пріятномъ обще-

ствѣ городовъ, но, подобно скотамъ, знаютъ только свое стадо и пастбище. У васъ никто не смѣетъ отдѣлить своего грубаго и своенравнаго сына отъ общей массы, научить его, по собственному произволу, конскому рысганію, смягчить и образовать его сердце, и доставить ему всѣ выгоды хорошаго воспитанія такъ, чтобы онъ былъ не только храбрымъ воиномъ, но и добрымъ гражданиномъ, способнымъ къ исправленію общественныхъ обязанностей. Такой юноша, какъ мы прежде сказали, былъ бы воинственнѣе Тиртеевыхъ воиновъ; мужество для него не было бы первѣйшею добродѣтелію, но всегда и вездѣ, какъ въ частности, такъ и въ отношеніи къ цѣлому Государству, только четвертою частію ея.

Кл. Не понимаю тебя, иностранецъ; ты опять охуждаешь нашихъ законодателей.

Аѳ. Я дѣлаю сіе безъ всякаго намѣренія. Но если угодно, послѣдуемъ хладнокровно за самымъ словомъ, куда оно приведетъ насъ. Если есть другая Муза лучше той, которая начальствуетъ въ хороводахъ и общественныхъ зрѣлищахъ, то уступимъ ее тѣмъ, кои стыдятся сей послѣдней и желаютъ благороднѣйшей.

Кл. Согласны.

Аѳ. Во всемъ, что сопровождается нѣкоторымъ пріятствомъ, во всѣхъ дѣлахъ изящества главною цѣлію необходимо должно

быть или одно удовольствіе, или нѣкоторая правильность, или наконецъ польза. Такъ, на примѣръ, пища и питье и все снѣдомое сопровождаются удовольствіемъ; но въ нихъ есть также своя правильность и польза; то, что пособствуетъ нашему здоровью, мы называемъ также правильнымъ.

Кл. Согласны.

Аѳ. Ученіе также сопровождается удовольствіемъ. Но истина производитъ правильность и пользу, доброту и красоту.

Кл. Справедливо.

Аѳ. Чтожъ изъ сего? Образовательныя искуства, занимающіяся подражаніемъ, не имѣютъ ли цѣлію удовольствіе, и если онѣ достигаютъ сей цѣли, то не справедливо ли мы называемъ ихъ изящными?

Кл. Очень справедливо.

Аѳ. Но правильность состоитъ въ соотвѣтственности частей, и вообще, можно сказать, въ соразмѣрности количества и качества, а не въ удовольствіи.

Кл. Хорошо.

Аѳ. Слѣдовательно по удовольствію можно правильно судить только о томъ, что не производитъ ни пользы, ни истины, ни сходства, ни вреда; но что производится для одного только удовольствія, и другаго имени не имѣетъ, если не соединяется съ другими качествами.

Кл. Итакъ ты называешь удовольствіе только безвреднымъ.

Аѳ. Да. Такимъ удовольствіемъ я называю игру, если она не приноситъ ни вреда, ни важной какой либо пользы.

Кл. Весьма справедливо.

Аѳ. Основываясь на предыдущемъ, не должно ли согласиться, что никакое подражаніе, никакое сходство и соразмѣрность не могутъ быть разсматриваемы и судимы по удовольствію, и по мнѣнію неистинному? Ибо предметы бываютъ равными и соразмѣрными не потому, что одному нравятся, а другому ненравятся; но по самой истинѣ.

Кл. Совершенно такъ.

Аѳ. Но музыку вообще не называемъ ли мы образовательною и подражательною?

Кл. Такъ.

Аѳ. Потому не должно вѣрить словамъ тѣхъ, кои говорятъ, что музыку должно разсматривать и цѣнить по удовольствію; и еслибъ даже была такая музыка, то не ее должно почитать превосходнѣйшею, но ту, въ которой сохранена вся правильность подражанія изящному.

Кл. Справедливо.

Аѳ. Кто любитъ изящнѣйшія пѣсни, тотъ долженъ привязываться не къ пріятному, но къ правильному. Правильность подражанія, говорили мы, требуетъ, чтобъ подражае-

мый предметъ былъ выраженъ со всѣмъ совершенствомъ.

Кл. Неиначе.

Аѳ. Всѣ согласны въ томъ, что произведенія музыки суть подражаніе и отпечатокъ. Не соглашаются ли въ етомъ равно и поэты, и слушатели, и актеры?

Кл. Да.

Аѳ. И такъ, чтобъ избѣжать погрѣшности въ разборѣ піитическихъ произведеній, должно знать сущность ихъ. Судья, незнающій ни свойствъ, ни цѣли ихъ, незнающій, чему онѣ подражаютъ, никогда не откроетъ ни правильности, ни ошибки въ намѣреніи художника.

Кл. Да, едвали онъ что откроетъ.

Аѳ. Не имѣя познаній о художествѣ можно ли различить, что въ немъ хорошо, и что худо? но я говорю не довольно ясно. Скажемъ яснѣе.

Кл. Скажи.

Аѳ. Есть и для зрѣнія безчисленныя подражанія.

Кл. Конечно.

Аѳ. Не зная совершенно тѣлъ, коимъ подражаетъ художникъ, можно ли точно понимать и цѣнить произведеніе, то есть соблюдены ли въ немъ всѣ отношенія? на своемъ ли мѣстѣ каждая часть? въ какомъ порядкѣ всѣ части слѣдуютъ одна за другою? натуральны ли цвѣты и положенія?

или нѣтъ ни въ чемъ ни души ни порядка? Можно ли дать приговоръ свой о художествѣ, не имѣя никакой идеи о животномъ, которому подражалъ художникъ?

Кл. Не можно.

Аѳ. Но зная, что написанное или слѣпленное есть образъ человѣка; зная, что искуство дало ему всѣ части, съ приличнымъ цвѣтомъ и въ естественномъ положеніи, сверхъ того, не должно ли знать, изящно ли произведеніе или чего недостаетъ къ красотѣ его? Намъ извѣстны совершенства каждаго животнаго.

Кл. Справедливо.

Аѳ. Чтобъ быть разумнымъ судьею всякаго произведенія живописи или музыки или въ другомъ какомъ либо родѣ, не должноли напередъ имѣть понятіе о сихъ трехъ предметахъ: во первыхъ, что изображено; во вторыхъ, вѣрно ли подражаніе; и наконецъ, изящно ли оно выражено словами, мелодіею и мѣрою?

Кл. Кажется такъ.

Аѳ. Разсмотримъ безпристрастно, сколь трудное дѣло судить о музыкѣ. Ибо сколько она прославляется предъ прочими художествами, столько требуетъ осторожности и вниманія. Злоупотребленіе ея влечетъ самыя гибельныя слѣдствія, портитъ нравы. Весьма трудно замѣтить его, когда сами художники такъ легко уклоняются отъ Грацій. Гра-

ціи никогда не позволятъ слова Героевъ соединять съ наружностію и тономъ слабой жены; или голосъ и видъ людей свободныхъ соединять съ мѣрою рабовъ и низкой черни; или благородную мѣру сопровождать голосомъ и словами совершенно противными. Онѣ не станутъ вмѣстѣ соединять звуки животныхъ, людей и орудій и выдавать ихъ за единое цѣлое. Но наши человѣки—художники все смѣшиваютъ и безсмысленнымъ смѣшеніемъ производятъ только смѣхъ въ тѣхъ людяхъ, коимъ досталась въ удѣлъ Грація насмѣшки, какъ говоритъ Орфей. Не довольствуясь симъ безпорядочнымъ смѣшеніемъ они терзаютъ музыку на части. Они вводятъ мѣру и образъ безъ мелодіи, предлагая мѣрныя строчки пустыхъ словъ; мелодію и мѣру лишаютъ словъ, употребляя простую лиру и свирѣль. Весьма трудно узнать, что значитъ безъ рѣчи мѣра и гармонія, и какому важному предмету подражаетъ. Можно почитать необходимымъ признакомъ грубости ету сильную охоту къ быстротѣ, къ смѣшенію звуковъ и къ безобразному, дикому грому, равно какъ употребленіе лиры и свирѣли безъ пляски и пѣнія. Игры сіи, не соединенныя вмѣстѣ, показываютъ одно невѣжество и пустое тщеславіе. Впрочемъ цѣль наша не та, чтобъ воспретить музыку мужамъ тридцатилѣтнимъ и старикамъ за пятьдесять лѣтъ, но

только опредѣлить, какая для нихъ прилична. Слово сіе, кажется, ведетъ къ тому, что они особенно должны быть искусны въ хороводахъ; ибо ихъ долгъ — различать и со всею тонкостію чувствовать всѣ виды мѣры и гармоніи. Иначе могутъ ли они знать правильность мелодіи, и судить, соотвѣтствуетъ ли предмету напѣвъ Дорическій или нѣтъ? Настоящій ли размѣръ избираетъ себѣ поетъ или нѣтъ?

Кл. Ясно, что безъ ученія судить о музыкѣ не можно.

Аѳ. Смѣшно слышать отъ многолюдной толпы невѣждъ, будто они уже понимаютъ, что стройно, благомѣрно или неблагомѣрно, если ихъ однажды заставляли мѣрно пѣть или плясать; а не разсудятъ, что дѣлаютъ сіе безъ всякаго понятія. Всякая пѣснь хороша, если въ ней соблюденъ приличный характеръ; иначе она неправильна.

Кл. Необходимо такъ должно быть.

Аѳ. Не имѣя понятія о самой вещи, можно ли судить о правильности ея?

Кл. Какимъ образомъ?

Аѳ. Теперь мы открыли, что тѣ, коихъ мы просимъ и заставляемъ пѣть, но заставляемъ, такъ сказать, по доброй ихъ волѣ, необходимо должны быть образованы по крайней мѣрѣ столько, чтобы слѣдовать за удареніями размѣра и за различными тонами мелодіи. Постигая согласіе звуковъ и мѣру,

они могутъ различать, что прилично пѣть мужамъ престарѣлымъ и важнымъ. Воспѣвая, и сами будутъ наслаждаться невиннымъ удовольствіемъ, и юношамъ будутъ служить руководителями къ доброй нравственности. Столько образованные, съ просвѣщеннымъ умомъ необходимо должны быть выше мнѣній, черні ю управляющихъ и выше самихъ поетовъ. Поету нѣтъ нужды знать, изященъ ли предметъ самаго подражанія, или худъ; онъ печется только о гармоніи и мѣрѣ; но старѣйшіе должны имѣть равное познаніе во всѣхъ трехъ частяхъ, и умѣть избирать изящное или близкое къ язящному; иначе юноши никогда не услышатъ гимновъ воспламеняющихъ къ добродѣтели.— Цѣлію сего слова съ самаго начала было то, чтобъ защитить хороводъ Вакха; и что возможно, все сказано. Еще однажды повѣримъ, исполнено ли обѣщанное. Всякое собраніе въ продолженіи пиршества дѣлается шумнѣе. Еще сначала мы видѣли сіи обыкновенныя слѣдствія.

Кл. Да.

Аѳ. Въ сіи минуты всякой бываетъ живѣе, приходитъ въ восторгъ, исполняется откровенности и невниманія къ ближнему своему; всякой думаетъ, что онъ способенъ управлять собою и другими.

Кл. Неиначе.

Аѳ. Мы сказали, что въ сіе время сердца пирующихъ воспламеняются и дѣлаются мягкими подобно раскаленному желѣзу; тогда они, какъ во второй юности, легко повинуются человѣку сильному, которой умѣетъ владѣть ими и образовать ихъ. Сей образователь — художникъ есть не иной кто, какъ мудрый законодатель, коего пиршественные законы такъ сильны, что человѣка самонадѣятельнаго, дерзкаго, безстыднаго, неумѣющаго сохранять порядка и сноровки ни въ молчаніи, ни въ словѣ, ни въ питіи, ни въ пѣніи, такаго человѣка заставляютъ дѣлать совсѣмъ противное, и безчестной самонадѣятельности его противопоставляютъ страхъ, который мы назвали страхомъ Божіимъ, стыдомъ, робостію, совѣстностію.

Кл. Такъ.

Аѳ. Блюстителями же и сподвижниками сихъ законовъ должны быть люди не буйные, и вождями нетрезвымъ могутъ служить только трезвые. Безъ сихъ вождей обращаться въ пиршествахъ опаснѣе, нежели сражаться противъ враговъ не подъ предводительствомъ безстрашныхъ. Неповинующагося своимъ вождямъ, начальникамъ Вакховыхъ бесѣдъ, пятидесятилѣтніе старѣйшины должны подвергать жесточайшему наказанію, нежели воина, поступающаго противъ повелѣнія своего полководца.

Кл. Справедливо.

Ао. Еслибъ такимъ образомъ учреждались игры и пиршества; еслибъ собесѣдники соображались съ сими законами и съ волею трезвыхъ: тогдабы сколь великую пользу они могли получить для себя? Вмѣсто того, чтобъ выходить изъ пиршества врагами, какъ теперь, они разставались бы лучшими друзьями.

Кл. Справедливо, еслибъ пиршества были таковы, какъ ты говоришь.

Ао. Итакъ не будемъ порицать напрасно дары Вакха, какъ вредные и недостойные быть въ человѣческомъ обществѣ. Можно бы представить многія важныя выгоды, отъ нихъ происходящія; но я не смѣю говорить о величайшемъ благѣ, которое людямъ даруетъ сей богъ; такъ худо и превратно понимаютъ его.

Кл. Какое же ето благо?

Ао. Идетъ преданіе, будто сей богъ мачихою своею Юноною былъ лишенъ ума. Въ отмщеніе за сію обиду онъ изобрѣлъ Вакхическія игры и шумныя пляски, и для сего даровалъ людямъ вино. Но я предоставляю говорить сіе о богахъ дерзновеннѣйшимъ. Знаю только, что ни одинъ человѣкъ не рождается съ полнымъ разумомъ, какой онъ долженъ имѣть въ зрѣломъ возрастѣ; въ семъ промежуткѣ, еще не имѣя всей мудрости, ему свойственной, онъ находится въ состояніи изступленія; произноситъ безпорядочные крики;

при малѣйшемъ восторгѣ прыгаетъ. Припомнимъ, что сіе, какъ сказали мы, было началомъ музыки и гимнастики;

Кл. Помню, что мы о семъ говорили.

Аѳ. Что отсѣлѣ люди получили понятіе о мѣрѣ и гармоніи, понятіе, которымъ они обязаны Аполлону, Музамъ и Вакху.

Кл. Такъ.

Аѳ. По словамъ другихъ, вино послано въ наказаніе- подвергать людей сумашествію. А мы напротивъ говоримъ, что въ немъ послано средство, душѣ къ пріобрѣтенію скромности и стыда, тѣлу къ сохраненію здоровья и крѣпости.

Кл. Прекрасное сокращеніе всего, что прежде сказано.

Аѳ. Мы объяснили одну часть хоровода; объяснимъ ли и другую половину его, или оставимъ?

Кл. Какая это другая половина? Какъ ты раздѣляешь его?

Аѳ. Мы говорили вообще о хороводѣ, какъ о цѣломъ воспитаніи. Одна часть его состоитъ въ мѣрѣ и гармоніи, относительно къ голосу.

Кл. Хорошо.

Аѳ. Другая, которой предметъ есть тѣлодвиженіе, имѣетъ одно общее съ голосомъ — мѣру, и собственное свое—образъ, такъ какъ мелодія есть собственность голоса.

Кл. Точно такъ.

Аѳ. Не знаю, по какой причинѣ названа музыкою та часть, которая, посредствомъ гармоническихъ звуковъ дѣйствуетъ на душу и внушаетъ ей любовь къ добродѣтели.

Кл. Она хорошо названа.

Аѳ. Дѣйствія же и движенія тѣла, кои мы назвали пляскою, если имѣютъ цѣлію доблесть тѣлесную, мы. называемъ гимнастикою.

Кл. Справедливо.

Аѳ. И такъ мы довольно сказали о сей части хоровода, которая называется музыкою. Должно ли говорить о другой половинѣ, или нѣтъ? Что вы лучше избираете?

Кл. Почтенный Аѳинянинъ, съ Критянами и Лакедемонцами ты говорилъ о музыкѣ, и не хочешь говорить о гимнастикѣ? Какаго отвѣта на сей вопросъ ты ждешь отъ насъ?

Аѳ. Дѣлая сей вопросъ, ты уже отвѣчаешь. Вижу въ немъ не только вашъ отвѣтъ, но и желаніе — слышать о гимнастикѣ.

Кл. Ты совершенно понялъ наше желаніе; исполни же его.

Аѳ. Должно исполнить; не трудно говорить о предметахъ, вамъ обоимъ извѣстныхъ; въ семъ искуствѣ вы имѣете болѣе опытности, нежели въ первомъ.

Кл. Правда.

Аѳ. Источникъ и произхожденіе сего искусства есть общее всѣмъ животнымъ расположеніе къ прыганію. Но природа человѣческая, какъ мы сказали, имѣетъ чувство къ мѣрѣ; сіе чувство съ одной стороны дало существованіе пляскамъ, съ другой произвело или пробудило пѣніе; отъ сего союза произошелъ хороводъ.

Кл. Справедливо.

Аѳ. Объ одномъ предметѣ мы уже сказали; въ послѣдствіи постараемся сказать и о другомъ.

Кл. Очень хорошо.

Аѳ. Но прежде, нежели приступимъ къ нему, если угодно, положимъ послѣднее правило касательно пиршествъ.

Кл. Какое правило?

Аѳ. Если въ Государствѣ пиршества, какъ важнѣйшій предметъ, употребляются сообразно съ законами и служатъ училищемъ умѣренности, равно какъ и прочія удовольствія позволяются только для того, чтобъ учиться побѣждать ихъ; то всѣ имѣютъ право пользоваться ими. Но гдѣ почитаютъ ихъ какъ забаву, позволенную каждому, во всякое время, какъ, и съ кѣмъ кто хочетъ веселиться; гдѣ мѣшаютъ пьянство съ важными дѣлами; тамъ я не даю своего голоса, и говорю, что такое Государство или частной человѣкъ съ такимъ образомъ мыслей должны быть чужды даровъ Вакха.

Напротивъ въ семъ случаѣ я предпочитаю обычаямъ Критянъ и Лакедемонцевъ законъ Карѳагенскій; таковъ сей законъ: въ военномъ станѣ никто не долженъ вкушать вина; но во все продолженіе походовъ довольствоваться одною водою. Внутри Государства не должны предаваться пьянству ни рабы, ни рабыни; также правители, кормчіе, судьи во все продолженіе службы или должности своей должны быть совершенно чужды всякаго пьянства. То же наблюдать долженъ человѣкъ, вступающій въ какое либо совѣщаніе. Только по слабости тѣла или по болѣзни позволяется употреблять вино во время дневное. Ночью оно не позволительно женѣ и мужу, какъ вредное для будущихъ дѣтей ихъ. Можно привесть безчисленные случаи, въ которыхъ и разумъ и законы запрещаютъ употребленіе вина. По сей причинѣ и воздѣлываніе винограда не должно быть слишкомъ значительно; при раздѣленіи земли для воздѣлыванія питательныхъ растѣній, онъ долженъ занимать самое умѣренное и малозначущее мѣсто. Вотъ послѣднее правило, которымъ я хотѣлъ кончить наше разсужденіе о семъ предметѣ.

Кл. Прекрасное правило, мы принимаемъ его.

РАЗГОВОРЪ ТРЕТІЙ
О
ЗАКОНАХЪ.

Ав. Уже довольно сказано о предыдущемЪ. Теперь что мы скажемЪ о началѢ Гражданскаго устройства? Не лучше ли разсматривать его сЪ сей точки зрѢнія, какЪ удобнѢйшей?

Кл. СЪ какой?

Ав. СЪ которой должно разсматривать возвышеніе ГосударствЪ вЪ добродѢтели и уклоненіе ихЪ кЪ пороку?

Кл. Какая же ета точка?

Ав. Я думаю, что должно разсматривать сЪ самыхЪ отдаленныхЪ, неизвѢстныхЪ временЪ и сЪ тѢхЪ событій, кои могли тогда случиться.

Кл. КакимЪ образомЪ?

Ав. Ты можешь представить себѢ, сколько времени прошло сЪ тѢхЪ порЪ, какЪ существуютЪ Государства, и какЪ люди начали быть управляемы?

Кл. Ето невозможно.

Ав. СлѢдовательно времена сіи теряются вЪ глубокой, непроницаемой древности?

Кл. Должно быть такЪ.

Ав. ВЪ продолженіи сего времени какое безчисленное множество городовЪ возникало? вЪ такомЪ же отношеніи какое множество ихЪ погибло? сколько разЪ перемѢнялся об-

разъ правленія? Одни дѣлались изъ малыхъ великими, другіе изъ великихъ малыми; тамъ нравы усовершенствовались, здѣсь они портились.

Кл. Необходимо.

Аѳ. Разсмотримъ причину сего измѣненія, если можно; можетъ быть сіе приведетъ насъ къ первому произхожденію и упадку Государствъ.

Кл. Хорошо; ты постарайся изложить намъ о семъ свое мнѣніе, а мы съ охотою послушаемъ тебя.

Аѳ. Признаете ли вы какую либо истину въ древнихъ преданіяхъ?

Кл. Въ какихъ преданіяхъ?

Аѳ. Что произходили великія истребленія въ человѣческомъ родѣ отъ потопа, отъ болѣзней и многихъ другихъ случаевъ, послѣ которыхъ оставалось весьма малое число жителей?

Кл. Етому всякой вѣритъ.

Аѳ. Изъ многихъ истребленій представимъ себѣ одно, произшедшее отъ потопа.

Кл. Что можемъ мы вообразить себѣ о семъ истребленіи?

Аѳ. Что какіе нибудь горные пастухи спаслись отъ общей гибели, и на вершинахъ горъ сохранили нѣсколько искръ человѣческаго рода.

Кл. Вѣроятно.

Аѳ. Сіи люди, не знакомые съ прочими искуствами, вѣроятно не знали также ухищреній корыстолюбія и честолюбія, и тѣхъ средствъ, коими стараются вредить другъ другу народы просвѣщенные.

Кл. Должно такъ предполагать.

Аѳ. Предположимъ также, что города, лежащіе на равнинахъ и при морѣ, въ то время истреблены до основанія.

Кл. Положимъ такъ.

Аѳ. Слѣдовательно истребились и всѣ орудія, и совершенно изчезли всѣ открытія въ полезныхъ искуствахъ, въ Государственномъ управленіи, и во всякой другой мудрости.

Кл. Еслибъ все съ самаго начала оставалось въ такомъ положеніи, какъ мы теперь видимъ, то могли ли быть новыя какія либо открытія? Многія тысячи лѣтъ прошли, кои остаются для насъ вовсѣ неизвѣстными. Тысяча или двѣ тысячи лѣтъ протекли съ тѣхъ поръ, какъ нѣкоторыя открытія сдѣлалъ Дедалъ, другія Орфей, иныя Паламидъ; какъ Марсій и Олимпъ изобрѣли музыку, Амфіонъ лиру; и какъ произошли многія другія искуства, кои появились на свѣтъ, такъ сказать, вчера или недавно.

Аѳ. Но ты забылъ любимаго своего мужа, который дѣйствительно только вчера жилъ.

Кл. Ты говоришь объ Епименидѣ.

Аѳ. О немъ. Изобрѣтательный умъ его ставитъ его выше всѣхъ, о коихъ ты упомянулъ. Что Гезіодъ давно предсказалъ словомъ, то Епименидъ совершилъ самимъ дѣломъ, какъ вы говорите.

Кл. Да, мы такъ говоримъ.

Аѳ. Таково было состояніе человѣческихъ дѣлъ послѣ всеобщаго истребленія. Повсюду глазамъ представлялась одна ужасная, необозримая пустыня; обширныя страны остались безъ жителей; всѣ животныя погибли; осталось малое племя тельцовъ и козъ, кои доставляли пастырямъ скудное пропитаніе.

Кл. Неиначе.

Аѳ. А послѣ Государствъ, послѣ Гражданскаго устройства, изъ законодательства, о коемъ теперь у насъ идетъ рѣчь, осталась ли и самая память?

Кл. Нѣтъ, не осталась.

Аѳ. Изъ такого состоянія возникло все, что мы теперь видимъ, и города и правленіе, искусства и законы; такое начало получила и наша чрезмѣрная испорченность и наша великая добродѣтель.

Кл. Какимъ образомъ?

Аѳ. Можно ли думать, почтенный, что жившіе тогда люди, незнакомые ни съ выгодами городской жизни, ни съ пороками ея, были далеки въ добродѣтели или въ испорченности?

Кл. Справедливое замѣчаніе; мы понимаемъ, что ты хочешь сказать.

Аѳ. Только въ продолженіи времени, и съ умноженіемъ людей, дѣла человѣческія пришли въ сіе положеніе, въ которомъ онѣ нынѣ находятся.

Кл. Весьма справедливо.

Аѳ. И не скоро, какъ должно предполагать, но мало по малу и съ великою медленностію.

Кл. Предположеніе основательное.

Аѳ. Ибо долго еще оставался во всѣхъ недавній страхъ—переселяться съ высотъ на ровнины.

Кл. Неиначе.

Аѳ. По малолюдству тѣхъ временъ, хотя всѣ съ радостію желали бы видѣть другъ друга: но остались ли какія средства путешествовать на сушѣ или по морю? возможно ли было имѣть какое либо сообщеніе, тогда какъ желѣзо, мѣдь и прочіе металлы изчезли подъ водою, и совершенно потерялось искуство обработывать ихъ; когда самая рубка деревъ сдѣлалась затруднительною? Ибо, если и сохранилось на горахъ какое нибудь орудіе, то отъ употребленія оно должно испортиться; а другихъ не могло быть, доколѣ не возстановилось между людьми обработываніе металловъ.

Кл. Сіе не могло быть иначе.

Аѳ. А чрезъ сколько поколѣній, думаете вы, могли дойти до сего?

Кл. Надобно думать, послѣ безчисленныхъ поколѣній.

Аѳ. Такимъ образомъ въ то же время изчезли и прочія искуства, производимыя помощію желѣза, мѣди и прочихъ металловъ; но изчезли на должайшее время.

Кл. Неиначе.

Аѳ. Вмѣстѣ съ тѣмъ тогда не было ни возмущеній, ни войны.

Кл. Какимъ образомъ?

Аѳ. Малолюдство внушало взаимную другъ къ другу любовь и расположеніе. Тогда не надобно было оспоривать другъ у друга пищу; тогда, разумѣется не въ самомъ началѣ, не было недостатка въ питательныхъ средствахъ, но все было привольно; не нуждались ни въ молокѣ, ни въ мясахъ; ловлею доставляли себѣ не худую и не скудную пищу, имѣли изобиліе въ одеждѣ и въ покровахъ, въ жилищахъ и орудіяхъ, на огнѣ и безъ огня употребляемыхъ. Искуство лѣпленія и плетенія не требуетъ пособія желѣза; и сіи искуства въ то время даровалъ Богъ людямъ, дабы и въ самомъ недостаткѣ родъ человѣческій находилъ въ нихъ подпору и средства къ продолженію и распространенію бытія своего. Отъ того въ тѣ времена люди были не слишкомъ бѣдны, и бѣдность не поселяла между ими раздоровъ. Съ другой стороны безъ зла-

та и сребра не было между ими богатыхЪ; а гдѢ нѢтЪ ни богатства, ни бѢдности, тамЪ по необходимости процвѢтаютЪ добрые, справедливые нравы; тамЪ нѢтЪ насилія, и притѢсненій, нѢтЪ зависти и ревности. Живя вЪ природной простотѢ, они были добры; вЪ простосердечіи вѢрили добру, которому ихЪ учили, и злу, отЪ котораго отвращали, и легко убѢждались. Никто не умѢлЪ, что нынѢ почитается мудростію, подозрѢвать вЪ семЪ ученіи обманЪ. Почитая истиною все, что имЪ говорили о БогахЪ и людяхЪ, сЪ нею сообразовали жизнь свою. Все доказываетЪ, что они были таковы, какими мы ихЪ теперь описали.

Кл. И мнѢ такЪ кажется.

Аѳ. И такЪ мы можемЪ сказать, что поколѢнія, жившія симЪ образомЪ, во многихЪ искуствахЪ промышленности уступали жившимЪ до потопа и нынѢ живущимЪ; особенно не имѢли понятія о войнѢ ни на сушѢ, ни на морѢ; не знали ни тяжебЪ, ни споровЪ гражданскихЪ, коихЪ единственная цѢль есть та, чтобЪ на словахЪ и на дѢлѢ наносить другимЪ возможную обиду и несправедливость: за то они были простосердечнѢе, мужественнѢе, умѢреннѢе и вообще справедливѢе. Мы уже видѢли сему причину.

Кл. Справедливо говоришь ты.

Аѳ. ВсѢ сіи, равно какЪ и другія подробности, кои можно бы здѢсь привести, мы ска-

зали для того, дабы понять, какую нужду тогда имѣли въ законахъ, и кто былъ тогда законодателемъ.

Кл. И ето сказано у мѣста.

Аѳ. Но вѣроятно, что въ сіе время законодатели были не нужны, и что законы произошли не тогда, какъ не было даже письменъ; какъ жили сообразно съ обычаями отцовъ и съ правилами изустно передаваемыми.

Кл. Вѣроятно.

Аѳ. Таковъ же былъ у нихъ и образъ правленія.

Кл. Какой?

Аѳ. Кажется, онъ состоялъ въ наслѣдственной власти, которая и нынѣ существуетъ во многихъ мѣстахъ у Еллиновъ, и у Варваровъ. Такое правленіе было въ странѣ Циклоповъ, какъ Гомеръ говоритъ: У нихъ нѣтъ ни общественныхъ совѣщаній, ни законовъ; они живутъ на вершинахъ высокихъ горъ; въ пространныхъ пещерахъ; каждый управляетъ дѣтьми своими и супругою, и другъ о другѣ не пекутся.

Кл. Кажется Гомеръ у васъ есть Поетъ удивительный; намъ случалось слышать и другія прелестныя мѣста изъ него, впрочемъ не многія; мы Критяне не слишкомъ любимъ произведенія Музы чужеземной.

Мег. Мы любимъ его и почитаемъ выше всѣхъ поетовъ, хотя онъ по большой части описываетъ жизнь не Лакедемонскую но Іо-

ническую. Мѣсто приведенное тобою, совершенно подтверждаетъ слова твои; здѣсь Поетъ въ баснословной повѣсти описываетъ грубые нравы первыхъ временъ.

Аэ. Онъ точно согласенъ со мною. Возмемъ его во свидѣтельство, что сначала существовалъ такой образъ правленія.

Кл. Очень хорошо.

Аэ. Не такой ли образъ правленія произошелъ послѣ того бѣдственнаго истребленія, когда остальные люди разсѣялись поодиночкѣ, и по сѣмействамъ, управлялись старшинствомъ, потому что власть переходила отъ отца и отъ матери; когда, слѣдуя сему порядку, подобно птенцамъ, составляющимъ одно стадо, жили подъ отцовскою властію, подъ симъ справедливѣйшимъ образомъ правленія?

Кл. Такъ.

Аэ. Потомъ, сдѣлавшись многочисленнѣе, они сходятся и составляютъ города; обращаютъ стараніе къ земледѣлію, сначала воздѣлываютъ нивы по скатамъ горъ; потомъ строятъ нѣкоторыя укрѣпленія и стѣны, какъ для пристанища, такъ и для безопасности отъ дикихъ звѣрей, и воздвигаютъ себѣ такъ сказать общую огромную обитель.

Кл. Сіе необходимо должно произойти.

Аэ. Не необходимо ли также должно произойти?

Кл. Что?

Аѳ. Что при возрастаніи сихъ поселеній изъ соединенія меньшихъ семействъ, каждое меньшее общество вступаетъ въ общій составъ подъ начальствомъ старшаго въ своемъ поколѣніи; что, жившіе дотолѣ отдѣльно отъ другихъ, по собственнымъ обычаямъ, заимствовавшіе отъ родителей и воспитателей о богахъ и о самихъ себѣ свой особенный образъ мыслей, отъ мирныхъ кроткой, отъ мужественныхъ мужественный, всѣ дѣти, внуки и правнуки приходятъ въ общую обширную обитель съ чертами и характерами отцовъ своихъ и прадѣдовъ, и съ своими законами?

Кл. Безъ сомнѣнія.

Аѳ. И что необходимо каждый изъ нихъ лучше хочетъ жить по своимъ законамъ, нежели по чужимъ?

Кл. Да.

Аѳ. Теперь, если я не обманываюсь, мы непримѣтно дошли до начала законодательства.

Кл. И мнѣ такъ кажется.

Аѳ. Дѣйствительно теперь новое общество сошедшихся разноплеменцовъ необходимо избираетъ изъ среды своей мужей опытныхъ во всѣхъ правахъ, которые бы вождямъ, Царямъ и начальникамъ народа лучше другихъ изъяснили, что всѣмъ вообще и каждому нравится, предоставляя все сіе ихъ выбору; однимъ словомъ, избираетъ зако-

нодателей. Потомъ, вмѣсто родоначальниковъ, выбравъ правителей, вводятъ или Аристократію или Монархію и живутъ при новомъ образѣ правленія.

Кл. Это совершенно сходно съ естественнымъ порядкомъ вещей.

Аѳ. Назовемъ третій образъ правленія, въ которомъ сливаются всѣ виды и свойства Государствъ и народовъ.

Кл. Какой же ето образъ?

Аѳ. Который и у Гомера послѣ втораго названъ третьимъ: Дарданъ — говоритъ онъ, — построилъ Дарданію, ибо тогда священный Иліонъ, сей градъ словолюбивыхъ людей, еще не былъ воздвигнутъ на ровнинѣ, но жили на вершинахъ Иды, водами обилующей. Сію повѣсть, равно какъ и о Циклопахъ, Поетъ сказалъ по какому-то божественному внушенію, сообразно съ природою вещей. Вдохновенный родъ поетовъ, воспламеняясь священнымъ жаромъ Грацій и Музъ, прорѣкаетъ многія истинныя событія.

Кл. Какъ справедливо!

Аѳ. Вникнемъ глубже въ смыслъ сего сказанія, намъ встрѣтившагося. Можетъ быть чрезъ него откроется намъ то, чего мы ищемъ; угодноль?

Кл. Очень.

Аѳ. Мы говоримъ, что Иліонъ съ высотъ переселился на обширную прекрасную долину, на холмъ не очень возвышенный, орошае-

мый многими рѣками, съ вершины Иды текущими.

Кл. Такъ говорятъ.

Аѳ. Не должно ли предположить, что сіе случилось уже чрезъ многіе вѣки послѣ потопа?

Кл. Вѣроятно чрезъ многіе.

Аѳ. Ето бѣдствіе, кажется, у нихъ покрылось глубокимъ забвеніемъ. Иначе какъ они рѣшились основать свой городъ подъ истокомъ многихъ рѣкъ, текущихъ съ горы и ввѣрить себя мѣстамъ низмемнымъ?

Кл. Очень ясно, что долгое время отдѣляло ихъ отъ той всеобщей гибели.

Аѳ. Думаю, что съ умноженіемъ людей въ то время возникли и другіе многіе города.

Кл. Безъ сомнѣнія.

Аѳ. Изъ числа сихъ городовъ были и тѣ, кои вели войну противъ Иліона — уже морскимъ путемъ. Ибо всѣ уже начали безстрашно обращаться съ моремъ.

Кл. Кажется такъ.

Аѳ. Послѣ десятилѣтней осады Ахеяне разрушили Трою.

Кл. Какъ извѣстно.

Аѳ. Въ продолженіи сей десятилѣтней осады, домы осаждающихъ были постигнуты разными нещастіями отъ возмущенія юныхъ домосѣдовъ, кои не съ радостію и не съ должною справедливостію встрѣчали воиновъ, возвращающихся въ свои города,

подъ свой кровъ; отсѣлѣ произошли ужасныя кровопролитія и побѣги. Изгнанные возвратились во второй разъ, перемѣнивъ свое имя. Они вмѣсто Ахеянъ назвались Дорійцами, можетъ быть отъ того, что бѣгущихъ собралъ Дорій. Здѣсь начинается ваша Исторія, Лакедемонцы, длиннымъ рядомъ сихъ произшествій.

Мег. Точно такъ.

Аѳ. Съ чего мы начали разсужденіе свое о законахъ, прежде нежели случайно разговоръ нашъ обратился къ музыкѣ и пьянству, къ тому же опять мы возвращаемся, какъ будто нѣкой Богъ руководствуетъ насъ. Предметъ, такъ сказать, самъ собою дается намъ въ руки. Теперь рѣчь идетъ о населеніи Лакедемона, который, равно какъ и Критъ, можно сказать, устроились подъ одинакими законами. Какое же пространство мы дали своему разсужденію? Говоря о населеніяхъ и объ образѣ правленія, мы видѣли первое общество людей, второе и третье, кои въ неизчислимомъ продолженіи времени развивались одно изъ другаго. Теперь намъ представляется такой городъ, или лучше сказать такой народъ, которой и прежде имѣлъ свои переселенія, и нынѣ имѣетъ. Здѣсь можно видѣть, что хорошо и что худо въ каждомъ государственномъ устроеніи; какіе законы служили ко спасенію однихъ; отъ чего погибаютъ другіе; и какія

перемѣны въ оныхъ могутъ доставить государству благоденствіе? Вотъ новый предметъ для разсужденія, если не наскучила вамъ прежняя наша бесѣда.

Мег. Еслибъ какой Богъ поручился намъ, что при семъ новомъ обозрѣніи мы услышимъ что нибудь не хуже и не менѣе важное, какъ и прежде; тогда я готовъ во всякой дальній путь; самый нынѣшній день кажется короче, и какими-то чарами изъ лѣтняго сдѣлался зимнимъ.

Аѳ. Итакъ вамъ угодно продолжать нашу бесѣду?

Мег. Очень угодно.

Аѳ. Перенесемся мыслями въ тѣ времена, когда Лакедемонъ, Аргосъ, Мессина и смежныя съ ними страны повиновались вашимъ предкамъ. Тогда, какъ говоритъ преданіе, захотѣли они раздѣлить силы свои на три части, и составить особыя три государства: Аргосское, Мессинское и Лакедемонское.

Мег. Истинно.

Аѳ. Царемъ Аргосскаго царства сдѣлался Теменъ, Мессинскаго Кресфонтъ, Лакедемонскаго Проклъ и Еврисѳенъ.

Кл. Такъ.

Аѳ. Но гибнетъ государство, или падаетъ могущество отъ посторонниихъ ли причинъ, или отъ самаго себя? еще прежде разсуждая о семъ предметѣ, мы под-

твердили сту истину; откажемся ли отъ нея теперь?

Мег. Какъ можно?

Аѳ. Но мы еще болѣе подтвердимъ ее. Самыя событія, кажется, ведутъ насъ къ нашему умозаключенію. Мы основываемся не на догадкахъ, но на истинномъ происшествіи. Вотъ оно: Три царства дали одно другому взаимную клятву управлять и управляться по общимъ законамъ, ими принятымъ; Цари клялись не увеличивать своей власти въ будущее время, съ размноженіемъ народонаселенія; подданные, если Цари пребудутъ вѣрными клятвѣ своей, клялись не уничтожать престола и не подстрекать другихъ къ ниспроверженію его; первые клялись помогать и Царямъ и народамъ несправедливо угнетаемымъ; народы клялись народамъ и царямъ споборать противъ притѣснителей. Не такъ ли?

Мег. Такъ.

Аѳ. Сей союзъ, Царями ли заключенный, или другимъ кѣмъ либо начертанный, былъ для сихъ трехъ государствъ источникомъ величайшей пользы, какой только можетъ желать себѣ всякое политическое устройство.

Мег. Какой пользы?

Аѳ. Той, чтобъ два государства всегда были защитниками и мстителями правъ, еслибъ третье вздумало нарушать ихъ.

Мег. Это извѣстно.

Аѳ. Между тѣмъ отъ законодателей всегда требуютъ такихъ законовъ, кои бы охотно были приняты и цѣлымъ народомъ, и многолюднѣйшею частію его; равно какъ требуютъ отъ учителя гимнастики, и отъ врача, чтобъ они легкими и пріятными способами исправляли и врачевали, ввѣряемыя имъ тѣла.

Кл. Справедливо.

Аѳ. Не должно ли почитать щастіемъ, если кто посредствомъ легкой боли можетъ сдѣлать насъ крѣпкими и здоровыми?

Мег. Безспорно.

Аѳ. И тогда было еще одно весьма важное пособіе къ удобнѣйшему учрежденію законовъ.

Мег. Какое пособіе?

Аѳ. Вводя равенство въ имѣніяхъ, законодатели здѣсь не встрѣчали жесточайшаго ропота, которому подвергались прочіе, когда для благосостоянія цѣлаго государства хотѣли сдѣлать перемѣны въ раздѣлѣ земли и уничтожить долги; ибо видѣли, что безъ сего не можетъ быть никакаго равенства. Желаніе сдѣлать сіи перемѣны, всякой упреждаетъ совѣтомъ, не трогать того, что должно быть не поколебимымъ; всякой возстаетъ противъ вводящаго уравненіе земли и уничтоженіе долговъ. Кого не могутъ остановить такія препятствія? Но Дорійцамъ удалось спокойно и безъ ненави-

сти раздѣлить замли; а долговъ великихъ и застарѣлыхъ у нихъ не было.

Мег. Справедливо.

Аѳ. Отъ чего же ихъ поселеніе и законодательство были столь неуспѣшны?

Мег. Что говоришь ты и въ чемъ хочешь порицать ихъ?

Аѳ. Въ томъ, что изъ трехъ государствъ два скоро утратили и правленіе и законы, и осталось только одно ваше отечество.

Мег. Не легко отвѣчать на вопросъ твой.

Аѳ. Мы должны открыть причину сего въ самихъ законахъ ихъ; такое изслѣдованіе намъ старикамъ весьма прилично, и много удовольствій доставитъ нашему путешествію.

Мег. Сдѣлаемъ такъ, какъ ты говоришь.

Аѳ. Притомъ можемъ ли мы найти предметъ лучшій для своей бесѣды, какъ сіи законы, кои содѣйствовали гражданскому устройству сихъ трехъ государствъ, благоустроеннѣйшихъ и лучшихъ, какія только можно видѣть въ Исторіи?

Мег. Едвали.

Аѳ. Кажется, Дорійцы были увѣрены, что съ такою силою они могли защищать не только Пелопонесъ, но и всю Грецію, еслибъ кто изъ варваровъ дерзнулъ напасть на нихъ. Такъ нѣкогда народы обитавшіе вокругъ Иліона, полагаясь на силы Ассирійской Монархіи во время Нина, дерзкими своими

поступками привлекли войну къ стѣнамъ Трои. Тогда сія Монархія еще сохраняла прежній видъ своего величія; и какъ мы нынѣ боимся великаго Царя: такъ жители тѣхъ временъ боялись существовавшаго тогда союза, и великимъ стыдомъ служило ему взятіе во второй разъ Трои, которая составляла часть Ассирійскаго Государства. Чрезъ раздѣленіе военныхъ силъ на три части подъ управленіемъ братьевъ, дѣтей Иракловыхъ, Дорійцы оградились противъ всѣхъ опасностей, и устроились лучше, нежели какъ было до похода подъ Трою. Во первыхъ они увѣрены были, что въ Ираклидахъ имѣютъ лучшихъ вождей, нежели въ Пелопидахъ. Притомъ почитали свои военныя силы превосходнѣе тѣхъ, кои ходили противъ Трои: ибо они побѣдили, Ахейцы же были побѣждены Дорійцами. Не такимъ ли образомъ, и не съ сею ли цѣлію произошло ихъ государственное устройство?

Мег. Безъ сомнѣнія

Аѳ. По всей вѣроятности они почитали сіе устройство твердымъ и вѣковѣчнымъ: ибо раздѣляли между собою всѣ великія труды и опасности, управлялись царями отъ одного поколѣнія, — братьями, и пользовались одними оракулами, какъ прочими, такъ и Делфійскимъ.

Мег. Заключеніе весьма основательное.

Аѳ. Но всѣ сіи великія ожиданія такѣ скоро изчезли! теперь остается одна малая часть — ваше отечество; и та до сихѣ порѣ еще не прекращала войны противѣ прочихѣ двухѣ частей. Но еслибѣ царствовалѣ между ими первый духѣ согласія: то они вѣчно остались бы непобѣдимыми.

Мег. Безѣ сомнѣнія.

Аѳ. Какимѣ же образомѣ все сіе рушилось? Не стоитѣ ли вниманія, разсмотрѣть, какой нѐобыкновеный случай подорвалѣ такое устройство?

Мег. Конечно. Опустивѣ безѣ вниманія такіе случаи, напрасно будемѣ учиться познанію законовѣ и правленія; напрасно станемѣ углубляться вѣ причины благоденствія государствѣ и упадка ихѣ.

Аѳ. Но думая, что нѣкоторыя предпріятія основательно обдуманы, и вѣ рукахѣ способныхѣ исполнителей произвелибѣ чрезвычайныя дѣйствія, не впадемѣ ли мы вѣ погрѣшность весьма обыкновенную — судить, не зная вещи сѣ надлежащей стороны ея, — погрѣшность, вѣ которую впадаютѣ всѣ, подобно намѣ разсуждающіе?

Мег. Что говоришь ты? кѣ чему клонится рѣчь твоя?

Аѳ. Почтенный иноземецѣ. я смѣюсь самѣ надѣ собою. Разсматривая сіе войско, о которомѣ теперь говоримѣ, я почиталѣ сла-

вою и щастіемъ для всѣхъ Еллиновъ, еслибъ кто умѣлъ надлежащимъ образомъ пользоваться такими средствами.

Мег. Но развѣ несправедливо и не основательно все, что ты сказалъ о семъ предметѣ? Развѣ мы безъ причины хвалили тебя?

Аѳ. Незнаю. Впрочемъ воображаю, что, увидѣвши что нибудь великое, сильное, могущественное, легко подумаешь, сколь щастливъ сей обладатель и какъ много онъ можетъ сдѣлать, умѣя пользоваться своими средствами!

Мег. И это справедливо, если я не ошибаюсь.

Аѳ. Но разсмотримъ, съ какой стороны можетъ быть основательною такая похвала: вопервыхъ, ограничиваясь своимъ предметомъ, разсмотримъ, какимъ образомъ можно сказать, что Дорійцы имѣлибъ во всемъ желаемый успѣхъ, еслибъ умѣли пользоваться своимъ войскомъ? Безъ сомнѣнія, давши ему постоянное устройство и содержа его всегда въ одномъ положеніи, такъ чтобъ, сохраняя свою независимость, оно могло покорять власти своей всякаго противника, и чтобъ, какъ они, такъ и потомки ихъ предписывали законы прочимъ Еллинамъ и варварамъ? Не это ли есть основаніе похвалы?

Мег. Безъ сомнѣнія.

Аѳ. Равнымъ образомъ, еслибъ кто сталъ хвалить великія богатства, почести, знатность породы: тотъ конечно дѣлалъ бы сіе потому, что съ помощію ихъ можно пріобрѣсть бо̀льшія и важнѣйшія предметы своего желанія.

Мег. Я думаю такъ.

Аѳ. Итакъ всѣ люди имѣютъ одно желаніе, показанное въ семъ словѣ.

Мег. Какое?

Аѳ. Чтобъ всѣ случаи или по крайней мѣрѣ человѣческіе произходили по ихъ желанію.

Мег. Безъ сомнѣнія.

Аѳ. Такъ какъ мы всѣ желаемъ сего, и большіе и малые, юные и старые: то сіе желаніе есть всегдашній предметъ нашей молитвы.

Мег. Не иначе.

Аѳ. И друзьямъ своимъ мы просимъ отъ Бога, чего они сами себѣ желаютъ.

Мег. Не инаго.

Аѳ. Сынъ не любезенъ ли своему отцу?

Мег. Конечно.

Аѳ. Но юноша часто желаетъ того, чего отецъ страшится, и молитъ Боговъ, чтобъ они не дѣлали по желанію безразсуднаго.

Мег. Ты говоришь о желаніяхъ безсмысленной юности.

Аѳ. Также если престарѣлый или слишкомъ юный отецъ, не имѣя понятія о доблести и справедливости, находясь въ томъ

расположеніи, вЪ какомЪ былЪ Тезей кЪ нещастному Ипполиту, приноситЪ БогамЪ тѣже молитвы: то можно ли думать, что сынЪ сЪ молитвою отца соединитЪ и собственную свою?

Мег. Понимаю, что ты хочешь сказать. Надобно желать и домогаться не того, чтобЪ все покорно было нашему желанію, но болѣе, чтобЪ желанія покорялись разсудку. Слѣдовательно мудрость есть единственное благо, котораго должны искать и просить какЪ государство, такЪ и частной человѣкЪ.

Аѳ. Да; и я уже сказалЪ, что мужЪ государственный и законодатель вЪ учрежденіи законовЪ долженЪ имѣть цѣль сію. Припомню и то, что сначала мы говорили: вы утверждали, что хорошій законодатель долженЪ основать свои законы на войнѣ; по моему же мнѣнію такіе законы предполагаютЪ только одну добродѣтель, оставляя три прочія. Надлежало бы обратить вниманіе на всѣ четыре, и особенно на первую, какЪ основаніе всѣхЪ прочихЪ, то есть на мудрость, умЪ, мнѣніе, и сЪ ними сообразныя побужденія. Еще наше разсужденіе возвращается кЪ тому же предмету. И теперь я скажу то же, что и прежде; вЪ вашей волѣ, принять ето за шутку или за истину. Гибельна, говорю, молитва невладѣющему разумомЪ; щастливѣе онЪ, если случается противное желаніямЪ

его; съ моей стороны я твердо въ етомъ увѣренъ. Надѣюсь, что вы слѣдуете за нитью нашего слова, которое мы недавно предложили, что причиною гибели Царей и вообще порчи умовъ бываетъ не робость, не то, если вожди и воины не опытны въ дѣлахъ военныхъ; но все гибнетъ отъ другихъ вкрадывающихся золъ и особенно отъ невѣжества въ дѣлахъ человѣческихъ. Такъ бывало прежде, такъ нынѣ, такъ будетъ и въ послѣдующія времена. Я постараюсь представить вамъ сіе въ слѣдующемъ словѣ, и по возможности обънснить какъ друзьямъ.

Кл. Трудно похвалить тебя, иноземецъ, словами; за то мы лучшую похвалу тебѣ докажемъ на самомъ дѣлѣ; мы съ жадностію будемъ слушать слова твои. Здѣсь очевиднѣе будетъ, искренна ли наша похвала или нѣтъ.

Аѳ. Ето лучше всего, Клиній; сдѣлаемъ такъ, какъ ты говоришь.

Кл. Сдѣлаемъ, если Богъ поможетъ; только говори.

Аѳ. Продолжая нить нашего разсужденія, скажемъ, что глубокое невѣжество было причиною падшаго тогда могущества; и нынѣ оно оказываетъ тѣже дѣйствія. И потому первый долгъ законодателя, сколько можно болѣе внушать любовь къ мудрости и разгонять мракъ заблужденія.

Кл. Сіе очень ясно.

Аѳ. Но какое невѣжество можно почитать опаснѣйщимъ? смотрите, будемъ ли мы согласны въ своихъ мнѣніяхъ; я почитаю опаснѣйшимъ....

Кл. Какое?

Аѳ. Если нѣтъ любви къ тому, что мы почитаемъ добрымъ и прекраснымъ, но господствуетъ къ нимъ ненависть; если любимъ и боготворимъ то, что сами признаемъ порочнымъ и несправедливымъ. Сіе противорѣчіе горести и удовольствія съ истиною я называю глубочайшимъ невѣжествомъ — глубочайшимъ потому, что сіи страсти составляютъ чернь, слѣдовательно большую часть души. Горести и удовольствія для души тоже, что многолюдная чернь въ государствѣ. Всегдашнее противорѣчіе познанію, мнѣніямъ, разсудку, симъ властямъ назначеннымъ человѣку самою природою, противорѣчіе душѣ, чѣмъ назвать иначе, какъ невѣжествомъ, и въ государствѣ, когда народъ не повинуется правителямъ и законамъ, и въ частномъ человѣкѣ, если прекрасныя мысли въ душѣ не имѣютъ никакой силы; если всѣ поступки имъ противорѣчатъ? Сіе невѣжество я почитаю опаснѣйшимъ какъ вообще для всѣхъ, такъ и въ частности для каждаго. Что значитъ въ сравненіи съ нимъ невѣжество въ какомъ либо художествѣ? Ясно ли для васъ, друзья мои, то что я говорю?

Кл. Очень ясно; мы соглашаемся съ тобою.

Аѳ. Должно постановить твердымъ правиломъ: не поручать накакой власти тѣмъ гражданамъ, кои не научились сему согласію поступковъ съ истинною; и почитать ихъ невѣждами, хотя бы они имѣли самый острый умъ, и упражнялись во всѣхъ сокровенныхъ тонкостяхъ его; скорѣе предпочесть имъ людей безъ сихъ блистательныхъ качествъ, хотябъ они, по пословицѣ, не умѣли ни читать ни плавать; и такимъ поручать всякую власть, какъ мудрѣйшимъ. Друзья, безъ сего согласія нѣтъ ни малѣйшаго благоразумія; но лучшее и величайшее согласіе справедливо можетъ назваться мудростію. Безъ мудрости человѣкъ есть рушитель домашняго щастія; отечество не можетъ ожидать отъ него никакой помощи; скорѣе оно должно страшиться его невѣжества. Сіе правило должно остаться непоколебимымъ.

Кл. Пусть оно такимъ останется.

Аѳ. Въ Государствѣ необходимо одни должны управлять, другіе повиноваться.

Кл. Безъ сомнѣнія.

Аѳ. Но сколь многоразличны и важны права сіи въ великихъ Государствахъ и малыхъ, и въ частныхъ семействахъ? Первое право не есть ли отца и матери? не вездѣ ли равно уважается власть родителей надъ своими дѣтьми?

Кл. Безспорно.

Аѳ. Вторая власть благородныхъ надъ простолюдинами, и третья старшихъ надъ младшими.

Кл. Справедливо.

Аѳ. Четвертая власть господъ надъ рабами.

Кл. Такъ.

Аѳ. Въ пятыхъ лучшіе должны управлять, а худшіе повиноваться.

Кл. Ета власть самая необходимая.

Аѳ. И весьма обыкновенная у большой части животныхъ, и какъ сказалъ Тебанскій Пиндаръ, съ природою самая сообразная. Но важнѣйшее право есть шестое, которое повелѣваетъ неопытному повиноваться, а опытному и умному управлять и начальствовать. Премудрый Пиндаръ, сія власть чуждая насильства и дѣйствующая на волю единою силою закона, кажется, есть самая сообразная съ природою.

Кл. Весьма справедливо.

Аѳ. Еще назовемъ одну власть, основанную на щастіи и Божіемъ предопредѣленіи. Справедливость требуетъ, чтобы начальствовалъ тотъ, кому выпадетъ жребій, а неполучившій жребія пребывалъ бы въ повиновеніи.

Кл. Не льзя справедливѣе.

Аѳ. Итакъ видишь ли, законодатель, шутя, можно сказать кому либо изъ тѣхъ,

кои легко берутся за дѣло законодательства, видишь ли, сколь различны степени начальствъ, и какъ они по естеству своему противоположны. Мы открыли нѣкоторымъ образомъ причину возмущеній, которую ты долженъ отвратить. Во первыхъ разсмотримъ вмѣстѣ, какимъ образомъ, какими ошибками Цари Аргоса и Мессины погубили и себя самихъ, и силы Еллиновъ, по тогдашнему времени великія. Не забыли ль они мудраго правила Гезіода, что половина часто бываетъ болѣе цѣлаго. Если безопаснѣе взять половину, нежели цѣлое, то и ограниченное больше неограниченнаго.

Кл. Справедливо.

Аѳ. Можно ли сказать, что сему злу чаще подвержены Цари, и на нихъ оно чаще оказываетъ свои гибельныя слѣдствія, нежели на подданныхъ?

Кл. Очень ясно, что это есть болѣзнь Царей, которые не знаютъ границъ своей гордости и роскоши.

Аѳ. Не ясно ли, что сіи Цари первые стремились къ нарушенію союза, стараясь распространить власть свою за предѣлы законовъ? что они не согласовались между собою въ томъ, что сами утвердили договорами и клятвою. Сіе противорѣчіе въ поступкахъ, казавшееся глубокою мудростію, а въ самомъ дѣлѣ глубочайшее невѣжество,

вовлекло ихъ въ заблужденіе и въ гибельныя крайности.

Кл. Очень ясно.

Аѳ. Но какъ могъ законодатель отвратить сіе зло? Теперь безъ сомнѣнія немного потребно ума, чтобъ познать и объяснить причины сего зла. Тотъ былъ бы искуснѣе насъ, кто въ тѣ времена могъ бы предвидѣть гибельныя слѣдствія его.

Мег. Что же надлежало дѣлать?

Аѳ. Обративъ взоръ на то, что произошло у васъ, Мегиллъ, не трудно сказать, что и въ тѣ времена надлежало дѣлать.

Мег. Говори яснѣе.

Аѳ. Это будетъ очень ясно.

Мег. Какимъ образомъ?

Аѳ. Если мы чему нибудь малому не по соразмѣрности дадимъ великую силу, малому кораблю большіе парусы, тѣлу чрезмѣрную пищу и слабымъ душамъ великую власть; то корабль погибнетъ, излишество пищи произведетъ болѣзни, излишняя власть породитъ несправедливость. Чтожь изъ того заключаемъ? то, что смертный отъ природы слабъ, и не можетъ удержать величайшей власти, если въ юности своей удаляется отъ всякаго совѣта; опаснѣйшая болѣзнь безумія заражаетъ сердце его; онъ дѣлается ненавистнымъ для ближайшихъ друзей своихъ, быстро стремится къ своей гибели и

теряетЪ свое могущество. Дѣло великихЪ законодателей предвидѣть и отвращать сїе зло мудрою ограниченностїю. Теперь, кажется, весьма легко угадать тогдашнее теченїе дѣлЪ, и вотЪ, что можно сказать о немЪ.

Мег. Что?

Аѳ. Кажется БогЪ какой нибудь печется о васЪ. Предвѣдая будущее, онЪ далЪ вамЪ двойное поколѣнїе Царей, и тѣмЪ ограничилЪ силу ихЪ; притомЪ у васЪ и человѣческое благоразумїе, управляемое Божественною силою, видя бури, возмущающїя правительство, соединило сЪ могуществомЪ Царей испытанную мудрость двадцати восьми старцевЪ и дала имЪ ровно-сильной голосЪ вЪ рѣшенїи важнѣйшихЪ дѣлЪ государства. Третїй спаситель вашЪ оплотомЪ противЪ самовольства и необузданности постановилЪ власть ЕфоровЪ, избираемыхЪ по жребїю. ТакимЪ образомЪ правленїе ваше, составленное изЪ необходимыхЪ членовЪ, получило свою ограниченность, сохраняется само собою и есть источникЪ общей безопасности ЕллиновЪ; между тѣмЪ какЪ законы Темена, Кресфонта и другихЪ законодателей того времени не могли даже обезпечить части Аристодема. Худые законодатели! иначе они никогда бы не положились на одну клятву пылкой юности, что она не превратитЪ своей власти вЪ неограниченное самовластїе. Теперь

Богѣ и опытѣ показали намѣ, чего не доставало тому правленію, и начемѣ основывается и теперь прочность существованія государственнаго. Не великой мудрости дѣло знать сіе, имѣя предѣ глазами прежніе примѣры. Но еслибѣ вѣ тѣ времена какой либо Геній могѣ предвидѣть сіи послѣдствія, ограничить верховную власть и три государства слить вѣ единое; тотѣ совершилѣ бы прекраснѣйшія намѣренія и надежды. Тогда ни Персы, ни кто другой не дерзнули бѣ презирать насѣ, какѣ людей слабыхѣ и не подумали бы о нападеніи на Елладу.

Кл. Справедливо.

Аѳ. Худо отразили ихѣ Еллины; худо, говорю, не потому, что не одержали надѣ непріятелемѣ многихѣ знаменитыхѣ побѣдѣ на сушѣ и на морѣ; но что изѣ трехѣ государствѣ только одно сражалось за свободу Еллады. Два прочія находились вѣ такой испорченности, что Мессина жестокою войною противѣ Лакедемона воспрепятствовала ему вступиться вѣ общее дѣло. Аргосѣ, первенствовавшая тогда держава, отказался сражаться сѣ варварами, когда просили помощи его. Войдя вѣ подробности сей войны, можно представить многія дѣла унизительныя для Еллады; и отнюдь не льзя сказать, что она дѣйствовала тогда какѣ должно; напротивѣ еслибѣ Аѳиняне и Лакедемонцы не противо-

стали съ равною твердостію угрожающему рабству, то уже давно смѣшались бы всѣ Еллинскія племена между собою и съ варварами, какъ живущіе теперь подъ владычествомъ Персидскимъ, коихъ едва можно узнать между иноплеменными. Сіи упреки мы можемъ сдѣлать древнимъ и новѣйшимъ законодателямъ; впрочемъ я открываю сіи недостатки только съ тѣмъ, чтобъ показать средства къ поправленію ихъ. Мы уже прежде сказали, что не должно учреждать власти неограниченной и нераздѣльной; ибо первая и существенная потребность для каждаго Государства—быть свободнымъ, мудрымъ, стройнымъ и единымъ во всѣхъ своихъ частяхъ; къ сему должны относиться всѣ законы. Но да не покажется страннымъ, что мы предположивъ что нибудь, всегда назначаемъ сіе цѣлію законодателю. Разсмотримъ, одну ли цѣль имѣли мы, когда совѣтовали ему обращать свое вниманіе то на умѣренность, то на мудрость, то на согласіе? Тогда и другія подобныя выраженія не приведутъ насъ въ замѣшательство.

Кл. Такъ и станемъ разбирать слова твои; разсмотримъ, почему, какъ сказалъ ты, законодатель долженъ обращать вниманіе на согласіе, мудрость и свободу.

Аѳ. Слушай. Есть два главныхъ образа правленія, Монархія и Демократія, отъ ко-

шорыхЪ, справедливо можно сказашь, про-изходяшЪ всѣ прочіе. Первая имѣешЪ свое цвѣшущее состояніе у ПерсовЪ, вшорая у насЪ: другія, какЪ я сказалЪ, сушь шолько измѣненія сихЪ первыхЪ. Только вЪ соединеніи шого и другаго могушЪ проявляшься дружесшво, свобода и мудросшь. По сему шо я сказалЪ, чшо Государсшво безЪ сихЪ шрехЪ пособій не можешЪ имѣшь хорошаго управленія.

Кл. Кажешся не можешЪ.

Аѳ. Персы и Аѳиняне пошеряли сіе равновѣсіе, одни, слишкомЪ распросшранивши права Монархіи, другіе, просширая слишкомЪ далеко любовь кЪ свободѣ. Сіе равновѣсіе болѣе сохраняешся вЪ вашихЪ государсшвахЪ, вЪ КришскомЪ и ЛакедемонскомЪ. У насЪ и у ПерсовЪ прежде оно сохранялось. Хошише ли знашь причину сей перемѣны?

Кл. Хорошо, если оно ведешЪ насЪ кЪ нашему предположенію.

Аѳ. ПослушаемЪ. Сначала Персы при Кирѣ умѣряли рабсшво и свободу; ошЪ шого и сами сдѣлались свободными, и пошомЪ покорили подЪ власшь свою многихЪ народовЪ. Полководцы давали побѣжденнымЪ свободу и равныя права; за шо воины усердно служили имЪ и сЪ охошою подвергались всѣмЪ опасносшямЪ. Царь ихЪ не пишалЪ никакой зависши, давалЪ всѣмЪ свободу говоришь, и хвалилЪ мудрые совѣшы; пошому мужи ра-

зумные и опытные охотно сообщали свои свѣденія. По причинѣ сей свободы, согласія и мудрости они были столь щастливы во всѣхъ предпріятіяхъ.

Кл. Слова твои, кажется, согласны съ самыми событіями.

Аѳ. Отъ чего же сія Монархія при Камбизѣ почти совсѣмъ упала, а при Даріѣ опять возстала? Хотите ли слышать о семъ мои мысли и догадку?

Кл. Чрезъ сіе конечно яснѣе раскроется намъ предметъ нашъ.

Аѳ. Скажу мою догадку о Кирѣ: онъ былъ хорошій полководецъ, усердный сынъ отечества, впрочемъ совсѣмъ не имѣлъ истиннаго воспитанія и не обращалъ вниманія на дѣла семейственныя.

Кл. Какъ можно сказать сіе?

Аѳ. Онъ возросъ и состарѣлся въ безпрерывныхъ войнахъ, и женщинамъ поручилъ воспитаніе дѣтей своихъ. Онѣ воспитывали ихъ какъ людей блаженнѣйшихъ отъ самаго дѣтства, какъ рожденныхъ подъ щастливымъ созвѣздіемъ и ни въ чемъ неимѣющихъ нужды. Дабы не нарушить ихъ щастія, не позволяли ни въ чемъ имъ противорѣчить, но заставляли хвалить всѣ дѣла и слова ихъ.

Кл. Вотъ прекрасное воспитаніе!

Аѳ. Воспитаніе такое, какое можетъ дать теремъ Царскихъ женъ, недавно ознакомившихся съ богатствомъ и пышностію, въ

отсутствіи мужей, обращающихся въ опасностяхъ безпрерывной войны.

Кл. Извѣстно, каково оно должно быть.

Аѳ. Отецъ ихъ пріобрѣлъ имъ безчисленныя стада скота и множество невольниковъ, но не зналъ, что наслѣдники сихъ богатствъ воспитываются не по образу отцовъ своихъ—народа пастушескаго, обитателей страны суровой; и вмѣсто того, чтобы содѣлать ихъ сильными пастырями, звѣроловами, пріучить къ жизни бодрственной и приготовить къ военнымъ походамъ, онъ ввѣрилъ женщинамъ и евнухамъ, по обычаямъ Мидійскимъ, воспитывать ихъ въ нѣгѣ и роскоши. Возросши во всякомъ своевольствѣ, они сдѣлались тѣмъ, чего ожидать отъ нихъ надлежало. Принявъ власть по смерти Кира, они предавались необузданнымъ удовольствіямъ, и недовольствуясь равнымъ удѣломъ, наконецъ одинъ убиваетъ другаго. Послѣ сего и самъ Камбизъ въ безуміи отъ пьянства и въ грубомъ невѣжествѣ былъ лишенъ престола, посредствомъ евнуха, Мидянами, которые начали презирать его неистовство.

Кл. Такъ говорятъ; кажется такъ и случилось.

Аѳ. Дарій и семь его намѣстниковъ опять перевели верьховную власть къ Персамъ.

Кл. Такъ.

Аѳ. Разсмотримъ дальнѣйшія послѣдствія по принятому началу. Дарій былъ не Цар-

ской сынЪ, и возросЪ не вЪ изнѣженномЪ образѣ жизни. Возшедъ на престолЪ, онЪ раздѣлилЪ власть свою на семь частей, и теперь еще остаются нѣкоторые слѣды сего раздѣленія. ОнЪ установилЪ законы, сЪ которыми сообразовался вЪ своемЪ правленіи и ввелЪ нѣкоторый образЪ общаго равенства; уравнялЪ подати, такЪ какЪ завѣщалЪ самЪ КирЪ, установилЪ общее согласіе и торговлю, и щедростію привлекЪ кЪ себѣ сердца народа. ОтЪ того и войско, ему преданное, пріобрѣло ему столько же странЪ, сколько оставилЪ ихЪ послѣ себя КирЪ. ДаріевЪ наслѣдникЪ КсерксЪ опять воспитанЪ вЪ Царской пышности и нѣгѣ. Дарій! можно сказать ему, ты не воспользовался нещастнымЪ примѣромЪ Кира и воспиталЪ Ксеркса такимЪ же образомЪ, какЪ КирЪ Камбиза; какЪ питомецЪ тѣхЪ же правилЪ, онЪ испыталЪ одну участь сЪ КамбизомЪ. СЪ того времени вЪ Персіи не было истинно великаго Царя, развѣ только по имени, и виною сему, говорю, не есть случай; но порочная жизнь, которую ведутЪ по большой части дѣти богатыхЪ людей и Государей. Подобное воспитаніе не даетЪ стремленія кЪ доблестямЪ ни юношѣ, ни мужу, ни старику. На сіе то, законодатель, и мы теперь должны устремить все свое вниманіе. Должно отдать справедливость вашему правленію, Лакедемонцы: у васЪ нѣтЪ другихЪ различій вЪ

въ почестяхъ и въ образѣ жизни между бѣднымъ и богатымъ, между Царемъ и частнымъ человѣкомъ, кромѣ тѣхъ, кои съ самаго начала установлены Богомъ и мудрыми законодателями. Въ самомъ дѣлѣ въ Государствѣ не должно быть отличнаго почтенія къ богатству, къ быстротѣ ногъ, къ красотѣ или крѣпости тѣла, если они не управляются какою нибудь добродѣтелію ни въ самой добродѣтели, если она не соединена съ умѣренностію.

Кл. Что ты говоришь иноземецъ?

Аѳ. Мужество не есть ли часть добродѣтели?

Кл. Справедливо.

Аѳ. И такъ ссылаюсь на собственной твой судъ. Пожелаешь ли ты быть сосѣдомъ человѣка храбрѣйшаго, но нескромнаго, необузданнаго?

Кл. Благодарю.

Аѳ. Или художника, отличнаго въ искусствѣ своемъ, но несправедливаго?

Кл. Никакъ.

Аѳ. Но справедливость нераздѣльна съ умѣренностію.

Кл. Безъ сомнѣнія.

Аѳ. И мудрецъ такой, какъ мы его опредѣлили, — у котораго удовольствія и отвращенія согласны съ здравымъ смысломъ и ему подчинены, можетъ ли быть безъ умѣренности?

Кл. Не можетъ.

Аѳ. Скромность безъ всякой другой добродѣтели, одна въ душѣ питаемая, достойна ли уваженія, или нѣтъ?

Кл. Не могу ничего сказать.

Аѳ. Но ты отвѣчалъ дѣльно; сказавши на вопросъ мой, да или нѣтъ, ты сказалъ бы худо.

Кл. И такъ я хорошо сдѣлалъ.

Аѳ. Положимъ такъ. Сія прибавочная добродѣтель сама по себѣ не заслуживаетъ вниманія; лучше всего не говорить о ней ни да, ни нѣтъ.

Кл. Такъ ты говоришь о умѣренности.

Аѳ. Да; качества, соединенныя съ сею прибавочною добродѣтелію, имѣютъ первѣйшее мѣсто въ нашемъ уваженіи, если доставляютъ величайшую пользу; во вторыхъ уважаются тѣ, кои производятъ меньшую пользу; такъ что уваженіе къ нимъ всегда соотвѣтствуетъ степени пользы ихъ.

Кл. И справедливо.

Аѳ. Назначить сіи степени не есть ли долгъ законодателя?

Кл. Безъ сомнѣнія.

Аѳ. Хотите ли предоставить ему подробнѣйшее раздѣленіе сего рода; а сами мы, удовлетворяя своему желанію познать законы, вообще раздѣлимъ предметы своего уваженія на три рода, особенно возмемъ важнѣйшіе, особенно средніе и послѣдніе.

Кл. Очень хорошо.

Аѳ. И такъ мы говоримъ, что государство, имѣющее цѣлію безопасность и щастіе, природѣ человѣка совмѣстное, необходимо должно въ правдѣ раздѣлять почести и безчестія. Почшеннѣйшія и преимущественнѣйшія блага безспорно суть блага душевныя, скромностію украшенныя; вторыя блага суть доблести тѣлесныя, третія суть имѣніе и богатство. Законодатель или государство поступили бъ несправедливо, еслибъ дали первое мѣсто богатству или знатности, или приняли бы послѣднее вмѣсто перваго. Согласитесь ли вы въ етомъ, или нѣтъ?

Кл. Соглашаемся.

Аѳ. Особенно взоръ на управленіе Персидской Монархіи заставилъ меня сказать слова сіи. Мы видѣли, что Персія упадаетъ; причиною сему полагаемъ то, что тамъ слишкомъ стѣснили свободу народа, слишкомъ усилили деспотизмъ и чрезъ то уничтожили въ государствѣ согласіе, расторгли узы, связующія цѣлое. Съ уничтоженіемъ сего, правительство начало пещись не о подданныхъ, не о пользѣ народа, но единственно о своей власти; и гдѣ видитъ малѣйшую для себя выгоду, тамъ огнемъ и мечемъ истребляетъ цѣлые города и союзныя провинціи, какъ возмутительныя; за враждебную и безчеловѣчную ненависть ему платятъ не-

навистію. Если необходимость требуетъ ополчить сей народъ на брань за самихъ себя; то онъ не показываетъ ни малѣйшей охоты мужественно подвергаться опасностямъ и проливать кровь свою. Среди нещетныхъ полчищь нѣтъ ни одного храбраго воина. Правительство: какъ бы обѣднявшее въ людяхъ, должно нанимать войско, и у наемныхъ, чужеземныхъ искать спасенія. Во всѣхъ поступкахъ Перса оказывается его глубочайшее невѣжество; все прекрасное, высокое, отличное онъ ставитъ ничтожнымъ предъ сребромъ и златомъ.

Мег. Совершенная истина!

Аѳ. Мы довольно уже показали, что государство Персидское разстроилось отъ чрезмѣрнаго рабства и деспотизма.

Мег. Очень довольно.

Аѳ. Теперь говоря объ образѣ правленія Аттики, мы выводимъ заключеніе, что свобода неограниченная не столько выгодна, какъ ограниченная какою либо властію, какова сохраняется у васъ. Въ то время, какъ сдѣлано отъ Персовъ нападеніе на Елладу и почти на всю Европу, въ Аѳинахъ сохранялся древній образъ правленія, и достоинства давались смотря по четыремъ классамъ, на которыя раздѣлялся весь народъ. Тогда господствовалъ у насъ нѣкоторый стыдъ, который заставлялъ покоряться законамъ. Необычайныя вооруженія вра-

говъ на сушѣ и на морѣ еще болѣе усилили наше повиновеніе правителямъ и законамъ. Отъ того царствовало между нами удивительное согласіе. Почти за десять лѣтъ до морскаго сраженія при Саламинѣ, Датисъ пришелъ въ Грецію съ безчисленными полчищами; Дарій послалъ его противъ Аѳинянъ и Еретрійцевъ, привести ихъ плѣнными, грозивъ ему смертію, если не успѣетъ въ семъ предпріятіи. Датисъ въ короткое время завоевалъ Еретрію, и въ нашъ городъ послалъ предтечею страшную молву, что изъ Еретрійцевъ не спасся ни одинъ человѣкъ, что воины его, схватившись рука съ рукою, прошли чрезъ всю Еретрію. Молва сія, истинная или нѣтъ, приводила въ ужасъ всѣхъ Еллиновъ, равно и Аѳинянъ. Тщетно они отправляли всюду пословъ; никто не хотѣлъ помочь имъ, кромѣ Лакедемонянъ. И сіи въ то время вели войну противъ Мессины, или, вѣрно не знаю, можетъ быть по другой причинѣ пришли уже на другой день послѣ битвы Марафонской. Послѣ того Царь дѣлалъ новыя великія приготовленія и изрѣкалъ страшныя угрозы Аѳинянамъ. Въ продолженіи времени мы узнали, что Дарій умеръ, и юный могущественный сынъ его принялъ правленіе и вмѣстѣ съ правленіемъ грозныя намѣренія своего отца. Аѳиняне знали, что на нихъ устремлялись сіи приготовленія за пораженіе при Марафонѣ. Услышавъ, что Пер-

сы раскапываютъ гору Аѳонъ, наводятъ мостъ на Еллеспонтъ, собираютъ множество кораблей, они не чаяли себѣ спасенія ни на сушѣ, ни на морѣ; не ожидали ни откол҄ѣ помощи, помня, что и прежде при нашествіи непріятеля на Еретрію никто не помогъ имъ; никто не отважился быть ихъ союзникомъ. И теперь ожиданію ихъ то же представлялось на сушѣ; и на морѣ, при нападеніи тысячи кораблей, они также не видѣли спасенія. Одну надежду усматривали, надежду слабую, бѣдную: изъ примѣра первой битвы видѣли, что отчаяніе доставляетъ сражающимся побѣду. Сею надеждою поддерживаемые, они искали защиты въ себѣ самихъ и въ благости боговъ. Сей страхъ произвелъ между ими взаимное расположеніе и согласіе, страхъ, которой и прежде они имѣли къ законамъ, которой мы прежде разумѣли подъ именемъ стыда, и которому люди должны покоряться, чтобъ быть добрыми. Рабъ сего господина свободенъ и чуждъ всякой другой боязни. Безъ него Еллины не стали бъ такъ храбро сражаться и защищать храмы, гробы, отечество и все сердцу близкое и милое, какъ они сдѣлали въ то время, но разсѣявшись, искали бъ спасенія въ бѣгствѣ.

Мег. Иноземецъ, ты сказалъ справедливо и прилично тебѣ, и твоему отечеству.

Аѳ. Съ тобою, Мегиллъ, такъ и должно

говорить о произшествіяхЪ того времени; ибо ты по родственнымЪ связямЪ раздѣляешь славу нашихЪ предковЪ. Разсмотрите сЪ КлиніемЪ, относится ли кЪ законодательству то, что я сказалЪ. Я говорю совсѣмЪ не для празднословія, но желаю доказать предЪидущее. Судите сами. Поелику одно нещастіе постигло насЪ, и ПерсовЪ: ихЪ потому, что подвергли народЪ жесточайшему рабству; насЪ потому, что возбуждаемЪ чернь кЪ необузданной свободѣ: то я не безЪ намѣренія сказалЪ то, что вы слышали, но чтобы лучше приготовить васЪ кЪ послѣдующему.

Мег. Ты хорошо говоришь; постарайся еще яснѣе изложить намЪ мысль свою.

Аѳ. ВЪ древнемЪ нашемЪ правленіи народЪ никогда не былЪ господиномЪ, но нѣкоторымЪ образомЪ всегда покорялся власти законовЪ.

Мег. КакихЪ же законовЪ?

Аѳ. ЗаконовЪ относительно кЪ музыкѣ тѣхЪ временЪ. Но разсмотримЪ сЪ самаго начала излишнее послабленіе свободной жизни. Сначала музыка раздѣлялась на извѣстные виды и образы. СодержаніемЪ пѣсней служили молитвы кЪ БогамЪ, отЪ чего получили свое названіе гимны; былЪ другой родЪ пѣсни противоположной первому — родЪ плачевный; были пеаны, диѳирамвы, воспѣвающіе рожденіе Вакха; каждой

родъ составлялъ особенный законъ, извѣстный подъ именемъ музыкальнаго въ отличіе отъ прочихъ законовъ. По сему раздѣленію музыки никому не позволялось дѣлать произвольныхъ измѣненій одного вида въ другой. Понимать назначеніе каждаго рода, разумно разбирать его и отступающаго отъ правилъ исправлять, тогда не значило свистать. Тогда не слышно было сего нескладнаго крика черни, ни сихъ громкихъ рукоплесканій, показывающихъ одобреніе, кои нынѣ раздаются въ театрѣ. Попечители воспитанія приказывали внимать или въ молчаніи ждать конца. Дѣтямъ, спутникамъ ихъ и многолюдной толпѣ розга блюстительница порядка служила увѣщаніемъ. При такомъ устройствѣ народъ привыкалъ быть подъ властію и не дерзалъ подавать своего суда въ мятежномъ шумѣ. Въ продолженіи времени сами поеты подали поводъ къ немузыкальному злоупотребленію поезіи. Рожденные съ творческимъ геніемъ, они не постигаютъ правильности и назначенія ея; слишкомъ предаются упоенію, и чрезмѣрными удовольствіями разнѣживаютъ чувства, мѣшаютъ слезныя пѣсни съ гимнами, пеаны съ диѳирамвами; на цитрѣ подражаютъ звукамъ флейты; всѣ роды стараются соединить въ одномъ, и въ ослѣпленіи своемъ думаютъ, что музыка не имѣетъ никакой собственной правильности, но достоинст-

во ея совершенно измѣряется удовольствіемъ слушателя, все равно добраго или худаго. Сочиняя такимъ образомъ свои творенія, съ такою критикою, они сообщаютъ черни испорченной вкусъ къ музыкѣ и даютъ ей дерзость щитать себя судьями изящныхъ произведеній. Отъ сего театры изъ безмолвныхъ содѣлались шумными, какъ будто всѣ понимаютъ, что у Музъ прекрасно, что не прекрасно, и въ семъ городѣ вмѣсто Аристократіи произошла злая Театрократія. Не столь бы опасно было, еслибъ въ музыкѣ была демократія, но изъ мужей свободныхъ; нѣтъ; теперь изъ музыки родилась самонадѣятельность всевѣденія и беззаконное своевольство; по сему пути стремится свобода. Всѣ стали мудрецами, всѣ сдѣлались безстрашными; отъ сего безстрашія родилось безстыдство: ибо дерзость презирать мнѣніе людей лучшихъ есть злѣйшее безстыдство и ужаснѣйшій примѣръ злоупотребленной свободы.

Мег. Истинно.

Аѳ. За сею свободою непосредственно слѣдуетъ неповиновеніе правительству. Оттолѣ раждается другая дерзость, отказываться отъ повиновенія отцу, матери, старшимъ и не принимать ихъ наставленій, потомъ презирать самые законы, и въ довершеніе всего играть клятвою, вѣрностію и святынею Боговъ по свойству древнихъ Ти-

шановъ; тутъ опять вазвращается прежній нещастный вѣкъ со всѣми его нескончаемыми бѣдствіями. Но къ чему сіе сказано? Слово, какъ коня, иногда надобно удерживать. Иначе, не имѣя въ устахъ удилъ, оно увлечетъ насъ силою своею, и тогда по пословицѣ и на ослѣ не усидишь. Почему спросимъ иногда сами у себя, къ чему это сказано?

Мег. Справедливо.

Аѳ. Сіе сказано къ тому —

Мег. Къ чему?

Аѳ. Что законодатель долженъ имѣть три предмета: во первыхъ сдѣлать государство свободнымъ, во вторыхъ распространить въ немъ любовь къ отечеству и просвѣтить умы. Не такъ ли?

Мег. Справедливо.

Аѳ. Въ семъ отношеніи мы разсматривали одно правленіе чистое деспотическое, другое чистое свободное; которое изъ нихъ лучше? и видѣли, что въ томъ и другомъ царствуетъ благоденствіе, если одно ограничиваетъ власть свою, другое—свободу; но если рабство одного и вольность другаго дѣлаются чрезмѣрными, то оба гибнутъ.

Мег. Весьма справедливо ты говоришь.

Аѳ. Для сего я разсматривалъ поселеніе Дорійскаго воинства, народныя поселенія Дардана и другіе приморскіе города, и восходилъ до самаго малаго числа людей, оставшихся послѣ потопа. Къ сему относится

то, что я сказалъ о музыкѣ, о винѣ и другихъ предметахъ; все сіе сказано, чтобъ видѣть, какой образъ правленія есть лучшій для государства и какому образу жизни надежнѣе можетъ слѣдовать частный человѣкъ. Теперь можете ли вы доказать, Мегиллъ и Клиній, что сія бесѣда была для насъ не совсѣмъ безполезна?

Кл. Я имѣю одно доказательство сему, почтенный иноземецъ, и почитаю за щастіе, что нашъ разговоръ обратился къ сему предмету; я могу имъ воспользоваться, и очень радъ, что повстрѣчался съ тобою и Мегилломъ. Не скрою отъ васъ своего положенія, и принимаю за щастливое предзнаменованіе, что могу сообщить вамъ о немъ. Большая часть Крита думаетъ основать колонію и поручила Кносійцамъ исполненіе сего плана; Кносійцы обратили свой взоръ на меня и на девять другихъ мужей и возложили на насъ избрать изъ законовъ нашего отечества и чужестранныхъ такіе, кои заслуживаютъ наше одобреніе, не смотря на то, что они чужеземные только были бы лучше нашихъ. Очень радъ и благодаренъ вамъ; помогите мнѣ сдѣлать сей выборъ; построимъ въ разговорѣ городъ, какъ бы онъ долженъ былъ получить отъ насъ первое свое основаніе; между тѣмъ сдѣлаемъ новыя открытія въ изслѣдованіи своего

предмета, и это начертаніе послужитъ мнѣ при основаніи новаго города.

Аѳ. Хорошая вѣсть, Клиній; не знаю, противно ли сіе Мегиллу? съ моей стороны ты найдешь во мнѣ усерднѣйшаго сотрудника.

Мег. И я съ моей стороны готовъ содѣйствовать.

Кл. Прекрасно; и такъ построимъ городъ на словѣ.

РАЗГОВОРЪ ЧЕТВЕРТЫЙ О ЗАКОНАХЪ.

Ав. Скажите, какую идею составимъ себѣ о будущемъ нашемъ поселеніи? не вопрошаю о названіи его теперь, или какъ оно назовется въ будущее время; первое основаніе его, мѣсто, названіе рѣки или Боговъ-покровителей страны легко могутъ дать имя возникающему городу. Я желаю знать, приморской ли онъ, или отъ моря удаленной?

Кл. Городъ, о которомъ мы говоримъ, отстоитъ отъ моря почти на восемьдесять стадій.

Ав. Имѣетъ ли онъ въ близости пристани, или вовсѣ не приступенъ?

Кл. Вблизи его есть удобнѣйшія пристани.

Ав. Вотъ какое мѣсто! а каковы окрестности? во всемъ плодородны, или имѣютъ въ чемъ либо недостатокъ?

Кл. Почти ни въ чемъ не имѣютъ недостатка.

Ав. Есть ли въ близости другіе города, или нѣтъ?

Кл. Нѣтъ. По сему-то онъ и населяется. Еще въ давнія времена произошло переселеніе изъ сей страны, и досѣлѣ она оставалась пустынею.

Ae. Каково положеніе сей страны вразсужденіи полей, горъ и лѣсовъ?

Кл. Она имѣетъ во всемъ одинакое свойство съ прочими странами Крита.

Ae. Итакъ почва земли болѣе шероховата, нежели ровна?

Кл. Точно такъ.

Ae. Слѣдовательно способна къ развитію добродѣтели. Еслибъ сей новый городъ былъ приморской, съ удобными пристанями, но съ безплодными окрестностями и подверженный многимъ нуждамъ; то развѣ сильной какой Геній, или божественный законодатель моглибъ предохранить его отъ вліянія многихъ худыхъ иноземныхъ обычаевъ. Но восемьдесять стадій могутъ успокоить наши сомнѣнія; и это разстояніе еще слишкомъ мало, если пристани такъ удобны, какъ ты говоришь. Впрочемъ должно радоваться и тому. Прилежащее море ежедневно можетъ доставлять много пріятностей, и при всемъ томъ есть соленый и горькій сосѣдъ. Въ слѣдъ за торговлею и богатствомъ оно вводитъ роскошь, возраждаетъ въ душѣ склонность къ непостоянству и вѣроломству, содѣлываетъ городъ невѣрнымъ сначала самому себѣ, потомъ равно и прочимъ людямъ. Нашъ городъ безопасенъ и съ сей стороны, потому что изобилуетъ собственными произведеніями; имѣя шероховатую почву, онъ не можетъ имѣть въ нихъ излише-

ства. Иначе, чрезъ великой вывозъ своихъ произведеній въ чужія страны, онъ наполнился бы сребромъ и золотомъ. Ни одно изъ всѣхъ золъ, можно сказать, если мы строго взвѣсимъ всѣ одно противъ другаго, столько не препятствуетъ развитію нравовъ благородныхъ и справедливыхъ, какъ излишнее богатство; о чемъ мы говорили и въ прежнемъ словѣ.

Кл. Помнимъ и соглашаемся, что ты какъ тогда, такъ и теперь говорилъ справедливо.

Аѳ. Обильна ли страна твоя корабельнымъ лѣсомъ?

Кл. Тамъ нѣтъ ни огромныхъ ѳлей, ни лиственницы. Кипарисовъ мало; рѣдко встрѣчаются сосны и тополи, употребляемыя для внутреннихъ частей корабля.

Аѳ. Тѣмъ лучше. Сей недостатокъ весьма выгоденъ для страны твоей.

Кл. Почему же?

Аѳ. Хорошо для всякаго города, если онъ не легко можетъ подражать врагамъ своимъ въ томъ, что худо.

Кл. Но какую связь имѣютъ слова сіи съ предъидущими?

Аѳ. Припомни, любезный, что прежде сказано о Критскихъ законахъ, что они устремлены къ единой цѣли. Цѣль сія, какъ вы сказали, есть война. Я хвалилъ сіи законы, какъ основанные на добродѣтели, и пори-

цалъ въ нихъ то, что они объемлютъ не цѣлую добродѣтель, но только одну часть ея. Въ настоящемъ нашемъ словѣ вы предостерегите меня, если я положу какой законъ, основанный не на цѣлой добродѣтели, но односторонній. По моему мнѣнію только тотъ законъ справедливъ, которой, подобно мѣткому стрѣлку, устремляетъ всю свою силу къ тому, съ чѣмъ нераздѣльно какое нибудь истинное, постоянное благо; а все прочее, какъ то богатство и всякія выгоды оставляетъ, какъ противные цѣли своей. Худымъ подражаніемъ врагамъ называю то, если кто живетъ у моря и подверженъ нападеніямъ непріятелей, такъ на примѣръ,—но я говорю не въ укоризну вамъ,—нѣкогда Миносъ, владѣя великими силами на морѣ, возложилъ на жителей Аттики тягостную, постыдную дань. Они же не имѣли ни военныхъ кораблей, какъ теперь, ни страны, обилующей лѣсомъ, для сооруженія флота, и не скоро сдѣлались мореплавателями по подражанію врагамъ своимъ; не скоро могли противостоять нападеніямъ ихъ. Но лучше было имъ терять не семь мальчиковъ, а въ нѣсколько разъ больше, нежели вмѣсто твердыхъ воиновъ сдѣлаться мореплавателями, пріобыкнуть съ поспѣшностію садиться на корабли, отступать и не щитать стыдомъ, если при нападеніи непріятеля они уже не дерзаютъ противостоять ему и мужественно

встрѣчать смерть. Уже стали они находить различныя оправданія, бросать оружіе и обращаться въ бѣгство—какъ теперь говорится,—непостыдное. Такія рѣчи, весьма обыкновенныя у моряковъ, не только не заслуживаютъ одобренія, но напротивъ достойны всякой укоризны; ибо граждане, особливо отличнѣйшій классъ ихъ, не должны подражать худымъ примѣрамъ. Можно видѣть изъ Гомера, сколь пагубно такое подражаніе. Одиссей укоряетъ самаго Агамемнона, что онъ при сильномъ нападеніи Троянцевъ на Ахеянъ приказалъ спустить корабли на море. Во гнѣвѣ своемъ Одиссей говоритъ: Между тѣмъ, какъ происходитъ война и кровопролитная сѣча, ты велишь спустить на море гребные корабли, чтобъ тѣмъ угодить Троянцамъ, кои сего только желаютъ, а насъ повергнуть въ жестокую гибель. Ахеяне не будутъ упорствовать въ войнѣ, когда спустятся корабли, но въ бѣгствѣ станутъ искать спасенія. Ты увидишь, какъ гибельно твое повелѣніе. Слѣдовательно и Гомеръ зналъ, сколь опасны корабли на морѣ въ виду сражающихся; такимъ образомъ легко могутъ пріобыкнуть обращаться въ бѣгство мужественные отъ слабыхъ, и львы отъ еленей. Притомъ въ государствахъ, обязанныхъ морской силѣ своимъ могуществомъ, почести раздаются не по отличію въ дѣлахъ военныхъ. Кормчими, началь-

никами гребцовъ и гребцами могутъ быть люди всякіе и не очень славные; самое благоприличіе не позволяетъ почтить инаго изъ нихъ торжественною славою; а безъ сего можетъ ли быть надлежащее устройство въ государствѣ?

Кл. Не возможно. Но мы, Критяне, думаемъ, что морское сраженіе Еллиновъ при Саламинѣ противъ Варваровъ спасло Грецію.

Аѳ. И многіе изъ Еллиновъ и варваровъ такъ думаютъ. Но я и Мегиллъ, мы полагаемъ сею причиною сраженія при Марафонѣ и Платеи; первое было началомъ спасенія Грековъ, а второе довершило его. Сіи двѣ побѣды содѣлали Еллиновъ доблестнѣйшими. О морскихъ же сраженіяхъ, о Саламинскомъ, и при Артемизіи, можно сказать, что онѣ, содѣйствуя ко спасенію Еллиновъ, не сдѣлали ихъ лучшими. Разсматривая превосходство государственнаго устройства со стороны выгодъ мѣстоположенія и свойства законовъ, мы почитаемъ отличнѣйшимъ щастіемъ для человѣка не одно простое продолженіе бытія, чтобъ онъ существовалъ какъ нибудь, но чтобъ во всю жизнь свою былъ добродѣтельнымъ. Но, кажется, о семъ уже прежде мы сказали свое мнѣніе.

Кл. Да.

Ao. Не будемъ терять сего изъ вида, если хотимъ слѣдовать по одному пути, безъ сомнѣнія лучшему для поселенія города и для законодательства.

Кл. Весьма справедливо.

Ao. Теперь скажи мнѣ, кто будетъ населять вашъ городъ? изъ всего ли Крита всякой желающій, если народонаселеніе въ вашихъ городахъ столь велико, что земля не достаточна для продовольствія его? Конечно вы не безъ разбора принимаете всѣхъ Еллиновъ; хотя у васъ живутъ многіе урожденцы Аргоса, Егины и другихъ странъ Еллинскихъ. Скажи, откол҃ вы призовете народъ свой?

Кл. Кажется изъ всего Крита. Изъ прочихъ же Еллиновъ съ особеннымъ предпочтеніемъ будутъ принимаемы здѣсь Пелопонесцы; ты справедливо сказалъ, что у насъ есть также урожденцы Аргоса; особенно мы уважаемъ переселенцовъ изъ Пелопнесскаго города Гортины.

Ao. Слѣдовательно поселеніе городовъ можетъ быть надежно только тогда, если происходитъ по подобію роящихся пчелъ. Одинъ родъ переселяется отъ своего семейства, отъ друзей своихъ, побуждаемый или тѣснотою мѣста, или другими обстоятельствами. Иногда возмущенія заставляютъ одну часть гражданъ искать себѣ другаго мѣста; иногда переселялось и цѣлое государ-

ство, одолѣваемое превосходными силами враговъ. Отъ того иногда очень легко, иногда очень трудно поселить городъ и снабдить его законами: въ народѣ, имѣющемъ одинъ языкъ, одно имя, одинаковое богослуженіе и тому подобное, существуетъ какаято взаимная любовь, и онъ съ трудомъ привыкаетъ къ другимъ законамъ, къ другому образу правленія. Иногда онъ возмущается по испорченности законовъ, но по привичкѣ всегда приверженъ къ старымъ обычаямъ, отъ коихъ и прежде погибъ; тогда онъ тягостенъ для начальника поселенія и не покоренъ гласу его. Стекшіеся изъ разныхъ сторонъ различные люди болѣе первыхъ способны принять новые законы; но очень трудно и много времени потребно къ тому, чтобъ они слились въ одну душу и стремились бы къ единой цѣли, подобно конямъ впряженнымъ въ одну колесницу. Однимъ словомъ, законодательство и утвержденіе государствъ требуетъ величайшихъ талантовъ и безпримѣрной добродѣтели.

Кл. Справедливо, но скажи яснѣе, къ чему клонятся слова сіи?

Аѳ. Почтенный, похваляя и разсматривая законодателей, легко можно сказать что нибудь для нихъ худое. Впрочемъ не велика важность, еслибы мы сказали въ примѣръ что либо подобное. О чемъ безпокоиться? таковы почти всѣ дѣла человѣческія.

Кл. О чемъ ты говоришь?

Аѳ. Я хотѣлъ сказать, что ни одинъ человѣкъ, никогда, ничего не узаконяетъ; но случаи и разныя нещастія суть источники всѣхъ законовъ: или жестокая война, или гибельное вліяніе недостатка влечетъ государства въ упадку и измѣняетъ законы; иногда болѣзни, голодъ и ненастныя годины заставляютъ вводить новизны. Взирая на сіе всякой легко согласится со мною, что смертный ничего не установляетъ; но всѣ дѣла человѣческія суть игра случая. Тоже самое, кажется, весьма основательно можно сказать о мореплаваніи, о управленіи корабля, о врачевствѣ и военачальствѣ. Но притомъ въ тѣхъ же обстоятельствахъ хороши и другія слова.

Кл. Какія?

Аѳ. Что Богъ, щастіе въ рукѣ Божіей и череда управляютъ судьбою человѣчества. За ними уже надлежитъ дать мѣсто искуству; ибо великую услугу доставляетъ знаніе кормчаго во время бури. Не такъ ли?

Кл. Такъ.

Аѳ. Слѣдовательно тоже бываетъ и въ другихъ случаяхъ; и въ законодательствѣ, должно согласиться, если самыя обстоятельства благопріятствуютъ населяемой странѣ, то къ довершенію благоденствія ея нуженъ законодатель, твердый въ истинѣ.

Кл. Безъ сомнѣнія.

Аѳ. Человѣку, имѣющему свѣденіе въ какомъ либо изъ тѣхъ предметовъ, о которыхъ мы говорили, чего другаго остается желать, какъ щастливаго стеченія обстоятельствъ, чтобъ труды его не остались тщетными?

Кл. Справедливо.

Аѳ. Еслибъ мы спросили и у другихъ, въ чемъ состоятъ ихъ желанія? Безъ сомнѣнія они сказали бы тоже. Нетакъ ли?

Кл. Такъ.

Аѳ. И законодатель сказалъ бы тоже.

Кл. Думаю.

Аѳ. Скажи намъ, законодатель,—вопросимъ мы его,—въ какомъ состояніи городъ мы должны поручить тебѣ, чтобъ ты могъ довершить щастіе его? что бы онъ сказалъ на сіе? или мы за него скажемъ отвѣтъ его?

Кл. Хорошо.

Аѳ. Онъ сказалъ бы такъ: дайте мнѣ городъ, управляемый однимъ Государемъ, но Государемъ юнымъ, одареннымъ хорошими способностями ума, образованнымъ, мужественнымъ, съ возвышенными чувствованіями. Мы уже прежде сказали, чѣмъ должны сопровождаться всѣ части добродѣтели; тоже должно украшать душу сего Государя; иначе самыя добрыя качества его будутъ безполезны.

Кл. Мегиллъ, сія сопутница добродѣтелей, мнѣ кажется, есть умѣренность. Не такъ ли?

Аѳ. Она самая; но естественная, не принужденная, не та, которую нѣкоторые учители мудрости называютъ благоразуміемъ, стараясь доказать, что быть мудрымъ и умѣреннымъ есть одно и тоже: но въ простомъ смыслѣ, которая уже обнаруживается въ нѣкоторыхъ дѣтяхъ и животныхъ; какъ врожденная, укрощаетъ ихъ пылкость, увлекающую другихъ къ необузданнымъ наслажденіямъ; однимъ словомъ сія умѣренность, которая, какъ мы сказали, безъ другихъ отличныхъ качествъ ничего не значитъ. Помните ли вы?

Кл. Очень помнимъ.

Аѳ. Если Государь соединяетъ сіе качество вмѣстѣ съ прочими добродѣтелями, то Государство получитъ быстрое, прекрасное устройство и сдѣлается щастливымъ. Нѣтъ и быть не можетъ другаго лучшаго и надежнѣйшаго способа къ утвержденію его.

Кл. Возможно ли; чѣмъ ты можешь убѣдить насъ въ истинѣ сихъ словъ?

Аѳ. Очень легко понять, что сіе такъ бываетъ въ самой природѣ вещей.

Кл. Что ты говоришь, будто для сего нуженъ только Государь юный, одаренный хорошими способностями ума, образованный, мужественный, съ возвышенными чувствованіями?

Аѳ. Прибавь, если онъ будетъ столько щастливъ, что найдетъ себѣ мудраго зако-

нодашеля, которой содѣйствовалъ бы ему къ единой цѣли. Посылая сіе, Богъ дѣлаетъ почти все, если хочетъ благословить первымъ щастіемъ какое либо Государство; второе мѣсто послѣ етаго занимаетъ то Государство, въ которомъ два правителя; третье—то, въ которомъ управляютъ многіе. Впрочемъ тѣмъ ненадежнѣе правленіе, чѣмъ больше правителей, и чѣмъ ихъ меньше, тѣмъ лучше.

Кл. По етому, кажется, ты думаешь, что неограниченное правленіе есть лучшее при мудромъ законодателѣ и кроткомъ Государѣ; что такое Государство весьма легко содѣлать щастливымъ? Вторымъ ты полагаешь правленіе не многихъ, и третьимъ, народное?

Аѳ. Никакъ. Легче всего устроить правленіе вопервыхъ неограниченное, потомъ Монархическое, и третье Димократическое. Но четвертое Аристократическое очень трудно можетъ быть преобразовано: въ немъ всегда имѣютъ перевѣсъ многочисленные вельможи. Преобразованіе можетъ произойти только тогда, если есть истинный законодатель и въ Государствѣ имѣетъ онъ равную силу съ могущественнѣйшими лицами. Гдѣ сіи лица немногочисленны, но сильны, какъ въ неограниченномъ правленіи, тамъ удобнѣе и легче дѣлать перемѣны.

Кл. Какимъ же образомъ? непонимаемъ.

Ав. Но вамъ сіе сказано не однажды, а, кажется, уже нѣсколько разъ. Можетъ быть вы еще не видали города, управляемаго неограниченною властію.

Кл. Я и не любопытенъ до сего зрѣлища.

Ав. Однакожь ты увидѣлъ бы тамъ истину словъ моихъ.

Кл. Какую истину?

Ав. Что неограниченному Государю потребно, немного труда и времени чтобы по желанію своему перемѣнить нравы Государства. Надобно только самому итти впереди всѣхъ туда, къ чему хочетъ обратить другихъ; хочетъ ли онъ возбудить гражданъ къ добродѣтели или въ противную сторону; самъ первый долженъ показать примѣръ своими дѣлами, однихъ хвалить и отличать, другихъ подвергать стыду, и непокорныхъ при каждомъ поступкѣ безчестить.

Кл. Надобно думать, что прочіе граждане скоро послѣдуютъ своему Государю, соединяющему съ такою силою толикую убѣдительность.

Ав. Никто не увѣритъ насъ, друзья, чтобъ примѣръ и вліяніе управляющихъ не были самые дѣйствительные способы къ преобразованію законовъ, и теперь и въ будущее время. Мы не почтемъ сего не только невозможнымъ, но даже и труднымъ дѣломъ, хотя Исторія рѣдко представляетъ подобныя событія въ продолженіи многихъ лѣтъ. Но сіи

событія всегда будутъ источниками безчисленныхъ благъ для Государства, въ которомъ онѣ произойдутъ.

Кл. Какихъ же благъ?

Аѳ. Еслибъ божественная любовь къ умѣренности и правосудію горѣла въ сердцахъ Царей, единовластно управляющихъ, или другихъ правителей, избираемыхъ по богатству или рожденію; еслибъ кто теперь владѣлъ даромъ Нестора, которой силою красноречія превосходилъ всѣхъ, и еще болѣе знаменитъ былъ своею умѣренностію; — но сіе было во времена Трои, задолго прежде насъ; еслибъ онъ теперь возсталъ, или другой мужъ ему подобный, или кто нибудь изъ насъ былъ бы таковъ: то щастливъ онъ, и щастливы слушающіе слова изъ устъ мудраго. То же можно сказать о всякомъ другомъ могуществѣ: гдѣ соединяется въ высочайшей власти мудрость съ умѣренностію: тамъ правленіе и законы достигаютъ величайшаго совершенства, и другимъ образомъ сіе никогда быть не можетъ. До времени сіе сказано темно, въ видѣ оракульскаго изрѣченія, доколѣ мы докажемъ со всею достовѣрностію, что съ одной стороны трудно устроить городъ, а съ другой по нашему предположенію это есть самое легкое и скорое дѣло.

Кл. Какимъ образомъ?

Аѳ. Сообразуясь съ потребностями твоего города, постараемся начертать ему законы съ осторожностію стариковъ, кои даютъ уроки своимъ дѣтямъ.

Кл. Будемъ продолжать, не остонавливаясь.

Аѳ. Призовемъ Бога на устроеніе новаго града. Онъ услышитъ насъ, и внявъ молитвѣ нашей, милосердо сойдетъ къ намъ содѣйствовать общему благу и учрежденію законовъ.

Кл. О еслибъ Онъ сошелъ!

Аѳ. Но какое правленіе мы дадимъ нашему государству?

Кл. Скажи, яснѣе, что ты намѣренъ сказать. Безъ сомнѣнія ты хочешь знать, установить ли правленіе народное, или вельможное, или царственное; но мы увѣрены, не деспотическое, неограниченное.

Аѳ. Но кто изъ васъ первой хочетъ сказать мнѣ, какое правленіе находится въ отечествѣ его?

Мег. Какъ старшему, не мнѣ ли принадлежитъ право говорить прежде?

Аѳ. Все равно.

Мег. Разсуждая о правленіи въ Лакедемонѣ, я не могу сказать рѣшительно, какъ назвать его. Кажется оно походитъ на неограниченное. Власть Ефоровъ у насъ удивительно велика; иногда я вижу здѣсь правленіе совершенно народное. Крайнее невѣ-

жество было бы, утверждать, что оно не Аристократическое; есть у насъ и Царская власть; власть самая древняя, нами и всѣми народами такъ называемая. На сей нечаянный вопросъ я не могу сказать опредѣленно, какое у насъ правленіе.

Кл. Я съ тобою, Мегиллъ, нахожусь въ одинакомъ замѣшательствѣ. Вникая въ правленіе Кносса, я не могу дать ему собственнаго названія.

Аѳ. Ето отъ того, что ваши отечества суть дѣйствительныя правленія; а тѣ, кои мы теперь по одиначкѣ называли, не суть государственныя правленія, но простые города, въ которыхъ одна часть повелѣваетъ, другая раболѣпствуетъ; всякой изъ нихъ называется именемъ своего правителя. И если необходимо имѣть городу такое названіе, то лучше заимствовать его отъ истиннаго Бога, управляющаго существами разумными.

Кл. Кто же сей Богъ?

Аѳ. Чтобъ объяснить сей вопросъ, надобно прибѣгнуть къ баснословію; возможно ли сіе сдѣлать?

Кл. Очень можно.

Аѳ. За долго прежде основанія всѣхъ Государствъ, о коихъ мы говорили, самое первое и самое щастливое было въ златыя времена Сатурна. Нынѣшнія самыя совершен-

ныя царствованія суть только слабое подобіе онаго.

Мег. Очень любопытно слышать сіе.

Аѳ. Я думалъ такъ; и для етаго сдѣлалъ сіе отступленіе въ нашемъ разговорѣ.

Мег. Очень хорошо ты сдѣлалъ; желательно, чтобъ ты разсказалъ всю баснь по порядку, если можно.

Аѳ. Сдѣлаю по вашимъ словамъ. Идетъ преданіе о щастливой жизни злашаго вѣка, когда всѣ блага сами собою въ изобиліи представлялись людямъ. Причина же сего щастія, какъ говорятъ, была сія: Сатурнъ зналъ, что никакая природа человѣческая, владѣя неограниченною властію, не можетъ противиться сильнымъ порывамъ своевольства и несправедливости. Къ отклоненію сего онъ поставилъ Царями и начальниками государствъ не людей, но существа благороднѣйшія, божественныя. Такъ нынѣ и мы дѣлаемъ со стадами и со всѣми домашними животными. Мы не поставляемъ воловъ начальниками надъ волами, ни козлицъ надъ козлицами, но сами управляемъ ими какъ родъ отличнѣйшій. Равнымъ образомъ по милости человѣколюбиваго Бога тогда царствовали на землѣ Геніи — существа благороднѣйшія. Сіи существа, богатыя способами попеченія о себѣ и о другихъ, установляли вездѣ миръ, добрую совѣсть, свободу и неизсякаемое правосудіе, и утверждали въ

людяхъ безмятежіе и благоденствіе. Но сей вѣкъ миновался. Онъ представляетъ намъ истину, что, гдѣ царствуютъ не Боги, но смертные, тамъ человѣкъ никогда не успокоится отъ золъ и бѣдствій. По крайней мѣрѣ, сколько возможно, онъ долженъ приближаться къ первоначальной жизни Сатурна: повиноваться безсмертной части существа своего, уступать душѣ своей власть надъ собою, надъ домами и градами, и признавать закономъ только внушенія божественнаго разума. Но гдѣ или одинъ человѣкъ, или дворянство, или народъ съ душею жадною къ удовольствіямъ, и страстями волнуемою, безпрестанно стремится къ новымъ наслажденіемъ; не зная ни въ чемъ воздержанія, страдаетъ болѣзнію ненасытности, и попирая всѣ права человѣчества, управляетъ городомъ или частнымъ человѣкомъ: тамъ, повторяю, нѣтъ уже средства къ спасенію. Надлежитъ вамъ, Клиній, вникнувъ въ слово сіе, или согласиться съ нимъ, или нѣтъ.

Кл. Необходимо должно согласиться.

Аѳ. Нѣкоторые утверждаютъ, какъ ты знаешь, что законы имѣютъ тѣ же виды и раздѣленія, какъ и правительства. Мы уже видѣли, какъ раздѣляются послѣднія, и впадаемъ въ недоумѣніе, съ какой точки должно смотрѣть на справедливость и несправедливость. Говорятъ, что законы не

должны основываться ни на цѣлой добродѣтели, ни на войнѣ; они должны клониться къ пользѣ существующаго образа правленія, ко всегдашнему утвержденію власти его, и естественная мѣра справедливости есть сія...

Кл. Какая?

Аѳ. Польза сильнѣйшаго.

Кл. Скажи яснѣе.

Аѳ. Законы въ государствѣ, какъ говорятъ, даются стороною преобладающею; не правда ли?

Кл. Истинно.

Аѳ. Но можно ли полагать, что народъ, или другая какая либо сторона, имѣя въ рукахъ своихъ перевѣсъ, согласится утвердить законы не на собственной своей пользѣ?

Кл. Какъ можно.

Аѳ. Слѣдовательно, кто преступитъ сіи законы; того по условленному правосудію законоположникъ накажетъ какъ возмутителя.

Кл. Кажется такъ.

Аѳ. Таково есть, и всегда будетъ, говорятъ они, существо справедливости.

Кл. Какъ показываетъ сіе слово.

Аѳ. Сіе опредѣленіе справедливости есть преступленіе противъ человѣчества.

Кл. Какое преступленіе?

Аѳ. Мы уже видѣли, кто надъ кѣмъ долженъ владычествовать; видѣли, что родители должны управлять дѣтьми, старшіе младшими, благородные безродными; мы ви-

дѣли и другія многія власти, однѣ другимъ противорѣчущія; видѣли между ними и власть сильнаго, и согласились со мнѣніемъ Пиндара, который называетъ ближайшею къ природѣ власть сильнѣйшаго.

Кл. Такъ; это уже сказано.

Аѳ. Разсмотрите же, кому поручить свой городъ. Ибо не разъ, но тысячекратно случалось въ другихъ городахъ.

Кл. Что случалось?

Аѳ. Гдѣ начальство дѣлается предметомъ спора; тамъ преодолѣвающая сторона всегда присвоиваетъ себѣ всѣ государственныя дѣла, и побѣжденнымъ, ни самимъ, ни дѣтямъ ихъ не оставляетъ ни даже тѣни какой либо власти; тамъ вѣчно питаютъ одинъ къ другому взаимную боязнь, чтобы кто либо, получивъ въ руки свои власть, не отмстилъ за причиненныя ему прежде обиды. Такія правленія не суть правленія, и тѣ законы суть не истинные законы, кои установлены не для всего государства вообще. Правленія, установленныя для немногихъ, суть неиное что, какъ скопища злоумышленниковъ; справедливость у нихъ есть только пустое названіе. Сіе мы говоримъ для того, чтобъ въ новомъ государствѣ твоемъ не раздавать исключительно властей ни богатымъ, ни тѣмъ, кои ничего не имѣютъ, кромѣ силы, знатности и породы. Но кто болѣе всѣхъ повинуется законамъ, и въ етомъ

побѣждаетъ прочихъ гражданъ; сему какъ первому должно поручить важнѣйшую должность, которую прежде исполняли сами боги; второму по немъ вторую власть и такъ далѣе по порядку. Я не безъ причины называю правителей служителями закона, но полагая въ семъ и спасеніе и гибель государства: гибель тамъ, гдѣ есть правитель, но безсиленъ законъ; спасеніе и всѣ блага, какія только боги даютъ людямъ, тамъ, гдѣ законъ есть господинъ надъ правителями, и правители сутъ рабы его.

Кл. Справедливо. Ты по лѣтамъ своимъ слишкомъ проницательно видишь.

Аѳ. Правда; юный человѣкъ видитъ сіи предметы всегда слабѣе, нежели какъ ему можно. Здѣсь старецъ проницательнѣе молодаго.

Кл. Истиино, очень истинно.

А. Чтожь далѣе? Вотъ уже поселенцы заняли свои мѣста; они предъ нами; къ нимъ надлежитъ обратить рѣчь свою.

Кл. Положимъ такъ.

Аѳ. Итакъ скажемъ имъ: граждане, Богъ, какъ говоритъ древнее преданіе, содержащій въ себѣ начало, средину и конецъ всѣхъ вещей, шествуетъ прямо и проникаетъ вселенную; ему всегда сопутствуетъ правосудіе, мститель за нарушеніе Божественнаго закона. Предназначенный къ блаженству, покоряется божественному суду и смиренно

идетъ по стопамъ его. Но безумецъ, ослѣпленный гордостію, богатствомъ, почестями или красотою тѣла, пожираемый вмѣстѣ и пламенемъ юности и силою честолюбія, отметаетъ всякую власть и руководителя, и почитая себя рожденнымъ повелѣвать, остается безъ Бога, безъ добродѣтели. Оставленный самому себѣ, онъ пріобщается къ другимъ подобнымъ своимъ, рыщетъ и разноситъ всюду возмущеніе. Уже онъ дѣлается идоломъ черни; но скоро получаетъ достойное наказаніе сей рушитель своего семейственнаго и общественнаго щастія. При такомъ расположеніи дѣлъ человѣческихъ, что долженъ дѣлать и размышлять мудрый?

Кл. Очень ясно, что всякой разумный долженъ обращать всѣ свои мысли и желанія къ Богу.

Аѳ. Но какое поведеніе любезно Богу и сообразно съ природою Его? Я знаю только одно, основанное на древнемъ изрѣченіи: любезно подобное подобному и притомъ умѣренное умѣренному; предметы чрезмѣрные не бываютъ близки ни между собою, ни съ предметами умѣренными. Но Богъ есть мѣра всѣхъ вещей и мѣра совершеннѣйшая, нежели кто либо изъ смертныхъ, какъ говорятъ. И такъ, чтобъ сдѣлаться любезнымъ Богу, надобно по возможности уподобляться ему. На семъ основаніи чело-

вѣкъ умѣренный въ своихъ желаніяхъ, есть другъ Божій, какъ подобный Ему, а неумѣренный не только не подобенъ, но противенъ Ему, какъ несправедливый. Сіе правило ведетъ насъ къ другому важнѣйшему и болѣе всѣхъ истинному, именно: если добродѣтельный жертвуетъ Богамъ, и бесѣдуетъ съ ними посредствомъ молитвы, приношеній и всякимъ благоговѣйнымъ служеніемъ: то сіе болѣе всего и надежнѣе ведетъ его къ блаженной жизни и служитъ ему великимъ украшеніемъ. Но съ порочнымъ бываетъ противное; онъ не чистъ душею; чистота живетъ только въ добродѣтельномъ; отъ оскверненнаго не принимаетъ даровъ ни добрый человѣкъ, ни Богъ. И такъ къ чему служатъ нечестивому всѣ старанія его преклонять Боговъ? они внимаютъ только молитвѣ душъ добродѣтельныхъ. Вотъ цѣль, къ которой мы должны стремиться. Но какими стрѣлами, если позволено такъ сказать, можно попадать въ цѣль сію, и какой путь прямѣе ведетъ къ ней? Во первыхъ послѣ поклоненія, должнаго Богамъ Олимпійскомъ покровителямъ города, должно совершать и другія жертвоприношенія: лѣвыя стороны второстепенныхъ жертвъ въ четномъ числѣ приносить подземнымъ Богамъ; за тѣмъ въ благоговѣніи жертвовать духамъ и героямъ, и почитать жертвенники домашнихъ пенатовъ. Любить и уважать своихъ родителей, воз-

давать имъ должное, есть первая и священнѣйшая наша обязанность. Мы не имѣемъ ничего, чтобъ не принадлежало родшимъ и воспитавшимъ насъ; имъ мы должны жертвовать, чѣмъ только можемъ, имѣніемъ и всѣми благами душевными и тѣлесными; должны платить имъ дань за тѣ попеченія и болѣзни, кои они перенесли для насъ въ первыя лѣта жизни нашей; должны пещись о дряхлой старости ихъ; во всю жизнь свою они должны слышать отъ насъ только однѣ благословенія: ибо слова нелѣпыя, легкомысленныя навлекаютъ намъ жесточайшее наказаніе; Немезида, вѣстница правосудія, строго блюдетъ за нами. Уступимъ гнѣву родителей; извинимъ ихъ, если они изливаютъ его на насъ словами и дѣлами; не забудемъ, что отецъ имѣетъ право гнѣваться на виновнаго сына. По смерти ихъ лучшее погребеніе имъ есть самое скромное, въ которомъ нѣтъ пышности чрезвычайной, и которое не уклоняется отъ обычая предковъ. Ихъ нѣтъ; но мы ежегодно будемъ почитать память ихъ и усопшимъ приносить малѣйшую часть отъ своихъ стяжаній, щастіемъ посылаемыхъ. Исполняя сіе и съ сими правилами сообразуя жизнь свою, мы пріобрѣтемъ милость у Боговъ и у высшихъ существъ и доброю надеждою усладимъ большую часть жизни своей. Что касается до дѣтей, родственни-

ковъ, друзей и согражданъ, до гостепріимства и до всѣхъ обязанностей общежитія, кои составляютъ усладу жизни сей, будемъ вопрошать законы: законъ, иногда дѣйствующій убѣжденіемъ, иногда вооружающійся на непокорныхъ силою и наказаніемъ, одинъ законъ при помощи Божіей можетъ содѣлать государство сильнымъ и цвѣтущимъ.

Есть еще другіе предметы, о которыхъ законодатель долженъ говорить, если имѣетъ одну цѣль со мною; но поелику невозможно представить ихъ въ обыкновенной формѣ закона; то должно начертать общій планъ для нихъ и собравши всѣ подъ одну точку, потомъ изложить ихъ тѣмъ, для коихъ издаются сіи законы. И хотя весьма трудно найти сію точку и заключить всѣ предметы въ одной формулѣ, однакожь мы постараемся найти для себя его основаніе.

Кл. Какое же?

Аѳ. Желалъ бы я, чтобъ всѣ по собственному убѣжденію стремились къ добродѣтели; вѣроятно, что законодатель будетъ имѣть сіе цѣлію во всемъ законодательствѣ своемъ.

Кл. Безъ сомнѣнія.

Аѳ. Сказанное доселѣ, кажется, ведетъ къ тому, чтобы заставить внимать совѣтамъ не съ холодною душею, но съ добрымъ расположеніемъ. Мы очень много успѣемъ, если

хотя нѣсколько пріобрѣтемъ и усилимъ вниманіе и благосклонность слушателей. Не многіе, очень не многіе стремятся къ быстрому и прочному усовершенствованію самихъ себя. Гезіодъ, коего многіе почитаютъ мудрецомъ, говоритъ, что путь къ пороку ровенъ, не сопряженъ ни съ какими трудностями и очень кратокъ; но съ добродѣтелію безсмертные соединили трудъ; путь къ ней продолжителенъ, гористъ и сначала шероховатъ; но чѣмъ выше восходишь, тѣмъ болѣе смягчаются трудности.

Кл. Кажется, онъ хорошо сказалъ

Аѳ. Очень хорошо. Теперь хочу показать вамъ слѣдствіе предварительнаго моего слова.

Кл. Покажи.

Аѳ. Для сего начнемъ съ самимъ законодателемъ такой разговоръ: скажи намъ, законодатель, еслибъ ты зналъ, что мы должны говорить и дѣлать, то безъ сомнѣнія ты намъ открылъ бы сіе.

Кл. Необходимо.

Аѳ. Но не задолго предъ симъ не сказалъ ли ты, что законодатель не долженъ позволять поетамъ говорить все, что имъ угодно; ибо не зная, что противно законамъ, они могутъ вредить общественному порядку.

Кл. Справедливое замѣчаніе.

Ав. Прилично ли будетъ сказать ему отъ имени поетовъ?

Кл. Что такое?

Ав. Есть древнее сказаніе, часто повторяемое и всѣмъ извѣстное, что поетъ, какъ бы возсѣдя на треножникѣ музъ, не владѣетъ собою, и подобно источнику, даетъ стремящимся мыслямъ свободное теченіе; поелику искуство есть подражаніе, то онъ, заставляя дѣйствовать лица противныя между собою, часто бываетъ принужденъ говорить вопреки самому себѣ, и самъ не знаетъ, на которой сторонѣ истина; но законодателю не можно такъ поступать въ законѣ и объ одномъ предметѣ говорить двумя различными образами; онъ долженъ сказать о каждомъ одно опредѣленное слово. Разсуди самъ объ етомъ по предыдущему примѣру. Погребеніе можетъ быть чрезвычайно пышное, бѣдное и умѣренное; ты, избирая среднее, одобряешь и предписываешь его; а я, въ поемѣ своей, описывая смерть какой нибудь богатой женщины, буду хвалить великолѣпное, какое она сама себѣ назначитъ; заставляя говорить человѣка или недостаточнаго или разчетливаго, я изберу для него бѣдныя похороны; тотъ, коего состояніе и желанія ограничены, станетъ хвалить умѣренное погребеніе; но ты иначе долженъ судить о умѣренномъ; ты долженъ сказать, въ чемъ именно состоитъ

умѣренность, или слово твое никогда не будетъ закономъ.

Кл. Очень справедливо.

Аѳ. Итакъ законодатель долженъ ли, не сказавъ ничего предварительно предъ каждымъ закономъ, просто положить, что дѣлать и чего не дѣлать, и опредѣливши наказаніе приступать къ изданію другаго закона, не употребляя ни совѣтовъ, ни увѣщаній? Самые врачи лѣчатъ одинъ однимъ образомъ, другой другимъ. Упомянемъ о томъ и другомъ способѣ, и будемъ просить законодателя, какъ дѣти просятъ врача, лѣчить ихъ легчайшимъ образомъ. Скажемъ, что есть истинные врачи и служители ихъ, коихъ мы также называемъ врачами.

Кл. Точно такъ.

Аѳ. Они бываютъ или свободные или рабы. Послѣдніе пріобрѣтаютъ свое искуство изъ опыта, по приказанію своихъ господъ, тогда какъ первые учатся ему изъ познанія природы и дѣтей своихъ такъ учатъ. Ты допускаешь ли сіи два рода такъ называемыхъ врачей?

Кл. Почемужъ нѣтъ?

Аѳ. Такъ какъ больные въ городѣ бываютъ или свободные или рабы, то разумѣется, что рабовъ по большой части лѣчатъ хожалые рабы, при больницахъ живущіе; ни одинъ изъ сихъ врачей ни даетъ, ни принимаетъ отчета въ болѣзни раба; но, предпи-

савѣ ему то, вѣ чемѣ удостовѣрился опытомѣ и не сомнѣваясь вѣ своихѣ свѣденіяхѣ, какѣ деспотѣ, стремительно скачетѣ кѣ другому больному, и такимѣ образомѣ освобождаетѣ господина отѣ попеченія о болящихѣ рабахѣ. Свободный же обыкновенно смотритѣ и лѣчитѣ болѣзни свободныхѣ; при томѣ онѣ изслѣдываетѣ произхожденіе ихѣ и качество, бесѣдуетѣ сѣ больнымѣ и сѣ друзьями его, самѣ узнаетѣ отѣ нихѣ что нибудь и наставляетѣ больнаго, и не прежде предписываетѣ врачевство, какѣ увѣрившись вѣ пользѣ его. Овладѣвши больнымѣ посредствомѣ убѣжденія, онѣ оказываетѣ ему пособіе и наконецѣ возвращаетѣ здоровье. Какой наставникѣ или врачь лучше: тотѣ ли, который лѣчитѣ первымѣ образомѣ, или послѣдній? Тотѣ ли, который двумя способами достигаетѣ цѣли своей, или который дѣйствуетѣ однимѣ способомѣ и тѣмѣ худымѣ и насильственнымѣ?

Кл. Двоякой способѣ несравненно предпочтительнѣе?

Аѳ. Хочешь ли видѣть сей простой и двоякой способѣ вѣ самомѣ законодательствѣ?

Кл. Какѣ не хотѣть?

Аѳ. Какой первый законѣ положитѣ законодатель? Сообразно сѣ самою природою не начнетѣ ли онѣ сѣ того, на чемѣ основывается прочность политическаго бытія?

Кл. Безѣ сомнѣнія.

Ао. Но отколѣ города заимствуютъ свое начало и произхожденіе? Не отъ супружества ли и соединенія половъ?

Кл. Конечно.

Ао. По всей справедливости должно начинать съ законовъ, относящихся до супружества.

Кл. Безъ сомнѣнія.

Ао. Итакъ скажемъ прежде простой законъ: всякой, имѣющій тридцать лѣтъ отъ рожденія, до тридцати пяти долженъ вступить въ супружество; въ противномъ случаѣ подвергается денежной пѣнѣ, или безчестію; пѣнѣ именно такой, безчестію именно такому. Вотъ простой законъ о супружествѣ. Вотъ и двоякой: должно вступать въ супружество отъ тридцати лѣтъ до тридцати пяти, принимая во уваженіе, что родъ человѣческой отъ природы получилъ себѣ въ удѣлъ безсмертіе, къ коему всякой стремится неограниченнымъ желаніемъ; ибо всякой желаетъ быть славнымъ и не лежать во гробѣ безъ имени. Родъ человѣческой всѣхъ временъ составляетъ одно семейство; онъ преемственно продолжается и будетъ продолжаться, и такимъ образомъ безсмертенъ. Дѣти смѣняются дѣтьми, составляютъ продолженіе одного и того же рода и сохраняютъ его безсмертіе. Никогда непозволительно лишать самаго себя сего безмертнаго бытія, и тотъ умышленно измѣняетъ

ему, кто не печется о женѣ и дѣтяхъ. Покоряющійся сему закону освобождается отъ наказанія, непокорный же и въ тридцать пять лѣтъ не вступившій въ супружество, ежегодно подвергается такому и такому наказанію, дабы онъ не почиталъ выгоднымъ и спокойнымъ одиночества, и не имѣлъ бы права на тѣ почести, кои обыкновенно воздаетъ юность старшимъ. Услышавъ тотъ другой законъ, можно опредѣлить, долженъ ли онъ имѣть двоякую величину, соединяя кратчайшимъ образомъ убѣжденіе и угрозы; или ограничится онъ только принужденіемъ, имѣя одно простое содержаніе?

Мег. По обычаямъ Лаконическимъ, чѣмъ короче, тѣмъ лучше. Но еслибъ отдали на мой судъ, какого изложенія я желалъ бы въ своемъ государствѣ, то я предпочелъ бы обширнѣйшее; и во всѣхъ законахъ, еслибъ надлежало дѣйствовать по симъ даннымъ примѣрамъ, я послѣдовалъ бы послѣднему. И Клинію, думаю, понравился сей образъ законодательства. Городъ его можетъ воспользоваться сими законами.

Кл. Ты угадалъ, Мегиллъ.

Аѳ. Слишкомъ дѣтское дѣло спорить о преимуществѣ пространныхъ или краткихъ сочиненій. По моему мнѣнію должно предпочитать то, что лучше, а не то, что пространнѣе. Въ двухъ предложенныхъ законахъ заключается преимущество одного предъ

другимъ въ самомъ употребленіи, и еще яснѣе сіе доказано примѣромъ двухъ врачей. Но, кажется, досѣлѣ еще никто изъ законодателей не помышлялъ, что въ законодательствѣ можно употреблять убѣжденіе и силу; они дѣйствуютъ на непросвѣщенную чернь только последнею и, давая законы, не растворяютъ силы убѣжденіемъ. Я знаю еще нѣчто третье, что должно быть въ законахъ и чего никогда не бываетъ.

Кл. О чемъ говоришь ты?

Аѳ. Что при помощи Божіей само собою развилось изъ словъ, нами сказанныхъ. Мы съ ранней зари начали разговоръ свой; теперь уже полдень; во все продолженіе нашего здѣсь отдыха мы говорили о законахъ, и едва только коснулись самихъ законовъ. Все, что мы говорили досѣлѣ, было только предисловіемъ къ законамъ. Что ето значитъ? То, что всѣ разсужденія, все, что выражается посредствомъ голоса, имѣетъ свое предисловіе, преклоненіе на свою сторону, искуственный приступъ, приготовляющій къ послѣдующему; въ пѣсняхъ лирическихъ, во всей музыкѣ предшествуютъ прелестные приступы. Только въ законахъ, касающихся до государствоправленія, никто никогда не говорилъ о предисловіи, ни одинъ сочинитель не раскрылъ его, какъ будто его вовсѣ нѣтъ. Но въ нынѣшней нашей бесѣдѣ, кажется, доказано, что оно составляетъ су-

щественную часть, и законы не просто бывают двоякаго рода, но составляютъ двѣ отдѣльныя части: самый законъ и предисловіе. Повелѣніе деспота походитъ на приказаніе врача-невольника, и есть простой законъ. Другая часть есть убѣждающая; она имѣетъ силу предисловія при сочиненіяхъ. Такое убѣждающее слово, по моему мнѣнію, говорится на тотъ конецъ, чтобъ благосклонно и со вниманіемъ принимали повелѣніе тѣ, кому говоритъ законодатель, и потому должно назвать его предисловіемъ, а не частію самаго закона. Что изъ сего я хотѣлъ вывесть? то, что законодатель прежде всего долженъ прибавить къ законамъ предисловіе, отъ чего они получатъ другую силу, какъ мы уже видѣли изъ двухъ разныхъ примѣровъ.

Кл. Мой законоискусникъ не иначе долженъ поступать въ законодательствѣ.

Аѳ. Ты правъ, если хочешь сказать, что всякой законъ долженъ имѣть свое предисловіе и что на поприщѣ законодательства прежде всего должно изложить предварительныя правила; сіе даетъ послѣдующему силу и важность; ибо весьма много значитъ удовлетворительное, или неудовлетворительное изложеніе. Но не справедливо заставлять предисловить однимъ образомъ предъ всѣми законами, какъ важнѣйшими, такъ и маловажными; сего не дѣлаютъ ни въ пѣ-

няхъ, ни въ разговоръ. Хотя всякая пѣснь имѣетъ свой приступъ, но не всѣми приступами должно пользоваться. Сіе предоставляется на произволъ ритору, пѣснопѣвцу и законодателю.

Кл. Кажется ты говоришь весьма справедливо; но не будемъ медлить долѣе на вступленіи. Обратимся опять къ слову, которое относится не къ предисловію, но къ настоящему предмету, и какъ въ игрѣ лучшее всегда повторяется, повторимъ слова твои не кое какъ, но какъ истинное предисловіе. Ты довольно сказалъ о почтеніи къ Богамъ, о любви къ родителямъ, о супружествѣ; постараемся окончить все, что касается до предисловія, и потомъ приступимъ къ самимъ законамъ.

Аѳ. И такъ по твоему мнѣнію мы хорошо предисловили о Богахъ, о тѣхъ, кои послѣ Боговъ заслуживаютъ первое почтеніе, о родителяхъ почившихъ и еще живущихъ; кажется, ты хочешь, чтобъ я развилъ и остальную часть сего предмета.

Кл. Очень желаю.

Аѳ. Послѣ сего остается говорить и по возможности сосредоточить свои мысли о томъ, какое попеченіе мы должны имѣть о душѣ, о тѣлѣ, объ имѣніи и наконецъ объ истинномъ воспитаніи. Вотъ предметъ для нашей бесѣды и вниманія.

Кл. Очень основательно ты говоришь.

РАЗГОВОРЪ ПЯТЫЙ

О

ЗАКОНАХЪ.

Ао. Внимайте еще, какъ внимали вы о Богахъ и о своихъ прародителяхъ. Послѣ безсмертныхъ Боговъ душа есть драгоцѣннѣйшее благо, благо болѣе всѣхъ другихъ намъ собственное, неотъемлемое. Двѣ части составляютъ человѣка: одна лучшая, благороднѣйшая владычествуетъ; другая слабѣйшая, худшая повинуется. Владычествующая должна имѣть предпочтеніе предъ повинующеюся. И такъ я справедливо скажу, что послѣ всемогущихъ Боговъ, во вторыхъ мы должны почитать душу свою. Всѣ мы увѣрены, что воздаемъ ей должную почесть; но, можно сказать, никто изъ насъ не почитаетъ ее должнымъ образомъ. Честь есть вещь божественная; ничто порочное недостойно ея. Кто думаетъ возвысить душу свою ученіемъ, дарами, или властію, и не старается сдѣлать ее изъ худшей лучшею, тотъ думаетъ почтить ее и дѣлаетъ противное. Всякой человѣкъ едва вступаетъ въ первая лѣта юности, уже воображаетъ, что онъ все знаетъ, самохвальство почитаетъ похвалою душѣ своей, съ пламеннымъ сердцемъ стремится исполнять всѣ свои желанія; но мы говоримъ, что онъ губитъ душу свою, а не почитаетъ. Не такое почте-

ніе прилично второй послѣ Боговъ. Кто не себя, а другихъ почитаетъ виновниками своихъ погрѣшностей, своихъ великихъ нещастій, и всегда прославляетъ свою невинность; тотъ по видимому чтитъ душу свою, и вмѣсто того наноситъ ей вредъ. Предаваясь удовольствіямъ противъ правилъ и совѣтовъ законодателя, мы также не чтимъ ее, но оскверняемъ пороками и подвергаемъ угрызенію совѣсти. Кто не упражняется въ похвальныхъ трудахъ, не противустоитъ огорченіямъ и ужасамъ, но уступаетъ имъ, тотъ малодушіемъ своимъ также не приноситъ ей славы; ибо всѣ низкія дѣла безчестятъ ее. Не почитаетъ ее и тотъ, для кого жизнь есть единственное благо: почитая зломъ то состояніе души, въ которомъ она будетъ по смерти, онъ упадаетъ, теряетъ свое мужество, доказываетъ невѣріе, что величайшее блаженство скрывается тамъ за гробомъ, въ наслажденіи благами божественными. Почитать красоту выше добродѣтели есть совершенное безчестіе души. Несправедливо отдавать преимущество тѣлу надъ душею. Ничто земное не можетъ быть лучше небеснаго. Кто иначе разсуждаетъ о душѣ, тотъ не знаетъ, что оставляетъ въ пренебреженіи драгоцѣннѣйшее сокровище. Кто любитъ пріобрѣтать имѣніе нечестными способами и безъ угрызенія совѣсти смо-

тритъ на сіи пріобрѣтенія, тотъ не ублажаетъ души своей, но совсѣмъ напротивъ; ибо все достоинство ея и доблесть отдаетъ за горсть золота; но все золото и на землѣ и подъ землею не стоитъ добродѣтели. Вообще, кто не хочетъ всѣми силами воздерживаться отъ того, что законодатель призналъ безчестіемъ и порокомъ; кто не стремится со всею ревностію къ благамъ и отличіямъ, кои законъ опредѣляетъ: тотъ забываетъ, что съ сей стороны подвергаетъ величайшему поруганію душу, сіе божественное существо, и оставляетъ ее въ бѣдственномъ состояніи. Можно сказать, никто не видитъ предъ собою строжайшаго судію и местника своихъ беззаконій; и какая месть ужаснѣе, какъ уподобляться злымъ, и уподобляясь имъ, убѣгать мужей добрыхъ и бесѣды ихъ и со всѣмъ стремленіемъ прилѣпляться къ сообществу первыхъ? Прилѣпляющійся къ нимъ по необходимости вовлекается въ тѣже дѣла и страсти, къ коимъ они обыкновенно влекутъ другъ друга. Сіе состояніе не есть еще приговоръ суда, ибо судъ и справедливость есть дѣло божеское; это есть наказаніе, сопутствующее беззаконію. Равно нещастны и тотъ злодѣй, который подвергается сему наказанію, и тотъ, который избѣгаетъ его: одинъ остается безъ надѣжды на исцѣленіе; другой погибаетъ для спасенія многихъ другихъ.

Честь наша, можно вообще сказать, состоитъ въ томъ, чтобы слѣдовать лучшимъ и къ лучшему концу вести то, что худо, но можетъ быть исправлено. Въ человѣкѣ одна душа только имѣетъ способность убѣгать зла, и стремиться къ верховному благу, обладаніе коего вообще есть основаніе всякаго общежитія. За сіе мы дали душѣ второе мѣсто послѣ боговъ.

Третье мѣсто въ общемъ порядкѣ всякой размышляющій уступитъ достоинствамъ тѣлеснымъ, кои требуютъ разсмотрѣнія: ибо однѣ изъ нихъ суть истинныя, другія ложныя. Сіе разсмотрѣніе есть дѣло законодателя. Кажется, онъ такъ объ нихъ судитъ: достоинства тѣлестныя состоятъ не въ красотѣ, не въ силѣ, не въ быстротѣ, не въ величинѣ роста, не въ здоровьи, хотя многимъ сіе такъ кажется, но и не въ противномъ сему. Среднее соединеніе сихъ крайностей гораздо ближе къ умѣренности и надежнѣе: ибо одна крайность напыщаетъ души тщеславіемъ, другая содѣлаетъ ихъ низкими и раболѣпными. Тоже можно сказать о пріобрѣтеніи имѣнія, денегъ и почестей: излищество ихъ производитъ вражду и возмущенія, какъ вообще въ государствѣ, такъ и въ частности; за недостаткомъ же слѣдуетъ рабство. Но да не сребролюбствуетъ никто для дѣтей, желая оставить ихъ богатѣйшими; сіе не полезно

ни имъ, ни отечеству ихъ. Лучше всего и пріятнѣе богатство не блистательное, но противъ всѣхъ нуждъ достаточное. Соотвѣтствуя всѣмъ потребностямъ и поддерживая во всемъ порядокъ, оно доставитъ намъ жизнь безбѣдную. Наслѣдствомъ дѣтей должно быть не золото, но глубокое благочестіе, стыдливость, которыя не иначе можно внушить, какъ порицаніемъ всякаго безстыднаго ихъ поступка. Сія не относится къ обыкновенному совѣту, который даютъ юношамъ стыдиться всего. Мудрый законодатель болѣе долженъ предписывать старѣйшимъ стыдиться предъ юношами, чтобъ они особенно предъ сими остерегались говорить или дѣлать что либо постыдное: гдѣ безстыдны старики, тамъ юноши необходимо дѣлаются безстыднѣйшими. Истинное воспитаніе юношества и всякаго возраста состоитъ не въ увѣщеваніи, но въ строгомъ исполненіи того, чему мы хотимъ научить другихъ.

Кто почитаетъ родство и блюдетъ въ сердцѣ своемъ наслѣдственный страхъ къ отечественнымъ и семейственнымъ божествамъ, тотъ можетъ ожидать отъ нихъ благословенія чадамъ своимъ. Чтобъ наслаждаться ласками дружества и пріязнію знакомыхъ, мы должны почитать услуги намъ отъ другихъ важнѣе, нежели какъ они сами думаютъ, и благодарность свою къ нимъ

цѣнить менѣе, нежели что она для нихъ значитъ. Тотъ лучшій гражданинъ и сынъ отечества, кто выше всѣхъ Олимпійскихъ побѣдъ, выше всѣхъ трудовъ, подъемлемыхъ во время мира и войны, ставитъ повиновеніе отечественнымъ законамъ и ревностнѣйшее ихъ соблюденіе въ продолженіи всей жизни. Отношенія съ иноплеменными должны быть для насъ священны: ибо всѣ обиды иноплеменниниковъ, или иноплеменникамъ отъ гражданъ оказанныя, вопіютъ къ Богу мстителю. Странникъ безъ друзей, безъ родныхъ возбуждаетъ сожалѣніе и у людей, и у Боговъ. Сильный во мщеніи всегда заступитъ притѣсненнаго; и кто сильнѣе страннолюбиваго духа и Бога, служащаго страннолюбивому Зевесу? Въ комъ есть хотя мало ума, тотъ долженъ остерегаться въ теченіи жизни своей обидѣть чѣмъ либо странника. Величайшая обида подобнымъ своимъ есть презрѣніе къ просящимъ. Сей Богъ, коего бѣдный призывалъ во свидѣтели обѣтовъ своихъ, не оставитъ страждующаго; и горе безчувственному злодѣю! сіи страданія никогда не останутся безъ отмщенія.

Мы уже сказали, чѣмъ мы должны родителямъ, самимъ себѣ, тому, что находится въ нашей власти, отечеству, друзьямъ, ближнимъ и странникамъ. Теперь слѣдуетъ сказать, каковымъ долженъ быть самъ всякой человѣкъ, чтобы наслаждаться щастли-

вою жизнію. Я не говорю здѣсь голосомъ закона, но подражаю тому законодателю, который посредствомъ похвалы и порицанія приготовляетъ умы ко вниманію. Истина есть основаніе всѣхъ благъ божескихъ и человѣческихъ. Кто хочетъ быть щасливымъ и блаженнымъ, тотъ какъ можно ранѣе долженъ пріобщиться ей, и все время жизни своей употреблять на то, чтобъ быть истиннымъ человѣкомъ, который одинъ достоинъ довѣренности; ибо можно ли положиться на того, кому пріятна произвольная ложь? Есть и такіе, коимъ пріятна непроизвольная; то и другое достойно презрѣнія; невѣжда и вѣроломный равно презрѣнны. Время изобличитъ ихъ: при концѣ жизни, въ скучной старости ихъ ожидаетъ хладное одиночество. Съ друзьями, съ дѣтьми, равно какъ безъ друзей, безъ дѣтей, они будутъ вести жизнь сирую.

Достоинъ почтенія человѣкъ, чуждый всякой несправедливости; но вдвое больше права на уваженіе имѣетъ тотъ, кто удерживаетъ отъ обиды другихъ: одинъ справедливъ только къ самому себѣ, другой справедливъ и для тѣхъ, коихъ преступленія онъ открываетъ правительству; а тотъ, кто содѣйствуетъ правительству въ обузданіи злобы, долженъ назваться мужемъ великимъ, совершеннымъ гражданиномъ, образцемъ добродѣтели. Такуюже похвалу должно во-

здавать скромности, благоразумію и прочимЪ доблестямЪ, если кто, украшаясь ими, можетЪ сообщать другимЪ свое расположеніе. Величайшія почести принадлежатЪ насаждающему вЪ сердцахЪ гражданЪ семена добродѣтелей; второе мѣсто займетЪ тотЪ, кто имѣетЪ тоже желаніе, но безЪ таланта; завистливый, которой добровольно, изЪ дружбы ни сЪ кѣмЪ не подѣляется своими благами достоинЪ всего презрѣнія; но сіе презрѣніе не должно простираться на тѣ отличные дары, коими онЪ владѣетЪ; напротивЪ всякой долженЪ по силамЪ стараться о пріобрѣтеніи ихЪ.

Пусть существуетЪ между нами соревнованіе вЪ добродѣтели, но безЪ злобной зависти. ТотЪ содѣйствуетЪ благу всего государства, кто самЪ стремится далѣе и злыми навѣтами другимЪ пути не преграждаетЪ. Завистливый, который только хитростію думаетЪ стать выше другихЪ и самЪ отЪ сего менѣе успѣваетЪ вЪ истинной добродѣтели и состязующихся сЪ нимЪ приводитЪ вЪ малодушіе несправедливымЪ своимЪ порицаніемЪ. ТакимЪ образомЪ на поприщѣ доблести онЪ охлаждаетЪ жарЪ своихЪ согражданЪ и уменьшаетЪ славу своего отечества.

Всякой долженЪ быть мужественЪ, а болѣе кротокЪ: ибо вЪ испорченномЪ вѣкѣ не льзя иначе избѣгнуть несносныхЪ

обидѣ со стороны другихъ, какъ противодѣйствуя, защищаясь и твердо отражая удары на самаго противника. Безъ мужественнаго духа сіе невозможно. Впрочемъ сіи порывы раздраженнаго не всегда неудобоизлѣчимы. Надлежитъ помнить, что всякой противъ своей воли дѣлается несправедливымъ; ибо никто никогда самъ собою не домогался величайшаго зла, особливо въ дѣлахъ важнѣйшихъ; душа и истинна, какъ мы сказали, важнѣе всего; кто жь добровольно согласится подвергнуть ужасной болѣзни благороднѣйшую часть самаго себя и страдать цѣлую жизнь? Всякой человѣкъ несправедливый болѣе достоинъ сострадания; но сострадать можно только о томъ, въ комъ зло еще удоболѣчимо; предъ симъ должно претворять гнѣвъ на кротость и не питать къ нему ожесточенія и ненависти свойственной женщинамъ; только противъ злаго и совершенно погибшаго должно показывать гнѣвъ свой. По сему то, говорю, добрый долженъ быть и мужественнымъ и кроткимъ.

Величайшее зло, какъ бы врожденное, скрывается въ душѣ нашей, которое всякой извиняетъ въ себѣ, и отъ котораго никто не думаетъ изцѣлиться. Я говорю о самолюбіи; оно проистекаетъ изъ самой природы нашей; но въ самомъ дѣлѣ чрезмѣрная любовь къ самому себѣ есть причина всѣхъ нашихъ погрѣшностей. Любящій слѣпъ къ любимому

своему предмету: тотъ худо познаетъ справедливое, доброе, изящное, кто почитаетъ себя выше всякой истины; и не будетъ великимъ человѣкомъ, любящій только себя и свое; должно любить одно справедливое и въ себѣ, и особенно въ другихъ. Отъ сей слабости проистекаетъ и другая, невѣжество свое почитать мудростію. Не зная ничего, мы почитаемъ себя всезнающими, не поручаемъ другимъ, чего сами не въ силахъ сдѣлать и дѣлаемъ съ великими погрѣшностями. Потому, оставя излишнее самолюбіе и не стыдясь, будемъ подражать тѣмъ, кои лучше насъ.

Есть простыя правила, часто въ разговорѣ употребляемыя и притомъ весьма полезныя; ихъ мы должны всегда припоминать себѣ. Какъ потокъ быстро стремится, и одна волна безпрестанно смѣняется другою, такъ въ воспоминаніи нашемъ безпрестанно должны родиться новыя добрыя мысли, между тѣмъ какъ другія изчезаютъ. Скажемъ, что долгъ велитъ намъ воздерживаться отъ излищней радости и слезъ; будемъ напоминать другъ другу, что мы должны не показывать ни восторга; ни горести, но сохранять важную твердость какъ въ щастіи, въ которомъ насъ поставляетъ нашъ Геній - хранитель, такъ и въ препятствіяхъ, кои встрѣчаются на трудномъ пути жизни; будемъ всегда надѣяться на то, что Богъ посылаетъ добрымъ: встрѣтятся

ли дни щастливые, то онъ продлитъ ихъ; встрѣтятся ли бѣдствія, то онъ облегчитъ ихъ и настоящимъ опасностямъ дастъ лучшій конецъ. Съ такой надеждою каждой долженъ жить и по такимъ правиламъ дѣйствовать, напоминая ихъ и себѣ и другимъ, какъ въ трудахъ, такъ и въ минуты отдохновенія.

Итакъ вотъ наши обязанности, которыя мы должны исполнять какъ въ отношеніи къ другимъ, такъ и въ отношеніи къ самимъ себѣ. Но сіи правила суть болѣе божественныя, нежели человѣческія. Мы должны говорить не Богамъ, но людямъ.

Природу человѣческую особенно составляютъ удовольствія, огорченія и желанія. Онѣ восторгаютъ, колеблютъ смертнаго безпрестанными заботами. Благороднѣйшій образъ жизни заслуживаетъ похвалу не только благовидною наружностію; но если кто хочетъ имъ пользоваться отъ самой юности, не совращаясь съ прямаго пути добродѣтели, сей образъ жизни превосходнѣе и въ томъ, къ чему мы всѣ стремимся: онъ доставляетъ въ жизни болѣе радостей и менѣе огорченій. Въ сей истинѣ не усомнится, кто хочетъ чистосердечно испытать ее. Но какъ испытать? разсмотримъ, согласно ли съ природою человѣческою то, что я предлагаю, или противорѣчитъ ей? Сравнивая равные роды жизни, одну пріят-

нѣйшую, другую горестнѣйшую, находимъ, что мы всѣ желаемъ себѣ удовольствія; огорченія же не избираемъ и не желаемъ; удовольствіе для насъ лучше, нежели ничего; но отъ горести мы всѣ желаемъ избавиться; далѣе, мы ищемъ меньшаго огорченія съ большимъ удовольствіемъ, и не желаемъ меньшаго удовольствія съ большимъ огорченіемъ. Не льзя утвердительно сказать, изберемъ ли мы половину одного на половину другаго. Чтобъ опредѣлить къ выбору чего либо нашу волю, или оставить ее въ нерѣшимости, все зависитъ отъ того, какъ многочисленны, велики и сильны удовольствія или огорченія, или отъ равенства ихъ. Таковъ необходимый порядокъ вещей; мы избираемъ ту жизнь, въ которой есть удовольствія и горести въ высокой степени и силѣ, но сумма первыхъ превосходнѣе; противнаго сему не желаемъ. Не желаемъ и такой жизни, въ которой все низко, мало, тихо, и притомъ сумма огорченій превышаетъ; мы ищемъ противнаго. Наконецъ то состояніе, въ которомъ все находится въ равновѣсіи, лучше того, въ которомъ преобладаютъ страданія: мы ищемъ пріятнаго и бѣгаемъ того, что преимущественно возбуждаетъ насъ къ огорченію.

Въ сихъ границахъ необходимо заключаются всѣ образы жизни; намъ остается только наблюдать, къ какой изъ нихъ наша

природа расположила насъ. Еслибъ кто сказалъ, что желанія его не заключаются въ сихъ предѣлахъ, тотъ обнаружилъ бы только свое невѣжество и неопытность въ образахъ жизни. Какія же и сколь многоразличны состоянія, въ которыхъ человѣкъ, взвѣсивъ все достойное и недостойное желанія, все произвольное и непроизвольное, начертавъ посему свои правила и соединивъ все дружественное, пріятное, лучшее, изящнѣйшее, можетъ сдѣлаться щастливымъ? Положимъ съ одной стороны жизнь умѣренную, мудрую, мужественную и притомъ здоровьемъ сопровождаемую; съ другой жизнь буйную, малодушную, невоздержную, болѣзненную. Кто знаетъ выгоды умѣренной жизни, тотъ знаетъ, что она есть самая тихая и мирная; ослабляетъ горести, отнимаетъ буйные порывы у наслажденій, желаній и у самой любви; что невоздержная напротивъ на все стремительна, усиливаетъ горести, даетъ всю власть удовольствіямъ, воспламеняетъ безумнымъ, непреодолимымъ влеченіемъ желанія и любовь; что въ умѣренности болѣе удовольствій, нежели огорченій, а въ невоздержаніи болѣе огорченій, нежели удовольствій, какъ по числу такъ и по силѣ, и потому одна жизнь по закону необходимости пріятнѣе, другая горестнѣе. И если все сіе справедливо, то слѣдуетъ, что всякой противъ воли

своей бываетъ невоздержнымъ. Вся чернь или по невѣжеству или по развращенію оставляетъ умѣренность въ жизни. О болѣзненномъ и здоровомъ состояніи также можно сказать, что каждое изъ нихъ имѣетъ свои удовольствія и горести; но сумма удовольствій болѣе въ здоровьи, а горестей болѣе въ болѣзни. Произвольно мы никогда не изберемъ того образа жизни, въ которомъ болѣе огорченій; лучше, гдѣ ихъ менѣе. Поелику же у людей умѣренныхъ, мудрыхъ и мужественныхъ то и другое бываетъ слабѣе, меньше и рѣже, нежели у невоздержныхъ, безумныхъ и малодушныхъ; поелику въ удовольствіяхъ то одни изъ нихъ, то другіе бываютъ выше, но суммою горестей послѣдніе несравненно превышаютъ первыхъ; то мужественный и мудрый превосходнѣе малодушнаго и безумнаго, и жизнь его несравненно пріятнѣе жизни послѣдняго. Вообще жизнь добродѣтельная по тѣлу и по душѣ пріятнѣе жизни порочнаго; она предъ всѣми прочими украшается лѣпотою, правильностію, доблестію и славою, и ведущій ее во всѣмъ щастливѣе ведущаго жизнь противную. Здѣсь мы окончимъ общее предисловіе къ законамъ.

После сего должно говорить о законахъ, или лучше сказать, начертать основу государствоправленія. Какъ въ ткани не одинакимъ образомъ составляются самая основа

и перевязывающія ее нити, но необходимо бывають различны: основа бываеть связана крѣпче и тверже; прочія нити слабѣе и болѣе отличаются красотою: такимъ же образомъ отличаются исправляющіе въ государствѣ важнѣйшія должности и люди какимъ нибудь ученіемъ украшенные. Устроеніе государства раздѣляется на двѣ части: первая есть установленіе властей; вторая учрежденіе законовъ для каждой власти; но напередъ надлежить обратить вниманіе на слѣдующій предметъ: пастырь, принимая стадо тельцовъ, или овецъ или другихъ животныхъ первое стараніе обращаеть на то, чтобы для безопасности ихъ сдѣлать между ими надлежащій разборъ, отдѣлить здоровыхъ и нездоровыхъ, и отославъ однихъ въ особенное стадо, другихъ оставляеть своему попеченію; онъ увѣренъ, что безъ сего строгаго разбора тщетенъ всякой трудъ о тѣлахъ и душахъ испорченныхъ худымъ воспитаніемъ и привычками; что отъ больныхъ частей легко заражаются и здоровыя. О другихъ животныхъ я говорю только мимоходомъ для примѣра; но люди требують величайшаго попеченія и достойны того, чтобъ законодатель тщательно изслѣдовалъ и подробно изложилъ все, что касается до очищенія государства и до чистоты нравственности.

Вотъ, что можно сказать о семъ очище-

нія: одинъ способъ его есть тихой и легкой, другой насильственный. Насильственнымъ и слѣдовательно надежнѣйшимъ можетъ пользоваться неограниченный Государь — законодатель. Законодатель безъ власти неограниченной при устроеніи новаго государства и при учрежденіи законовъ можетъ успѣть только тихими и простыми мѣрами очищенія. Въ политикѣ какъ и въ медицинѣ лучшіе способы соединены съ огорченіями; они съ неумолимымъ правосудіемъ осуждаютъ на казнь, на смерть, на изгнаніе, и такимъ образомъ освобождаютъ государство, какъ отъ неизцѣлимой язвы, отъ преступниковъ, ознаменовавшихся величайшими злодѣяніями. Легчайшая мѣра къ очищенію государства есть сія: тѣхъ, кои по недостатку пропитанія, при воззваніи полководцовъ стекаются единственно въ надеждѣ обогатиться добычею чужихъ имѣній, какъ заразу, правительство немедленно высылаетъ, подъ благовиднымъ именемъ поселенія. Такъ при самомъ началѣ долженъ поступать всякой законодатель. Но мы въ семъ случаѣ находимся въ самомъ затруднительномъ положеніи; намъ не можно думать ни о поселеніи, ни о какомъ либо родѣ очищенія: тѣ, кои должны населить нашъ городъ, подобны различнымъ потокамъ, кои изъ источниковъ или составясь отъ проливныхъ дождей, стремятся въ одно великое

озеро; остается только пещись, чтобЪ стекающаяся вода сохранила чистоту свою; мы должны или вычерпывать ее, или отводить вЪ другія стороны. ТаковЪ трудЪ и таковы опасности, можно сказать, бываютЪ при устроеніи каждаго государства. Но такЪ какЪ наше исполненіе происходитЪ только на словахЪ, а не дѣлѣ: предположимЪ, что нашЪ выборЪ сдѣланЪ — и самый чистый, какого можно желать. ОпытомЪ и продолжительнымЪ временемЪ открывЪ вредныхЪ людей вЪ числѣ желающихЪ вступить вЪ права новаго гражданства, мы воспретили имЪ входЪ; добрыхЪ же привлекли всею благосклонностію и награжденіями. Не оставимЪ вЪ молчаніи того, что кЪ великому щастію наше поселеніе не подвержено ужасному и опасному междуусобію и ссорѣ за раздѣленіе земли и уничтоженіе долговЪ; поселеніе ИраклидовЪ, какЪ мы замѣтили, имѣло тѣ же выгоды. При учрежденіи новыхЪ законовЪ не льзя оставить безЪ перемѣны всѣхЪ прежнихЪ постановленій, но и перемѣнять всего не возможно; остается только желать осторожнаго, постепеннаго измѣненія и вЪ продолженіи многихЪ лѣтЪ дѣлать самыя малыя нововведенія. Сей непримѣтный переворотЪ зависитЪ отЪ богатѣйшихЪ, если они, владѣя большимЪ количествомЪ земли, по добротѣ своей не желаютЪ доводить до

крайности своихъ должниковъ, но, или прощаютъ, или помогаютъ, или по крайней мѣрѣ соблюдаютъ умѣренность; если они почитаютъ бѣдностію не уменьшеніе богатства, но ненасытность къ пріобрѣтенію. Таково прочнѣйшее основаніе общественнаго бытія, и только на такомъ основаніи можно утвердить политическое зданіе, какого обстоятельства требуютъ; гдѣ нѣтъ сего основанія, тамъ не устоитъ никакая политическая система.

Мы избѣгли сего неудобства, или по крайней мѣрѣ открыли средство избѣжать его, то есть любить справедливость и не искать обогащенія неправеднаго. Я не знаю другаго пути ни широкаго, ни тѣснаго къ предохраненію себя отъ гибели. Сіе должно служить оградою и нашему отечеству. Имѣнія гражданъ должны быть чисты отъ всякаго нарѣканія взаимнаго, и доколѣ существуютъ старыя причины къ неудовольствію ихъ другъ противъ друга; законодатель, если имѣетъ хотя нѣсколько здраваго смысла, никакъ не долженъ спѣшить къ новымъ какимъ либо разпоряженіямъ, не отклонивъ прежнихъ препятствій. Кому Богъ даруетъ, какъ намъ основать новый городъ, неимѣющій никакой причины ко взаимной враждѣ, тотъ развѣ по особенному невѣжеству и по совершенной испор-

ченности можетъ посѣять въ немъ сѣмена раздора.

Какимъ же образомъ мы сдѣлаемъ правильное раздѣленіе земли и жилищъ? Во первыхъ опредѣлимъ число гражданъ; потомъ раздѣлимъ ихъ на извѣстные классы, назначивъ для каждаго класса величину и права его; послѣ сего сколько возможно раздѣлимъ по ровну землю и жилища. Удобнѣе всего опредѣлить народонаселеніе нашего города по пространству земли и по числу сосѣднихъ городовъ: земли нужно столько, чтобъ она могла прокормить извѣстное число жителей при умѣренномъ образѣ жизни; число жителей такое, чтобъ они могли отражать нападеніе враговъ и подавать помощь притѣсненнымъ сосѣдамъ. Число сіе мы опредѣлимъ и словомъ и на дѣлѣ, когда узнаемъ мѣстное положеніе своего города и силы непріятельскія: теперь, чтобъ не прервать своей бесѣды о законодательствѣ, мы означимъ его примѣрно. Число всѣхъ поселенцовъ, участвующихъ въ раздѣлахъ и въ защищеніи отечества, для опредѣленности пусть будетъ пять тысячь сорокъ; на столько же частей должны раздѣлиться земля и селенія, чтобъ каждой человѣкъ имѣлъ свой жребій и участокъ. Число сіе сначала можетъ быть раздѣлено на двѣ части, потомъ на три, на четыре, на пять и такъ далѣе до десяти. Всякой зако-

жодатель долженъ выбирать число самое сообразное своему городу, именно въ которомъ бы находилось какъ можно болѣе раздѣленій и подраздѣленій: ибо не всякое число способно ко всѣмъ подраздѣленіямъ. Число же пять тысячь сорокъ можетъ имѣть шестьдесять дѣлителей безъ одного и сряду дѣлится на всѣ числа отъ одного до десяти. Сіе весьма полезно во время войны и во время мира для различныхъ общественныхъ сдѣлокъ, для наложенія податей, раздѣловъ и торговыхъ сношеній. Но пріобрѣтать точное познаніе о свойствахъ чиселъ должны тѣ, коимъ законъ предпишетъ сію науку. Впрочемъ, повторю, сіе совершенно необходимо. По изложеннымъ причинамъ устрояющій новое государство долженъ имѣть понятіе о семъ предметѣ.

Созидаетъ ли кто новый годъ, или возстановляетъ древній давно падшій, при введеніи Боговъ и жертвоприношеній, при выборѣ священныхъ именъ никто благоразумный да не дерзаетъ измѣнять того, въ чемъ увѣрили всѣхъ оракулы или Делфійскій, или Аммоновъ, или ветхія преданія, отвѣтами, или божественнымъ внушеніемъ. По сей вѣрѣ установлены жертвоприношенія, соединенныя съ извѣстными обрядами или отечественныя, или Тирренскія, или Кипрскія, или изъ другихъ странъ заимствованныя; такимъ образомъ освящены нѣкоторыя пре-

данія, статуи, жертвенники, капища и рощи. Законодатель не долженъ дѣлать въ сихъ предметахъ ни малѣйшей перемѣны. Каждой части города онъ долженъ назначить своего Бога, Генія покровителя или Героя. При раздѣленіи земли особенно онъ долженъ оставить мѣсто для священныхъ рощей и для всего, что относится къ почитанію Божества; тамъ въ опредѣленныя времена всѣ классы гражданъ будутъ собираться для взаимнаго облегченія своихъ нуждъ, къ утвержденію дружества, для кратчайшаго знакомства и общаго сближенія между собою. Для Государства нѣтъ блага выше того, если всѣ граждане другъ другу ближніе, свои. Гдѣ во взаимныхъ отношеніяхъ людей нѣтъ свѣта, но царствуетъ тьма; тамъ нѣтъ прямаго уваженія къ достоинствамъ, ко властямъ, нѣтъ и должной справедливости. Всякой гражданинъ въ личности своей долженъ старатья, чтобъ почитали его не коварнымъ, но простосердечнымъ и искреннимъ, и чтобъ коварный не дерзалъ обманывать его.

Послѣ сего дальнѣйшій ходъ законадательства столь необыкновенный, какъ въ игрѣ выходъ съ священнаго числа, безъ сомнѣнія сначала удивитъ слушающихъ; но размысливъ и повѣривъ его опытомъ, они найдутъ въ немъ если не первый способъ къ устроенію Государства, то такой, который

только одному уступаетъ. Можетъ быть иные и не примутъ его, потому что еще не привыкли къ законадателю, который бы не говорилъ голосомъ повелителя. Мы сдѣлаемъ съ своей стороны лучшее: представимъ Государство совершеннѣйшее, потомъ второе, и отдадимъ ихъ на выборъ каждому начальнику новаго поселенія. Теперь, поступая симъ образомъ и называя по совершенству Государство первое, второе и третье, сей выборъ мы предоставимъ Клинію, или и другимъ, кои участвуя въ совѣтѣ съ нимъ, захотятъ каждой по своему разсужденію удержать то, что почитаетъ лучшимъ въ отечественныхъ законахъ.

И такъ лучшее Государство, лучшее правленіе, лучшіе законы суть тѣ, гдѣ во всемъ совершается старинное изрѣченіе: у друзей все общее, и, если можно, общія жены, общія дѣти, и общія имѣнія; гдѣ такъ называемая собственность вовсе неизвѣстна, и вещи по природѣ собственныя, по возможности дѣлаются общими, на примѣръ глаза, уши и руки, и всѣ граждане увѣрены, что они одно видятъ, одно слышатъ и дѣлаютъ, одно хвалятъ и порицаютъ, и въ жизни имѣютъ однѣ удовольствія и огорченія. Государство, въ которомъ законы производятъ сіе единство, есть верхъ совершенства, другой прямѣйшей и лучшей цѣли для нихъ нѣтъ

и представлено быть не можетъ. Въ немъ царствуетъ такое невозмущаемое веселіе и блаженство, что оно достойно быть обителію Боговъ, или сыновъ Божіихъ. Вотъ примѣръ, на который должно взирать при устроеніи правленія и къ которому по возможности должно приближаться. Но то, которое мы намѣреваемся устроить, не далеко отстоитъ отъ сего безсмертнаго образца, и займетъ по немъ второе мѣсто, если удастся совершить его. Послѣ того, если Богъ поможетъ намъ представимъ и третіе.

Обратимся къ устроенію втораго: сначала наши граждане должны раздѣлить жилища и землю; но воздѣлывать ее общими силами было бы выше силъ настоящаго поколѣнія при нынѣшнемъ его образѣ жизни и воспитаніи. Они раздѣлятъ ее съ тою мыслію, чтобъ всякой почиталъ свой удѣлъ собственностію цѣлаго Государства, и любилъ бы страну родную такъ, какъ дѣти любятъ свою родительницу; скажу болѣе, смертные должны видѣть въ своемъ отечествѣ божество и верховнаго обладателя. Такое же расположеніе должно питать къ отечественнымъ Богамъ и пенатамъ. Вотъ средства сохранить его навсегда: число домовъ, какое однажды будетъ назначено, не должно никогда ни увиличиваться, ни уменьшаться. Сіе постановленіе точно будетъ исполняемо во всемъ Государствѣ, если получившій

жребій отецЪ семейства будетЪ назначать наслѣдникомЪ имѣнія своего только одного изЪ дѣтей своихЪ, котораго самЪ изберетЪ какЪ преемника и исполнителя всѣхЪ обязанностей относительно кЪ БогамЪ, кЪ роду своему, кЪ отечеству, кЪ живущимЪ и кЪ тѣмЪ, коихЪ уже постигла смерть. У кого много дѣтей, тотЪ долженЪ выдавать дочерей по закону, которой будетЪ для сего установленЪ; сыновЪ же по взаимному согласію усыновлять бездѣтнымЪ гражданамЪ. Если сіи взаимныя сношенія не помогутЪ; если число дочерей или сыновей слишкомЪ велико, или по всеобщему неплодію слишкомЪ мало; то вЪ подобныхЪ случаяхЪ долгЪ высшаго правительства, обратить свое вниманіе на то, что должно дѣлать сЪ симЪ избыткомЪ или ущербомЪ гражданЪ и принять мѣры ко всегдашнему сохраненію тысячи сорока удѣловЪ. Мѣры сіи многоразличны: почести, безчестія, увѣщанія старѣйшихЪ вЪ бесѣдѣ сЪ юными весьма дѣйствительны и кЪ удержанію излишества и кЪ поощренію большаго народонаселенія.

Можетъ случиться также совершенная невозможность кЪ уравненію пяти тысячь сорока домовЪ; иногда супружеская любовь награждается излишествомЪ чадЪ, отЪ сего произходитЪ замѣшательство: тогда остается древнее средство, о которомЪ мы часто говорили, дружелюбное переселеніе вЪ отпра-

ну, выгоднѣйшую. Иногда наводненія, болѣзни и гибельная война уменьшаютъ опредѣленное число гражданъ; не должно наполнять сей убыли безъ разбора иностранцами безъ всякаго воспитанія. Впрочемъ необходимости, какъ говорятъ, самъ Богъ не можетъ противиться.

Теперь обратимъ слово къ самимъ согражданамъ, и въ видѣ увѣщанія изложимъ предъидущее: благороднѣйшіе изъ людей! возлюбите сродство, равенство, единство, согласіе съ природою; не погрѣшайте противъ сего въ своемъ числѣ и во всѣхъ своихъ прекрасныхъ и добрыхъ дѣлахъ; и во первыхъ касательно числа не выступайте никогда изъ предписанныхъ вамъ предѣловъ; также покупкою или продажею не посрамляйте умѣренной доли, которая вамъ досталась. Ни Богъ, податель всякаго удѣла, ни законодатель тогда не будутъ вашими покровителями.

Здѣсь въ первой разъ законъ не слушающимъ его предписываетъ положительно или не принимать удѣла, или принимать его въ твердой вѣрѣ, что земля есть священное достояніе Боговъ, что жрецы и жрицы на первыхъ жертвоприношеніяхъ, на вторыхъ и третьихъ должны просить Боговъ поразить достойною казнію покупающаго или продающаго домъ или усадьбу. Имя каждаго гражданина съ означеніемъ его имѣ-

нія, написанное на кипарисныхъ дскахъ, полагается въ храмахъ для памяти въ потомствѣ; о сохраненіи сихъ записей пекутся правители, извѣстные по своей проницательности, отъ которыхъ не могли бъ укрыться никакія преступленія, и которые строго наказываютъ противящихся закону и Богу.

Сколько полезно сіе устройство для всякаго Государства, которое приметъ его; сего не можетъ знать человѣкъ порочной, но узнаетъ всякой изъ опыта, и самъ сдѣлавшись добродѣтельнымъ. Оно не допускаетъ въ Государствѣ корыстолюбія, не позволяетъ никому обогащаться подлою корыстію, потому что презрѣнное ремесло ниспровергаетъ свободу; а сею цѣною никто не пожелаетъ пріобрѣтать себѣ имѣнія. За симъ закономъ слѣдуетъ другой, который запрещаетъ частному человѣку копить сребро или золото. Деньги должны служить только для ежедневнаго обмѣна; чтобъ платить должное художникамъ, давать плату наемникамъ, рабамъ и домашнимъ. Для сего должна быть въ Государствѣ ходячая монета, которая не имѣла бы никакой цѣны для чужестранцевъ. Общія Еллинскія деньги служатъ только для содержанія войска, для отправляющихся въ чужія страны какъ то въ посольства и по другимъ Государственнымъ потребностямъ. Ежели частному

человѣку случится нужда выѣхать за границу; то онъ можетъ сдѣлать сіе только съ позволенія правительства, и по возвращеніи въ отечество долженъ отдать въ казну, оставшіяся у него иностранныя деньги, принявъ за оныя по щету Государственную монету. Если окажется, что онъ утаилъ что либо, то утаенное берется въ казну; знавшій о семъ и необъявившій правительству, вмѣстѣ съ утаившимъ подвергается одному безчестію и наказанію и сверхъ того пенѣ, равняющейся иностраннымъ деньгамъ.

Кто женится или выдаетъ дочь своею замужъ, тотъ не долженъ ни давать, ни получать никакаго приданаго. Запрещается также закладывать что либо въ обезпеченіе вѣрности или отдавать деньги въ проценты: въ послѣднемъ случаѣ всякой имѣетъ право не платить ни процентовъ, ни капитала. Что сіе устройство есть самое лучшее для Государства, въ томъ легко убѣдиться, вникнувъ въ самое намѣреніе законодателя. Намѣреніе же мудраго политика совсѣмъ отлично отъ разсужденія черни; онъ не поставляетъ общественнаго блага въ томъ, чтобы содѣлать Государство великимъ, богатымъ, избыточествующимъ въ сребрѣ и золотѣ, сильнымъ на сушѣ и на морѣ; и за тѣмъ уже, чтобъ содѣлать его лучшимъ и щастливѣйшимъ. Одно что либо изъ сего

возможно; но то и другое вмѣстѣ не возможно. Законодатель ограничивается возможнымъ, а не возможнаго не желаетъ и не дѣлаетъ тщетныхъ покушеній. Поелику щастіе и добродѣтель неразлучны, то и онъ желаетъ, чтобъ граждане его были щастливы и добродѣтельны. Не возможно быть слишкомъ богатымъ и вмѣстѣ добрымъ; богатымъ, какъ разумѣетъ сіе чернь, то есть быть въ числѣ тѣхъ рѣдкихъ людей, коихъ все достоинство цѣнится по количеству имѣнія, хотя бы владѣлъ имъ человѣкъ порочный. Я никогда не соглашусь, чтобъ богатый былъ дѣйствительно щастливъ безъ добродѣтели: но не возможно быть отлично добрымъ и отлично богатымъ. Почему же? спросите вы. Отвѣчаю, потому что кто пріобрѣтаетъ честными и нечестными способами, тотъ пріобрѣтаетъ вдвое больше того, кто пользуется только честными способами, и тотъ, кто не дѣлаетъ издержекъ ни худыхъ, ни добрыхъ, издерживаетъ вдвое меньше того, кто готовъ на всѣ благородныя, прекрасныя торжествованія. Итакъ тотъ, кто имѣетъ вдвое меньше дохода и вдвое больше разходовъ, можетъ ли быть богаче того, кто вдвое больше получаетъ и вдвое меньше проживаетъ? Одинъ изъ сихъ есть доброй, а другой худой, если онъ только скупъ; и чаще совершенный злодѣй, но добродѣтельный никогда. Кто пріобрѣтаетъ и честнымъ

и нечестнымЪ способомЪ, не дѣлая ни честныхЪ ни безчестныхЪ издержекЪ, тотЪ есть скупой богачь, и притомЪ какЪ совершенно злой, слѣдовательно ненасытный, онЪ бѣденЪ; а кто издерживается на прекрасныя дѣла, пріобрѣтая только честнымЪ образомЪ; тотЪ не легко можетЪ сдѣлаться отлично богатымЪ, но притомЪ и не бѣденЪ. Заключеніе прямое, что слишкомЪ богатые не могутЪ быть добродѣтельными и безЪ добродѣтели они нещастливы. Намѣреніе же законовЪ есть то, чтобЪ содѣлать людей щастливѣйшими, и особенно поселить между ими взаимную любовь. Сію взаимную любовь питаютЪ граждане другЪ кЪ другу не тамЪ, гдѣ есть вѣчныя тяжбы и несправедливости, но гдѣ ихЪ вовсѣ нѣтЪ или очень мало. Для сего то желательно, чтобЪ вЪ Государствѣ не было ни золота, ни сребра, ни чрезмѣрнаго обогащенія посредствомЪ низкихЪ ремеслЪ и процентовЪ или подлыми промыслами; но чтобЪ всѣ поставляли богатство свое единственно вЪ земледѣліи и вЪ томЪ, что не заставляетЪ насЪ нерадѣть о главномЪ, для чего пріобрѣтаестя всякое богатство, то есть о душѣ и тѣлѣ, которыя гаснутЪ безЪ правильнаго упражненія и безЪ прочаго образованія. ВотЪ почему мы такЪ часто повторяемЪ, что пріобрѣтеніе денегЪ должно почитать послѣднимЪ дѣломЪ. ТакЪ; изЪ трехЪ предметовЪ, кои должны занимать

все вниманіе человѣка, третій и послѣдній есть пріобрѣтеніе имѣнія. Тѣло составляетъ средній предметъ его попеченія, а первый есть душа. Наше Государство только тогда получитъ надлежащее свое устройство, если въ немъ наши главные предметы будутъ раздѣлены по симъ тремъ отношеніямъ. Худой тотъ законъ, который заставляетъ предпочитать мудрости здоровье тѣла, или здоровью тѣлесному и мудрости богатство. Законодатель часто долженъ вопрошать самаго себя, чего я хочу? получивъ успѣхъ, достигну ли своего намѣренія? Только такимъ образомъ онъ можетъ совершить свое дѣло и освободить другихъ отъ труда дѣлать послѣ него перемѣны. Иначе онъ не успѣетъ.

Итакъ получившій свою долю пусть владѣетъ ею на сихъ положенныхъ условіяхъ. Хорошобъ было, еслибъ каждой приходилъ въ наше поселеніе съ равнымъ участкомъ и въ прочихъ вещахъ. Но поелику сіе невозможно и одинъ приходитъ съ большими стяжаніями, другой съ меньшими: то по симъ многоразличнымъ обстоятельствамъ, для общаго уравненія, классы гражданъ должны быть различны. Такимъ образомъ власти, налоги, подати будутъ соотвѣтствовать достоинству каждаго не только по доблести его собственной или предковъ его, по силѣ и красотѣ тѣла; но также по богатству и бѣдности

каждаго, дабы граждане, получая равныя почести и достоинства, не равною, но соотвѣтствующею каждому мѣрою, не имѣли причины къ раздорамъ. Для сего смотря по имѣнію, должно установить четыре класса, назвавъ ихъ первымъ, вторымъ, третьимъ, четвертымъ или другими именами. Одни остаются въ одномъ классѣ; другіе, изъ бѣдныхъ сдѣлавшись богатыми или изъ богатыхъ бѣдными, переходятъ въ другой себѣ приличной.

Сему желалъ бы я дать такой образъ зокона: чтобъ предохранить Государство отъ величайшаго зла, то есть отъ возмущенія, между гражданами не должно быть ни крайней бѣдности, ни чрезмѣрнаго богатства; обѣ сіи причины производятъ одно дѣйствіе, и потому законодатель долженъ положить имъ границы. Границею бѣдности будетъ служить соблюденіе удѣла, въ которомъ всякой долженъ находиться, и уменьшеніе коего никому не пропуститъ безъ вниманія ни правитель, ни всякой другой, кто только полагаетъ въ добродѣтели свое честолюбіе. Законъ, опредѣляющій мѣру удѣловъ, позволяетъ пріобрѣтать вдвое, втрое и даже въ четыре раза больше. Но кто пріобрѣлъ больше сего или самъ, или по щедрости чьей либо, или куплею, или другимъ какимъ благопріятнымъ случаемъ, тотъ возвратитъ городу и Богамъ покро-

вителямъ его, излишнее и со славою освободится отъ преслѣдованія законовъ. Если онъ не хочетъ повиноваться сему закону: то обличившій его въ награду получаетъ половину всего излишка; другую же половину виновный отдаетъ богамъ. Всѣ имѣнія сверхъ положеннаго участка должны быть извѣстны и записаны у правительства, закономъ для сего опредѣленнаго, дабы всѣ права относительно имѣній были ясны и споры не запутаны.

Скажемъ о мѣстоположеніи города. Онъ долженъ находиться въ средоточіи всей страны, на такомъ отличномъ мѣстѣ, гдѣ все привольно; не трудно понять и объяснить сіе. Въ срединѣ самаго города посвятимъ храмы Вестѣ, Зевесу и Аѳинѣ; оградимъ ихъ стѣною и назовемъ Акрополисомъ. Начиная отсѣлѣ какъ отъ центра, раздѣлимъ весь городъ и всю окрестность на двѣнадцать частей, кои должны быть уравнены такимъ образомъ, чтобъ части плодородной земли были меньше, неплодородной больше. Сдѣлаемъ пять тысячь сорокъ жребіевъ, раздѣливъ каждый изъ нихъ надвое, возмемъ по двѣ половинки, одну на ближнюю часть къ городу, другую на отдаленную; вторая часть къ городу, со второю отъ дальняго конца также должны составлять одинъ жребій, и такъ далѣе; постараемся притомъ уравнять большимъ или

меньшимъ количествомъ участка доброту и неплодородіе земли. Жителей также раздѣлимъ на двѣнадцать частей, равно какъ и все прочее имѣніе ихъ по сдѣланной описи; потомъ бросимъ жребіи по числу двѣнадцати Боговъ, и каждую часть освятимъ и назовемъ именемъ своего Бога. Двѣнадцать отдѣленій города опять раздѣлимъ такимъ же образомъ, какъ и всю страну; для каждаго жителя назначимъ два мѣста, одно ближе къ городу, другое далѣе къ концу. Такимъ образомъ устроится мѣстное расположеніе города.

Впрочемъ мы должны согласиться, что такое предпріятіе не совсѣмъ возможно; что не всѣ обстоятельства могутъ соотвѣтствовать нашему расчету. Можно ли ждать, чтобъ не возроптали на сію общительность, чтобъ всѣ довольствовались опредѣленнымъ посредственнымъ имѣніемъ, чтобъ приняли правила въ разсужденіи дѣтей, и не обижались лишеніемъ золота и дугихъ вещей, которое предписываетъ законодатель. Центральное раздѣленіе страны и города почтутъ мечтою соннаго; скажутъ, что я изъ воску хочу построить городъ и сотворить гражданъ. Возраженія сіи не безъ основанія нѣкоторымъ образомъ. Но съ другой стороны не забудемъ и того, что отвѣчалъ бы намъ на сіе законадатель: не думайте, друзья мои, будто я и самъ не

вижу, что слова ваши нѣкоторымъ образомъ справедливы. Но справедливость требуетъ во всякомъ предпріятіи представлять со всею изящностію и истиною образецъ будущаго совершенства его. Надобно оставить неудобоисполнимое, и неослабно стремиться къ тому, что соотвѣтствуетъ нашему намѣренію и ведетъ насъ къ нашей цѣли. Дадимъ свободу законадателю положить конецъ своему предпріятію, и послѣ того разсмотримъ вмѣстѣ съ нимъ, что полезно и легко въ семъ предпріятіи, и что сопряженно въ великими препятствіями. Ибо и въ маловажныхъ работахъ художникъ долженъ дѣйствовать по одному плану и согласно съ самимъ собою, если хочетъ пріобрѣсть себѣ добрую славу.

Послѣ общаго раздѣленія всего Государства на двѣнадцать частей, надлежитъ вникнуть въ первыя, вторыя и третьи подраздѣленія, какія можетъ заключать въ себѣ каждая часть въ наполненіи числа пяти тысячь сорока. По сему законодатель соразмѣрнымъ и точнымъ образомъ можетъ устроять братства, общины и селенія, также военные станы, ихъ расположеніе, деньги, мѣру сухихъ и жидкихъ тѣлъ и вѣсы. Онъ не долженъ опасаться, прослыть мѣлочнымъ умомъ, если установитъ опредѣленную мѣру для всѣхъ употребляемыхъ сосудовъ. Вообще онъ долженъ быть увѣренъ,

что познаніе раздѣленія и составленія чиселъ какъ въ самыхъ числахъ, такъ въ толщинѣ, въ глубинѣ, въ звукахъ, въ движеніи вертикальномъ и въ круговомъ обращеніи доставляетъ величайшую пользу; безпрестанно имѣя предъ глазами сіи предметы, онъ долженъ строго воспрещать гражданамъ отступать отъ сего раздѣленія и порядка. Ибо ни въ хозяйствѣ, ни въ государствоправленіи, ни во всѣхъ прочихъ искуствахъ никакая наука не имѣетъ такой силы, какъ наука количествъ: и что всего важнѣе, она возбуждаетъ умы по природѣ медленные и грубые, дѣлаетъ ихъ способными, проницательными, и чуднымъ образомъ, наперекоръ самой природѣ, во всемъ благоуспѣшными.

Можно положить сію науку и другія подобныя ей въ числѣ изящныхъ и полезныхъ упражненій, еслибъ кто какими нибудь законами или искуствомъ очистилъ отъ подлаго корыстолюбія сердца тѣхъ, кои желаютъ съ успѣхомъ и съ пользою заниматься ею. Иначе вмѣсто мудрости мы увидимъ суетное любознаніе. Таковы представляются намъ Египтяне, Финикіяне и многіе другіе народы. Низкой образъ жизни и пріобрѣтенія сдѣлалъ ихъ такими; а можетъ быть худой законодатель или какой нибудь несчастный случай, или естественное расположеніе были причиною сей порчи ихъ.

Должно замѣтить, Мегиллѣ и Клиній, что различныя естественныя положенія странѣ весьма много содѣйствуютѣ тому, чтобы сдѣлать людей лучшими или худшими. Законы никогда не должны быть сѣ ними вѣ противорѣчіи: однѣ страны не удобны по чрезвычайнымѣ вѣтрамѣ и бурямѣ, другія по наводненіямѣ, иныя изобилуютѣ лучшими питательными средствами, другія худшими; все ето безѣ сомнѣнія имѣетѣ вліяніе на душу. Но болѣе всѣхѣ щастливы тѣ страны, гдѣ царствуетѣ Духѣ Божій и надѣ всѣми удѣлами бодрствуютѣ Геніи-хранители: они покрываютѣ своею милостію жителей.

На сіе обращая вниманіе мудрый законодатель, сколько возможно человѣку, долженѣ установлять свои законы. И тебѣ, Клиній, предстоитѣ тоже. Сѣ сего долженѣ начинать желающій населить новую страну.

Кл. Почтенный Аѳинянинѣ, изящны слова твои; я послѣдую твоему совѣту.

РАЗГОВОРЪ ШЕСТЫЙ
О
ЗАКОНАХЪ.

Ле. Послѣ всего нынѣ сказаннаго предлежитъ тебѣ, Клиній, установленіе самыхъ властей.

Кл. Такъ слѣдуетъ.

Ле. Государственное устроеніе заключаетъ въ себѣ два предмета: во первыхъ установленіе самыхъ властей и правителей, сколько ихъ и какимъ образомъ должны быть избираемы; потомъ законы, которыми надлежитъ снабдить каждую часть правительства, соразмѣряя ихъ качество, число и силу. Прежде, нежели будемъ говорить о самомъ выборѣ, скажемъ что нибудь приличное на сей случай. . .

Кл. Что такое?

Ле. Вотъ что. Всякому извѣстно, какъ важно законодательство. Но если съ сей стороны благоустроенное Государство поручаетъ неспособнымъ властямъ мудрые законы: то не только не получитъ отъ нихъ пользы и подвергнется посмѣянію другихъ; но отсѣлѣ произойдутъ для него величайшія нещастія и гибель.

Кл. Не иначе.

Ле. Представимъ себѣ, что сіе можетъ встрѣтиться въ устроеніи твоего Государства, въ твоемъ городѣ. Ты видишь, что

шѣ, кои прямымѣ пушемѣ стремятся кѣ полученію властей, напередѣ должны представить опыты за родѣ свой и за себя отѣ самаго дѣтства до избранія. Избирашели должны быть наставлены вѣ смыслѣ законовѣ, дабы они могли справедливо избирать или исключать достойныхѣ одного или другаго. Но люди только сошедшіеся и не знакомые между собою могутѣ ли неукоризненно избирать власти?

Кл. Безѣ сомнѣнія не могутѣ.

Аѳ. Но сраженіе, какѣ говорятѣ, уже не принимаетѣ отговорки. Тоже предлежитѣ тебѣ и мнѣ. Ты самѣ десятый, какѣ сказалѣ, твердо рѣшился поселить городѣ Критскому народу. Я тебѣ сотрудникѣ вѣ настоящей нашей бесѣдѣ. И такѣ, сколько зависитѣ отѣ меня, не оставлю своей рѣчи безѣ главы. Переходя отѣ одного предмета кѣ другому, она должна казаться весьма безобразною.

Кл. Ты прекрасно сказалѣ сіе, почтенный иноземецѣ.

Аѳ. И не только сказалѣ, но и сдѣлаю по возможности.

Кл. Тѣмѣ лучше; сдѣлаемѣ, какѣ говоримѣ.

Аѳ. Такѣ и будетѣ, если сіе Богу угодно, и если мы столько преодолѣемѣ свою дряхлость.

Кл. О! вѣрно Богѣ намѣ поможетѣ.

Аѳ. Очень вѣрно; сѣ помощію его возмемѣ вѣ разсужденіе. . .

Кл. Что такое?

Ао. Что мы смѣло и съ великою опасностію населяемъ свой городъ.

Кл. Въ какомъ отношеніи и для чего особенно ты сказалъ сіе?

Ао. Въ томъ отношеніи, что мы даемъ законы людямъ неопытнымъ слишкомъ легко и не думая, какъ они ихъ примутъ. Всякому и несовершенному мудрецу извѣстно, что люди сначала не легко принимаютъ законы. Ждать ли намъ, доколѣ дѣти, вкусивши плоды ихъ, воспитавшись въ нихъ и привыкши другъ къ другу, будутъ въ состояніи участвовать въ государственныхъ выборахъ? Сіе, если только можетъ совершиться надлежащимъ образомъ, я почитаю вѣрною порукою за будущую прочность такимъ образомъ воспитаннаго Государства.

Кл. Справедливо.

Ао. Разсмотримъ же, какимъ образомъ можно привести это въ исполненіе? Я говорю, Клиній, что Кносійцы особенно предъ прочими Критянами должны не только просить небеснаго благословенія на населяемую нынѣ страну, но имѣть величайшее попеченіе о первыхъ чиноначаліяхъ, объ ихъ твердости и незыблимости. Другихъ властей избирать легко; но выборъ первыхъ законодателей необходимо требуетъ всей строгости.

Кл. Какой же способъ, и какое слово найдемъ мы въ семъ случаѣ?

Аѳ. Сіи, какъ я думаю. Кносійцы, какъ старѣйшіе изъ всѣхъ прочихъ городовъ, вмѣстѣ съ пришедшими для поселенія должны избрать изъ себя и изъ нихъ всѣхъ тридцать семь мужей: девятнадцать изъ пришельцовъ, прочихъ изъ самаго Кносса. Сихъ должны избрать твоему городу сами Кносійцы, убѣдивъ, или принудивъ умѣренною силою и тебя самаго быть гражданиномъ новаго города и однимъ изъ восмнадцати.

Кл. А вы, Мегилъ и Аѳинянинъ, развѣ не желаете участвовать въ нашемъ Государство-устроеніи?

Аѳ. Аѳины и Спарта слишкомъ горды, Клиній, притомъ обѣ отстоятъ слишкомъ далеко; но тебѣ и прочимъ основателямъ поселенія легко сіе сдѣлать. Таково должно быть устройство съ самаго начала.

Въ продолженіи времени, когда Государство-правленіе приметъ свой ходъ, выборъ правителей долженъ происходить слѣдующимъ образомъ: въ немъ участвуютъ всѣ тѣ, кои носятъ оружіе, и конные и пѣшіе, и тѣ, кои прежде въ лѣтахъ силы и мужества были на сраженіяхъ. Мѣстомъ выбора долженъ быть храмъ, отлично почитаемый во всемъ городѣ. Каждый написавъ на таблицѣ свой голосъ, также имя отца, колѣна, мѣстопребыванія того, кто имъ избирается, и подписавъ имя свое собственное, кладетъ ее на жертвенникъ Божества. Кто найдетъ

вѣ данномѣ голосѣ что либо не по мысли своей, тотѣ можетѣ взять его сѣ жертвенника, и вѣ теченіи тридцати дней опять выставить на площади. Таблицы, признанныя первыми числомѣ до трехѣ сотѣ, архонты показываютѣ всему народу. По нимѣ народѣ опять дѣлаетѣ выборѣ по произволу. Избранные во второй разѣ числомѣ сто обѣявляются всенародно; вѣ третій разѣ такимѣ же образомѣ народѣ, разсматривая всѣхѣ сто мужей, еще дѣлаетѣ выборѣ: и тридцать семь избранныхѣ большинствомѣ голосовѣ, обѣявляются архонтами (начальниками).

Но скажите, кто вѣ нашемѣ городѣ будетѣ распоряжать выборомѣ правителей? Кто займется испытаніемѣ ихѣ? Какѣ ни нужны сіи люди вѣ созидаемомѣ Государствѣ, при всемѣ томѣ невозможно имѣть ихѣ прежде всякаго чиноположенія. Однакожь они должны быть, и притомѣ люди не худые, но совершенные. Говорятѣ, что начало есть половина всего дѣла; мы всегда хвалимѣ хорошее начало и хорошо начатому даже не находимѣ достойной похвалы.

Кл. Весьма справедливо ты говоришь.

Аѳ. Зная сіе, оставимѣ ли вѣ молчаніи, какимѣ образомѣ можно положить здѣсь хорошее начало? Я могу сказать только одно средство и необходимое и полезное вѣ семѣ случаѣ.

Кл. Какое?

Ав. Я говорю, что поселяемому городу вмѣсто отца и матери служитъ городъ, отъ коего онъ произходитъ. Знаю притомъ, сколь часто бывали и бываютъ раздоры между тѣмъ и другимъ. Но нынѣ сей городъ, какъ сынъ, если и впадетъ въ разногласіе съ родителями; то нужда воспитанія заставитъ его полюбить ихъ; и онъ опять любимъ. Прибѣгая къ своимъ кровнымъ, онъ всегда найдетъ въ нихъ себѣ единственную подпору. Сіе отношеніе уже существуетъ между Кносійцами, пекущимися объ устройствѣ новаго града и между жителями сего послѣдняго. Я сказалъ и еще повторю, ибо нѣтъ вреда сказать дважды хорошее слово, что Кносійцы должны принять на себя сіе попеченіе, и между поселяющимися избрать мужей старѣйшихъ и способнѣйшихъ числомъ сто, къ коимъ присоединяются другихъ сто мужей изъ Кносійцевъ, и вмѣстѣ имѣютъ смотрѣніе въ новомъ государствѣ, чтобъ власти были избираемы и утверждаемы законнымъ образомъ. По устроеніи сего, Кносійцы возвращаются въ Кноссъ, и новый городъ уже самъ собою печется о благосостояніи своемъ и безопасности.

Избранные тридцать семь мужей, теперь и въ послѣдующее время, имѣютъ такое назначеніе: они суть блюстители во первыхъ законовъ, потомъ таблицъ, на которыхъ

всякой предъявляетъ правительству количество имѣнія своего. Самое большое имѣніе простирается до четырехъ минъ дохода, второе до трехъ, третіе до двухъ, четвертое до одной. Окажется ли у кого что выше написаннаго то сіе обращается въ общественную казну. Сверхъ того виновный отъ добровольнаго истца подвергается суду, нелегкому и маловажному, но постыдному, если онъ нарушаетъ законъ изъ лихоимства. Обвиняющій въ лихоимствѣ производитъ судъ предъ законоблюстителями; обвиненный теряетъ свое участіе въ общемъ имѣніи, и во всякомъ раздѣлѣ, какой только можетъ случиться въ городѣ, не лишаясь впрочемъ своего удѣла. Вина его во все продолженіе жизни остается написанною тамъ, гдѣ бы всякой могъ читать ее.

Законоблюстители удерживаютъ власть свою не долѣе двадцати лѣтъ и приступать къ ней никто не можетъ моложе пятидесяти. Принимающій ее въ шестьдесять лѣтъ, остается въ сей должности только десять лѣтъ; семидесятилѣтній не долженъ и помышлять о вступленіи въ число сихъ начальствъ. Ограничимся сначала сими тремя назначеніями для законоблюстителей. При дальнѣйшемъ ходѣ законовъ можно прибавлять для сихъ мужей другія обязанности сверхъ тѣхъ, о которыхъ мы теперь сказали.

Теперь по порядку будемъ говорить о выборѣ другихъ властей, какъ то военоначальниковъ и помощниковъ ихъ на войнѣ, конныхъ и полковыхъ начальниковъ, рядоначальниковъ, которые вообще называются таксіархами. Военачальниковъ предлагаютъ законоблюстители изъ самаго города, выбираютъ же всѣ участвующіе или участвовавшіе въ войнѣ. Если кто изъ непредставленныхъ кажется кому лучше тѣхъ, коихъ представили; то онъ, назвавъ именно представленнаго, съ клятвою противопоставляетъ ему другаго. Въ выборъ вступаетъ тотъ изъ двухъ, у котораго окажется преимущество голосовъ. Три мужа, имѣющіе самое большое количество голосовъ провозглашаются въ военачальники и правители всѣхъ военныхъ дѣлъ, и утверждаются также какъ законоблюстители.

Потомъ сіи военачальники сами предлагаютъ рядоначальниковъ, таксіарховъ, всѣхъ двѣнадцать, по числу двѣнадцати колѣнъ. Противопоставленіе имъ другихъ, рукоположеніе и выборъ производятся такимъ же образомъ, какъ и военачальниковъ. Собраніе въ настоящее время, когда еще нѣтъ ни притонеи, ни сената, назначаютъ законоблюстители на мѣстѣ священномъ и довольно обширномъ; тамъ особо возсѣдятъ конные, особо пѣшіе, особо всѣ прочіе военные чины. Въ выборѣ военачальниковъ подаютъ голосъ

всѣ; вѣ выборѣ рядоначальниковѣ участвуютѣ только щитоносцы; полковыхѣ начальниковѣ избираетѣ себѣ конница. Начальниковѣ для легковооруженныхѣ, для стрѣлковѣ и для другихѣ военныхѣ должностей избираютѣ себѣ сами военачальники. Остается еще сказать слово о постановленіи начальниковѣ конницы. Ихѣ представляютѣ тѣже, кои должны представлять военачальниковѣ. Такимѣ же образомѣ произходитѣ противопоставленіе и утвержденіе ихѣ. Голоса подаютѣ только конные вѣ присутствіи пѣшихѣ. Два мужа, имѣющіе самое большое количество голосовѣ, дѣлаются начальниками всей конницы. Спорѣ вѣ голосахѣ можетѣ быть только два раза; если кто споритѣ и вѣ третій разѣ, то рѣшатѣ тѣ, вѣ рукахѣ которыхѣ находится мѣра всякаго избранія.

Сенатѣ составляютѣ тридцать додекадѣ. Число триста шестьдесять весьма удобно для каждаго раздѣленія. Четвертая часть сего числа есть девяносто; и потому каждой классѣ представляетѣ девяносто Сенаторовѣ. Вѣ первый день изѣ перваго класса необходимо должны выбирать всѣ; отказывающійся отѣ выбора подвергается извѣстной пенѣ. По написаніи избранные утверждаются. На другой день избираютѣ изѣ втораго класса тѣмѣ же порядкомѣ. Вѣ третій день изѣ третьяго класса избира-

ютъ только желающіе. Три класса имѣютъ непремѣнную обязанность присутствовать при выборахъ; изъ четвертаго же всякой можетъ отсутствовать безъ взысканія. Въ четвертый день избираетъ классъ съ самымъ малымъ имѣніемъ. Изъ третьяго и четвертаго класса не желающій подавать голоса, свободенъ отъ всякой пени; платятъ только изъ втораго и перваго: изъ втораго въ трое болѣе противъ обыкновенной пени, изъ перваго же въ четверо. Въ пятый день архонты выставляютъ имена избранныхъ на смотръ всему народу; изъ нихъ всякой еще избираетъ или платитъ пеню. Избравъ въ каждомъ классѣ сто восемдесятъ мужей, и отдѣливъ отъ нихъ по жребію половину, сихъ опредѣляютъ на текущій годъ Сенаторами.

Такой выборъ составляетъ нѣчто среднее между выборами, кои бываютъ въ Монархіи и Димократіи; сто среднее должно быть основаніемъ всякаго правленія. Ибо никогда не можетъ быть истинной связи между господами и рабами, ни между людьми добрыми и худыми, ставшими на одной степени почестей. При неравныхъ частяхъ и равныя дѣлаются неравными безъ надлежащей соразмѣрности; и сія несоразмѣрность наполняетъ возмущеніями Государства. Весьма справедливо и сильно древнее изрѣченіе, что равенство раждаетъ дружбу; но что есть

ето благодѣтельное равенство? Мы не знаемъ и заблуждаемся. Есть два равенства одноименныя, въ самомъ же дѣлѣ совершенно розныя: одно состоитъ въ вѣсѣ, числѣ и мѣрѣ; всякой народъ и законодатель можетъ сохранять его, воздавая почести по жребію. Но истинное, лучшее равенство не всякой легко постигаетъ; оно есть судъ Божій, и людямъ всегда мало открывается; и ето малое бываетъ причиною всего добраго какъ вообще для всѣхъ, такъ и для каждаго въ частности: отдавая большему большее и меньшему меньшее, оно даетъ соразмѣрное природѣ каждаго: отличнѣйшему въ добродѣтели и почести отличнѣйшія, и соразмѣрное слабѣйшимъ въ общеполезныхъ заслугахъ и просвѣщеніи.

Въ семъ состоитъ политическая справедливость, къ которой мы должны стремиться; сіе равенство должно имѣть цѣлію при поселеніи и нынѣшняго города, и всякаго другаго въ будущемъ времени, соображая законодательство не со властью одного или многихъ, и не съ силою народа, но единственно съ сею справедливостію, которая, какъ мы сказали, состоитъ въ томъ, чтобы неравнымъ воздавать равное сообразное съ природою каждаго. Необходимо въ государствѣ иногда прибѣгать къ другому роду справедливости, ложно такъ именуемой, которая нѣкоторымъ образомъ можетъ предохранить его отъ возмущеній. Ибо личное

уваженіе и снизходительность часто противЪ всякаго права, можетЪ быть нарушеніемЪ точности и порядка. При упорствѣ народа необходимо, говорю, прибѣгать кЪ жребію и молиться Богу и доброму щастію, чтобЪ они направили его кЪ справедливости. Необходимо руководствоваться тѣмЪ и другимЪ равенствомЪ, но сколько можно рѣже тѣмЪ, которое зависитЪ отЪ щастія. По симЪ причинамЪ такЪ должно дѣйствовать Государство для своего благоденствія.

Но какЪ карабль плывущій на морѣ требуетЪ безпрерывной денной и ночной стражи: такЪ и городЪ обуреваемый волнами со стороны прочихЪ городовЪ и подверженный разнымЪ внутреннимЪ злоумышленіямЪ требуетЪ правителей, кои сЪ утра до вечера, и отЪ вечера до утра должны смѣняться одни другими и не перемѣжаясь принимать и передавать стражу. НародЪ неспособенЪ кЪ неусыпному храненію сего порядка; изЪ СенаторовЪ же многимЪ нужно проводить большую часть времени во своясѣхЪ и управлять своимЪ имѣніемЪ. ИтакЪ одна двѣнадцатая часть ихЪ вЪ продолженіи каждаго мѣсяца должна быть на стражѣ и во всегдашней готовности принимать приходящаго или изЪ чужой какой страны, или изЪ тогоже города, выслушивать предлагающихЪ что либо полезное для отечества, отвѣчать на требованія

другихъ городовъ, и принимать отвѣты на свои собственныя; упреждать разныя перемѣны всегда готовыя возникнуть, извѣщать всѣхъ, если онѣ возникли, и поправлять случившееся. Сіи обязанности возлежатъ только на двѣнадцатой части Сената, которая потомъ въ теченіи одинадцати мѣсяцовъ покоится. Онаже во всѣхъ какъ узаконенныхъ, такъ и внезапно встрѣтившихся обстоятельствахъ разполагаетъ собраніями и распущеніемъ ихъ. Впрочемъ сіи стражи во всѣхъ мѣрахъ принимаемыхъ для безопасности отечества, дѣйствуютъ съ согласія прочихъ начальствъ. Сихъ постановленій касательно самаго города кажется достаточно.

Но какое попеченіе и разпорядокъ мы должны имѣть о прочей странѣ? Такъ какъ весь городъ и вся страна раздѣлены на двѣнадцать частей: то не должно ли назначить также попечителей для дорогъ, жилищь, для домостроительства, пристаней, площадей, источниковъ, храмовъ и тому подобнаго?

Кл. Конечно.

Аѳ. Скажемъ, что въ храмахъ должны быть служители жрецы и жрицы. Для путей и зданій, и къ охраненію всего принадлежащаго городу отъ всякой порчи со стороны скота и людей, для соблюденія благочинія какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ его, должно избрать три рода

начальниковъ: строителей для упомянутыхъ предметовъ; приставовъ для устройства на торжищахъ; жрецовъ для богослуженія.

Что касается до жрецовъ, должно оставлять ихъ безъ перемѣнъ, если они получили отъ родителей сіе званіе. Но гдѣ ихъ мало или совсѣмъ нѣтъ, какъ часто бываетъ въ городахъ, вновь устрояемыхъ; тамъ они, равно какъ и жрицы, избираются для содержанія храмовъ и богослуженія. Выборъ ихъ совершается частію по голосамъ, частію по жребію. Въ выборѣ ихъ участвуютъ и народъ и непринадлежащіе къ народу изъ всякой страны и всякаго города, дабы всѣ соединялись единодушіемъ. Дѣла священныя препоручаются волѣ самаго Бога и судьбѣ Его, чтобъ Онъ самъ творилъ Ему угодное. Изъ получающихъ жребіи преимущественно одобряется полный гражданинъ, истый сынъ отечества, не причастный никакому убійству, никакому нарушенію Божественныхъ законовъ, и отцъ такихъ родителей, кои сами вели жизнь непорочную. Правила богослуженія заимствуются изъ Делфійскаго храма, и для сего учреждаются особенные истолкователи. Священнослуженіе не долѣе года остается у каждаго. Блюститель всѣхъ священныхъ обрядовъ по законной справедливости долженъ быть не моложе шестидесяти лѣтъ. Тѣже правила должны быть установлены относительно жрицъ.

Истолкователей избираютъ каждые четыре колѣна изъ двѣнатцати въ трехъ засѣданіяхъ по четыре, и большинствомъ голосовъ опять избравъ изъ нихъ по три, всѣхъ девять отправляютъ въ Дельфы, дабы самъ Оракулъ назначилъ изъ каждыхъ трехъ одного. Испытаніе ихъ и время возраста наблюдается тѣмъже образомъ, какъ жрецовъ. Они остаются въ должности истолкователей по жизнь свою. Убудетъ ли изъ нихъ кто, то на убылое мѣсто избираютъ тѣ четыре колѣна, къ которымъ онъ принадлежалъ. Въ хранители священныхъ денегъ при всякомъ храмѣ, заповѣдныхъ полей, и плодовъ оттолѣ получаемыхъ, откуповъ, избираются изъ высшихъ состояній по три мужа для знатнѣйшихъ храмовъ, по два, или по крайней мѣрѣ по одному для меньшихъ. Выборъ ихъ и утвержденіе производится такъ же, какъ выборъ полководцевъ. Вотъ правила относительно Богослуженія.

Сколько возможно ничто не должно оставаться безъ охраненія. Стража города ввѣряется военачальникамъ, таксіархамъ, иппархамъ, строителямъ, пританеи, колѣноначальникамъ и приставамъ, когда они будутъ избраны. Прочаяже область охраняется слѣдующимъ образомъ: мы уже раздѣлили всю страну на двѣнадцать равныхъ округовъ; въ каждомъ округѣ живущее колѣно ежегодно избираетъ пять агрономовъ (земскихъ начальни-

ковъ) и филарховъ (начальниковъ колѣна.) Каждый изъ сихъ пяти мужей избираетъ себѣ двѣнадцать юношей не моложе двадцати пяти лѣтъ и не старѣе тридцати, и ежемѣсячно по очереди осматриваютъ каждую область, дабы чрезъ то пріобрѣсть опытность и свѣденіе о всей странѣ: какъ стражи и повелители они остаются въ сей должности въ продолженіи двухъ лѣтъ. Начиная съ того округа, которой кому достанется на часть, при наступленіи каждаго мѣсяца они должны перемѣняться и переходить въ новый округъ въ направленіи въ правую сторону. Сіе направленіе сначала идетъ къ востоку. По прошествіи перваго года на второй, дабы сія стража пріобрѣтала познаніе о странѣ не только въ одно время года, но и при всѣхъ годовыхъ перемѣнахъ, начальники должны обратиться назадъ, и слѣва обходить страну до истеченія года. На третій годъ избираются другіе агрономы и стражевые по пяти съ двѣнадцатью своихъ подчиненныхъ. Обходя каждой округъ они занимаются слѣдующими предметами: вопервыхъ твердо ограждаютъ страну отъ непріятелей; для сего дѣлаютъ окопы, скапываютъ возвышенности, строятъ крѣпости для отвращенія набѣговъ и всякаго вреда своимъ стяжаніямъ; на сіи работы они употребляютъ лошадей и работниковъ туземныхъ, употребляютъ принужденіе и

притомъ стараются, сколько можно, не отвлекать жителей отъ собственныхъ работъ. Дѣлая всѣ страны непроходимыми для враговъ, въ тоже время содѣлываютъ ихъ удобнѣйшими для путешествія своимъ; какъ пѣшимъ, такъ колесницамъ и скоту, стараясь исправить всѣ пути и сообщенія. Чтобъ небесныя воды, стекая съ высотъ на углубленныя между горами равнины, не вредили, но еще и пользовали странѣ, они удерживаютъ плотинами и каналами ихъ стремленіе; и такимъ образомъ приготовляютъ для низменныхъ мѣстъ водохранилища и источники, коими могутъ напояться самыя безводныя степи; по берегамъ большихъ и малыхъ рѣкъ сажаютъ дерева, строятъ селенія, и посредствомъ искуственныхъ каналовъ распространяютъ всюду изобиліе. Находится ли гдѣ вблизи священный лѣсъ или храмъ, туда для украшенія они проводятъ потоки чистой воды; во всѣхъ подобныхъ мѣстахъ устроютъ гимназіи для юношей, и теплыя омовенія для стариковъ, запасаясь для сего сухимъ лѣсомъ. Такое омовеніе служитъ облегченіемъ для страждущихъ болѣзнями, и для измождившихъ члены свои трудами земледѣлія, лучше всѣхъ пособій мудраго врача. Сіи работы при всей пользѣ и красѣ страны суть только увеселеніе для работающихъ: главная же и важнѣйшая обязанность ихъ слѣдующая: сіи шесть-

десять мужей охраняютъ каждый свою страну не только отъ враговъ, но и отъ тѣхъ, кои называютъ себя друзьями. Если кто или изъ сосѣднихъ, или изъ гражданъ, свободный или рабъ обидитъ другаго, то они даютъ судъ обиженному, въ маловажныхъ дѣлахъ одни пятиначальники, а въ важнѣйшихъ, если обвиненіе простирается выше трехъ минъ, они присовокупляютъ къ себѣ двѣнадцать стражевыхъ и судятъ въ числѣ семнадцати.

Всякой судья и начальникъ, кромѣ высшихъ властей, какъ то Царя, долженъ давать отчетъ въ своемъ управленіи и судопроизводствѣ; равно и агрономы не должны поступать самовольно, какъ то, дѣлать насиліе тѣмъ, о благѣ коихъ они пекутся, возлагать на нихъ неравныя повинности, безъ согласія земледѣльцовъ брать, что захотятъ съ ихъ полей, принимать дары ласкательства и давать несправедливой судъ. За сіе лицепріятіе они подвергаются общему презрѣнію гражданъ. За прочія обиды, содѣлываемыя какому либо мѣсту до одной мины, они получаютъ наказаніе отъ самихъ жителей; а за важнѣйшія, равно какъ и за малыя, если не захотятъ добровольно подвергнуться наказанію, надѣясь избѣжать его, переходя ежемѣсячно изъ одного мѣста въ другое, обиженный приноситъ жалобу въ общіе суды. Если обвиняемый будетъ осуж-

день, то онъ платитъ вдвое противъ того, чего не хотѣлъ платить добровольно по первому приговору.

Стражевые и агрономы въ теченіи двухлѣтней своей должности ведутъ такой образъ жизни: вопервыхъ въ каждомъ мѣстѣ они имѣютъ общіе столы; кто отлучится отъ общаго стола хотя на одинъ день, или проведетъ въ другомъ мѣстѣ хотя одну ночь безъ позволенія начальства, или безъ крайней какой либо необходимости; того обличаютъ пятиначальники, и написавъ имя его, какъ нарушителя стражи, выставляютъ на площади, и онъ какъ предатель отечества, подвергается всеобщему безчестію и безотвѣтно переноситъ удары отъ всякаго, кто захочетъ бить его. Кто изъ самихъ начальниковъ сдѣлаетъ сей безпорядокъ, на того должны обратить вниманіе всѣ шестьдесять прочіе. Кто изъ нихъ первый примѣтитъ сіе и не донесетъ, тотъ подвергается тому же наказанію и еще строжайшему; его объявляютъ не способнымъ ни къ какой должности исправляемой молодыми людьми. Законоблюстители должны строго смотрѣть, чтобъ подобные безпорядки не вкрадывались и вкравшіеся не оставались бы безъ наказанія.

Всякой долженъ быть убѣжденъ, что не научившійся повиноваться никогда не будетъ управлять со славою, и что болѣе

чести приноситъ хорошее повиновеніе, нежели хорошее начальство: первое повиновеніе есть законамъ, сіе истинное повиновеніе Богу; потомъ старѣйшимъ и отличившимся доброю жизнію. Ежедневная пища юнаго агронома въ теченіи двухъ лѣтъ служенія его должна быть не роскошная, но самая простая. Двѣнадцать мужей по избраніи своемъ вмѣстѣ съ пятью старѣйшими должны дать себѣ обѣтъ, что они какъ служители не будутъ имѣть при себѣ другихъ слугъ и рабовъ, и не употребятъ земледѣльцовъ и поселянъ на частныя дѣла свои, но только на общественныя; во всѣхъ же собственныхъ нуждахъ будутъ пещись сами о себѣ и помогать другъ другу взаимными услугами; съ оружіемъ лѣтовъ и зимою они должны осматривать область свою, какъ для охраненія, такъ и для того, чтобъ короче познакомиться съ мѣстнымъ ея положеніемъ. Сіе познаніе страны своей ни чѣмъ не уступаетъ никакой другой наукѣ. Для сей же цѣли юноши должны любить псовою охоту не менѣе какъ для простаго удовольствія или для пользы, которую доставляетъ звѣриная ловля. Сіи обязанности долженъ исполнять со всею точностію агрономъ ли, или тайный чиновникъ и всякой другой, кто истинно хочетъ служить для блага и безопасности отечества.

Теперь по порядку слѣдуетъ говорить объ избраніи торговыхъ приставовъ (агораномовъ) и строителей. На шестьдесять агораномовъ въ городѣ слѣдуетъ избрать трехъ строителей, которые раздѣляютъ между собою двѣнадцать частей его, и соревнуя первымъ, пекутся о городскихъ улицахъ, о дорогахъ, ведущихъ изъ окресностей въ городъ, о строеніи зданій по установленнымъ правиламъ; пекутся о водѣ, которую проводятъ до города и здѣсь передаютъ имъ на попеченіе земскія стражи, чтобы она, протекая въ достаточномъ количествѣ и въ чистотѣ въ общественныя водохранилища, служила для пользы и украшенія городу. Сіи чиновники должны быть люди богатые, съ обезпеченнымъ состояніемъ, которое бы позволяло имъ совершенно посвятить себя на общее благо. Почему всякой предлагаетъ въ строители, кого пожелаетъ, изъ перваго класса. Изъ шести рукоположенныхъ и большинствомъ голосовъ избранныхъ трое отдѣляются по жребію для исправленія должности. Такимъ образомъ одобренные и утвержденные они дѣйствуютъ по даннымъ законамъ.

Потомъ избираются агораномы (начальники торжищь) числомъ пять изъ перваго и втораго классовъ. Впрочемъ выборъ ихъ происходитъ такъ же, какъ и строителей: изъ десяти мужей, избранныхъ по голосамъ,

пятеро отдѣляются по жребію; всякой имѣетъ право давать голосъ на всякаго гражданина; отказывающійся отъ подаванія голоса, если донесутъ о немъ правительству, объявляется худымъ гражданиномъ и платитъ пятьдесять драхмъ пени.

Въ собраніе и на общіе совѣты приходитъ всякой желающій: гражданинъ перваго и втораго класса приходитъ по непремѣнной обязанности; или за отсутствіе платитъ десять драхмъ пени. Для третьяго и четвертаго класса нѣтъ въ семъ случаѣ никакой необходимости; они могутъ отсутствовать, не подвергаясь пени, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда Архонты по какимъ либо важнымъ причинамъ назначаютъ общее собраніе. Начальники торжищь соблюдаютъ на торжищахъ порядокъ, установленный законами, смотрятъ за цѣлостію храмовъ и общественныхъ водохранилищь, отвращая отъ нихъ всякой вредъ; наказываютъ зловредныхъ людей: рабовъ и пришельцовъ ударами и темницею; гражданина, который причинитъ подобный вредъ, сами имѣютъ право осуждать на пеню до ста драхмъ; на двойную же сумму они по совѣщанію съ строителями осуждаютъ преступника. Такое же право наказывать и налагать пеню, имѣютъ съ своей стороны строители: до одной мины они осуждаютъ сами, а на двоиную пеню вмѣстѣ съ начальниками торжищь.

За тѣмъ надлежитъ постановить начальниковъ для музыки и гимнастики: однихъ для самаго ученія, другихъ для состязанія. Начальникамъ ученія законъ предназначаетъ попеченіе о гимназіяхъ и училищахъ, о благоприличіи, порядкѣ; смотрѣніе за хожденіемъ и за самымъ мѣстопребываніемъ отроковъ и дѣвицъ. Начальники состязанія полагаютъ награду атлетамъ въ гимнастическихъ и музыкальныхъ упражненіяхъ, и раздѣляются на два класса: одни для музыки, другіе для ратоборства. Въ ратоборствѣ одни начальники могутъ быть для людей и для животныхъ; въ музыкѣ же одни должны быть для монодіи (единопѣнія) и мимики (подражательннаго пѣнія), какъ то: судьи рапсодистовъ, лириковъ, играющихъ на свирѣли и симъ подобныхъ художниковъ; другіе для хороводовъ. Во первыхъ изберемъ начальника для хоровода, для той части музыки, которая плясками взрослыхъ юношей и дѣвъ даетъ всю музыкальную стройность. Для сего достаточно одного начальника не моложе сорока лѣтъ, а для монодіи не моложе тридцати лѣтъ; онъ долженъ вводить достойныхъ въ состязаніе и судить о преимуществѣ спорящихъ.

Начальникъ и вождь хороводовъ избирается слѣдующимъ образомъ: любители сего художества сходятся въ собраніяхъ подъ опасеніемъ наказанія, если не придутъ. Судіями

здѣсь бываютъ законоблюстители. Изъ прочихъ нежелающій не имѣетъ никакой обязанности приходить въ сіе собраніе. Каждый съ своей стороны предлагаетъ отличнѣйшаго художника, и по испытаніи его, одобреніе или неодобреніе выражается кратко, знающъ ли онъ или незнающъ. Изъ десяти избранныхъ большинствомъ голосовъ одинъ по жребію вступаетъ въ управленіе хороводами на годъ. Такимъ же образомъ избирается судья простаго пѣнія и инструментальной музыки; кому изъ представленныхъ выпадетъ жребій, тотъ, показавъ предъ правительствомъ опытъ своей способности, въ теченіи однаго года исправляетъ сію должность.

Потомъ надлежитъ избирать наградоположниковъ для конскихъ рысталищъ и для тѣлесныхъ состязаній. Они избираются изъ втораго и третьяго класса. На выборъ необходимо должны приходить три первые класса; послѣднему же сіе предоставляется на произволъ. Три мужа изъ числа двадцати избранныхъ по голосамъ, отдѣляются по жребію, но такіе которыхъ одобряетъ общій голосъ. Если кто будетъ исключенъ изъ выбора на какую либо должность; то вмѣсто его избираются другіе и одобреніе ихъ совершается такимъ же образомъ.

Остается еще власть, надзоръ за общимъ воспитаніемъ дѣтей обоего пола. Сей

начальникъ по законамъ долженъ быть не моложе пятидесяти лѣтъ, и отецъ семейства, притомъ предпочтительно отецъ сыновъ и дочерей, или покрайней мѣрѣ одного котораго либо изъ двухъ половъ. Избираемый и избирающіе должны помнить, что сія должность есть важнѣйшая въ государствѣ: ибо во всемъ растущемъ, первый возрастъ, направляемый сообразно съ законами естества его, есть основаніе будущихъ успѣховъ его. Сіе бываетъ равно въ растеніяхъ, въ животныхъ дикихъ и домашнихъ, и въ людяхъ. Человѣкъ, какъ животное общежительное, дѣлается божественнымъ, кротчайшимъ, если при щастливыхъ природныхъ дарованіяхъ получаетъ надлежащее воспитаніе; а безъ воспитанія или съ худымъ воспитаніемъ, онъ бываетъ лютѣйшимъ изъ всѣхъ животныхъ, какихъ только земля производитъ. По сему законодатель долженъ почитать воспитаніе первымъ и важнѣйшимъ предметомъ своего попеченія. Чтобъ въ точности исполнить сію обязаность, вопервыхъ онъ долженъ избрать мужа, во всѣхъ добродѣтеляхъ отличнѣйшаго, и поставить начальникомъ и попечителемъ воспитанія. Всѣ начальства, кромѣ Сената и Пританеевъ, собравшись въ храмѣ Аполона, тайно отъ законоблюстителей подаютъ голоса, кого каждой почитаетъ способнѣйшимъ управлять воспита-

ніемъ. Тотъ, у кого будетъ болѣе голосовъ, по испытаніи прочими избирательными начальствами, кромѣ законоблюстителей, управляетъ въ продолженіи пяти лѣтъ. Въ шестой годъ на его мѣсто такимъ же образомъ избирается другой.

Если кто, исправляя общественную должность, умретъ за тридцать дней прежде, нежели кончится время правленія его, то избираютъ другаго на мѣсто его тѣ, до коихъ сіе относится. Если умретъ опекунъ сиротъ, то родственники ихъ и ближніе со стороны отца и матери до двоюродныхъ братьевъ, въ продолженіи десяти дней избираютъ другаго на мѣсто умершаго; или всякой изъ нихъ платитъ пеню по драхмѣ за день, доколѣ не изберутъ опекуна.

Всякое государство перестаетъ быть государствомъ, если въ немъ нѣтъ порядка относительно судовъ. Судья безгласный, который въ третейномъ судѣ не можетъ сказать ничего на слова челобитчика, неспособенъ къ сужденію правоты. Не льзя ожидать справедливости отъ многихъ или малыхъ, но худыхъ судей. Предметъ тяжбы долженъ быть ясно изложенъ съ обѣихъ спорящихъ сторонъ. Время, медленность и многократное разсмотрѣніе много способствуютъ къ объясненію сомнѣній. Для сего обвиняющіе другъ друга напередъ должны обратиться къ ближнимъ своимъ, друзьямъ и къ людямъ, короче

знающимъ сомнительное положеніе ихъ дѣла. Неполучившій здѣсь удовлетворительнаго суда переходитъ въ другое судилище; и если два судилища не могли рѣшить спора, то третье полагаетъ конецъ сужденію. Установленіе судилищъ нѣкоторымъ образомъ есть тоже, что выборъ правителей; ибо всякой правитель необходимо бываетъ судьею нѣкотораго рода дѣлъ; и судья—не начальникъ дѣлается немаловажнымъ начальникомъ въ тотъ день, когда своимъ опредѣленіемъ оканчиваетъ споръ. Принимая судей за начальниковъ, скажемъ что нибудь объ ихъ личныхъ достоинствахъ, о дѣлахъ каждаго и о числѣ ихъ въ каждомъ судилищѣ.

Священнѣйшее судилище есть то, которое сами себѣ назначаютъ спорящія стороны. Для прочихъ дѣлъ есть два судилища: одно, когда частной человѣкъ обвиняетъ въ обидѣ частнаго и требуетъ правосудія; другое, когда кто, видя общее благосостояніе, нарушаемое кѣмъ либо изъ гражданъ, вступается за общее дѣло.

Скажемъ, кто и каковы должны быть судьи? Первое судилище есть общее для всѣхъ, въ третій разъ несоглашающихся между собою, и составляется такъ: всѣ власти, управляющія погодно и долѣе, послѣ лѣтняго поворота, при наступленіи новаго года съ послѣдняго числа на первое перваго

мѣсяца собираются въ одинъ храмъ и даютъ клятву предъ Богомъ, что они представляютъ ему, такъ сказать, первенцовъ каждой власти, избирая отъ каждой единаго признаннаго добродѣтельнѣйшимъ судьею, который праведно и безпристрастно будетъ судить тяжбы гражданъ въ наступающемъ годѣ. Избранные представляются на испытаніе. Если не одобренъ одинъ, то на мѣсто его такимъ же образомъ избирается другой. Утвержденные дѣлаютъ судъ недовольнымъ прочими судилищами, и приговоры свои произносятъ открыто предъ всѣми. Сенаторы и прочіе начальники, избиратели судей необходимо должны быть слушателями и зрителями сихъ судопроизводствъ; изъ прочихъ же, кто пожелаетъ. Обвиняющій другаго въ злоумышленномъ несправедливомъ судѣ, представляетъ свою жалобу законоблюстителямъ. Виновный въ неправосудіи обязанъ заплатить обиженному половину убытка его; и если онъ достоинъ большаго наказанія; то судящіе опредѣляютъ, что онъ долженъ или претерпѣть сверхъ первой платы обиженному, или заплатить ему и казнѣ.

Государственныя преступленія необходимо подлежатъ суду всего народа: ибо всѣ бываютъ обижены, когда кто наноситъ обиду государству; оскорбительно быть отчужденнымъ отъ сего суда. Начало и

рѣшеніе такихъ дѣлъ принадлежитъ народу; но самое судопроизводство находится въ рукахъ трехъ высшихъ властей, единогласно избранныхъ обвиняющимъ и обвиняемымъ; и если сіи несогласны въ своемъ выборѣ, то сенатъ самъ назначаетъ имъ судей. Въ частныхъ тяжебныхъ дѣлахъ также по возможности всѣ должны участвовать; ибо кто не имѣетъ права подавать голоса на судѣ, тотъ почитаетъ себя лишеннымъ всѣхъ правъ гражданина. По сей причинѣ судилища должны быть устроены по колѣнамъ, и судьи, избранные по жребію безъ лицепріятія немедленно должны рѣшить возникающіе споры. Окончательное рѣшеніе всѣхъ таковыхъ дѣлъ происходитъ въ судилищѣ, о которомъ мы уже говорили; въ судилищѣ безпристрастнѣйшемъ по возможности человѣческой, коему предоставлено рѣшить тяжбы, не рѣшенныя третейнымъ и земскимъ судомъ.

Итакъ для сихъ судовъ, о коихъ трудно рѣшительно сказать, власти ли они суть, или нѣтъ, теперь я представляю одно внѣшнее общее очертаніе, въ которомъ иное обьяснено, но многое опущено. Точное опредѣленіе и раздѣленіе судовъ мы сдѣлаемъ при концѣ законодательства, и дотолѣ оставимъ етотъ предметъ. Что касается до прочихъ властей, мы почти все сказали. Полное и справедливое понятіе о каждомъ предметѣ отдѣльно и вообще обо всѣхъ, относящихся

до государства и устроенія его, можетъ быть представлено, когда цѣлый ходъ разсужденія обойметъ начало, средину и конецъ и разовьетъ всѣ части ихъ. Теперь дошедши до выбора властей, мы можемъ поставить его заключеніемъ предъидущему, и безъ отлагательства, безъ отступленій приступимъ къ самимъ законамъ.

Кл. Столь основательно ты говорилъ все предъидущее; а теперь еще болѣе плѣняешь насъ, соединяя конецъ съ началомъ, и столь очевидно связуя сказанное съ тѣмъ, что остается сказать.

Аѳ. Итакъ досѣлѣ хорошо идутъ наши стариковскія умственныя забавы.

Кл. Скажи лучше важныя дѣла мужей цвѣтущихъ.

Аѳ. Пусть такъ. Теперь возмемъ въ разсужденіе нѣчто: согласныль мы въ своихъ мнѣніяхъ?

Кл. Что? О какомъ предметѣ?

Аѳ. Мы знаемъ, что трудъ живописца въ изображеніи какаго нибудь животнаго никогда не бываетъ окончательнымъ; но или углубляя, или утончая тѣни, если такъ можно выразиться собственными словами сего художества, онъ никогда не почитаетъ работы своей совершенною, такъ, чтобъ въ ней не оставалось ничего ни поправить, ни дополнить.

Кл. Помню, и я слышалъ тоже, хотя самъ никогда не упражнялся въ семъ искуствѣ.

Аѳ. Нѣтъ нужды; мимоходомъ коснемся его для сравненія: еслибъ кто хотѣлъ произвесть превосходную картину, которая бы съ продолженіемъ времени ни мало не портилась, но становилась бы лучше и совершеннѣе: легко понять, что какъ смертный, если онъ не оставитъ по себѣ преемника, способнаго исправить попорченное временемъ и опущенное, по ограниченности искуства, сравнять съ первымъ очертаніемъ: то великой трудъ его будетъ весьма кратковременъ.

Кл. Истинно.

Аѳ. Не тоже ли предположеніе имѣетъ и законодатель? Во первыхъ написать законы со всею точностію ; во вторыхъ такіе, кои въ продолженіи времени повѣрялись бы самымъ опытомъ. Ибо можетъ ли быть законодатель столь несмысленный, который бы не зналъ, что по необходимости остается многое, требующее поправки отъ преемника, дабы порядокъ и устройство, имъ заведенные въ государствѣ, не упадали, но улучшались безпрестанно.

Кл. Подлинно ; и кто сего не пожелаетъ ?

Аѳ. Итакъ, еслибъ кто могъ дѣломъ или словомъ споспѣшествовать къ сему и научить другаго искуству хранить и исправлять законы: тотъ безъ сомнѣнія не кончилъ бы

о семъ рѣчи своей, не приведя ее въ исполненіе.

Кл. Не иначе.

Аѳ. И намъ теперь надлежитъ дѣлать тоже.

Кл. Какимъ образомъ?

Аѳ. Мы желаемъ издавать законы; уже избраны у насъ законоблюстители; мы уже на западѣ жизни своей; они же въ сравненіи съ нами очень молоды; и такъ мы должны и законодательствовать, и сколько можно стараться содѣлать ихъ законодателями и законоблюстителями.

Кл. Да, если можемъ.

Аѳ. Но все должно испытать и употребить стараніе.

Кл. Конечно.

Аѳ. Скажемъ же къ нимъ такъ: любезные граждане, блюстители законовъ; нѣтъ сомнѣнія, что мы предлагая законы о столь различныхъ предметахъ, весьма многое пропустимъ; и нельзя иначе. Впрочемъ мы постараемся не упустить важнѣйшаго, и цѣлое по возможности представимъ въ очертаніи. Вамъ предлежитъ дополнить очертанное. Съ какою цѣлію вы должны трудиться, послушайте: Мегиллъ, я и Клинній, мы часто разсуждали о семъ, и не нашли иной цѣли благороднѣйшей: мы желаемъ имѣть въ васъ единомышленниковъ, учениковъ и обратить ваше вниманіе на то, что, какъ мы согласились

между собою, должно быть предметомъ законодателя и законоблюстителя. Все, что мы сказали о семъ, заключается въ одномъ главномъ правилѣ: необходимо знать занятія, нравы, способъ пріобрѣтенія, желанія, мнѣнія и самое ученіе, кои могутъ содѣлать государство лучшимъ; всякой гражданинъ, мущина и женщина, юный и старый къ сей цѣли должны устремлять во всю свою жизнь всѣ силы и старанія, и ни вочто ставить все прочее, какъ препятствіе къ добродѣтельной жизни; лучше согласиться на изгнаніе изъ отечества, нежели видѣть его подъ игомъ рабства, подъ владычествомъ худшихъ, и измѣнить ему постыднымъ образомъ; лучше все претерпѣть, нежели перемѣнить образъ правленія на такой, въ которомъ люди дѣлаются худшими. Вотъ, въ чемъ мы всѣ трое согласились; съ сей точки зрѣнія вы теперь хвалите или порицайте наши законы: порицайте слабые, кои не достигаютъ сей цѣли; одобрите достаточные, и благосклонно принявши ихъ, соображайте съ ними жизнь свою; прочія же занятія и такъ называемыя блага, оставте въ презрѣніи.

Началомъ предлагаемыхъ законовъ да будутъ намъ дѣла священныя. Во первыхъ припомнимъ прежнее число пять тысячь сорокъ и всѣ тѣ раздѣленія, кои оно имѣетъ вообще и по частнымъ колѣнамъ. Двѣнадцатая часть всего числа равняется произ-

веденію двадцати одного на двадцать. Все число раздѣляется на двѣнадцать частей, и двѣнадцать, есть также число колѣнъ. Каждую часть должно представлять себѣ какъ даръ, Богомъ благословенный, соотвѣствующій теченію мѣсяцовъ и общему ходу вселенной. Такимъ образомъ все государство связуется и движется родственнымъ Божествомъ, освящающимъ его. Иные, можетъ быть, съ большею или меньшею правильностію дѣлали другія раздѣленія, и съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ освящали ихъ. Для насъ число пять тысячь сорокъ правильнѣе всѣхъ. Ибо оно дѣлится на всѣ числа, начиная отъ единицы до двѣнадцати, кромѣ одинадцати, и сіе раздѣленіе на одинадцать требуетъ весьма малой поправки: оно возможно, если мы отымемъ отъ дѣлимаго два. Что это истинно, то на досугѣ легко можетъ повѣрить всякой. Принявъ на вѣру настоящее слово и назвавъ каждое колѣно именемъ Бога или сына Боговъ, воздвигнемъ имъ жертвенники со всѣмъ принадлежащимъ къ поклоненію ихъ; тамъ собираясь, будемъ совершать жертвоприношенія два раза въ мѣсяцъ; двѣнадцать разъ праздную раздѣленіе колѣнъ и двѣнадцать разъ раздѣленіе города. Сіе будемъ совершать во первыхъ, прося милости у Боговъ, и къ исполненію священныхъ обязанностей; во вторыхъ для взаимной связи, для знакомства и

для всякаго сообщенія. Вѣ выборѣ невѣсты и вѣ женидьбѣ необходимо отклонять всякое невѣденіе о ней, о родителяхѣ ея и о томѣ, за кого выдаютѣ ее; вообще должно, сколько можно, менѣе обманываться вѣ сихѣ случаяхѣ. На сей конецѣ учреждаются игрища между юнашами и дѣвами, гдѣ они со всею невинностію сего возраста, и сколько позволитѣ стыдливость, безѣ покрова, имѣютѣ предлогѣ видѣтѣ другихѣ и себя показать. Начальниками и распорядителями сихѣ игрищѣ бываютѣ начальники хороводовѣ, кои, сообразуясь сѣ намѣреніемѣ законодателя, дополнятѣ частности, нами опущенныя; ибо главный законодатель, какѣ мы сказали, необходимо долженѣ опустить многіе маловажные частные случаи. Другіе послѣ него, ежегодно повѣряя постановленія его сѣ самымѣ опытомѣ, могутѣ исправлять, измѣнять ихѣ, доколѣ онѣ не достигнутѣ до всего совершенства. Время же, достаточное для сего испытанія частныхѣ и общихѣ постановленій относительно жертвоприношеній и хороводѣ, можетѣ быть десять лѣтѣ. При жизни перваго законодателя сіи перемѣны дѣлаются сѣ согласія его. По смерти его, каждая власть представляетѣ законоблюстителямѣ, что нужно поправить вѣ своихѣ обязанностяхѣ, доколѣ не придетѣ все вѣ надлежащее устройство. Тогда сіи постановленія получаютѣ свою неизмѣняемость

наровнѣ съ прочими законами, первоначально установленными законодателемъ; и перемѣнять въ нихъ произвольно никому ничего не позволяется. Если встрѣтится необходимость еще сдѣлать перемѣну; то для сего должны собираться всѣ власти, весь народъ и жрецы всѣхъ Боговъ, и дѣлать ее съ общаго согласія; иначе никогда; и противящійся да будетъ укрощенъ силою закона.

Если кто изъ двадцатипятилѣтнихъ юношей, видѣвшій другихъ и себя показавшій, найдетъ по сердцу своему подругу для семейственной жизни, для будущихъ чадъ, то онъ, какъ и всякой, можетъ и долженъ жениться до тридцати пяти лѣтъ; но напередъ онъ долженъ знать, какъ найти себѣ приличную и совершенно соотвѣтствующую. Клиній замѣтилъ, что предъ каждымъ закономъ хорошо ставить пристойное предисловіе.

Кл. Ты весьма хорошо припомнилъ сіе, почтенный иноземецъ, и по моему мнѣнію выбралъ время, самое приличное для сего слова.

Аѳ. Хорошо. Юноша, скажемъ мы сыну добрыхъ родителей; тебѣ приличенъ бракъ, прославляемый мужами мудрыми, которые совѣтуютъ не бѣгать бѣдности и не искать супружества богатаго; но если всѣ прочія качества равны, то скорѣе предпочесть бѣднѣйшую и жениться на ней. Сіе полезно какъ для государства, такъ и

для семейственнаго щастія: равное и соразмѣрное несравненно ближе къ добродѣтели, нежели чрезмѣрное. Юноша пламенный и слишкомъ опромѣтчивый въ своихъ предпріятіяхъ долженъ искать союза съ родителями степенными; съ противнымъ расположеніемъ человѣкъ долженъ искать родства, которое можетъ подстрекать его дѣятельность; вообще относительно брака есть одно краткое правило: должно искать супружества полезнаго отечеству, а не такого, которое нравится только самому себѣ. Ибо всякой по естественному влеченію стремится къ подобному себѣ; но богатство и обычаи поселяютъ великое неравенство между семействами составляющими государство. Мы не желаемъ себѣ тѣхъ нещастныхъ послѣдствій, коимъ подвергаются многія другія страны.

Весьма справедливо постановить закономъ, чтобъ богатый не искалъ супруги богатой, ни человѣкъ сильный невѣсты изъ дому сильнаго. Но принуждать соединяться характеры пламенные съ медлительными, и медлительные съ дѣятельными было бы смѣшно, и возбудило бы въ народѣ ропотъ. Не легко всякой пойметъ, что государство походитъ на сосудъ, въ которомъ налитое кипящее вино пѣнится, бьетъ; но растворенное водою, богомъ трезвости, посредствомъ сего прекраснаго союза дѣлается

здоровымъ и пріятнымъ питьемъ. Таково дѣйствіе отъ смѣшенія характеровъ; но почти никто въ сіе не вникаетъ. Почему законъ необходимо долженъ опустить сіе, и убѣжденіемъ заставляетъ каждаго болѣе любить равенство дѣтей, нежели рывныя супружества, основанныя на безмѣрныхъ богатствахъ. Презрѣніемъ, а не посредствомъ положительнаго закона, должно отвращать сребролюбіе въ супружествѣ. Таковы и совѣты и убѣжденія для супружества; немаловажно при семъ и то, что прежде было сказано: что должно слѣдовать вѣчнораждающей природѣ и оставляя чадъ отъ чадъ своихъ, вѣчно представлять вмѣсто себя Богу служителей.

Можнобъ было еще болѣе распространить сіе предисловіе; но кто добровольно не убѣждается сими совѣтами, и живя въ государствѣ особнякомъ, человѣкомъ чуждымъ для общества, въ тридцать пять лѣтъ еще не женился, тотъ ежегодно подвергается денежной пенѣ. Гражданинъ перваго класса платитъ сто драхмъ, втораго восемьдесять, третьяго шестьдесять, четвертаго тридцать. Сіи деньги посвящаются Юнонѣ; неплатившій годъ платитъ въ двое. Казнахранитель богини взыскиваетъ сію сумму, и если не взыщетъ, то самъ платитъ въ двое, и въ точномъ исполненіи сего закона даетъ отчетъ. Такова денежная пеня для

бѣгающихъ женитьбы. Сверхъ того они теряютъ все право на почтеніе отъ младшихъ, и ни отъ кого не могутъ требовать повиновенія. Еслибъ кто изъ нихъ вздумалъ наказать другаго, то за обиженнаго всякой вступается и защищаетъ его; и незащищающій закономъ обьявится какъ гражданинъ худой и малодушной.

О приданомъ уже прежде сказано, и теперь повторяю, что людямъ, снискивающимъ посредствомъ трудолюбія себѣ пропитаніе, приданное воспрещается; но они довольствуются равнымъ съ обѣихъ сторонъ. У нихъ есть все необходимое. Отъ недостатка денегъ будетъ менѣе гордости въ женахъ и менѣе низкаго раболѣпства въ мужьяхъ. Слѣдующій симъ совѣтамъ сдѣлаетъ хорошо; а неповинующійся, но или давшій, или принявшій болѣе пятидесяти драхмъ для одѣжды, одинъ платитъ мину, другой полторы мины, третій двѣ мины, высшаго класса гражданинъ сверхъ того столько же платитъ въ общественную казну. Данное же или взятое посвящается Юнонѣ или Юпитеру. Взысканія сіи производятъ казнахранители сихъ Божествъ, какъ сказано было о неженящихся, съ которыхъ взыскиваютъ жрецы Юноны или сами платятъ.

Поручительство главное при женитьбѣ есть поручительство отца, второе дѣда, третье братьевъ отъ одного отца. За недо-

комЪ сихЪ поручительство сЪ матерней стороны дѣйствительно вЪ томЪ же порядкѣ. ВЪ необыкновенномЪ какомЪ либо случаѣ ближайшіе родственики имѣютЪ сію власть вообще сЪ опекунами. Что касается до обрученія и до всѣхЪ прочихЪ сняшенныхЪ обрядовЪ прежде, во время и послѣ брака, всякой да поставитЪ себѣ долгомЪ вопросить о семЪ истолкователей священнослуженія и вЪ точности слѣдовать ихЪ наставленіямЪ. На пиршенства должно приглашать друзей и подругЪ не болѣе пяти человѣкЪ изЪ тѣхЪ и другихЪ и такое же число родствениковЪ и ближнихЪ обоего пола. Угощеніе бываетЪ по состоянію каждаго. Богатѣйшему оно стоитЪ одной мины, иному только половину и такЪ далѣе, смотря по состоянію каждаго. Повинующійся сему закону заслуживаетЪ общую похвалу, а неповинующагося законоблюстители наказываютЪ, какЪ невѣжду и вЪ законѣ брачныхЪ музЪ ненаставленнаго.

Упиваться до пьянства не прилично и вЪ другихЪ случаяхЪ, кромѣ празднества вЪ честь Богу виноподателю; ищущіе супружества, какЪ невѣста, такЪ и женихЪ при столь важной перемѣнѣ жизни, особенно должны любить трезвость. Весьма важно, чтобЪ дѣти зачинались отЪ родителей трезвыхЪ и разумныхЪ; кто знаетЪ, какая ночь или какой день при Божіей помощи

дастЪ жизнь раждаемому. СЪ тѣломЪ, исполненнымЪ пьянства, не должно приступать кЪ произведенію дѣтей; но рождаемое вЪ первомЪ зародышѣ должно быть спокойно, безмятежно и связно. Упоенный мятется во всѣ стороны, бѣснуется тѣломЪ и душею; отЪ того и сѣмя его худо и непрочно; онЪ производитЪ чадЪ увѣченныхЪ, уродливыхЪ, безЪ всякой правильности вЪ тѣлѣ и характерѣ. Потому во всю жизнь, вЪ цѣлый годЪ, покрайней мѣрѣ, доколѣ продолжается дѣторожденіе, должно избѣгать всего, что подвергаетЪ произвольной болѣзни, всякаго распутства и вспылчивости. Сіе необходимо отпечатлѣвается на тѣлѣ и на душѣ младенца и производитЪ худородныхЪ чадЪ. Особливо вЪ извѣстный день и вЪ извѣстную ночь должно воздерживаться отЪ всего подобнаго. Начало и БогЪ, живущій вЪ человѣкѣ, устрояютЪ все кЪ лучшему концу, если имѣютЪ принадлежащую имЪ честь отЪ всякаго тѣла.

Женящійся долженЪ помнить, что одна половина жилья, доставшагося ему по жребію, назначается для рожденія и воспитанія дѣтей. Отдѣлясь отЪ отца и матери, тамЪ онЪ особо устрояетЪ свой бракЪ, жительство, и живетЪ сЪ дѣтьми своими. ВЪ дружествѣ есть ненасытное, подкрѣпляемое разлукою, стремленіе другЪ кЪ другу; оно соединяетЪ и связываетЪ всякіе характеры. Пресытив-

шееся сожительство, не подкрѣпляющее взаимной любви разлукою, самою сытостію производитъ взаимное отвращеніе. Зная сіе, разумные матери и отцы отпускаютъ молодыхъ въ новыя жилища ихъ, какъ на поселеніе, и только при свиданіи надзираютъ за ними, чтобы они, передавая жизнь какъ свѣтильникъ другимъ, и воспитывая дѣтей, сохраняли по закону вѣчное Богослуженіе.

Какія стяжанія составляютъ прочную неотъемлемую собственность, въ прочихъ случаяхъ сіе легко понять, и самое обладаніе безбѣдственно. Но трудность великая встрѣчается въ обладаніи рабами. Причиною сему есть то, что мы не имѣемъ точнаго понятія о нихъ. Ибо то, что говорится о рабахъ, доказываетъ и пользу ихъ, и противное.

Мег. Но что мы можемъ сказать о нихъ? Мы еще не знаемъ, какое ты имѣешь объ етомъ мнѣніе.

Аѳ. Ето неудивительно, Мегиллъ. Рабство у всѣхъ Еллиновъ, особенно у Лакедемонянъ, приводитъ насъ въ великое недоумѣніе. У однихъ оно удачно, у другихъ нещастно; не много спора производитъ рабство у Ѳессалійцевъ и порабощеніе Иракліотами Маріандиновъ. Взирая на сіе, что мы постановимъ объ обладаніи рабами? Я опустилъ ето въ своемъ словѣ, и ты правильно спросилъ, что я сказалъ бы о семъ предметѣ? Вотъ что: мы всѣ согласны что долж-

но имѣть рабовъ приверженныхъ и способнѣйшихъ. Многіе изъ рабовъ во всякой добродѣтели бывали лучше братьевъ и дѣтей, спасали господъ своихъ, ихъ имѣніе и цѣлые домы. Такіе примѣры не рѣдки.

Мег. Точно такъ.

Аѳ. Съ другой стороны въ рабской душѣ нѣтъ ничего здраваго, и благоразумный человѣкъ никогда не долженъ вѣрить рабамъ. Мудрѣйшій изъ нашихъ поетовъ изъяснилъ сіе, говоря о Зевесѣ: Половину души отнимаетъ всевидящій Зевесъ у тѣхъ, коихъ постигаетъ рабское иго. Разсматривая сіе, одни ни въ чемъ не вѣрятъ рабскому племени, но бичами, мученіями не три раза но стократно сокрушаютъ души слугъ своихъ и порабощаютъ ихъ на подобіе скотовъ. Другіе же поступаютъ совсѣмъ противнымъ образомъ.

Кл. Если другіе такъ не согласны, то мы что будемъ дѣлать съ своею страною, что постановимъ о пріобрѣтеніи и наказаніи рабовъ?

Аѳ. А что, Клиній? Человѣкъ есть животное самое неукротимое, и при простомъ опредѣленіи, коимъ раздѣляются рабъ, свободный и господинъ, кажется, со всѣмъ не можно желать рабства, и обладаніе ими весьма трудно. Опытъ многократно показывалъ, сколь сильныя возмущенія произходили отъ Мессинцевъ и какія опасности угрожаютъ государствамъ, въ которыхъ много рабовъ одно-

племенныхъ и одноязычныхъ; и теперь расказываютъ всѣ, какими грабежами и воровствомъ наполнили всю Италію бѣжавшіе рабы; по етому легко всякой придетъ въ недоумѣніе, что дѣлать въ сихъ случаяхъ. Есть только два средства: во первыхъ, чтобъ хорошо могли служить рабы, они не должны быть между собою соотечественники, и какъ можно рѣже однимъ языкомъ говорящіе; во вторыхъ должно давать имъ достаточное пропитаніе не для нихъ, но болѣе для самихъ себя. Хорошее обращеніе съ ними состоитъ въ томъ, чтобъ не причинять имъ никакой несправедливости и оказывать имъ болѣе снизхожденія, нежели равнымъ своимъ. Любящій чистосердечно и непритворно справедливость, не захочетъ быть несправедливымъ и къ тѣмъ людямъ, которыхъ онъ легко обижать можетъ; чуждый всякаго нечестія, и неправосудія относительно къ поступкамъ и нравамъ рабовъ своихъ, есть человѣкъ самый способный насаждать сѣмена добродѣтели. Сіе можно сказать о господинѣ, о государѣ и о всякомъ имѣющемъ какую либо власть надъ подчиненными. За вину мы должны наказать рабовъ, и нетерять для нихъ напрасно увѣщаній, которыя мы даемъ свободнымъ. Разговоръ съ рабомъ долженъ состоять въ одномъ приказаніи; мы не должны позволять себѣ никакой шутки съ ними ни съ мущинами, ни съ женщи-

нами. Тѣ, которые обходятся съ ними слишкомъ ласково, ослабляютъ чрезъ сіе свою власть надъ ними и уменьшаютъ въ нихъ повиновеніе.

Кл. Справедливо.

Аѳ. Устроивъ достаточное число рабовъ для отправленія всякихъ работъ, кажется, надлежитъ говорить о жилищѣ.

Кл. Точно такъ.

Аѳ. Зодчество, во всей его силѣ, можно сказать должно быть употреблено при сооруженіи новаго города, досѣлѣ необитаемаго. Объ етомъ должно бы говорить прежде брака; но такъ случилось въ нашемъ разговорѣ; такъ и быть. На самомъ же дѣлѣ, если Богъ благословитъ совершиться нашему предпріятію, мы устроимъ сіе прежде браковъ, которые слѣдуютъ послѣ строенія. Теперь представимъ краткое очертаніе всего, что относится къ домостроительству.

Кл. Хорошо.

Аѳ. Священные храмы должны быть устроены вокругъ одной площади, и весь городъ для крѣпости и чистоты въ видѣ круга расположенъ на возвышенности. Подлѣ храмовъ устрояются домы правителей и судебныя мѣста, въ коихъ принимаются жалобы и изрѣкаются приговоры правосудія. Сіи зданія должны быть священны и по важности дѣлъ и по святости Боговъ, въ нихъ живущихъ; здѣсь совершаются уголовныя суды,

назначается казнь за смертоубійство и за другія уголовныя преступленія. Что касается до стѣнъ, я согласенъ съ Спартою, онѣ должны покоиться въ землѣ и не возставать. Прекрасно сказано о семъ въ одномъ стихотвореніи, что стѣны лучше должны быть мѣдныя и желѣзныя, нежели глиняныя. Съ нашей стороны смѣшно бы казалось ограждать городъ стѣною, послѣ того, какъ мы установили ежегодно посылать по окрестностямъ юныхъ людей для дѣланія окоповъ, насыпей и крѣпостей, которыя бы удерживали непріятеля и не позволяли ему переходить за границу. Во первыхъ сіе не полезно для здоровья; во вторыхъ ето распологаетъ жителей къ трусости, увлекая ихъ къ бѣгству, вмѣсто того, чтобъ мужественно отражать враговъ. Они не будутъ искать спасенія въ неусыпной стражѣ днемъ и ночью; но почитая себя безопасными за крѣпкою оградою, за непреодолимыми вратами, они спятъ, какъ будто совсѣмъ неродились ни для какихъ трудовъ и забываютъ, что покой пріобрѣтается заботами, и что постыдной безпечности обыкновенныя слѣдствія суть труды. Но если не льзя обойтиться безъ стѣнъ, то для сего частныя строенія съ самаго начала располагаются такъ, чтобъ весь городъ представлялъ одну безпрерывную стѣну, чтобъ всѣ домы одинаковой высоты и наружности были равно удоб-

ны къ защищенію по всѣмъ направленіямъ. Пріятно смотрѣть на городъ представляющій видъ одного дома. Сіе имѣетъ болѣе удобствъ для стражи и несравненно полезнѣе для общей и частной безопасности.

При первоначальномъ строеніи города сами жители должны давать своимъ домамъ сей видъ. Строители надсматриваютъ за ними, побуждаютъ ихъ, и отступающаго отъ правилъ наказываютъ. Они же соблюдаютъ чистоту, чтобъ ни одинъ частной человѣкъ ни строеніемъ, ни копаніемъ не безобразилъ города; пекутся о стокахъ воды дождевой; однимъ словомъ, вниманіе ихъ простирается на всѣ жилища какъ внутри, такъ и внѣ города. Законоблюстители, извѣдавъ все сіе изъ самыхъ опытовъ, дополнятъ прочіе недостатки въ сихъ законахъ.

Между тѣмъ частныя и общественныя зданія, гимназіи и прочія училища устроены и ожидаютъ только посѣтителей, а театры зрителей. Мы, идя за нитью законодательства, опять приступимъ къ тому, что слѣдуетъ послѣ брака.

Кл. Хорошо.

Аѳ. Положимъ, что бракъ уже устроенъ. Теперь надлежитъ опредѣлить, какой образъ жизни должны вести молодые по крайней мѣрѣ въ первой годъ до рожденія дѣтей, въ семъ городѣ, которой будетъ отличнѣйшимъ изъ многихъ другихъ городовъ? То, что я намѣ-

ренѣ сказать, едва ли кому понравится. И прежде встрѣчалось много подобныхѣ трудностей, и теперь особенно возстанутѣ всѣ противѣ новаго постановленія. Впрочемѣ всячески должно сказать то, что мы находимѣ истиннымѣ и законнымѣ.

Кл. Конечно.

Аѳ. Тотѣ ошибается, кто желаетѣ дать государству законы только относительно общественной жизни, и не думаетѣ о томѣ, что нужно для частной; кто оставляетѣ на волю каждому препроводить день, какѣ онѣ хочетѣ, почитая излишнимѣ подчинять все закону; кто, не сдѣлавѣ никакихѣ правилѣ для частныхѣ семейственнныхѣ дѣлѣ, думаетѣ, что граждане охотно будутѣ поступать по законамѣ вѣ дѣлахѣ общественныхѣ. Но кѣ чему я веду сіе? вотѣ кѣ чему: я говорю, что молодые супруги должны ѣсть за общими столами, равно какѣ до брака. Конечно сіе постановленіе странно казалось при самомѣ началѣ вѣ вашихѣ странахѣ, какѣ оно было введено у васѣ или войною или другимѣ какимѣ несчастіемѣ, отѣ котораго уменьшилось ваше народонаселеніе; но когда вы испытали его и принуждены были пользоваться общими столами, то перестали сомнѣваться вѣ пользѣ сего закона, и такимѣ образомѣ они вошли у васѣ вѣ обыкновеніе.

Кл. Кажется такѣ.

Аѳ. И такъ постановленіе, которое сначала казалось страннымъ и опаснымъ, нынѣ законодателю не стоитъ никакаго труда. Но наше предложеніе не легко сказать и еще труднѣе исполнить, не смотря на прекрасныя слѣдствія его, еслибъ оно совершилось. Къ несчастью мы нигдѣ не находимъ сего; и законодатель остается въ посмѣяніи, что онъ словами бьетъ только воздухъ, предписывая тысячи несодѣянныхъ законовъ.

Кл. Что ты, иноземецъ, хочешь сказать и медлишь?

Аѳ. Слушайте; я болѣе нехочу мучить васъ медленностію. Все подчинненное общему порядку и сообразное съ законами, производитъ всѣ благодѣтельныя слѣдствія въ государствѣ; а безпорядочное и худо устроенное разрушаетъ и прочія части. На семъ утверждаю далѣе свою рѣчь: у васъ, Мегиллъ и Клиній, какъ я уже сказалъ, прекрасно, удивительно и какою-то божественною необходимостію учреждены общія трапезы для мущинъ; но неправильно исключены изъ сего закона женщины, и не открыта ясно необходимость участвовать имъ въ общихъ столахъ. Женской полъ по слабости своей теперь составляетъ почти другой родъ, родъ скрытный и хитрый, и законодатель не справедливо оставилъ его безъ распоряженія. Отъ сего опущенія у васъ теперь происходитъ многое, чего не былобъ или что моглобъ быть иначе при изданномъ

законѣ. Не одну половину, какѣ кажется, составляютѣ сіи просмотрѣнныя неустройства со стороны женщинѣ; прекрасный полѣ чѣмѣ слабѣе мущинѣ относительно кѣ добродѣтели, тѣмѣ болѣе имѣетѣ вліянія. Для благосостоянія государства необходимо нужно исправить сей недостатокѣ, и постановить однѣ правила какѣ для мущинѣ, такѣ и для женщинѣ. Но родѣ человѣческій нигдѣ не былѣ такѣ щастливѣ, чтобы напасть на сей путь; во многихѣ странахѣ и государствахѣ, гдѣ нѣтѣ общихѣ столовѣ, благоразуміе требуетѣ даже не напоминать обѣ нихѣ. Можно ли гдѣ нибудь, не подвергаясь посмѣянію, принудить женщинѣ показаться за общественными столами? Скорѣе онѣ готовы претерпѣть все, нежели рѣшиться на послѣднее. Привыкши жить вѣ неизвѣстности и скрытно, онѣ упорно противятся законодателю, которой хочетѣ ихѣ вывесть на свѣтѣ, и наконецѣ восторжествуютѣ надѣ нимѣ. Гдѣ бы я ни сказалѣ сіе справедливое слово, нигдѣ не потерпятѣ его; вездѣ будутѣ кричать противѣ меня. Но у васѣ можетѣ быть послушаютѣ.

Если вы хотите, чтобѣ все сказанное о цѣломѣ государствѣ не осталось тщетнымѣ, по крайней мѣрѣ на словахѣ, то я изъясню вамѣ, сколь важно и полезно такое учрежденіе; или перейдемѣ кѣ другимѣ предметамѣ.

Кл. Почтенный иноземецъ, мы съ удовольствіемъ желаемъ слушать тебя.

Аѳ. Итакъ слушайте. Но не удивляйтесь, если я возьмусь за предметъ съ отдаленной стороны. Мы имѣемъ досугъ; намъ ничто не мѣшаетъ разсматривать законы со всѣхъ сторонъ и всякимъ образомъ.

Кл. Хорошо.

Аѳ. Итакъ возвратимся къ прежнему. Всякой долженъ предположить себѣ, что существованіе людей или не имѣло совсѣмъ никакого начала, и конца имѣть не будетъ, но было и будетъ вѣчно; или есть время, когда оно произошло, хотя время безпредѣльное.

Кл. Правда.

Аѳ. Не должно ли также предположить, что въ семъ безпредѣльномъ времени возникали и падали многія государства, измѣнялись разные обычаи и худые и хорошіе, перемѣнялись вкусы въ пищѣ, и произошли многія круговращенія временъ, въ теченіи которыхъ животныя весьма много измѣнились.

Кл. Предположимъ.

Аѳ. Мы вѣримъ также и тому, что винограду прежде не было, но потомъ онъ явился, равно оливы и дары Цереры; что нѣкто Триптолемъ былъ разпространителемъ ихъ? Когда и етаго не было, тогда, не можно ли думать, что люди устремлялись на съѣденіе другъ друга?

Кл. Такъ.

Аѳ. А что люди приносятъ въ жертву другъ друга, это мы еще и теперь видимъ у многихъ. О насъ напротивъ говорятъ, что мы не смѣли ѣсть даже тельцовъ. Мы приносили Богамъ въ жертву не животныхъ, но хлѣбы и плоды медомъ облитыя, и другія чистыя вещества. У насъ воздерживались отъ мясъ; ѣсть ихъ и обливать кровію жертвенники Боговъ — почиталось безчестіемъ; у насъ вели жизнь такъ называемую Орфическую, употребляли въ пищу только бездушное и воздерживались отъ всего одушевленнаго.

Кл. Многіе говорятъ такъ, и это весьма вѣроятно.

Аѳ. Но къ чему все это сказано? возразитъ намъ кто нибудь.

Кл. Правильно ты замѣтилъ сіе.

Аѳ. Я, сколько могу, постараюсь сказать, что слѣдуетъ изъ сего.

Кл. Говори.

Аѳ. Мы видимъ, что у людей все зависитъ отъ трехъ нуждъ или побужденій. Изъ порядочнаго направленія сихъ побужденій происходитъ добродѣтель, изъ безпорядочнаго порокъ. Два первыя побужденія суть голодъ и жажда; они рождаются съ нами, и въ каждомъ животномъ производятъ естественное стремленіе неукротимое, не слушающее никакаго голоса, кромѣ того, чтобъ

насытиться и удовлетворить свое желаніе. Третье побужденіе самое сильное и пламенное есть любовь или побужденіе къ произведенію подобныхъ себѣ: оно возгараетъ послѣднее, распаляетъ человѣка бѣшенствомъ и наполняетъ его чрезмѣрною отважностію. Сіи три болѣзни, влекущія человѣка къ удовольствію, должно направлять къ добродѣтели, укротить ихъ жаръ, остановить порывы тремя сильнѣйшими средствами, страхомъ, закономъ, и здравымъ смысломъ, къ которымъ должно присоединить Музъ и Бога покровителя гимнастики.

Итакъ послѣ брака мы положимъ рожденіе дѣтей, ихъ питаніе и ученіе. Такимъ образомъ въ продолженіи нашей бесѣды каждой законъ будетъ вести насъ ближе къ общимъ трапезамъ. Ознакомясь съ ними короче, можетъ быть, мы найдемъ, должны ли онѣ быть только для мущинъ, или вмѣстѣ и для женщинъ. Тогда мы дадимъ свое мѣсто и тому, на что еще нѣтъ законовъ, и какъ я сказалъ, разсмотрѣвши всѣ предметы, съ большею подробностію для каждаго изъ нихъ положимъ приличные законы.

Кл. Весьма справедливо.

Ао. Сохранимъ же въ памяти то, что мы сказали; можетъ быть намъ это послужитъ къ чему нибудь.

Кл. Что прикажешь хранить въ памяти?

Ає. То, что мы опредѣлили въ трехъ словахъ: пищу питье, и побужденіе любить.

Кл. Будемъ помнить, что велишь.

Ає. Хорошо. Приступимъ опять къ супружеству. Показавъ свойства дѣторожденія, если не подѣйствуемъ убѣжденіемъ, то прибѣгнемъ къ угрозамъ закона.

Кл. Какимъ же образомъ?

Ає. Невѣста и женихъ должны стараться доставить отечеству прекраснѣйшихъ и благорожденныхъ дѣтей. Всѣ люди участвуя въ какомъ либо дѣлѣ, получаютъ щастливой и желаемый успѣхъ, если обращаютъ къ нему и къ себѣ возможное вниманіе; безъ старанія же и ума все бываетъ напротивъ. И такъ мужъ долженъ оказывать все вниманіе къ женѣ и къ будущимъ своимъ дѣтямъ; равно и жена съ своей стороны особенно предъ родами. За симъ имѣютъ надзоръ избранныя женщины, число коихъ бываетъ большее или меньшее смотря потому, сколько ихъ назначатъ Архонты. Сіи надзирательницы, собираясь во храмѣ Илиѳіи, проводятъ вмѣстѣ третью часть дня, и сообщаютъ одна другой свои замѣчанія, если какой мужъ или жена изъ рождающихъ живутъ не по предписаннымъ законамъ и не по клятвѣ данной при обрученіи.

Дѣторожденіе и смотрѣніе за рождающими продолжается десять лѣтъ при плодови-

шомѣ бракѣ. Если вѣ сіе время супруги остаются бездѣшными, що они для взаимной пользы разводяшся вѣ присушсшвіи родныхѣ и женщинѣ надзирашельницѣ. Если произойдешѣ несогласіе между мужемѣ и женою за выгоды принадлежащія шому и другому: що судяшѣ между ими десяшь законоблюсшишелей, коихѣ опредѣленіе вѣ семѣ случаѣ должно щишашься удовлешворишельнымѣ.

Жены надзирашельницы приходяшѣ вѣ домы молодыхѣ, и своими совѣшами и угрозами удерживаюшѣ ихѣ ошѣ погрѣшносшей и прекращаюшѣ ихѣ буйсшва. Если сами не успѣюшѣ, шо доносяшѣ законоблюсшишелямѣ, и сіи должны возбранишь. Если и сіи не успѣюшѣ, шо жалуюшся на нихѣ всему народу, написываюшѣ имя ихѣ на площади, и даюшѣ кляшву, чшо не могли исправишь шакого шо гражданина. Написанный да будешѣ безчесшнымѣ, если шолько не оправдаешся прошивѣ своихѣ обвинишелей. Онѣ лишаешся права ходишь на свадьбы и на родины. Еслижь пойдешѣ, шо всякой ненаказанно споможешѣ бишь его. Тоже наблюдаешся и сѣ женою. Она недолжна учасшвовашь вѣ прогулкахѣ сѣ подругами и вѣ женскихѣ почесшяхѣ; не можешѣ ходишь ни на свадьбу ни на родины, если будешѣ обличена вѣ безпорядкѣ и не оправдаешся.

Если мужъ имѣющій дѣтей сообщается съ другою женою, или жена съ другимъ мужемъ; то они подвергаются тому же наказанію. Цѣломудренная жизнь даетъ супругамъ права на всѣ почести. Лишеніе чести и стыдъ постигаетъ виновныхъ. Доколѣ сіи правила всѣми соблюдаются, дотолѣ законодатель молчитъ; въ противномъ случаѣ онъ возвышаетъ голосъ закона.

Началомъ жизни для каждаго есть первый годъ; сей годъ записывается къ отечественныхъ храмахъ равно со стороны мальчиковъ и дѣвочекъ. Въ каждомъ колѣнѣ также на бѣлой стѣнѣ напивывается число архонтовъ въ порядкѣ лѣтосчисленія. По мѣрѣ какъ написываются живые, мертвые стираются.

Время супружества для дѣвицы полагается отъ шестнадцати до двадцати лѣтъ; для жениха отъ тридцати до тридцати пяти. Для полученія власти женщинѣ назначается сорокъ лѣтъ, мущинѣ тридцать. Для военной службы мущинѣ назначается время отъ двадцати до шестидесяти лѣтъ а для женщины, если необходимость сего потребуетъ отъ нихъ послѣ чадорожденія, кажется, можно положить срокъ до пятидесяти лѣтъ.

РАЗГОВОРЪ СЕДЬМЫЙ
О
ЗАКОНАХЪ.

Аѳ. Послѣ рожденія дѣтей какъ мужескаго, такъ и женскаго половъ, ближе всего намъ говорить о питаніи ихъ и ученіи. Не говорить о семъ невозможно; говорить, кажется, болѣе принадлежитъ наставленію и увѣщанію, нежели законамъ. Здѣсь многіе маловажные, непримѣтные случаи произходятъ по волѣ каждаго, по домашнему; здѣсь часто все зависитъ отъ огорченія, отъ удовольствія, отъ прихоти; многое дѣлается противъ совѣтовъ законодателя; отъ того нравы гражданъ бываютъ такъ различны и не сходны между собою; а ето гибельно для государствъ. Для укрощенія сихъ безпорядковъ издавать законы не прилично и не безвредно. Пагубно для положительныхъ законовъ, если люди преступаютъ ихъ въ маловажныхъ и часто встрѣчающихся случаяхъ. Вотъ предметъ, о которомъ и законъ издавать и молчать не возможно. При всемъ томъ я долженъ представить вамъ мой образъ мыслей, и объяснить его примѣрами; ибо то, что я сказалъ, еще очень темно.

Кл. Весьма справедливо.

Аѳ. Мы гдѣ-то весьма правильно замѣтили, что надлежащій образъ питанія мо-

жетъ содѣлать тѣла и души равно прекрасными и совершенными.

Кл. Такъ.

Аѳ. Весьма естественно кажется мнѣ, что тѣла самыхъ младенцовъ будутъ прекрасны, если при самомъ рожденіи восприняты надлежащимъ образомъ.

Кл. Безъ сомнѣнія.

Аѳ. Но не забудемъ, что первый ростъ всякаго животнаго бываетъ чрезвычайно быстръ и силенъ, такъ что многіе спорятъ противъ того, будто величина человѣческаго тѣла отъ пяти лѣтъ въ прочія двадцать прибавляется въ двое.

Кл. Правильно.

Аѳ. Но не правда ли, что скорый и сильный ростъ, совершающійся безъ многихъ соразмѣрныхъ трудовъ, производитъ въ тѣлахъ безчисленныя болѣзни?

Кл. Конечно.

Аѳ. Посему тогда-то и нужно болѣе трудовъ, когда тѣло принимаетъ болѣе питанія.

Кл. Но, почтенный, ужели новорожденнымъ и младенцамъ можно предписывать труды, и труды великіе?

Аѳ. Ни какъ; но еще питающимся въ утробѣ матери.

Кл. Что говоришь ты, любезный? или хочешь предписывать самымъ зародышамъ?

Ав. Да; неудивительно, что вы не знакомы съ гимнастикою ихъ; хоть и странно, но я желалъ бы вамъ объяснить ее.

Кл. И очень странно.

Ав. У насъ, гдѣ такъ много и почти слишкомъ любятъ игры, чаще нежели у другихъ, можно видѣть примѣръ сему. У насъ не только дѣти, но и старые иногда выкармливаютъ птенцовъ и пріучаютъ ихъ биться между собою; для сего не только назначаютъ имъ соразмѣрныя упражненія, но притомъ взявъ ихъ подъ крылышки, маленькихъ въ рукахъ, а большихъ подъ мышкою носятъ по нѣскольку стадій не для здоровья собственнаго тѣла, но для укрѣпленія птенцовъ. Симъ они доказываютъ человѣку мыслящему, что всѣ тѣла получаютъ пользу отъ потрясеній, отъ движенія, двигаясь или сами собою, или на носилкахъ, или въ плаваніи, или на лошади, или посредствомъ другихъ тѣлъ движущихся, и что сіе движеніе, помогая питательности питья и снѣдей, можетъ доставить намъ здоровье, красоту и крѣпость. И если такъ, то послѣ сего что остается намъ дѣлать? Хотите ли на смѣхъ предписать закономъ, чтобъ беременная мать прогуливалась; чтобы рожденнаго устрояла, доколѣ онъ гибокъ какъ воскъ, и до двухъ лѣтъ пеленала бы его? Станемъ ли подъ опасеніемъ казни принуждать кормилицъ носить дѣтей, доколѣ они не могутъ

стоять на ногахъ, въ поле, или ко храмамъ, или къ роднымъ; но и тогда, поелику они еще слабы, изъ опасенія, чтобъ излишнимъ напряженіемъ не вывихнули себѣ какаго члена, носить ихъ, доколѣ младенцу совершится три года? Чтобъ сіи кормилицы были здоровые и не по одной? и потомъ установимъ ли наказаніе для неисполняющихъ, или вовсѣ нѣтъ? Ибо весьма легко можетъ случиться то, что я сказалъ.

Кл. Что такое?

Аѳ. Что мы подвергнемся посмѣянію, потому что женскіе и рабскіе умы кормилицъ не охотно склоняются на убѣжденіе.

Кл. Для чего жъ было и говорить сіе?

Аѳ. Для того, что умы господъ и свободныхъ внявъ сему, легко нападутъ на прямую мысль, что безъ частнаго устройства въ народѣ, напрасно ожидать прочности отъ законодательства въ общемъ. Вникая въ сіе, всякой самъ признаетъ необходимыми сіи постановленія, и разумно поступая по нимъ, можетъ устроять и собственное свое благо и благо цѣлаго государства.

Кл. Это очень основательно.

Аѳ. И такъ не прервемъ своей бесѣды, неизложивши напередъ всѣхъ попеченій, какихъ требуютъ души самыхъ младенцовъ; скажемъ о семъ такимъ же образомъ, какъ мы начали говорить о тѣлахъ.

Кл. И весьма правильно.

Ле. Возмемъ за основаніе ту великую пользу какъ для тѣла, такъ и для души, которую доставляютъ младенцамъ няньчаніе и движеніе почти въ продолженіи всей ночи и днемъ; представимъ, сколько полезно для всѣхъ, а болѣе для маленькихъ дѣтей, жить, сколько можно, будто въ плаваніи. Первое питаніе младенцовъ должно быть точно таково. Доказательствомъ сему служитъ и то, что сами кормилицы, и занимающіеся лѣченіемъ бѣснующихся, изъ опыта признали дѣйствительность сего средства; первыя, желая усыпить неугомонныхъ дѣтей, стараются не успокоить ихъ, но дать имъ движеніе, качая въ своихъ объятіяхъ; не тишиною усыпляютъ ихъ, но пѣсенками прибаюкиваютъ; вторые при лѣченіи изступленныхъ употребляютъ нѣкоторой родъ пляски и пѣнія.

Кл. Какая причина такому дѣйствію?

Ле. Не трудно понять.

Кл. Какимъ образомъ?

Ле. Состояніе младенцевъ и бѣснующихся есть дѣиствіе страха, которой произходитъ отъ душевной ихъ слабости. Если кто подобнымъ страстямъ противополагаетъ извнѣ равносильное потрясеніе: то симъ внѣшнимъ противодѣйствіемъ преодолѣвается внутри смутное и буйное волненіе, и тогда всѣ жестокіе порывы сердца уступаютъ мѣсто свѣтлой тишинѣ души.

Удивительное дѣйствіе! однихъ оно преклоняетъ ко сну; и бѣснующимся посредствомъ пляски и пѣнія при содѣйствіи Боговъ, умилостивленныхъ жертвами, вмѣсто буйныхъ стремленій внушаетъ разумныя склонности. Кажется это очень ясно.

Кл. Совершенно.

Аѳ. Если такова сила движенія; то должно предположить, что всякая душа, отъ юности подверженная страху, въ продолженіи жизни болѣе и болѣе привыкаетъ бояться. Но такимъ образомъ, можно сказать, мы научаемся скорѣе робости, нежели мужеству.

Кл. Безспорно.

Аѳ. Упражненіе мужества напротивъ состоитъ въ томъ, чтобъ отъ самой юности побѣждать встрѣчающіяся намъ опасности и страхъ.

Кл. Справедливо.

Аѳ. Итакъ можно сказать, что обращеніе дѣтей въ тѣлодвиженіяхъ имѣетъ великое вліяніе на силы душевныя.

Кл. Истинно.

Аѳ. И что тихое или смутное расположеніе души ихъ показываетъ или слабость ея, или великую твердость.

Кл. Справедливо.

Аѳ. Скажемъ, какимъ образомъ можно произвести въ новорожденномъ по возможности то или другое расположеніе?

Кл. Я радъ слушать.

Аѳ. Я положу за основаніе, что роскошь, или изнѣженное воспитаніе приготовляютъ въ юношахъ нравы грубые, раздражительные и отъ маловажныхъ вещей въ безпокойство приходящіе; противное же сему, то есть чрезмѣрное, жестокое порабощеніе дѣлаетъ ихъ низкими, принужденными, человѣконенавистными и несносными въ общежитіи.

Кл. Какимъ же образомъ цѣлый городъ долженъ воспитывать тѣхъ, кои еще не имѣютъ голоса и не способны принимать никакаго ученія.

Аѳ. Все рождающееся при самомъ рожденіи обыкновенно производитъ крикъ; человѣческой родъ также; и сверхъ того онъ проливаетъ слезы.

Кл. Справедливо.

Аѳ. Итакъ кормилицы внимательныя ко всѣмъ желаніямъ ихъ, посему угадываютъ, что нужно подать имъ. Именно если онѣ подаютъ что либо, и дитя замолчитъ, тогда онѣ увѣрены, что сіе подать надлежало. Дѣти обнаруживаютъ крикомъ и слезами, что они любятъ, и чего не любятъ; но такой языкъ есть худой признакъ. Три года жизни проведенные хорошо или худо дѣлаютъ великой перевѣсъ.

Аѳ. Не правда ли, что ребенокъ неугомонный, сердитый чаще плачетъ и кричитъ, нежели сколько прилично добродушному.

Кл. Кажется такъ.

Аѳ. Но если кто въ продолженіи трехлѣтія всѣми способами по возможности старается, какъ можно, рѣже доспускать своего питомца до болѣзни, страха и печали, то не должно ли согласиться, что такимъ образомъ онъ содѣлаетъ сердце его благодушнымъ и кроткимъ.

Кл. Сіе ясно, почтенный иноземецъ, особенно если будутъ доставлять ему всѣ забавы.

Аѳ. Въ етомъ я не согласенъ съ тобою, почтеннѣйшій. По моему мнѣнію, сіе обыкновеніе угождать вкусу дѣтей есть величайшая для нихъ гибель; ибо она происходитъ въ началѣ воспитанія. Разсмотримъ, справедливо ли я говорю сіе?

Кл. Послушаемъ, что ты скажешь.

Аѳ. Рѣчь теперь у насъ идетъ о предметѣ не маловажномъ. Разсуди между нами, Мегиллъ. Я говорю, что для прямой жизни не должно ни гоняться за удовольстіями, ни убѣгать совершенно огорченій, но любить средину, которую мы прежде назвали веселонравіемъ. Сіе расположеніе души по изрѣченію оракула принадлежитъ только богамъ; и кто изъ насъ хочетъ быть богоподобнымъ, тотъ долженъ приближаться къ сему божественному свойству, не стремиться къ однѣмъ удовольствіямъ, будто никогда не встрѣтимся съ горестями, и не терпѣть сего во всякомъ другомъ, въ старомъ

или юномъ, въ мущинѣ или женщинѣ, а менѣе всего въ новорожденномъ; ибо всякая склонность тогда пріобрѣтенная по привычкѣ остается господствующею. Еслибъ не почли шуткою, то я сказалъ бы, что матери носящія во чревѣ болѣе всѣхъ должны беречься въ етотъ годъ предаваться излишнимъ, необузданнымъ удовольствіямъ, или убивать себя огорченіями; но соблюдать во все ето время веселонравіе, благодушіе и кротость.

Кл. Не нужно тебѣ спрашивать у Мегилла, кто изъ насъ сказалъ справедливѣе; я самъ согласенъ съ тобою, что должно убѣгать жизни, сопровождаемой неумѣренными удовольствіями или излишнею горестію, но должно избирать всегда среднюю, слѣдовательно ты сказалъ прекраено и доволенъ моимъ мнѣніемъ.

Аѳ. Ето хорошо, Клиній; теперь разсмотримъ и сіе.

Кл. Что такое?

Аѳ. Все ето, о чемъ мы теперь бесѣдовали, называется законами неписанными, кои состоятъ въ отечественныхъ обычаяхъ и преданіяхъ; въ предъидущемъ нашемъ словѣ мы правильно сказали, что ихъ не льзя ни законами назвать, ни оставить въ молчаніи. Они суть связь всего государственаго устроенія, и средина между законами изданными, и тѣми, которые еще изданы будутъ.

Если въ обычаяхъ народа твердо сохраняются сіи простыя нравственныя преданія отцовъ и старины, то ими поддерживаются и сохраняются всѣ положительныя постановленія. Но при порчѣ обычаевъ все приходитъ въ замѣшательство: такъ у домостроителей если обрушится главное основаніе, то оно увлекаетъ за собою и прочія части; все падаетъ въ одну громаду; вслѣдъ за паденіемъ ветхаго въ развалинахъ лежитъ и то, что было послѣ надстроено. Разсматривая сіе, мы должны утвердить со всѣхъ сторонъ свое новое государство, не опуская по возможности ничего ни великаго, ни малаго, что касается до законовъ, обычаевъ или постановленій. Все это тѣсно связано между собою, и одно безъ другаго не прочно. Неудивительно, если нашъ планъ законодательства, не чувствительно простираясь на множество случаевъ, дѣлается болѣе и болѣе обширнымъ.

Кл. Очень правильно ты говоришь; мы постараемся вникнуть въ твой образъ мыслей.

Аѳ. Если строго соблюдаются сіи правила въ отношеніи къ дѣтямъ обоего пола, доколѣ имъ совершится три года; если не будетъ оставленъ въ пренебреженіи ни одинъ изъ данныхъ совѣтовъ: то не маловажную пользу отъ нихъ получатъ маленькіе питомцы.

Всякой возрастъ трехлѣтній, четырехлѣтній, пяти, шестилѣтній имѣетъ свои забавы. Уже съ сего времени должно отучать ихъ отъ нѣги, исправлять, но безъ наказанія, чтобы оно, какъ сказали мы о рабахъ, не произвело въ нихъ ожесточенія. Но съ другой стороны, чтобъ отъ сей ненаказанности они не содѣлались своевольными; есть наказанія приличныя свободнымъ. Между дѣтьми игры родятся сами собою; сошедшись вмѣстѣ, они сами находятъ себѣ свои забавы. Всѣ дѣти отъ трехъ до шести лѣтъ собираются въ мѣстныхъ храмахъ, каждой въ храмѣ своего селенія. Кормилицы стараются содержать уже таковыхъ въ благоприличіи, и отвращать ихъ отъ всякой дерзости; надъ самими же кормилицами и надъ цѣлымъ собраніемъ дѣтей поставляется одна изъ двѣнадцати женщинъ. Каждая въ своемъ округѣ, въ теченіи года, исполняетъ все, что предписываютъ законоблюстители. Избираютъ же ихъ женщины, имѣющія смотрѣніе за браками, по одной въ каждомъ колѣнѣ и одинакихъ лѣтъ съ собою. Избранная начальница ежедневно приходитъ въ храмъ, и сама съ помощію нѣкоторыхъ градскихъ служителей наказываетъ за всѣ безпорядки раба и рабыню, чужестранца и чужестранку; гражданина, противящагося наказанію, приводитъ къ градоначальникамъ; а не противящагося са-

ма наказываетъ Послѣ шести лѣтъ оба пола разлучаются. Мальчики занимаются съ мальчиками, а дѣвочки съ дѣвочками: первые учатся конскому рысτанію, стрѣлянію изъ лука; бросанію копій и камней пращами; не воспротивятся, то хорошо пріучать къ сему и дѣвочекъ хотя для одного упражненія. Нынѣ при воспитаніи есть великой предразсудокъ, на которой никто не обратилъ вниманія.

Кл. Какой?

Аѳ. Что правая и лѣвая рука имѣютъ столь различныя свойства во всякой ручной работѣ, между тѣмъ какъ мы не примѣчаемъ сего различія въ дѣйствіяхъ ногъ и другихъ членовъ. Только руки наши по невѣжеству кормилицъ и матерей остаются не равными. Свойство того и другаго члена равносильно; но мы сами навыкомъ и ненадлежащимъ употребленіемъ дѣлаемъ ихъ различными. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сіе различіе не важно; все равно, держать ли лиру правою рукою, а смычекъ лѣвою или наоборотъ. Но слѣдуя симъ примѣрамъ почти безумно было бы сказать сіе и о другихъ случаяхъ. Противъ сего говоритъ обычай Скиѳовъ, которые носятъ лукъ не въ одной лѣвой рукѣ, и не одною правою накладываютъ стрѣлы, но равно обѣ руки употребляютъ какъ для одного такъ и для другаго дѣйствія. Есть и другіе случаи на примѣръ управленіе вождей и тому подобное,

кои доказываютъ, что мы поступаемъ противъ природы, дѣлая лѣвую руку слабѣе правой. Въ самомъ дѣлѣ сіе неважно, касательно смычка и другихъ подобныхъ орудій. Но иное дѣло, когда на войнѣ должно дѣйствовать мечемъ, лукомъ, копьемъ и прочими оружіями, особливо если надобно дѣйствовать оружіемъ противъ оружія. Здѣсь много отличается ученый отъ неученаго, и упражнявшійся отъ неупражнявшагося. Кто совершенно научился атлетическимъ играмъ, кулачному бою или борьбѣ; тотъ умѣетъ дѣйствовать и лѣвою рукою, не ослабнетъ, не придетъ въ замѣшательство, если противникъ заставитъ его дѣйствовать на обѣ стороны. Кажется, рѣшительно можно предположить относительно оружія, и въ другихъ случаяхъ, что владѣющій двумя орудіями, оборонительнымъ и нападательнымъ, ниодного изъ нихъ не долженъ оставлять празднымъ. Еслибъ родился человѣкъ, подобный Геріону или Бріарею, то онъ изо ста рукъ долженъ пускать сто стрѣлъ. Обо всемъ етомъ должны имѣть попеченіе начальники и начальницы; одни надзираютъ за играми, воспитаніемъ, другія за самыми тѣлесными упражненіями ихъ, чтобъ они сохраняли ровную силу въ обѣихъ рукахъ и ногахъ, и худыми привычками не вредили своей природѣ.

Упражненія юношей, суть двоякаго рода:

однѣ относятся къ тѣлу, и составляютъ гимнастику; другія производятъ благодушіе, и называются музыкою. Гимнастика имѣетъ двѣ части, пляску и борьбу. Одинъ родъ пляски съ важностію и свободою выражаетъ слова музъ; другой служитъ для стройности, легкости и красоты всѣхъ членовъ и частей тѣла, научаетъ прелестно простирать и сжимать ихъ, каждому движенію даетъ правильное паденіе и всѣ пляски сопровождаетъ живостію. Что касается до борьбы, въ которой Антій изъ пустаго тщеславія показывалъ искуство свое, и до кулачнаго боя, въ коемъ отличались Епей и Амикъ, какъ безполезные для войны, они не заслуживаютъ того, чтобы говорить о нихъ. Настоящая борьба развивая шею, руки и бока, совершаемая съ напряженіемъ и упорствомъ, придаетъ благовидность, и служитъ къ умноженію силъ и здоровья. Не оставимъ безъ вниманія столь полезнаго упражненія, но закономъ предпишемъ, какъ ученикамъ, такъ и учащимъ, чтобъ одни охотно сообщали въ немъ уроки свои, а другіе принимали ихъ съ благодарностію. Не забудемъ подражательныхъ плясокъ, въ которыхъ рисуются разныя положенія. Таковы вооруженныя пляски Куретовъ, и у Лакедемонянъ пляска Кастора и Поллукса. У насъ Аѳина ими увеселяется и любитъ, чтобы для ней плясали не съ пустыми руками, но во всеору-

женіи. Юноши и дѣвы такимъ образомъ воздаютъ почтеніе сей богинѣ какъ для воинственнаго навыка, такъ и для торжественности празднества. Юноши, доколѣ еще не ходятъ на войну, съ оружіемъ и на коняхъ должны сопровождать всѣ торжественные ходы ко храмамъ и жертвенникамъ Боговъ, и во время шествія совершать всѣ скорыя и медленныя служенія какъ Богамъ, такъ чадамъ ихъ и героямъ. Они должны начинать сраженія и предварительныя игры, которыми открываются празднества. Сіи невинныя игры полезны равно во время мира и войны, въ общественномъ и въ семейственномъ кругѣ. Прочія игры, упражненія тѣлесныя и труды неприличны людямъ свободнымъ.

Итакъ я почти все сказалъ о гимнастикѣ, что обѣщалъ сказать о ней въ предъидущемъ словѣ; въ етомъ она вся заключается. Еслижь вы знаете что нибудь лучше, то сообщите.

Кл. Не легко, почтеннѣйшій, сказать о гимнастикѣ и состязаніяхъ что нибудь лучше того, что мы слышали.

Аө. Остается сказать о дарахъ Музъ и Аполлона; мы думали, что о нихъ уже все сказано и оставалось говорить только о гимнастикѣ; между тѣмъ опустили нѣчто, о чемъ тогда надлежало бы упомянуть. Но скажемъ теперь.

Кл. Говори.

Аѳ. Слушайте; вы уже слышали начало. Но когда рѣчь идетъ о чемъ либо необычайномъ и противномъ общему мнѣнію, то говорящій и слушающій должны быть внимательнѣе. Такъ и теперь. Я не безъ страха рѣшаюсь открыть вамъ свою мысль; но рѣшусь смѣло.

Кл. Что за мысль, почтенный иноземецъ?

Аѳ. Я говорю, что ни въ какомъ государствѣ не обращаютъ вниманія на то вліяніе, какое имѣютъ игры на прочность или непрочность законовъ. Если есть твердыя правила въ играхъ; если дѣти всегда и вездѣ навыкаютъ играть однимъ постояннымъ образомъ и увеселяться одними забавами: тогда и важныя постановленія остаются незыблемыми. Но если игры по прихоти оставляются, вновь вводятся, измѣняются; если юноши ни въ наружности своей никогда одного и того же сряду два раза не назовутъ пріятнымъ, ни въ другихъ случаяхъ никогда не согласятся, что приличіе и неприличіе не перемѣняется; если отлично уважаютъ того, кто безпрестанно вводитъ новизны, измѣняетъ все обычное въ образѣ, въ цвѣтѣ и тому подобномъ; то справедливо можно назвать заразою сіе непостоянство: ибо вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняются нравы юношества; старое у нихъ дѣлается презрѣннымъ, а новое уважается. Еще повторю, гибельно для государства такое измѣненіе въ

образѣ мыслей и въ языкѣ. Выслушайте, какъ велико сіе зло по моему мнѣнію.

Кл. Ты говоришь о томъ злѣ, когда старое приходитъ въ презрѣніе въ государствѣ?

Аѳ. Именно о немъ.

Кл. Для етаго слова ты найдешь въ насъ слушателей нехолодныхъ, но самыхъ внимательныхъ.

Аѳ. Оно стоитъ сего.

Кл. Такъ говори.

Аѳ. Итакъ ободримся и скажемъ, что перемѣна всякой вещи, кромѣ зла, бываетъ вредна, какъ то перемѣна въ порѣ и времени, въ воздухѣ, въ пищѣ, въ образѣ мыслей; вредна не въ томъ или другомъ отношеніи, но вообще, кромѣ зла, какъ я сказалъ. Разсматривая тѣло, мы видимъ, что оно привыкаетъ ко всякой пищѣ, ко всякому питью и ко всякимъ трудамъ; сначала оно приходитъ отъ нихъ въ разстройство, но мало по малу получаетъ къ сему привычку, знакомится, сближается, дружится съ новымъ образовъ жизни, и потомъ получаетъ свою веселость и здоровье. Принужденное снова оставить знакомый образъ жизни, оно снова возмущается болѣзнями, и едва обмогается вмѣстѣ съ привычкою къ новому. То же надлежитъ предполагать въ образѣ мыслей и въ расположеніяхъ души. Воспитанные въ какихъ либо законахъ, и по промыслу божест-

венному долгое время пребывшій въ нихъ твердыми и неизмѣнными, такъ что мы не слыхали, и на мысль намъ никогда не приходило, будто можетъ быть иначе, нежели какъ у насъ водится, мы боимся, совѣстимся измѣнить что либо изъ установленнаго порядка.

Законодатель долженъ подумать, отколѣ можно ввести сей духъ въ свое государство. Отсѣлѣ, какъ я думаю, онъ происходитъ. Всѣ воображаютъ, что измѣняющіяся игры юношества, какъ мы уже сказали, суть тѣже игры, и что отъ нихъ нѣтъ никакихъ важныхъ послѣдствій и никакого вреда; не только не отвращаютъ отъ сего дѣтей своихъ, но сами участвуютъ въ дѣтскихъ затѣяхъ, и не разсуждаютъ, что сіи дѣти, любители новизны въ играхъ, по необходимости будутъ мужами непохожими на тѣхъ, какими дѣлались юноши ихъ предшественики. Измѣнившись, они будутъ искать другаго образа жизни; ища другаго образа жизни, пожелаютъ перемѣны въ обычаяхъ и законахъ, и тогда настаетъ гибильнѣйшее время для государства: никто не боится законовъ. Маловажныя перемѣны въ наружномъ видѣ конечно еще не причиняютъ великаго вреда, но важныя измѣненія, коимъ часто подвергается духъ времени, въ похвалѣ и порицаніи нравственности, кажется, достойны того, чтобы объ нихъ подумать.

Кл. Неиначе.

Аө. Не должны ли мы вѣрить прежнимъ словамъ своимъ, когда сказали, что риѳмосъ и всякая музыка суть подражаніе нравамъ или лучшихъ или худшихъ людей.

Кл. Наше мнѣніе о семъ никогда не измѣнялось.

Аө. Итакъ должно употребить всѣ средства, чтобъ наши дѣти не привязывались къ новымъ подражаніямъ въ пляскѣ или музыкѣ, чтобъ никто не обольщалъ ихъ удовольствіями.

Кл. Справедливо ты говоришь.

Аө. Можетъ ли кто изъ насъ представить для сего другой способъ лучше того, который былъ у Египтянъ?

Кл. Какой способъ?

Аө. У нихъ всякая пляска, всякая пѣснь дѣлается священною. Для сего они напередъ установляютъ празднества, разсчисляя на цѣлый годъ, какія, въ какое время, въ честь какихъ Боговъ или чадъ ихъ и геніевъ должны совершаться; потомъ назначаютъ, какую пѣснь должно воспѣвать при каждомъ жертвенникѣ, и какими плясками сопровождать жертвоприношенія. Уставивъ сіе, всѣ граждане совокупно совершаютъ жертвы и возліянія паркамъ и всѣмъ прочимъ Богамъ, и освѣщаютъ каждую пѣснь каждому Богу. Еслижь кто, вопреки сему постановленію, вводитъ какому либо Богу новый гимнъ, или новую пляску: то жрецы и жрицы съ помощію

законоблюстителей воспрещают ему властію закона и властію священною. Кто сам добровольно не оставляет своего преступнаго намѣренія, тот во всю жизнь свою осужден терпѣть от всякаго желающаго наказаніе за свое нечестіе.

Кл. И праведно.

Аѳ. Когда наша рѣчь коснулась сего предмета, то разсмотрим, что и нам самим прилично дѣлать.

Кл. О чем говоришь ты?

Аѳ. Всякой молодой человѣк, не только старик, увидѣв или услышав что либо нелѣпое, странное, не вдруг стремится к предмету своего недоумѣнія, но напеpед разсматривает его; так путешественник, остановясь на распутіи и незная прямой дороги, совѣтуется сам с собою, если идет один, спрашивает у других, если кого встрѣтит и не прежде продолжает свой путь, как увѣрившись, куда он ведет его. И нам надлежит поступить также. Когда повстрѣчалось столь странное слово о законах, то необходимо строгое разсмотрѣніе. Мы старые люди не легко можем изрѣкать и опрометчиво предлагать свое мнѣніе как истинное.

Кл. Весьма справедливо ты говоришь.

Аѳ. Итак разсмотрим сіе на досугѣ, и по достаточном разсмотрѣніи утвердим как истину. Между тѣм, чтоб напрасно не прерывать нити законов, будем слѣдо-

вать за нею до самаго окончанія. Богъ дастъ, при концѣ ея совершенно объяснится и теперешнее наше сомнѣніе.

Кл. Прекрасно, почтенный иноземецъ, говоришь ты; такъ и сдѣлаемъ, какъ ты сказалъ.

Аѳ. Какъ бы странно ни казалось, но мы полагаемъ, что пѣсни у насъ будутъ законами. Мы знаемъ, что и древніе называли тѣмъ же именемъ игру на лирѣ. Они также не отказались бы отъ нашихъ словъ; и тотъ, кто первый далъ сіе названіе, кажется, во снѣ или на яву видѣлъ истинну того, что мы сказали. Правило для сего можетъ быть слѣдующее: вопреки народнымъ и священнымъ пѣснямъ, вопреки установленнымъ пляскамъ юныхъ людей никто да не дерзаетъ ни пѣть ни въ хороводахъ плясать. Покорный свободенъ отъ наказанія; а непокорнаго, какъ уже сказано, накажутъ законоблюстители, жрецы и жрицы. Такое постановленіе останется въ настоящемъ нашемъ словѣ.

Кл. Пусть останется.

Аѳ. Но узаконяющій сіе, не подвергнется ли посмѣянію? Посмотримъ, не безопаснѣе ли представить гражданамъ сію истину въ какомъ либо ощутительномъ подобіи? вотъ оно! Если при жертвоприношеніи, когда по закону воскурятся жертвы, вдругъ сынъ или братъ молящагося, представъ

предъ жертвенникъ, изрѣчетъ всѣ хулы, то богохульникъ сей не изрѣчетъ ли своему родителю или кровнымъ огорченія и худаго предзнаменованія?

Кл. Конечно.

Аѳ. И между тѣмъ это дѣлаютъ почти во всѣхъ городахъ Греціи. Когда правительство установляетъ общественныя жертвоприношенія: то приходитъ не одинъ хоръ, но многіе; ставъ вдали, а иногда у самыхъ жертвенниковъ, они изливаютъ на жертвы хуленія; растрогиваютъ сердца слушающихъ плачевными звуками, словами и гармоніею; даже получаетъ побѣдную почесть тотъ, кто скорѣе и сильнѣе заставитъ плакать жертвоприносящій городъ. Если необходимо иногда предаваться такому плачу въ нѣкоторые нечистые, злощастные дни, то не лучше ли нанимать чужестранные хоры? Не приличнѣе ли въ сихъ пѣснопѣніяхъ дѣлать то, что дѣлается при похоронахъ, на коихъ нанятые пѣвцы сопровождаютъ умершаго Карійскою музыкою? Не вѣнки, не златыя украшенія приличны симъ плачевнымъ пѣснямъ, но длинная стола, однимъ словомъ, чтобъ не растлажать своей рѣчи о семъ предметѣ, все противное. Еще спрошу васъ относительно пѣснопѣній, не должно ли быть первымъ правиломъ?

Кл. Что?

Аѳ. Благословіе; чтобъ у насъ были

только благословящія пѣсни. Или, не вопрошая васъ, положить сіе закономъ?

Кл. Положи безъ всякаго сомнѣнія. Сей законъ утверждается общимъ голосомъ.

Аѳ. Послѣ благословія какой законъ второй въ музыкѣ? не молитвы ли Богамъ, коимъ мы жертвуемъ?

Кл. Положимъ такъ.

Аѳ. Третьимъ закономъ должно быть, чтобъ поеты, зная, что молитвы суть прошенія къ Богамъ, обращали все свое вниманіе къ тому, дабы не просить зла вмѣсто добра. Смѣшныя слѣдствія, кажется, произошли бы отъ такой молитвы.

Кл. Конечно.

Аѳ. Мы недавно согласились, что богатство государства не состоитъ ни въ сребрѣ, ни въ золотѣ.

Кл. Совершенно согласились.

Аѳ. Но въ доказательство чего мы привели сіе слово? не того ли, что поеты не способны знать, что добро, что зло? Они, допустивъ сіе заблужденіе въ словѣ или въ пѣсняхъ, заставятъ согражданъ приносить недолжныя молитвы о важнѣйшихъ предметахъ. Немногія заблужденія мы найдемъ гибельнѣе етаго. Положимъ ли мы основаніемъ и закономъ музъ слѣдующее?

Кл. Что? скажи яснѣе.

Аѳ. Чтобъ поетъ ничего не творилъ противъ признаннаго отъ самаго правительства

законнымъ, справедливымъ, прекраснымъ и добрымъ; чтобъ онъ непоказывалъ никому изъ частныхъ людей своего творенія, доколѣ оно не представлено избраннымъ для сего судьямъ и законоблюстителямъ и не одобрено ими. Уже показано, что сіи судьи суть распорядители музыки и попечители воспитанія. Чтоже? принять ли ието въ законъ, въ образецъ и въ число двухъ первыхъ формулъ? или нѣтъ.

Кл. Должно принять.

Аѳ. Послѣ того весьма справедливо вмѣстѣ съ молитвами воспѣть гимны въ похвалу Богамъ, а послѣ Боговъ похвальныя пѣсни геніямъ и героямъ, какія каждому изъ нихъ приличны.

Кл. Почему не такъ?

Аѳ. За тѣмъ уже безъ прекословія, кажется, слѣдуетъ законъ воздавать должную похвалу тѣмъ, изъ окончавшихъ жизнь свою гражданъ, кои совершили подвиги доблестные, многотрудные и всегда были покорны законамъ.

Кл. Справедливо.

Аѳ. Не безопасно честить кого либо пѣснями и похвальными словами при жизни его, доколѣ онъ не запечатлѣетъ ее доблестнымъ концомъ. Сіи почести принадлежатъ равно и доблестнымъ мужамъ и доблестнымъ женамъ, отличившимся похвальными дѣлами.

Пѣсни и пляски надлежитъ установлять такимъ образомъ: есть многія прекрасныя древнія творенія какъ въ музыкѣ, такъ и въ пляскѣ. Изъ нихъ приличныя и съ цѣлію своею сообразныя смѣло можетъ избрать для себя установляемое государство. Судьи, назначаемые для сего выбора, должны быть не моложе пятидесяти лѣтъ. Хорошее въ древнихъ они одобряютъ; недостаточное, или совсѣмъ несообразное или отмѣтаютъ, или пересматриваютъ, исправляютъ, приводятъ въ приличную мѣру, употребивъ на сіе мужей піитическихъ, музыкальныхъ; впрочемъ, пользуясь ихъ талантами, отвергнутъ внушенія ихъ вкуса прихотливаго, сладострастнаго, исключая весьма рѣдкіе случаи, и объяснятъ имъ намѣреніе законодателя, съ которымъ они должны сообразоваться въ сочиненіи плясокъ и пѣсенъ, и всего , что касается до хороводовъ.

Всякое правильное произведеніе музы безъ примѣси сладострастнаго, изнѣженнаго въ тысячи разъ лучше. Пріятность есть принадлежность общая всѣмъ родамъ поэзіи. Но кто отъ нѣжныхъ лѣтъ до зрѣлаго и разсудительнаго возраста воспитался въ одномъ родѣ поэзіи, исполненной мудрости и гармоніи, тотъ не прельстится, слушая противной родъ ея, и называетъ его несвободнымъ; воспитанный же въ легкой, сладострастной, изнѣженной поэзіи всякую другую называетъ холодною, непріят-

ною; шакимЪ образомЪ, какЪ уже сказано, вЪ самой пріяшносши или непріяшносши шой и другой поэзіи нѢшЪ никакого различія. Но первая муза имѢешЪ шо преимущесшво, чшо дѢлаешЪ пишомцевЪ своихЪ лучшими, а последняя обыкновенно развращаешЪ ихЪ.

Кл. Хорошо шы єшо сказалЪ.

Аѳ. Еще надлежишЪ ошдѢлишь какимЪ нибудь харакшеромЪ пѢсни приличныя мужамЪ и прекрасному полу; надлежишЪ дашь имЪ собсшвенную гармонію и мѢру: ибо сшранно было бы не соблюдашь никакаго приличія ни вЪ мѢрѢ, ни вЪ гармоніи, но безЪ разбора упошреблять ихЪ во всякихЪ пѢсняхЪ. Необходимо и здѢсь посшановишь извѢсшныя правила, и каждому роду ошдашь свое собсшвенное выраженіе сообразно сЪ шѢмЪ, какЪ сама природа выражаешЪ женсшвенносшь и мужесшво. Все величесшвенное, возбуждающее чувсшвованія доблесши сосшавляешЪ харакшерЪ мужесшвенный; все шихое, скромное и вЪ бесѢдѢ и вЪ пѢсни есшь принадлежносшь женсшвенносши. ТаковЪ разпорядокЪ пѢсенЪ.

За симЪ скажемЪ о изученіи ихЪ и преподаваніи, какимЪ образомЪ, кшо и когда долженЪ занимашься каждымЪ родомЪ. КакЪ зодчій присшупая кЪ сшроенію карабля, начершываешЪ для себя разныя формы его: шакЪ сдѢлаю и я; опредѢляя образы жизни по разнымЪ расположеніямЪ души, я начер-

шаю планѣ и разсмотрю, какимѣ способомѣ и сѣ какими нравами мы должны устроять свою жизнь вѣ плаваніи свѣта. Дѣла человѣческія конечно не достойны великихѣ заботѣ; однакожь нельзя и не позаботиться; сіе то и прискорбно; такѣ какѣ начало уже сдѣлано, мы почтемѣ себя щастливами, если какимѣ либо приличнымѣ образомѣ приведемѣ его кѣ концу. Но что чрезѣ сіе хочу я сказать? справедливо кто нибудь спроситѣ меня.

Кл. И правда.

Аѳ. Я говорю, что о важномѣ дѣлѣ должно заботиться, о неважномѣ не должно. Одинѣ Богѣ по природѣ своей достоинѣ всей нашей привязанности, привязанности блаженнѣйшей. Человѣкѣ же, какѣ мы и прежде сказали, сотворенѣ Богомѣ быть игрушкою его. Дѣйствительно сіе-то и прекрасно для него, что онѣ сотворенѣ такимѣ. По сей причинѣ надлежитѣ всякому мужу и всякой женѣ провождать свою жизнь вѣ благороднѣйшихѣ играхѣ, не такѣ какѣ мы теперь думаемѣ.

Кл. Какимѣ образомѣ?

Аѳ. Нынѣ думаютѣ, что должно заниматься дѣлами важными, чтобы приступить потомѣ кѣ неважнымѣ; поставляютѣ всю важность вѣ войнѣ, для пріобрѣтенія мира. Но война никогда не была, не есть и небудетѣ для насѣ ни игрою, ни воспита-

ніемъ. Мы важнѣйшимъ поставляемъ то, чтобъ каждый въ мирное время могъ жить полнѣе и добродѣтельнѣе.

Какія правила должно соблюдать въ игрѣ; какія игры приличны при жертвоприношеніи; какими пѣснями и плясками умилостивлять Боговъ на пораженіе врага и на побѣжденіе борющемуся; что должно быть содержаніемъ сихъ пѣсенъ и плясокъ; для сего всѣ образцы приведены и показаны лучшіе способы. Впрочемъ должно признаться, что и поетъ сказалъ прекрасно: Телемакъ, иное ты самъ въ своемъ умѣ умыслишь, другое внушитъ тебѣ Богъ; ибо я увѣренъ, что ты не безъ воли Боговъ родился и воспитался. Сообразуясь съ симъ и наши воспитатели должны быть увѣрены, что иное уже довольно ясно сказано, а другое внушатъ имъ Богъ и геній, какими жертвоприношеніями и хороводами умилостивляя каждаго Бога, они могутъ препровождать жизнь соотвѣтствующую своей природѣ — какъ призраки странные и нѣсколько причастные истины.

Ме. Ты у насъ совершенно унижаешь родъ человѣческій.

Аѳ. Не удивляйся етому, Мегиллъ, но извини меня. Взирая на Бога и въ уничиженіи предъ ними я сказалъ, что сказалъ теперь. Я не хочу унижать человѣческаго рода; если ты хочешь, пусть онъ остается предме-

томъ важнымъ и достойнымъ всего вниманія.

Мы уже говорили объ училищахъ общественныхъ и гимназіяхъ, что онѣ строятся въ трехъ мѣстахъ среди самаго города. Внѣ города около стѣны располагаются зданія для коннаго ученія, также площади для стрѣлянія изъ лука и бросанія другихъ оружій; площади, на которыхъ юноши моглибъ соединять ученіе въ самымъ упражненіемъ. Что прежде сказано недостаточно, то теперь дополнится въ самомъ законѣ. Во всѣхъ училищахъ для каждаго предмета будутъ иностранные учители, коихъ мы привлечемъ къ себѣ посредствомъ великаго награжденія и заставимъ ихъ учить приходящихъ всему, относящемуся къ войнѣ и музыкѣ. Не въ волѣ родителя состоитъ посылать къ симъ учителямъ своихъ дѣтей или освобождать ихъ отъ ученія. Нѣтъ, всякой мужъ, и всякой юноша должны учиться по необходимости; ибо они принадлежатъ болѣе отечеству нежели родителямъ. Нашъ законъ долженъ бы предписать однѣ упражненія для женщинъ и для мущинъ. Я не боюсь возраженія, что рысtаніе и гимнастика приличны мущинамъ, а не женщинамъ. Меня убѣждаютъ въ противномъ примѣры древней исторіи; знаю и нынѣ безчисленные тысячи женщинъ около Понта, въ странѣ Савроматовъ, кои на ров-

нѣ сѣ мущинами упражняются не только вѣ рысташи, но стрѣляютѣ изѣ лука и владѣютѣ прочими оружіями. Изѣ сего заключаю, что, если гдѣ нибудь ето возможно, то у насѣ дѣлается со всѣмѣ противѣ здраваго разсудка, что женщины упражняются не одинакимѣ образомѣ и не сѣ тѣмѣ же напряженіемѣ, какѣ и мущины. Отѣ сего всякое государство при одинакихѣ налогахѣ и трудахѣ, бываетѣ вѣ половину не то, чѣмѣ бы оно быть могло, и ето служитѣ величайшею укоризною законодателю.

Кл. Кажется такѣ. Но большая часть твоихѣ постановленій противорѣчитѣ устройству нынѣшнихѣ государствѣ.

Ао. Но я сказалѣ, что напередѣ надобно дать окончиться рѣчи, и потомѣ избирать, что покажется лучше.

Кл. Весьма у мѣста ты сказалѣ сіе и почти заставилѣ меня стыдиться моихѣ словѣ; продолжай, какѣ тебѣ угодно.

Ао. Я продолжаю, о чемѣ и прежде говорилѣ; — еслибѣ самый опытѣ не доказывалѣ возможности сихѣ общихѣ упражненій, тогда моглибѣ противорѣчить мнѣ. Но теперь не принимающіе сего закона должны искать другой отговорки. Нашѣ совѣтѣ отѣ етаго не перемѣнится, и я не престану говорить, что ученіе и вѣ прочихѣ предметахѣ должно быть общимѣ какѣ для мальчиковѣ, такѣ и для дѣвочекѣ. По крайней мѣрѣ не

льзя не думать такъ. Но поелику теперь женщины не раздѣляютъ всей жизни наровнѣ съ мущинами, то не нужно ли сдѣлать для нихъ другія постановленія?

Кл. И необходимо.

Аѳ. Какой же образъ жизни изъ всѣхъ мы предпочтемъ сей общности, которую имъ предписываемъ? Станемъ ли подражать Ѳракійцахъ, и другимъ многимъ народамъ, у коихъ жены обработываютъ землю, пасутъ стада, водятъ воловъ и служатъ, ни чѣмъ не отличаясь отъ рабовъ? Послѣдуемъ ли примѣру Аѳинянъ и сосѣднихъ съ ними народовъ? ибо у насъ такъ обходятся въ женскимъ поломъ: мы поручаемъ ему смотрѣніе за имуществомъ, которое для сего складывается въ особенное мѣсто, и надзоръ за пряжею и тканьемъ. Или изберемъ изъ сихъ крайностей средину — обычай Лакедемонянъ; предпишемъ дѣвамъ участвовать въ гимнастикѣ и музыкѣ, а женамъ, освободивъ ихъ отъ выдѣлыванія шерсти, назначимъ другіе не низкіе и не презрѣнные труды; будемъ раздѣлять съ ними семейственныя заботы и смотрѣніе за расходами и воспитаніемъ дѣтей; впрочемъ не позволяя имъ участвовать ни въ чемъ, что касается до войны, такъ что, еслибъ необходимость призывала ихъ вооружится за спасеніе города, дѣтей; и тогда онѣ не примутся за лукъ, какъ Амазонки, не станутъ бросать

мѣшкихъ стрѣлъ, не возмутъ даже щита и копья по примѣру Аѳины, не будутъ прошивиться врагамъ, между тѣмъ какъ сіи опустошаютъ отечество и, что легче всего, не явятся даже въ рядахъ воинственныхъ, чтобъ многолюдствомъ по крайней мѣрѣ внушить страхъ врагамъ? При такомъ образѣ жизни еще менѣе захотятъ онѣ подражать Савроматянкамъ, которыя въ сравненіи съ прочими женщинами могутъ показаться героями. Пусть кто хочетъ изъ васъ хвалитъ вашихъ законадателей: но я всегда буду говорить одно: законодатель долженъ быть совершенный а исполовинный; онъ не долженъ позволять прекрасному полу жить въ роскоши и расточительности безъ всякаго опредѣленнаго порядка; я не хочу чтобъ онъ, обращая все вниманіе свое на мущинъ, отнималъ у государства половину его благоденствія.

Мег. Что намъ дѣлать Клиній? Позволимъ ли мы сему иностранцу такъ нападать на Спарту?

Кл. Мы дали ему свободу говорить все; пусть онъ продолжаетъ, доколѣ полно и ясно изложитъ законы.

Мег. Справедливо ты говоришь.

Аѳ. И такъ я опять могу продолжать, что далѣе слѣдуетъ?

Кл. Почему нѣтъ?

Аѳ. Какой же образъ жизни остается

людямъ, у которыхъ все нужное достаточно запасено, и всѣ художества предоставлены другимъ; земледѣліе отдано рабамъ, повиннымъ платить своимъ господамъ нѣкоторую часть плодовъ, достаточную для умѣренной ихъ жизни; у которыхъ общіе столы приготовляются особо для мужей, особо для семейства ихъ, для дѣтей и женъ; у которыхъ начальники и начальницы надзираютъ за поведѣніемъ ихъ въ сихъ собраніяхъ, и по волѣ своей распускаютъ каждаго въ свой домъ, совершивъ возліяніе Богу, которому посвящена та ночь или тотъ день? Въ такомъ порядкѣ вещей ужели имъ не остается другаго упражненія, какъ, по подобію скотовъ, жить и утучняться? Это противно справедливости и достоинству человѣка; при такомъ образѣ жизни имъ не возможно избѣжать участи лѣнивыхъ и недѣятельныхъ животныхъ, которыя бываютъ добычею другаго, возросшаго въ мужествѣ и трудолюбіи. Здѣсь не льзя требовать совершенной точности, доколѣ у каждаго изъ насъ не будетъ надлежащаго устройства въ разсужденіи жены, дѣтей и дома своего. Но ограничиваясь менѣе совершенымъ, мы будемъ довольны исполненіемъ слѣдующихъ постановленій.

Для живущихъ по предписаннымъ правиламъ остается обязаность не маловажная, никакимъ другимъ не уступающая, но важ-

нѣйшая изъ всѣхъ, какія только законъ можетъ предписать. Если уже тотъ, кто стремится одержать побѣду на Олимпійскихъ или Пиѳійскихъ играхъ, отказывается отъ всѣхъ прочихъ житейскихъ попеченій; то не въ двое ли и не гораздо ли больше занятъ поставившій цѣлію своей жизни доблесть тѣла и души? Сколько препятствій должно отклонить, чтобы первому доставлять полѣзные труды и пищу, и послѣднюю украшать науками и добрыми навыками? Почти недостаточно ни цѣлой ночи, ни цѣлаго дня тому, кто стремится къ своему усовершенствованію, и стремится не напрасно. Если это такъ, то всякой свободный человѣкъ необходимо долженъ устроить порядокъ въ препровожденіи своего времени отъ ранней до поздней зари, и до восхожденія солнца. Законодатель унизилъ бы свое достоинство, еслибъ сталъ входить во всѣ подробные, мелочные случаи относительно домашняго устройства и тѣхъ неусыпныхъ попеченій, какихъ требуетъ ночное охраненіе города: ибо уже частный гражданинъ долженъ почитать стыдомъ и дѣломъ недостойнымъ свободнаго человѣка, проводить во снѣ цѣлую ночь, и не показать своимъ рабамъ, что онъ первый просыпается, первый всегда бодрствуетъ. Впрочемъ все равно, назовется ли такой образъ жизни закономъ или

обыкновеніемъ. Положимъ за правило для женскаго пола: стыдно госпожѣ предъ рабомъ, предъ рабынею, предъ дѣтьми и предъ всѣмъ семействомъ, если ее будятъ другіе а не она — всѣхъ прочихъ. Ночное бдѣніе посвящается на исправленіе гражданскихъ обязаностей и на дѣла хозяйственныя. Правители занимаются дѣлами государственными, господа и госпожи хозяйственными. Долгой сонъ по природѣ не полезенъ ни душѣ, ни тѣлу и не совмѣстенъ съ дѣятельностію всегда необходимою: всякой спящій дѣлается ничтожнымъ и почти не отличается отъ мертваго. Пекущійся о долготѣ жизни и чистотѣ ума бодрствуетъ большую часть своего времени, и спитъ столько, сколько необходимо для сохраненія здоровья; для сего не много потребно времени, въ комъ сіе сдѣлается привычкою. Правители бодрствующіе въ ночи, страшны для злыхъ, какъ гражданъ, такъ и враговъ, любезны и почтенны для справедливыхъ и мудрыхъ, благодѣтельны для цѣлаго города и полезны самимъ себѣ. Проведенная такимъ образомъ ночь, сверхъ показаныхъ выгодъ въ душѣ каждаго производитъ какое-то мужество.

При наступленіи дня на разсвѣтѣ дѣти должны спѣшить къ учителямъ. Они не должны ходить безъ надзирателя, какъ овцы

не ходятъ безъ пастыря и рабы безъ господъ своихъ. Дитя изъ всѣхъ животныхъ есть самое неукротимое: оно лукаво, злобно, какъ звѣрь, расположено къ обидамъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ скрытъ зародышъ разума, который еще не развился: потому должно содержать его въ крѣпкихъ удилахъ. Сперва, какъ скоро оно выходитъ изъ рукъ матери и кормилицъ, сіе предлежитъ надзирателямъ, кои смотрятъ за играми его и дѣтскою рѣзвостію; потомъ учители и самыя науки имѣютъ вліяніе на него уже какъ на свободнаго. Всякой свободный человѣкъ можетъ наказать раба, дитя, надзирателя, учителя, если замѣтитъ, что они погрѣшаютъ. Кто оставляетъ безъ вниманія сіи проступки, тотъ подвергается величайшему поруганію. Законоблюститель, избранный для управленія воспитаніемъ дѣтей, смотритъ за таковымъ нарушеніямъ порядка и наказываетъ не наказывающаго или того, кто не справедливо наказываетъ. Сей неусыпный попечитель быстрымъ окомъ усматриваетъ свойства дѣтей и направляетъ нравы ихъ къ добру, сообразно съ законами. Но самаго его какой законъ можетъ довольно наставить? Ибо въ законѣ сказано еще только кое что и то неполно, не ясно. Но для попечителя не должно быть опущенія; обо всемъ онъ долженъ получить подробное наставленіе, дыбы онъ самъ могъ руководствовать

другихъ и воспитывать. О пѣсняхъ и плясахъ уже сказано, въ какомъ мѣстѣ онѣ устроются, съ какимъ выборомъ, и съ какою поправкою освящаются. Но мы еще ничего не сказали, почтенный руководитель юности, о словесности не пiитической, какою именно и какимъ образомъ должны заниматься твои питомцы; ты уже знаешь, какiя упражненiя и науки необходимы для войны; тебѣ не безизвѣстно также, что они должны знать во первыхъ словесность, во вторыхъ игру на лирѣ, потомъ всѣ части вычисленiй необходимыхъ для войны, для хозяйства и для общественныхъ отношенiй, и сверхъ того изъ обращенiя тѣлъ небесныхъ, какъ то солнца, луны и звѣздъ по крайней мѣрѣ, сколько нужно для цѣлаго государства, дабы приводить дни въ мѣсячныя круговращенiя, мѣсяцы въ годичныя. Отъ сего времена года, жертвоприношенiя и празднества, сохраняя свой естественный порядокъ, распространяютъ жизнь и дѣятельность въ цѣломъ государствѣ, люди воздаютъ Богамъ приличныя почести и прiобрѣтаютъ болѣе свѣденiя о предметахъ божественныхъ. Объ етомъ законодатель далъ тебѣ достаточное понятiе; теперь обрати вниманiе на то, о чемъ далѣе говорить слѣдуетъ. Мы видѣли, что о словесности сказано недостаточно; обвинили слово свое, что въ немъ во всѣ неопредѣлено, должно ли учиться до совер-

шенства желающему быть порядочнымЪ гражданиномЪ, или можно обойтися ему безЪ ученія. ТотЪ же вопросЪ можно предложить о лирѢ. Я говорю, что всѢ должны учится словесности три года, начиная сЪ десятилѢтняго возраста, играть на лирѢ также три года, начиная отЪ тринадцати лѢтЪ. Употреблять на сіе больше или меньше времени не позволяется ни со стороны родителей, ни охотнику до ученія, ни совершенному ненавистнику его. Короче или долѢе заниматься сими предметами значитЪ нарушать законЪ. Неповинующійся лишается почестей дѢтямЪ предоставленныхЪ, о которыхЪ мы будемЪ говорить послѢ. Чему же еще вЪ ето время должны учиться юноши и учить наставники, выслушай. Словесности они должны учиться и учить столько, чтобЪ всѢ умѢли читать и писать. Не льзя требовать скорости и изящества отЪ тѢхЪ, коихЪ природа не надѢлила пылкими талантами при столь нѢжномЪ возрастѢ. Что касается до поетовЪ нелирическихЪ, изЪ которыхЪ одни пишутЪ извѢстною мѢрою, другіе безЪ мѢры, и до сочиненій оставленныхЪ многими сомнительными, неизвѢстными писателями: что сдѢлаете вы сЪ ними, почтенные законолюстители? Что относительно ихЪ предпишетЪ вамЪ законодатель? Я думаю что онЪ самЪ придетЪ вЪ недоумѢніе.

Кл. Что ето значитЪ, почтенный ино-

странецъ? Ты, кажется, въ несогласіи съ самимъ собою.

Аѳ. Весьма кстати остановилъ ты меня, Клиній. Участвуя въ законахъ, вы по необходимости должны узнать со мною всѣ встрѣчающіяся въ нихъ удобства и неудобства.

Кл. Итакъ чтожь ты скажешь о сихъ предметахъ? какъ ты думаешь?

Аѳ. Я вамъ скажу: не легко противорѣчить тысячамъ устъ.

Кл. Развѣ ты думаешь, что многіе не согласятся съ тобою въ семъ маломъ числѣ постановленій нами принятыхъ?

Аѳ. Ты напалъ на истинную сторону. Кажется, ты заставляешь меня итти путемъ, который для многихъ сдѣлался ненавистнымъ; правда, онъ имѣетъ также своихъ приверженцовъ, которые если не числомъ, то достоинствомъ превосходнѣе первыхъ; съ сими ты заставляешь меня раздѣлять опасности и отважность на поприщѣ законодательства и не скрывать своего мнѣнія.

Кл. Да.

Аѳ. Я не скрою ничего. Унасъ есть поэты весьма многіе, пишущіе гексаметрами и триметрами. Одни описываютъ предметы важные, другіе — смѣшные. Люди хвалящіеся искуствомъ воспитывать юношество, утверждаютъ, что надобно пресыщать ихъ сими произведеніями; надобно разширять и умножать чтеніемъ ихъ познанія, застав-

лять ихъ наизусть выучивать цѣлыхъ поетовъ. Другіе избираютъ изъ всего лучшее, составляютъ вмѣстѣ цѣлые отрывки; по ихъ мнѣнію сіи отрывки долженъ знать всякой, кто съ великою ученностію и опытностію хочетъ соединить мудрость и добродѣтель. Ты велишь, чтобъ я откровенно сказалъ, что въ словахъ ихъ справедливо и что не справедливо.

Кл. Согласенъ.

Аѳ. Какъ бы сказать объ етомъ коротко, однимъ словомъ что либо удовлетворительное? я думаю и вѣрно всѣ сомною будутъ согласны, что въ каждомъ поетѣ есть много хорошаго и много худаго. А если ето такъ; то я скажу, что опасно дѣтямъ излишнее изученіе стихотвореній.

Кл. Какой же совѣтъ ты подашь законоблюстителю?

Аѳ. Въ разсужденіи чего?

Кл. На чемъ основываясь, иному заставитъ онъ учиться все юношество, а другое запретитъ? скажи, ничего не опуская.

Аѳ. Добрый Клиній, здѣсь я, кажется, щастливо встрѣтился. . . .

Кл. Съ чѣмъ.

Аѳ. Съ тѣмъ, что не нуждаюсь въ примѣрѣ тому, о чемъ ты меня спрашиваешь. Обозрѣвая все, что мы говорили отъ ранней зари до етаго времени, кажется, мы гово-

рили не безъ какаго-то божественнаго внушенія. Наши слова точно походятъ на поезію; и не странно, если я радуюсь приличію ихъ и обилію. Ибо изъ многаго, что я слышалъ, и чему самъ учился въ стихотвореніяхъ, сіи слова всегда казались мнѣ лучшими и приличнѣйшими къ назиданію юношества. Законоблюстителю и наставнику юношества я не могу присовѣтовать ничего лучшаго, какъ заставить учителей распространять сіе ученіе, чтобъ они, встрѣчая въ поемахъ и въ прозаическихъ сочиненіяхъ, или услыша въ простой бесѣдѣ, какъ теперь, что либо хорошее относительно законовъ, ничего не оставляли безъ вниманія, но немедленно все бы записывали; онъ заставитъ самихъ учителей выучить и хвалить сіи правила, и не принимаетъ въ свои сотрудники людей не согласныхъ съ нимъ въ семъ образѣ мыслей, но единомышленнымъ поручаетъ воспитаніе и ученіе юношества. Такъ заключу я свое слово о ученыхъ и ученіи.

Кл. Судя по всему, почтенный, мы, кажется, не вышли изъ предѣловъ того, что сами себѣ предположили; но еще нельзя сказать утвердительно о цѣломъ, устроено ли оно, или нѣтъ.

Аѳ. Это будетъ яснѣе, Клиній, когда, какъ мы уже сказали, придетъ къ концу наше разсужденіе о законахъ.

Кл. Очень хорошо.

Аѳ. Послѣ учителя словесности не должно ли намъ обратиться къ учителю лирики?

Кл. Хорошо.

Аѳ. Но прежде нежели станемъ предписывать ему правила касательно ученія его, кажется, надлежитъ припомнить то, что мы прежде говорили о лирѣ.

Кл. О чемъ ты говоришь?

Аѳ. Мы сказали, что шестидесятилѣтніе пѣвцы Діониса должны имѣть отлично тонкій вкусъ въ риѳмѣ и составленіи гармоніи. Умѣя разбирать мелодію совершенно подражающую всѣмъ расположеніямъ души, и отличать оттѣнки порока и добродѣтели, они должны отвергать дурное и вводить на сцѣну хорошее; должны самыми пѣснями посредствомъ подраженія возбуждать въ юныхъ сердцахъ любовь къ добродѣтели.

Кл. Совершенно справедливо.

Аѳ. Пользуясь звучностію струнъ, дабы дать пѣсни сильнѣйшее выраженіе, цитаристъ и учащійся производятъ тоны согласныя съ словомъ, даютъ имъ все разнообразіе и живость; согласуясь съ пѣніемъ сочинителя мѣшаютъ силу съ нѣжностію, скорость съ медленностію, высокіе тоны съ низкими, стройные съ нестройными, и самую мѣру по возможности разнообразятъ, сколько сіе позволитъ свойство лиры. Не можно требовать всѣхъ сихъ тонкостей отъ тѣхъ, коимъ назначено только три

года для изученія всего, что есть хорошаго въ музыкѣ. Столь многіе и несообразные между собою предметы смѣшали бы и остановили успѣхи въ ученіи; наши юноши всегда должны сохранять ясное понятіе; притомъ необходимѣйшіе предметы, которымъ они должны учиться, и о которыхъ мы будемъ говорить впереди, такъ важны и многочисленны. Итакъ наставникъ юношества ограничится въ музыкѣ тѣмъ, что мы сказали.

Что касается до пѣнія и словъ, коимъ должны обучать наставники хороводовъ, мы уже прежде говорили о выборѣ ихъ, и притомъ упомянули, что для всѣхъ празднествъ есть собственно имъ посвященныя пѣсни, кои доставляютъ празднующимъ чистое и невинное наслажденіе.

Кл. Ты говорилъ о семъ и очень справедливо.

Аѳ. Остается пожелать, чтобъ избранный начальникъ музыки, принявъ изъ нашихъ рукъ сіи пѣсни, исполнялъ свою должность съ возможнымъ успѣхомъ и щастіемъ. Между тѣмъ обратимся къ пляскѣ и гимнастикѣ; прибавимъ еще нѣчто къ тому, что мы сказали о нихъ, равно какъ мы сдѣлали съ остальными правилами относительно музыки. Не правда ли, что мальчики и дѣвочки равно должны учиться пляскѣ и гимнастикѣ?

Кл. Такъ.

Аѳ. И такъ для благоприличія въ сихъ уп-

раженіяхЪ однимЪ нужны учители, другимЪ учительницы.

Кл. Пусть будетЪ такЪ.

Ае. СкажемЪ опять, что у попечителя дѣтей будетЪ весьма много дѣла; все свое время онЪ долженЪ посвѣтить смотрѣнію за музыкою и гимнастикою.

Кл. КакЪ можно старому мужу перенести столько заботЪ?

Ае. Весьма легко почтенный. ЗаконЪ позволяетЪ ему избирать себѣ вЪ помочники, кого пожелаетЪ изЪ гражданЪ или гражданокЪ. ОнЪ узнаетЪ людей достойныхЪ; изЪ богобоязненности и зная важность своей обязанности, онЪ не захочетЪ погрѣшить вЪ семЪ выборѣ; онЪ знаетЪ также, что всѣ дѣла государственныя потекутЪ настоящимЪ образомЪ, если юношество благовоспитано и благовоспитывается. ЕслижЪ иначе, тогда.... Но у меня нѣтЪ слова выразить сіе; умолчу, не стану предрекать нещастныхЪ предзнаменованій для новаго города.

Уже многое сказано о пляскахЪ и гимнастикѣ. КЪ послѣдней мы относимЪ всѣ тѣлесныя упражненія, относящіяся до войны, стрѣляніе изЪ лука, всякое бросаніе, щитоношеніе, и вообще всевооруженіе, стройность движенія, походы, расположеніе цѣлаго стана, и конское рыстаніе. Учители сихЪ упражненій должны быть общественные, получающіе плату отЪ города. Ученики ихЪ суть и дѣти

й мужи и дѣвы и матери семействъ; всѣ должны быть искусны въ сихъ упражненіяхъ. Дѣвы всевооруженныя занимаются плясками и борьбою; женщины пріучаются къ походамъ, строятся въ ряды, кладутъ и принимаютъ оружіе, если не для другаго чего, то покрайней мѣрѣ, чтобъ умѣть защищать дѣтей своихъ и внутреннія части города, когда нужда позоветъ всѣхъ поголовно на поле брани, или въ другихъ обстоятельствахъ; чего не можетъ случиться? Когда непріятели варвары или Еллины съ великими силами устремятся, вторгнутся въ предѣлы; когда необходимо будетъ сражаться за самыхъ пенатовъ: то стыдъ для государства, если матери семействъ такъ худо воспитаны, что ни даже подобно птицамъ, которыя отваживаются въ бой противъ всякаго лютаго звѣря за птенцовъ своихъ, не захотятъ умереть и подвергаться всѣмъ опасностямъ, но малодушно прибѣгнутъ къ жертвенникамъ, наполнятъ всѣ капища и храмы. Онѣ заставляютъ думать о человѣческомъ родѣ, что онъ изъ всѣхъ животныхъ есть самой робкой.

Кл. Клянусь Богомъ, почтенный иноземецъ, кромѣ гибели, такой городъ представилъ бы самое неприличное зрѣлище.

Аѳ. И такъ должно положить законъ, что и женщины наровнѣ съ гражданами не должны оставлять военныхъ упражненій.

Кл. Я согласенъ.

Аѳ. Мы уже говорили нѣсколько о борьбѣ, но не сказали важнѣйшаго; и не легко сказать по умозрѣнію не видавши самыхъ тѣлодвиженій. Наше сужденіе будетъ основательнѣе, если разумъ по слѣдамъ опыта дастъ понятіе о семъ упражненіи, и о томъ, что оно болѣе всѣхъ приближается къ военному состязанію, и слѣдовательно должно учиться борьбѣ для войны, а не войнѣ для того, чтобы сдѣлаться борцомъ.

Кл. Ты прекрасно говоришь сіе.

Аѳ. О семъ родѣ упражненія сказано уже все. Слѣдуетъ говорить о прочихъ тѣлодвиженіяхъ, коихъ большая часть состоитъ въ пляскѣ. Пляска раздѣляется на два рода: одинъ подражаетъ въ благоприличіи прекраснѣйшимъ тѣламъ; другой изображаетъ низкія и смѣшныя положенія худыхъ тѣлъ. Каждый изъ сихъ родовъ опять раздѣляется на два другіе: важный родъ изображаетъ тѣла прекрасныя и душу мужественную въ трудахъ воинственныхъ; или выражаетъ въ щастіи скромность и въ наслажденіи умѣренность. Сія пляска правильно называется мирною; первая же воинственная, какъ отличная отъ мирной, точно выражается названіемъ пиррихія. Она изображаетъ осторожность отъ ударовъ и стрѣловерженія уклоненіемъ, отступленіемъ, прыжкомъ вверхъ и пониженіемъ;

изображаетъ и противное стремленіе въ пламя сраженія подъ удары стрѣлъ, копій и мечей. Правильность въ движеніи, выраженіе прекраснаго тѣла и прекрасной души, непринужденное дѣйствіе всѣхъ членовъ составляютъ совершенство сей пляски; а противное есть знакъ несовершенства ея.

Въ мирной пляскѣ должно разсматривать, правильно и согласно ли съ природою пользуется кто-либо красотою ея, и съ приличіемъ ли пляшетъ въ хороводахъ мужей благовоспитанныхъ. Для сего во первыхъ отдѣлимъ невинную пляску отъ соблазнительной. Но какъ раздѣлить ту и другую? Есть пляски вакхическія и другія симъ подбныя, въ коихъ подражаютъ упоеннымъ нимфамъ, панамъ, силенамъ и сатирамъ, и кои совершаются при очищеніяхъ и празднествахъ. Сей родъ пляски не льзя назвать ни военнымъ, ни чѣмъ либо другимъ. Справедливѣе, кажется, отдѣливъ его отъ прочихъ двухъ родовъ, сказать, что онъ неприличенъ гражданину. И такъ оставя его, обратимся къ собственному своему несомнѣнному роду.

Невоинственная муза, плясками почитающая Боговъ и сыновъ Божіихъ, получила начало свое въ очущеніи нашего настоящаго щастія. Сей родъ раздѣляется на два: одинъ сопровождается большимъ удовольствіемъ, когда послѣ трудовъ и опасностей мы вступаемъ въ щастливую пристань; другой при

сохраненіи и умноженіи прежнихъ благъ сопровождается тихою радостію. Во всѣхъ подобныхъ обстоятельствахъ человѣкъ выражаетъ свое удовольствіе движеніями, большее — живѣйшимъ, меньшее — слабѣйшимъ. Человѣкъ скромный, воспитанный въ мужествѣ, умѣренъ и въ своихъ движеніяхъ; малодушный же и ненаучившійся владѣть собою выражается большими и сильнѣйшими движеніями. Вообще всякой и въ пѣсняхъ и въ разговорѣ не легко можетъ сохранить спокойствіе въ тѣлѣ своемъ. Отъ сего подражанія слову произошло все искуство пляски.

Во всѣхъ таковыхъ случаяхъ одинъ изъ насъ движется стройно, другой не стройно. Многія древнія названія какъ приличныя и природѣ соотвѣтственныя заслуживаютъ похвалу отъ человѣка мыслящаго: пляски людей, благоденствующихъ и умѣренныхъ въ наслажденіяхъ, весьма правильно и музыкально названы именемъ чинности. Такъ! сіи два рода прекрасной пляски весьма правильно названы, военный парриxіемъ, мирной чинностію, оба названія равно приличны и выразительны. Дѣло законодателя — показать образцы; законоблюстителя — исполнить ихъ. Въ исполненіи послѣдній согласитъ пляску съ музыкою, раздѣлитъ всѣ части ея по празднествамъ и жертвоприношеніямъ, и освятивши ихъ въ извѣстномъ порядкѣ, уже никогда не сдѣлаетъ въ нихъ перемѣны;

пусть весь городъ и всѣ граждане, наслаждаясь одинакими удовольствіями, сколько возможно болѣе сближаются другъ съ другомъ и живутъ щастливо и благоденственно. Мы сказали все, что касается до пѣсенъ и плясокъ приличныхъ прекраснымъ тѣламъ и благороднымъ душамъ.

Теперь должно разсмотрѣть и составить себѣ понятіе о словахъ, пѣсняхъ и плясках, коихъ цѣль есть подражать худымъ тѣламъ и расположеніямъ души въ смѣшномъ, комическомъ родѣ; ибо тотъ, кто хочетъ быть разумнымъ, безъ смѣшнаго не можетъ познать важнаго, и одной противоположности безъ другой; хотя никакъ не долженъ мѣшать того и другаго въ поступкахъ своихъ, если онъ сколько нибудь привержен къ добродѣтели. Для сего-то и должно познавать смѣшное, чтобъ по невѣденію не сказать и не сдѣлать чего либо подобнаго. Позволимъ рабамъ и наемнымъ иноземцамъ заниматься подобными представленіями, недостойными важнаго старанія, и того, чтобъ свободной человѣкъ, мущина или женщина, явно учился имъ. Пусть граждане навсегда останутся новичками и невѣждами въ сихъ забавахъ. Итакъ смѣшныя забавы, извѣстныя подъ именемъ комедіи, подлежатъ сему закону.

Но если важные трагическіе поэты придутъ къ намъ съ такимъ предложеніемъ: иноплеменники! можемъ ли мы притти къ вамъ въ вашъ

городЪ, вЪ вашу страну, или нѣтЪ? МожемЪ ли представить вамЪ свои произведенія? Или у васЪ есть какое постановленіе противЪ трагедіи? Что отвѣчали бы мы на сіе божественнымЪ мужамЪ? ВотЪ что, какЪ мнѣ кажется. Почтеннѣйшіе иноземцы, мы сами творцы трагедіи по возможности прекрасной и совершенной. У насЪ вся жизнь есть подражаніе жизни изящнѣйшей, благороднѣйшей; а это мы называемЪ самою истинною трагедіею. Вы поэты; и мы поэты тогоже рода, сохудожники, соперники вамЪ вЪ изящнѣйшемЪ дѣйствіи, которое, какЪ мы думаемЪ, основывается только на истинномЪ законѣ; а потому не надѣйтесь, чтобЪ мы легко позволили вамЪ построить у насЪ на площади сцену, вывести громогласныхЪ актеровЪ, и сЪ живѣйшимЪ выраженіемЪ кЪ чадамЪ нашимЪ, кЪ женамЪ, и ко всему народу — говорить не только о тѣхЪ предметахЪ, о коихЪ мы говоримЪ, но и о многихЪ другихЪ, кои намЪ вовсѣ противны. Мы конечно не были бы вЪ здравомЪ смыслѣ, и весь городЪ нашЪ можно бы почесть сумасшедшимЪ, еслибЪ позволили вамЪ представлять ваши творенія прежде, нежели правительство найдетЪ ихЪ или не найдетЪ позволительными и годными для представленія. И такЪ, дѣти, питомцы нѣжныхЪ музЪ, покажите напередЪ правителямЪ свои творенія для сравненія сЪ нашими; если онѣ таковы же или лучше нашихЪ, то мы дадимЪ

вамъ у себя мѣсто. Если нѣтъ, друзья, то мы уже не можемъ сдѣлать ничего. Таковы постановленія о всѣхъ хороводахъ и объ ученіи ихъ. Если вамъ угодно, пусть будутъ особенныя для рабовъ, особенныя для господъ.

Кл. Могу ли я думать иначе?

Аѳ. Для свободныхъ остается еще три науки: первая, знаніе чиселъ, вторая, измѣреніе долготы, площади, и глубины; третья, обращеніе свѣтилъ небесныхъ. Не всѣ должны до точности изъучивать сіи предметы, но только-нѣкоторые мужи, а кто? Мы скажемъ въ продолженіи, при концѣ. Такъ, кажется, слѣдуетъ. Прочіе же пусть ограничиваются только необходимымъ. О сихъ наукахъ справедливо говорится, что не знать ихъ стыдно, а изслѣдовать все со всею точностію не легко, и не совсѣмъ возможно. Не льзя отвергнуть необходимаго. Кажется, кто-то говоря о самомъ Богѣ, въ томъ же смыслѣ сказалъ, что и Онъ не противится необходимости, но необходимости, какъ я думаю, божественной; сказать сіе о человѣческой было бы нелѣпо и неосновательно.

Кл. Но въ разсужденіи наукъ какая необходимость есть нечеловѣческая, а божественная?

Аѳ. Необходимость учиться тому, безъ чего въ глазахъ людей не льзя быть ни Богу, ни герою, ни генію могущему, сильному содѣйствовать ко благу человѣческаго рода.

Тотъ никогда не сдѣлается божественнымъ человѣкомъ, кто не умѣетъ перечесть двухъ, трехъ, незнаетъ количествъ равныхъ и неравныхъ, неможетъ считать дней и ночей; кто не имѣетъ понятія о обращеніи солнца, луны и прочихъ свѣтилъ. Почитать сіи познанія безполезными во всякомъ изученіи изящнаго есть великое сумасшествіе. Но чему должно учиться въ семъ родѣ, въ какомъ количествѣ и порядкѣ, что послѣ чего начинать, что вмѣстѣ, что отдѣльно, и какая общая связь находится между всѣми науками, вотъ, что напередъ должно знать основательно, прежде нежели приступимъ къ самому ученію. Сего требуетъ естественная необходимость, которой ни одинъ Богъ не противится и не противился.

Кл. Сказанное тобою, почтенный, кажется совершенно согласно съ природою.

Аѳ. Ето истинно, Клиній; но трудно предписать сіе закономъ. Не теперь, со временемъ мы можемъ говорить о семъ съ большею точностію.

Кл. Кажется ты, почтенный мужъ, боишься нашего невѣжества въ етомъ дѣлѣ. Ты напрасно боишься. Говори ничего не скрывая.

Аѳ. Боюсь и етаго, о чемъ ты говоришь; но болѣе боюсь тѣхъ, кои упражнялись въ сихъ наукахъ, но упражнялись худо. Незнаніе еще нестрашно, и не есть самое большое

зло; но многознаніе, многоученость при худомЪ направленіи несравненно опаснѣе.

Кл. Справедливо говоришь.

Аѳ. Свободные должны учиться всему тому, чему учатся всѣ дѣти вЪ Египтѣ сЪ самыми первыми началами словесности; и учатся самымЪ простымЪ образомЪ вЪ дѣтскихЪ играхЪ, для забавы. ТамЪ обыкновенно заставляютЪ ихЪ дѣлить между собою плоды, вѣнки иногда вЪ меньшемЪ, иногда вЪ большемЪ числѣ, разспредѣлять мѣста для бойцовЪ и борцовЪ, строиться по частямЪ и вЪ общемЪ порядкѣ; тамЪ мѣшаютЪ золотыя, серебренныя, мѣдныя фіалы и тому подобныя игрушки и пріучаютЪ ихЪ кЪ необходимому познанію чиселЪ; заранѣе знакомятЪ ихЪ сЪ устройствомЪ становЪ, сЪ расположеніемЪ и движеніями войска, сЪ хозяйствомЪ, и дѣлаютЪ ихЪ людьми полезными самимЪ себѣ и проницательными. ПотомЪ показавЪ имЪ измѣреніе долготы, площади и глубины, освобождаютЪ ихЪ отЪ невѣжества постыднаго и смѣшнаго во всякомЪ человѣкѣ.

Кл. Что ето за невѣжество?

Аѳ. Любезный Клиній, мнѣ самому странно было слышать о нашемЪ состояніи вЪ етомЪ случаѣ. Кажется оно прилично не человѣку, но какому нибудь презрѣнному животному. Мнѣ стыдно было не только за себя, но и за всѣхЪ ЕллиновЪ.

Кл. Отъ чего же стыдно? Что хочешь ты сказать, почтенный?

Аѳ. Я скажу. Но лучше обьясню вопросами. Отвѣтствуй нѣсколько словъ. Ты знаешь, что есть долгота?

Кл. Какъ же!

Аѳ. Знаешь, что площадь?

Кл. Знаю.

Аѳ. Что это двѣ части измѣренія и третья глубина?

Кл. Какъ не знать етаго!

Аѳ. Скажи, соизмѣряются ли онѣ между собою?

Кл. Конечно.

Аѳ. Долгота измѣряется долготою, площадь площадью, и естественно, что и глубина также измѣряется.

Кл. Такъ.

Аѳ. Но если сіи мѣры или очень мало или совсѣмъ не измѣряются, но иныя соизмѣряются другія нѣтъ, а ты почитаешь все несоизмѣримымъ, то каково это покажется?

Кл. Очевидно, что худо.

Аѳ. Не увѣрены ли мы всѣ Еллины, что долгота и площадь соизмѣряются между собою и съ глубиною.

Кл. Конечно такъ.

Аѳ. Но если иногда сіе не возможно, а мы всѣ Еллины почитаемъ возможнымъ; тогда не должно ли, стыдясь за всѣхъ, сказать: Благороднѣйшіе Еллины, вотъ одинъ изъ

тѣхъ предметовъ, коихъ стыдно не знать, и о коихъ знать только необходимое — не есть великое достоинство.

Кл. Не иначе.

Аѳ. Есть многіе случаи, въ которыхъ мы подвергаемся подобнымъ погрѣшностямъ.

Кл. Какіе же сіи случаи?

Аѳ. Если должно доказать, почему однѣ количества соизмѣримы между собою, другія не соизмѣримы; тогда мы должны или признать себя невѣждами, или стараться открыть причины сего различія; должны предлагать взаимно одинъ другому такія задачи и съ пользою употреблять свой досугъ на изысканія, кои для стариковъ занимательнѣе и почтеннѣе, нежели игра въ кости.

Кл. Я думаю, великое различіе между игрою въ кости и симъ ученіемъ.

Аѳ. Сему-то, говорю я, должны учиться юноши. Сіи науки не вредны и нетрудны; онѣ могутъ дѣтямъ служить забавою, и государству доставятъ великую пользу, а вреда никакого. Если кто иначе скажетъ и того послушаемъ.

Кл. Должно послушать.

Аѳ. И если онъ скажетъ справедливо, то разумѣется, что мы не отвергнемъ словъ его; а не справедливо - отвергнемъ.

Кл. Разумѣется; но положимъ сіи науки въ числѣ необходимыхъ; пусть не остается пустоты въ нашихъ законахъ.

Аѳ. Я согласенъ, но съ тѣмъ, чтобъ со временемъ можно было возвратить назадъ сей зоконъ, какъ залогъ, если онъ не понравится или намъ, или вамъ, для коихъ онъ изданъ.

Кл. Справедливое требованіе.

Аѳ. Теперь разсмотри еще науку для юношества, науку о свѣтилахъ; угодно ли будетъ намъ принять ее, или нѣтъ.

Кл. Говори только.

Аѳ. Говорятъ, что не должно постигать ни высочайшаго существа, ни цѣлаго міра, ни суетиться о изысканіи причинъ; утверждаютъ даже, что это не благочестиво. Но мнѣ кажется, весьма полезно заниматься сими предметами.

Кл. Что ты говоришь?

Аѳ. Мое мнѣніе почтутъ парадоксомъ, неприличнымъ въ устахъ стараго человѣка. Но если какая нибудь наука признана истинною, для цѣлаго государства полезною и Богу совершенно пріятною, то не возможно оставить ея въ забвеніи.

Кл. Все такъ, но что подобнаго найдемъ мы въ ученіи о свѣтилахъ?

Аѳ. Добрые мужи, мы находимся въ заблужденіи, мы всѣ Еллины, въ разсужденіи нашихъ великихъ Боговъ, солнца и луны.

Кл. Въ какомъ заблужденіи?

Аѳ. Мы говоримъ, что сіи свѣтила, равно какъ и другія, не имѣютъ опредѣленнаго кру-

говращенія, и потому мы называемъ ихъ блуждающими, планетами.

Кл. Клянусь Богомъ это справедливо. Въ жизни своей часто и самъ я замѣчалъ, что утренняя и вечерняя зарницы никогда не ходятъ по одному пути, но перемѣняютъ его; солнце и луна также, какъ извѣстно всѣмъ.

Аѳ. Итакъ я говорю, что наши граждане и юноши по крайней мѣрѣ столько должны знать о Богахъ и небесныхъ тѣлахъ, чтобъ не изрѣкать на нихъ хуленій, но благословлять ихъ безпрестанно въ жертвоприношеніяхъ и благоговѣйныхъ молитвахъ.

Кл. Мнѣніе твое справедливо, если только можно научиться тому, о чемъ ты говоришь. Пусть мы теперь не справедливо думаемъ о Богахъ; но если можно научиться говорить о нихъ правильно: то я первой признаю сію науку необходимою. Постарайся доказать, что это возможно, и мы научимся и послѣдуемъ тебѣ.

Аѳ. Съ одной стороны нелегко научиться тому, о чемъ я говорю; съ другой не совсѣмъ и трудно. Вотъ доказательство: я самъ недавно пріобрѣлъ сіе познаніе и теперь въ непродолжительномъ времени могу сообщить вамъ все, что знаю. Еслибъ это было трудно, то я, такой старецъ, не могъ бы изъяснить сего вамъ старцамъ же.

Кл. Это истинно. Но чтожъ это за наука, которую ты называешь чудною, полезною

для юношества и которой мы не знаемъ? Постарайся сказать о ней яснѣе.

Аѳ. Постараюсь, сколько могу. Не справедливо мнѣніе о солнцѣ, лунѣ и прочихъ свѣтилахъ, будто онѣ суть блуждающія. Напротивъ каждое свѣтило имѣетъ свой извѣстный путь и по нему круговращается. Только по видимому кажется, будто онѣ имѣютъ многіе пути. Также не справедливо мы почитаемъ быстрѣйшее изъ нихъ самымъ медленнымъ и медленное быстрѣйшимъ. Предположивъ, что ето бываетъ такъ, какъ я говорю, а мы думаемъ иначе, представимъ, что мы на Олимпійскихъ играхъ впали въ подобное заблужденіе въ отношеніи къ конямъ и мужамъ, въ бѣгствѣ состязующимся, быстрѣйшаго изъ нихъ называемъ медленнымъ, а медленнаго быстрѣйшимъ, и въ похвалахъ своихъ побѣжденнаго воспѣваемъ какъ побѣдителя; такія похвалы безъ сомнѣнія несправедливы и непріятны ристателямъ; и если несправедливыя похвалы простымъ смертнымъ смѣшны: то что должны быть тѣ, кои мы въ грубомъ забужденіи воздаемъ Богамъ?

Кл. Тутъ уже не до смѣха.

Аѳ. По крайней мѣрѣ не любезны Богамъ похвалы противныя истинѣ.

Кл. Весьма справедливо, если ето такъ.

Аѳ. Но если мы докажемъ, что онѣ таковы, то должно учиться познавать свое за-

блужденіе. А если не докажемъ, то оставимъ сію науку. Согласны ли вы на сіе?

Кл. Очень согласны.

Аѳ. Законы о ученіи и воспитаніи юношества мы можемъ назвать конченными. Еще надлежитъ составить себѣ идею о ловлѣ и другихъ подобныхъ упражненіяхъ. Ибо законодатель недовольно сдѣлаетъ, если только положитъ законъ. Кромѣ закона есть нѣчто среднее между имъ и наставленіемъ. Мы часто видѣли сію необходимость, особенно въ воспитаніи перваго младенчества; здѣсь не можно предписывать закона, и весьма неосновательно было бы принимать за положительнный законъ то, что мы сказали о семъ предметѣ. Предположивъ однакожь, что законодатель учреждаетъ свое государство по сему образцу, которой мы начертали, мы воздадимъ еще несовершенную похвалу мужу отличному въ добродѣтели, если назовемъ его только исполнителемъ законовъ и всего, что они предписываютъ; тотъ совершеннѣе, кто ведетъ жизнь непорочную и сообразуется съ намѣреніемъ законодателя не только въ томъ, что онъ предписываетъ, но и въ томъ, что совѣтуетъ. Вотъ истинная похвала доброму гражданину. Законодатель долженъ не только писать законы, но присоединять къ нимъ и то, что по мнѣнію его достойно похвалы или порицанія. Его совѣты не менѣе важны, какъ и

самые законы. Настоящій предметъ можетъ послужить сему доказательствомъ. Ловля, охота уже въ одномъ своемъ названіи имѣютъ обширное значеніе: ибо есть разныя ловли водяныхъ животныхъ, птицъ, земноводныхъ и не только звѣрей, но и людей, разумѣется на войнѣ, или посредствомъ дружества и благосклонности. Иная ловля похвальна, другая не похвальна. Грабежи, разбои, нападенія войска на воиско суть также ловли; законодатель, полагая законы для ловли, не можетъ не обнять всѣхъ родовъ ея; съ другой стороны также не можетъ привесть всего въ порядокъ, и принять всѣ мѣры предосторожности и наказанія. Что же ему дѣлать? Онъ долженъ хвалить или порицать охоту, разсматривая ее, какъ упражненіе и привычку юношества къ трудолюбію. Юноша будетъ внимать и повиноваться, и не увлечется ни удовольствіемъ, ни малодушіемъ къ преслушанію. Онъ болѣе уважитъ слово одобренія, и скорѣе исполнитъ умѣряемое ласкою повелѣніе, нежели угрозы наказанія и строгость закона. Къ сему прибавимъ похвалу и порицаніе приличныя всякому роду ловли; похвалимъ тотъ родъ, которой можетъ содѣлать юношей мужественнѣйшими, и охулимъ тотъ, которой производитъ противное дѣйствіе.

Умоляя скажемъ юношамъ: друзья, да не возобладаетъ вами желаніе, и охота

къ морской ловлѣ удою, ни вообще къ ловлѣ водяныхъ животныхъ, которую посредствомъ сѣтей равно производятъ и спящіе и бодрствующіе. Да не вкрадется въ васъ желаніе къ похищенію людей на морѣ и къ разбою, и да не содѣлаетъ васъ людьми беззаконными, хищниками. Да будетъ чужда васъ самая отдаленная мысль о татьбѣ въ своей странѣ, въ своемъ отечествѣ; да не придетъ на умъ кому либо изъ васъ пріятная, но недостойная свободнаго человѣка, охота къ ловлѣ птицъ. Нашимъ юношамъ остается только ловля земноводныхъ животныхъ; но та ловля, въ которой можно спать, называемая ночною, принадлежитъ лѣнивымъ и недостойна похвалы; тоже скажемъ и о той, въ которой безъ великаго труда укрощаютъ звѣря сѣтями и тѣнетами, а не силою крѣпкихъ мышцъ. Остается одна лучшая травля четвероногихъ, на коняхъ, псами и собственною силою, когда, настигая ихъ посредствомъ быстрыхъ ногъ, ударами, бросаніемъ и ловя собственными руками, упражняемъ божественное мужество. Сказанное пусть служитъ похвалою и порицаніемъ охотѣ. Законъ же таковъ:

Никто да невоспрещаетъ симъ священныхъ ловцамъ ловить, гдѣ бы они ни захотѣли. Ночнымъ же ловцамъ дѣйствующимъ или псами или сѣтями нигдѣ, никогда ловить не

позволяется. Птицеловъ можетъ ловить въ степи и на горахъ; но да не дерзаетъ приближаться къ мѣстамъ воздѣланнымъ, священнымъ. Рыболову во всѣхъ мѣстахъ, кромѣ священныхъ озеръ, рѣкъ и заливовъ, ловить позволяется, не употребляя впрочемъ никакихъ вредныхъ средствъ. Теперь остается сказать, что законы объ игрѣ кончены.

Кл. Хорошо.

РАЗГОВОРЪ ВОСЬМЫЙ
О
ЗАКОНАХЪ.

Аѳ. За симъ слѣдуетъ учрежденіе и узаконеніе празднествъ, сообразно съ изрѣченіями Делфійскаго оракула, какія жертвы и какимъ Божествамъ прилично совершать для блага цѣлаго города. Касательно времени ихъ и числа, можетъ быть и мы можемъ постановить что нибудь.

Кл. Можетъ быть, особливо что касается числа.

Аѳ. Вопервыхъ скажемъ о числѣ празднествъ; пусть ихъ будетъ не менѣе трехъ сотъ шестидесяти пяти, дабы ежедневно какая либо власть жертвовала одному Богу или генію за городъ, за себя и за имѣніе. Истолкователи, жрецы, жрицы и прорицатели, совѣщаясь съ законоблюстителями, послѣ дополнятъ то, что законодатель по необходимости опуститъ. Ихъ долгъ замѣчать всѣ опущенія. Законъ назначаетъ двѣнадцать празднествъ для двѣнадцати Боговъ, коихъ именемъ называется каждое колѣно, и помѣсячно совершаетъ имъ жертвоприношенія, хороводы и музыкальныя игры. Гимнастическія состязанія назначаются по приличію каждому Богу и каждому времени года; также отдѣляются празднества женскія, на коихъ могутъ и не могутъ присутство-

вать мущины. Присемъ не должно смѣшивать празднествъ подземныхъ Боговъ съ празднествами небесныхъ, наблюдая тоже и въ отношеніи ко второстепеннымъ Божествамъ; но двѣнадцатый мѣсяцъ особенно посвящается въ честь Плутону. Воинственные люди не должны отвращаться отъ сего Бога, но будутъ благоговѣть предъ нимъ, какъ предъ существомъ благодѣтельнѣйшимъ для человѣческаго рода. Я говорю съ твердою вѣрою, что сообщеніе души съ тѣломъ для нея не лучше разлученія.

Чтобы правильно раздѣлить сіи празднества, надлежитъ представить себѣ, что нашъ городъ будетъ таковъ, которому подобнаго нѣтъ ни одного между нынѣшними городами въ избыткѣ досуга и въ изобиліи всего необходимаго для жизни. Онъ наслаждается такимъ щастіемъ, какимъ только можетъ наслаждаться въ жизни одинъ человѣкъ. Для сего необходимо самимъ не обижать ни кого, и не терпѣть обидъ отъ другихъ; изъ сихъ одно не трудно, но не легко поставить себя выше обидъ со стороны другихъ; сего можно достигнуть только совершенною нравственностію. Сіе самое относится и къ городу; если онъ добръ, то ему предлежитъ жизнь мирная; война грозитъ ему извнѣ и внутри, если онъ золъ. Если такъ, то не въ военное, но въ мирное

время всякой долженЪ упражняться вЪ военномЪ искуствѢ. И потому всякой благоустроенный городЪ по крайней мѢрѢ одинЪ день вЪ мѢсяцѢ долженЪ посвятить походамЪ, и больше, если заблагоразсудится архонтамЪ; если они назначатЪ походЪ всенародный или частный, то не смотря ни на холодЪ, ни на зной, всѢ должны выступать и сЪ женами и сЪ дѢтьми. Жертвоприношенія должны сопровождаться благородными играми, сколько можно болѢе близкими кЪ истиннымЪ военнымЪ дѢйствіямЪ. ЗдѢсь воздаются побѢдителямЪ побѢдныя почести; здѢсь же граждане подвергаютЪ другЪ друга взаимному сужденію, хвалятЪ, порицаютЪ, смотря по тому, какимЪ кто оказался на ратномЪ поприщѢ, и какЪ всякой ведетЪ себя вЪ продолженіи всей жизни; прославляютЪ доблестнѢйшаго и укоряютЪ малодушнаго.

Не всякой можетЪ быть сочинителемЪ сихЪ похвальныхЪ пѢсней; но вопервыхЪ сей поетЪ долженЪ быть не моложе пятидесяти лѢтЪ, и не изЪ числа тѢхЪ, кои, владѢя творческимЪ геніемЪ, никогда не отличились ни однимЪ прекраснымЪ и знаменитымЪ подвигомЪ; изЪ поетовЪ избираются тѢ, кои пріобрѢли себѢ своими дѢлами общее уваженіе; ихЪ творенія воспѢваются, хотя бы онѢ были не столь совершенны, какЪ творенія другихЪ. Сей выборЪ принад-

лежитъ начальнику воспитанія и законодателямъ, кои даютъ избраннымъ своимъ исключительное право пѣть со всею свободою, и запрещаютъ всѣмъ прочимъ приниматься за подобныя сочиненія, равно не позволяютъ и гражданамъ пѣть стихотвореніе, не одобренное законоблюстителями, хотя бы оно было сладостнѣе гимновъ Ѳамириса и Орфея. У насъ будутъ неизвѣстны другія пѣсни, кромѣ тѣхъ, кои посвящены къ прославленію божества, добродѣтели, и къ порицанію порочныхъ, и совершенно соотвѣтствуютъ сей цѣли. Сказанное мною о военныхъ упражненіяхъ, о правѣ воспѣвать другихъ, равно относится къ мущинамъ и женщинамъ.

Законодатель непремѣнно долженъ давать себѣ сей отчетъ: какое государство я устрояю, какихъ людей воспитываю? не ревнителей ли знаменитыхъ подвиговъ, коимъ грозятъ безчисленные сопротивники? точно такъ, скажутъ мнѣ и скажутъ справедливо. Что же? еслибъ мы воспитывали борцовъ, сподвижниковъ въ пяти играхъ, или въ другомъ какомъ либо родѣ сраженія, то выпустимъ ли мы ихъ на сіи побоища, если они предварительно ни съ кѣмъ ни однажды не сражались? мы сами, еслибъ опредѣляли себя для ратоборства, не должны ли напередъ до сраженія учиться ему; не должны ли приготовить себя къ со-

прошивленію шѣмъ, съ коими хошимъ сосшязашься о полученіи побѣды, и для ближайшаго подражанія дѣйсшвишельному сраженію, не должны ли, облекшись въ лашы, совершенно научишься нанесенію и ошраженію ударовъ? Если случишся недосшашокъ въ сосшязашеляхъ, шо убоимся ли мы смѣху несмысленной черни и не осмѣлимся, посшавя бездушный исшуканъ, упражняшься прошивъ его? и если не будешъ у насъ ни одушевленныхъ, ни неодушевленныхъ сопрошивниковъ, шо за недосшашкомъ ихъ не можемъ ли мы сражашься сами между собою? Не шакъ ли пріобрѣшаешся навыкъ дѣйсшвовашь рукою?

Кл. Исшинно шакъ, почшенный, какъ шы шеперь говоришь.

Аө. Послѣ шого наши воины уже ли будушъ сшоль дерзки, чшо съ меньшимъ пригошовленіемъ ошважушся всшупишь въ величайшее сшраженіе за свою душу, за дѣшей, за имѣніе и за цѣлый городъ? и законодашель, боясь, чшобъ сіи предваришельныя упражненія не показались смѣшными, пренебрежешъ ихъ? Или лучше усшановимъ, чшобъ маловажными изъ нихъ занимались ежедневно, безъ оружія, обращая на сей конецъ хороводы и всѣ игры; а важнѣйшія производили бы по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ мѣсяцъ, дѣлая во всей сшранѣ примѣрныя сраженія, занимая шрудныя мѣсша, и

устрояя засады. Пусть по образу дѣйствительной войны состязуются копьями, мѣткостію и силою; пусть наносятъ почти дѣйствительные, опасные удары. Сія игра, сопряженная со страхомъ, будетъ обличать нѣкоторымъ образомъ храбраго и нехрабраго; воздавая однимъ достоиную честь, другихъ подвергая безчестію, законодатель содѣлаетъ гражданъ готовыми во всякое время на истинную войну. Нѣтъ нужды, если въ сихъ играхъ кто нибудь падетъ. Такъ какъ убійство сіе не произвольное, то законодатель извинитъ убійцу, какъ законно дѣйствовавшаго; онъ знаетъ, что послѣ потери немногихъ родятся другіе нехудшіе. Но отнявъ страхъ, онъ потеряетъ осѣлокъ между людьми лучшими и худшими; и что можетъ быть гибельнѣе сего для государства?

Кл. И мы согласны съ тобою, почтенный, что всякое государство должно принять сей законъ и по нему дѣйствовать.

Аѳ. Знаете ли вы, почему нынѣ почти нигдѣ нѣтъ такихъ игръ и сраженій, или весьма мало? Скажемъ ли, что это происходитъ отъ невѣжества народа и тѣхъ, кои даютъ ему законы?

Кл. И это можетъ быть.

Аѳ. Никоимъ образомъ, добрый Клиній; сему есть двѣ причины и весьма достаточныя.

Кл. Какія?

Ао. Первая та, что всѣ отъ страсти къ богатству не имѣютъ досуга для прочихъ занятій, но стараются только о стяжаніяхъ. Гражданинъ, всею душею прилѣпленный только къ корысти, не способенъ имѣть никакой другой благороднѣйшей мысли; онъ усердно учится только тѣмъ наукамъ, и упражняется только въ такихъ дѣлахъ, кои ведутъ его къ сей цѣли; онъ смѣется надъ всѣмъ прочимъ. Сіе одно можно положить единственною причиною, если государство отвергаетъ всѣ прочія прекрасныя и полезныя упражненія; тамъ по ненасытному сребролюбію каждой готовъ взяться за ремесло или художество лучшее, труднѣйшее, если только посредствомъ его можетъ разбогатѣть; каждый готовъ на всякое дѣло честное и безчестное, не погнушается даже и самымъ постыднымъ, если оно дастъ ему возможность, какъ скоту, ѣсть и пить изобильно, и представляетъ удовлетвореніе всякому сластолюбію его.

Кл. Справедливо.

Ао. Вотъ одна причина, говорю, которая подавляетъ въ государствахъ любовь ко всему изящному, препятствуетъ заниматься упражненіями воинственными; по природѣ кроткихъ дѣлаетъ купцами, кормчими и служителями другихъ; муже-

ственныхЪ же дѣлаетЪ разбойниками, рушителями спокойствія, святошатцами, притѣснителями и очень часто людей по уму отличныхЪ дѣлаетЪ нещастными.

Кл. Что говоришь ты?

Аѳ. КакЪ же не назвать несчастными тѣхЪ, коихЪ душа во всю жизнь мучится ненасытными желаніями?

Кл. Ето одна причина; какая же другая?

Аѳ. Хорошо напоминаешь.

Кл. Ето ненасытное корыстолюбіе, подвергающее каждаго безпрерывнымЪ заботамЪ, препятствуетЪ упражняться вЪ военныхЪ дѣйствіяхЪ. ПоложимЪ такЪ, но скажи вторую причину.

Аѳ. Ты думаешь, что я не скажу ее, но сЪ намѣреніемЪ стараюсь только замять сію рѣчь.

Кл. НѣтЪ; но мнѣ кажется, что ты говоря о богатствѣ, слишкомЪ увлекаешься своею ненавистью кЪ нему.

Аѳ. Справедливо вы мнѣ сдѣлали сію укоризну, почтеннѣйшіе. Слушайте же, что слѣдуетЪ далѣе.

Кл. Говори.

Аѳ. Причиною сему могутЪ быть образы правленія, которые, какЪ я часто и прежде говорилЪ, суть димократія, олигархія и тираннія. Ни одно изЪ сихЪ правленій, говоря собственно, не есть правильное,

но всѣ могутъ назваться состояніемъ возмутительнымъ. Ибо ни въ одномъ изъ нихъ не управляютъ взаимнымъ согласіемъ, но правители охотно употребляютъ насиліе противъ людей неохотно носящихъ иго порабощенія. Они, питая всегдашнюю недовѣрчивость къ подданнымъ, неохотно смотрятъ ни на доблестнаго и богатаго, ни на сильнаго и мужественнаго. Вотъ двѣ причины всѣхъ нещастій всякаго государства, особливо отвращенія отъ военныхъ упражненій. Но тотъ городъ, для котораго мы пишемъ сіи законы, избѣжалъ той и другой крайности. Въ немъ царствуетъ совершенное спокойствіе и одна часть его независима отъ другой. Подъ вліяніемъ законовъ здѣсь менѣе всего будутъ знать корыстолюбіе; такой образъ правленія весьма легко и основательно допуститъ просвѣщеніе и воинственныя игры, изложенныя въ семъ словѣ.

Кл. Хорошо.

Аѳ. По порядку за симъ не слѣдуетъ ли упомянуть о всѣхъ гимнастическихъ состязаніяхъ, какія изъ нихъ полезны для войны и достойны побѣдныхъ наградъ, и какія должны быть оставлены? сіи упражненія требуютъ того, чтобъ сказать о нихъ подробнѣе и для каждаго положить свой законъ. Итакъ начнемъ съ бѣганія и вообще съ быстроты.

Кл. Пусть будетъ такъ.

Аѳ. Быстрота тѣла дѣйствительно есть отличнѣйшее качество воина. Одна быстрота состоитъ въ ногахъ, другая въ рукахъ. Бѣжать и настигать можно только посредствомъ быстроты ногъ; но ораженіе въ схваткѣ и натискъ требуетъ силы и твердости рукъ.

Кл. Такъ.

Аѳ. Но безъ оружія ни быстрота, ни твердость не могутъ принесть великой пользы.

Кл. Не иначе.

Аѳ. Вотъ глашатай вызываетъ на поприще для состязанія напередъ бѣгущаго одну стадію. Сей выходитъ съ оружіемъ; ибо безоружному мы не полагаемъ награды. И такъ первый выходитъ состязаться въ бѣганіи съ оружіемъ; второй на колесницѣ, третій верхомъ, четвертый далекимъ путемъ; пятаго вооруженнаго мы пошлемъ на пространство шестидесяти стадій, на примѣръ до Марсова храма; потомъ вызываемъ тяжело вооруженнаго, который бѣжитъ сто стадій до храма Аполлонова по горамъ и по всякимъ мѣстоположеніямъ. Назначивъ состязанія, мы ждемъ, доколѣ всѣ пробѣгутъ свои поприща, и побѣдителю въ каждомъ состязаніи раздаемъ награды.

Кл. Справедливо.

. *Ає*. Игры сіи мы раздѣлимъ на три рода: однѣ для дѣтей, другія для юношей и третьи для совершенныхъ мужей. Для юношей назначаемъ двѣ трети всего пространства, дѣтямъ какъ стрѣлкамъ такъ и тяжело вооруженнымъ половину етаго; дѣвы юныя на томъ же поприщѣ состязуются въ бѣганіи одной стадіи, на колесницѣ, и въ далекомъ пути; онѣ должны быть отъ тринадцати лѣтъ до замужняго возраста, который простирается не далѣе двадцати лѣтъ и не ближе восьмнадцати. Онѣ въ приличномъ одѣяніи приходятъ на сіи состязанія. Сего довольно о бѣганіи мущинъ и женщинъ.

Что касается до упражненія силы, то вмѣсто борьбы и другихъ тяжелыхъ напряженій мы установимъ сраженіе въ вооруженіи, сраженіе одного противъ одного, двухъ противъ двухъ и такъ до десяти противъ десяти. Какъ для борьбы есть извѣстныя правила, по которымъ можно видѣть, что прилично и что не прилично для борца: равно и мы должны опредѣлить, какъ надлежитъ защищаться и нападать, чтобы получить почести побѣдителя. Для сего мы посовѣтуемся съ мужами искуснѣйшими въ вооруженной борьбѣ, и вмѣстѣ съ ними опредѣлимъ, какъ должно отражать и наносить удары, и почему признавать побѣжденнаго. Сіи сраженія равно принадле-

жать и дѣвамъ до замужства. Вмѣсто игръ называемыхъ панкратіонъ мы установимъ пелтастику, въ которой покрытые щитами бросаютъ другъ въ друга стрѣлы, копья, камни изъ рукъ или пращами. Для сихъ игръ будутъ свои законы, и мы назначимъ побѣдныя почести отличившемуся въ нихъ.

По порядку надлежало бы теперь говорить о конномъ сраженіи; но употребленіе лошадей на островѣ Критѣ не значительно, и не многимъ извѣстно; слѣдовательно не значительны и заботы въ хожденіи за ними, и конныя игры не много уважаются. До колесницъ у васъ вовсѣ нѣтъ охотниковъ, и ни одинъ разумный человѣкъ не поставляетъ въ нихъ своего любочестія. Вводить состязанія сего рода столь несообразнаго съ мѣстнымъ положеніемъ Крита, показалось бы совершеннымъ отсутствіемъ разума. Сообразуясь съ качествами своей страны, мы назначимъ награды для одноколокъ въ одну лошадь, еще беззубую, или среднихъ лѣтъ, или совершеннолѣтнюю. Состязаніе между ими должно происходить по установленному правилу; иппархамъ и отрядоначальникамъ принадлежитъ судъ надъ бѣганіемъ ихъ, и смотрѣніе, чтобъ бѣгали вооруженные; ибо безоружнымъ нѣтъ мѣста ни въ гимнастикѣ, ни здѣсь. Конной стрѣлокъ и копьеносецъ въ Критѣ не без-

полезенѣ, потому и вѣ семомѣ родѣ установляются игры. Излишнее дѣло повелѣніемѣ и законами принуждать женщинѣ кѣ участію вѣ сихѣ упражненіяхѣ; но если онѣ, обыкши кѣ первымѣ упражненіямѣ, которыя мы уже назначили имѣ, чувствуютѣ вѣ себѣ расположеніе равно и кѣ симѣ послѣднимѣ, то мы не только не удерживаемѣ ихѣ, но и одобряемѣ ихѣ намѣреніе. Симѣ совершенно оканчиваются состязанія и ученіе гимнастики какѣ на общественныхѣ игрищахѣ, такѣ и подѣ руководствомѣ учителей.

Касательно рапсодовѣ и всего относящагося кѣ нимѣ, состязанія хоровѣ, употребляемыхѣ при всякомѣ празднествѣ, посвящая первокласнымѣ и второстепеннымѣ Богамѣ извѣстные мѣсяцы, дни и годы, мы установимѣ для нихѣ правила, разчислимѣ ихѣ на три года, или на пять лѣтѣ, или другимѣ какимѣ образомѣ, какѣ самѣ Богѣ внушитѣ мысль о порядкѣ ихѣ. Тогда можно будетѣ установить музыкальныя состязанія, подѣ надзоромѣ наградоположника, попечителя юношества и законоблюстителей. Для сей цѣли они собираются вмѣстѣ, какѣ законодатели назначаютѣ, когда, кто, и сѣ кѣмѣ будетѣ имѣть состязаніе, вѣ какихѣ пѣсняхѣ и пляскахѣ. О свойствѣ словѣ, гармоніи и мѣры всякаго пѣнія и пляски законодатель говорилѣ уже не однажды: преем-

ники его по примѣру его, назначатъ для каждаго празднества въ свое время, приличныя игры, чтобы всякой гражданинъ чувствовалъ великолѣпіе торжества. Въ сихъ и подобныхъ случаяхъ не трудно понять, въ чемъ состоитъ надлежащій порядокъ; ибо здѣсь перемѣна мѣста и времени не принесетъ государству ни великой пользы, ни великаго вреда. Но есть важнѣйшіе предметы, въ которыхъ не легко убѣдить гражданъ; убѣдитъ ихъ только одинъ Богъ, принявъ на себя званіе законодателя. Доколѣ законодатели суть не Боги, потребна необыкновенная смѣлость, чтобы со всею свободою и откровенностію сказать, что полезно городу и гражданамъ, чтобы въ развращенныя души вложить чувство приличія и повиновенія государственнымъ постановленіямъ и противостать самымъ сильнымъ побужденіямъ страсти; потребенъ человѣкъ, который бы, не имѣя между людьми ни одного себѣ помощника, твердо рѣшился слѣдовать одному своему здравому разсудку.

Кл. Теперь о чемъ ты говоришь, я истинно не понимаю.

Аѳ. Не удивительно. Но я постараюсь сказать вамъ яснѣе. Коснувшись въ своей рѣчи воспитанія, я вижу юношей и дѣвъ въ дружественной бесѣдѣ между собою, и весьма естественно напалъ на меня страхъ

при мысли, кто управитъ такимъ городомъ, въ которомъ юноши и дѣвы благовоспитанные не знакомы съ великими и усиленными трудами, которыми укрощаются буйныя страсти. У нихъ чрезъ цѣлую жизнь одно занятіе — жертвоприношенія, празднества и хороводы. Какимъ же образомъ въ семъ городѣ воздержутся отъ нѣкоторыхъ сильныхъ страстей, кои ввергаютъ столь многихъ какъ мущинъ такъ и женщинъ во всѣ крайности, и обузданіе коихъ равно предписываетъ и здравый смыслъ и законъ положительный? Если предъидущіе законы восторжествуютъ надъ многими вредными расположеніями, то сіе неудивительно. На примѣръ запрещеніе искать излишняго богатства, есть не маловажное пособіе для умѣренности, къ которой какъ къ цѣли стремятся всѣ постановленія входящія въ планъ нашего воспитанія; прибавте къ сему неослабный надзоръ правителей, которые безпрестанно слѣдятъ юношество; етого достаточно противъ прочихъ страстей человѣческихъ.

Но какія возмемъ предосторожности относительно любви юношей и дѣвъ, въ которой оба пола превращаютъ естественный порядокъ, отчего произходятъ безчисленныя бѣдствія какъ въ частности для каждаго, такъ и вообще для цѣлыхъ государствъ? Какое средство нужно къ избѣжанію

сей опасности? Ето не нетрудное дѣло. Вѣ прочихѣ случаяхѣ, при изданіи многихѣ законовѣ, не согласныхѣ сѣ обычаями народа, немаловажную помощь намѣ подаютѣ Критѣ и Лакедемонѣ. Но вѣ разсужденіи любви, какѣ извѣстно, они совершенно противорѣчатѣ намѣ. Еслибѣ кто, сообразуясь сѣ природою возобновилѣ законѣ, существовавшій до временѣ Лаія, которымѣ запрещается противоестественное сообщеніе и позволяется только одно природою показанное двумѣ поламѣ: потому что и вѣ естествѣ животныхѣ самецѣ не прикасается кѣ самцу: тотѣ конечно говорилѣ бы языкомѣ убѣдительнымѣ, но не согласнымѣ сѣ вашими обычаями; и етотѣ вашѣ обычай ни какѣ не согласенѣ сѣ цѣлію, которую долженѣ предполагать себѣ законодатель. Мы ищемѣ вѣ законахѣ одного, ведутѣ ли они кѣ добродѣтели или нѣтѣ. Предположивѣ, будто и мы согласились невидѣть гнусности сего обычая, спрашивается, можетѣ ли онѣ содѣйствовать кѣ добродѣтели? Вкоренясь вѣ душѣ обольщеннаго, дастѣ ли онѣ ей нравѣ мужественный, и обольстителю внушитѣ ли правила умѣренности? Кто можетѣ ожидать отѣ сего закона подобныхѣ дѣйствій? Напротивѣ не всякой ли будетѣ презирать слабость человѣка, который предается безчестнымѣ удовольствіямѣ и не имѣетѣ ни малѣйшей власти обуздать себя? Не всякой ли долженѣ

гнушаться женоподобія? Ктожь согласится на такой законѣ? Конечно ни кто, вѣ чьемѣ сердце напечатлѣнѣ законѣ истины. Но какѣ убѣдиться вѣ справедливости того, что я говорю? Для сего необходимо разсмотрѣть свойство дружбы, вожделѣнія и такѣ называемой любви; ибо дружба и любовь и произходящій отѣ нихѣ третій видѣ, подѣ названіемѣ любви, производятѣ здѣсь все замѣшательство и темноту.

Кл. Какимѣ образомѣ?

Аѳ. Другомѣ мы называемѣ человѣка подобнаго другому вѣ добродѣтели и равнаго ему: сѣ противоположной стороны другомѣ также называемѣ человѣка нуждающагося достаточному. Вѣ сильной степени то и другое мы называемѣ любовію.

Кл. Справедливо.

Аѳ. Дружество изѣ противоположныхѣ характеровѣ сильно, необузданно и рѣдко бываетѣ взаимнымѣ. Дружество изѣ подобныхѣ характеровѣ кротко и постоянно во всю жизнь. Что касается до дружества смѣшаннаго изѣ сихѣ двухѣ, во первыхѣ не легко узнать, чего хочетѣ одержимый сею третьею любовію. Развлеченный двумя противными стремленіями, онѣ недоумѣваетѣ, что дѣлать? Одно велитѣ ему наслаждаться красотою; другое запрещаетѣ. Любящій тѣло сѣ жадностію спѣшитѣ вкусить прелести его, какѣ плодѣ, и не оказы-

ваетъ никакого уваженія къ душевнымъ достоинствамъ любимаго предмета. Кто жь почитаетъ чувственность постороннею, но видитъ и любитъ болѣе душу, тотъ, пылая благороднымъ жаромъ, тѣлесное насыщеніе почитаетъ оскорбленіемъ своей любви. Въ благочестіи, съ любовію къ мудрости, мужеству, величію и умѣренности онъ лучше желаетъ жить въ чистотѣ съ чистымъ предметомъ своей страсти. Такова смѣшенная любовь, которую мы назвали третьею. И если ето такъ, то законъ долженъ ли воспретить всѣ три рода любви между нами? или ясно, что любовь, которая соединена съ добродѣтелію и содѣлываетъ юношество лучшимъ и совершеннѣйшимъ, мы пожелаемъ имѣть въ своемъ городѣ, а прочія два рода изгонимъ, или какъ иначе скажемъ, любезный Мегиллъ?

Мег. Ты прекрасно сказалъ о семъ предметѣ, почтенный иноземецъ; что можно сказать лучше?

Аѳ. Итакъ я получилъ, чего искалъ, получилъ твое согласіе. Не хочу изслѣдовать, что говоритъ о семъ вашъ законъ; мнѣ довольно твоего увѣрительнаго слова. Далѣе постараюсь убѣдить какими нибудь доводами самаго Клинія. Я присвоиваю себѣ только то, что вы сами уступите; но будемъ продолжать наше разсмотрѣніе законовъ.

Мег. Весьма справедливо.

Аѳ. Я придумалъ средство положить сей законъ, съ одной стороны весьма легкой, съ другой, какъ не льзя болѣе трудный.

Мег. Какъ ето?

Аѳ. Мы знаемъ, что и теперь весьма многіе люди, впрочемъ необузданные въ своихъ страстяхъ, строго воздерживаются отъ сообщенія съ прекрасными не по принужденію, но совершенно добровольно.

Мег. Когда же ето бываетъ?

Аѳ. Когда у кого есть прекрасныя сестры и братья. Сей же неписанный законъ достаточенъ къ предохраненію сына и дочери отъ страсти своего отца; онъ повелѣваетъ имъ ни явно, ни тайно не спать вмѣстѣ, и при всѣхъ лобызаніяхъ не оскорблять стыдливости. Многимъ даже чужда самая мысль о такой преступной связи.

Мег. Справедливо.

Аѳ. Итакъ одно простое слово погашаетъ всѣ сіи вожделѣнія.

Мег. Какое же слово?

Аѳ. Если назовемъ ето дѣломъ нечестнымъ, богоненавистнымъ, и въ глазахъ людей постыднѣйшимъ. Причина сему та, что никто изъ насъ не говоритъ иначе о подобномъ преступленіи, но всякой отъ рожденія своего слышитъ вездѣ одно, и въ шутливой комедіи и въ важной трагедіи, представляющей Ѳіестовъ, Едиповъ или

Макареевъ, тайно смѣсившихся съ своими единокровными, которые по открытіи ихъ преступленія, сами наказали себя добровольною смертію.

Мег. Весьма справедливо ты говоришь, что общая молва имѣетъ удивительную силу; она, можно сказать, не позволяетъ даже дышать противъ закона.

Аѳ. Итакъ справедливо сказано, что законодатель легко можетъ найти способъ покорить какую нибудь склонность, чрезмѣрно возобладавшую людьми: именно содѣлавъ общій сей голосъ священнымъ для рабовъ и свободныхъ, для дѣтей и женъ, и для цѣлаго города, онъ положитъ въ немъ самый твердый законъ.

Мег. Конечно такъ, но можетъ ли онъ заставить всѣхъ говорить единодушно и единогласно?

Аѳ. Хорошо ты замѣтилъ сіе. Я то же самое сказалъ, что имѣю средство ввести законъ, предписывающій употреблять естественнымъ образомъ сообщеніе, назначенное для дѣторожденія; воздерживаться отъ мущинъ, не убивать злоумышленно рода человѣческаго, не сѣять его по скаламъ и камнямъ, гдѣ онъ никогда не получитъ своей роститeльности, и воздерживаться отъ всякаго женскаго сообщенія, отъ котораго не можно ожидать плода. Сей законъ принесетъ безчисленныя выгоды, если при-

метъ такую же силу и твердость, какую онъ имѣетъ въ связяхъ родства; во первыхъ онъ сообразенъ съ природою, укрощаетъ бѣшенство и неистовство любострастія, удерживаетъ отъ распутства, и отъ всякой неумѣренности въ пищѣ и питіи, установляетъ дружбу и согласіе въ брачныхъ союзахъ; но неизчислима польза отъ соблюденія его. Между тѣмъ услышавъ о семъ законѣ, предстанетъ къ намъ какой нибудь человѣкъ сильной, полнокровный; начнетъ жаловаться, что мы узаконяемъ дѣло безразсудное, несбыточное и оглушитъ насъ своимъ крикомъ. По етому то я сказалъ, что имѣю средство съ одной стороны весьма легкое, съ другой весьма трудное — средство содѣлать сей законъ твердымъ и неизмѣняемымъ. Возможность очевидна и подтверждается самымъ опытомъ. Мы говоримъ, что сей законъ освященный, покоритъ умы всѣхъ и заставитъ со страхомъ повиноваться всѣмъ повелѣніямъ законодателя. Но нынѣ порча нравственная простирается до того, что почитаютъ невозможнымъ исполненіе сего закона; такъ нынѣ думаютъ и объ общихъ столахъ, что невозможно цѣлому городу постоянно сохранять ихъ; и тогда какъ самымъ опытомъ и событіемъ они у васъ показаны, есть люди, которые думаютъ, что они ни какъ не могутъ быть введены для женскаго

пола и у васъ. Итакъ одно невѣріе, говорю, содѣлываетъ трудным исполненіе сего закона.

Мег. Ето справедливо.

Аѳ. А что сіе не выше силъ человѣческихъ, и весьма удобоисполнительно, хотите ли и для сего имѣть убѣдительныя доказательства.

Мег. Какъ не хотѣть?

Аѳ. Не лучше ли воздержаться отъ любострастія и не скорѣе ли захочетъ умѣреннаго наслажденія тотъ, у кого тѣло здоровое и обычное ко всякому благородному упражненію, нежели человѣкъ съ худымъ расположеніемъ тѣла?

Мег. Для сего должно упражнять тѣло свое въ трудахъ.

Аѳ. Не знаемъ ли мы по преданію, что Тарентинецъ Иккъ для Олимпійскихъ и другихъ состязаній, слѣдовательно изъ любочестія, для тѣлесной ловкости, соединяя въ душѣ своей мужество съ умѣренностію, во все время своего искуса не прикасался ни къ женѣ, ни къ отроковицѣ. То же говорятъ о Криттонѣ, Астилѣ, Діопомнѣ и о многихъ другихъ, коихъ умы были несравненно менѣе образованы, нежели нашихъ сограждан, хотя они тѣломъ были сильнѣе.

Кл. Ето истинно, и всѣ древніе разсказываютъ сіе объ атлетахъ, какъ самое обыкновенное дѣло.

Аѳ. Что же слѣдуетъ изъ сего? Если одни для побѣды въ борьбѣ, въ бѣганіи и въ прочихъ играхъ отважились воздержаться отъ удовольствія, въ которомъ многіе поставляютъ все свое щастіе; то наши юноши не могутъ ли воздержаться для побѣды несравненно доблестнѣйшей, которую мы имъ отъ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ описываемъ и въ повѣстяхъ и въ разговорѣ и въ пѣсняхъ какъ превосходнѣйшую.

Кл. Какая ето побѣда?

Аѳ. Побѣда надъ удовольствіями, съ которою сопряжено щастіе жизни, равно какъ нещастіе есть спутникъ тѣмъ, кои побѣждаются ими. Сверхъ того стыдъ содѣлать безчестный поступокъ, уже ли не подастъ намъ силъ къ одолѣнію тѣхъ склонностей, кои побѣждали въ себѣ люди слабѣйшіе?

Кл. Вѣроятно.

Аѳ. Простерши столь далеко свое слово о семъ законѣ и ужасаясь испорченности распространившейся между народомъ, я говорю, что законъ долженъ выразиться просто; долженъ сказать, что наши граждане не должны быть хуже птицъ и многихъ другихъ животныхъ, которыя посреди великихъ стадъ до времени дѣторожденія живутъ чистыми и незнаютъ удовольствій любви; но пришедши въ сей возрастъ, соединяются самецъ съ своею самкою и по-

томъ, сохраняя естественный порядокъ и честность, остаются вѣрными первому своему выбору. Люди должны быть благороднѣе скотовъ. Но если они, увлекаясь примѣрами безпорядочной и необузданной любви у прочихъ Еллиновъ и многихъ варваровъ и сами не захотятъ воздерживаться, то законодатели, примутъ противъ нихъ другія мѣры.

Кл. Какой же законъ ты совѣтуешь издать, если нынѣ издаваемый будетъ неудаченъ?

Аѳ. Разумѣется такой, который вытекаетъ изъ сего перваго.

Кл. Какой же?

Аѳ. Ослаблять, сколько можно болѣе, силу и порывы страстей посредствомъ трудолюбія, обращая питательность въ другія части тѣла. Сіе легко, если безстыдство не присоединяется къ любострастію. Дѣйствительно, доколѣ еще не потерянъ стыдъ, онъ всегда можетъ ослабить стремленіе сей неистовой страсти и ограничить наслажденія. Добрая нравственность, и внутренній неписанный законъ достаточно могутъ убѣдить насъ въ томъ, что дѣйствія любви должны быть тайны, что всякая черта безстыдства позорна, и что воздержаніе украшаетъ человѣка. Сей менѣе совершен-

ный законъ, распространяя во всѣхъ трехъ классахъ людей общую благопристойность, силою можетъ удержать отъ беззаконія людей съ испорченною природою, которые, какъ мы сказали, побѣждаются отъ самихъ себя.

Кл. Какіе же прочіе два класса?

Аѳ. Первый классъ составляютъ люди богобоязненные, ревнители истинной чести; второй классъ тѣхъ, кои менѣе уважаютъ красоту тѣла, нежели прекрасныя качества души. Все, что мы сказали, можетъ быть, есть одно желаніе, какія мы часто позволяемъ себѣ въ разговорахъ. Но сколь великую пользу можетъ получить государство отъ исполненія сего закона? Если дастъ Богъ, мы успѣемъ по крайней мѣрѣ въ чемъ либо одномъ изъ двухъ: первое, чтобъ никто не дерзалъ прикасаться ни къ какой благородной и свободной женщинѣ, кромѣ своей единственной супруги; второе, никто не расточалъ бы сѣмени съ блудницами, и безплодно противъ естества съ блудниками. Но если кто соединяется не съ тою, которая приходитъ въ домъ съ Богомъ, по священному браку, а съ наемными или другимъ образомъ пріобрѣтенными, не скрываясь ни отъ мужей ни отъ женъ; такого мы объявляемъ отчужденнымъ отъ всѣхъ гражданскихъ почестей, какъ дѣйствительнаго иноплеменника, и кажется, такой законъ

справедливъ; такъ мы скажемъ въ одномъ или въ двухъ законахъ относительно любви и всѣхъ позволительныхъ и непозволительныхъ связей сего рода.

Мег. Я очень согласенъ принять сей законъ; Клиній же пусть самъ за себя отвѣчаетъ, какъ онъ о семъ думаетъ.

Кл. Теперь оставимъ это такъ, доколѣ я выберу свое время, и дадимъ свободу иностранцу продолжать свои законы.

Мег. Справедливо.

Аѳ. Теперь мы почти дошли до установленія общихъ трапезъ. Что въ другихъ странахъ очень трудно, то въ Критѣ, — всякой согласится, иначе быть не можетъ. Но каковы должны быть сіи трапезы, таковы ли какъ онѣ теперь тамъ есть, или какъ въ Лакедемонѣ, или еще инымъ какимъ либо образомъ? Сіе не трудно найти, но найденное не обѣщаетъ великой пользы. Столы уже и нынѣ тамъ хорошо устроены.

Порядокъ требуетъ далѣе говорить о средствахъ продовольствія Критянъ. Въ другихъ странахъ и городахъ средства сіи многоразличны и почерпаются изъ многихъ источниковъ; тамъ нужды въ двое значительнѣе, нежели у Критянъ. Большая часть Еллиновъ получаютъ запасы свои отъ суши и отъ моря; Критяне же только отъ земли. Сіе облегчаетъ трудъ законодателя: ибо

для него достаточны законы не только въ половину короче, но малочисленнѣе и для свободныхъ приличнѣе. Законодатель сего города освобождается отъ матросовъ, купцовъ, харчевниковъ, гостинницъ, отъ пошлинъ, и рудокопень, отъ займовъ и необычайной лихвы; онъ издаетъ законы только для земледѣльцовъ, пастуховъ, пчеловодовъ, художниковъ и охранителей всякаго рода орудій; важнѣйшіе изъ сихъ законовъ уже кончены, какъ то касательно брака, рожденія и питанія дѣтей, ученія ихъ и выбора начальниковъ. Остается сдѣлать постановленія для тѣхъ, кои посредственно или непосредственно содѣйствуютъ къ продовольствію города. Начнемъ съ земледѣлія: Первый законъ назовется закономъ Юпитера границехранителя (Термина). Да не подвигнетъ никто границъ ближняго своего согражданина, ни сопредѣльнаго иноземца, въ дальнихъ краяхъ владѣющаго смѣжными полями; и да знаетъ, что чрезъ сіе онъ трогаетъ, чего трогать не должно. Пусть всякой скорѣе двигнетъ огромную скалу, нежели границу — хотя маленькій камешекъ, раздѣляющій дружбу и вражду, на незыблемость котораго мы дали клятву предъ Богомъ. За своего вступится Зевесъ единоплеменный, за чужестранца гостепріимный; да не навлечемъ, раздражая его, жесточайшей себѣ войны. Покоряющійся сему закону

свободенъ отъ мщенія его; презритель же повиненъ двоякому наказанію; первому и страшному отъ боговъ; второму отъ закона; да неподвигнетъ никто границъ ближняго: А кто подвигнетъ, на того первый свидѣтель доноситъ владѣльцамъ, и сіи ведутъ его въ судилище. Если онъ будетъ уличенъ, то судьи назначаютъ ему наказаніе, какому подвергаются всѣ тайные или явные нарушители границъ. Частыя и маловажныя обиды между сосѣдами произходящія зарождаютъ сѣмя великой вражды и содѣлываютъ сосѣдство несноснымъ и отяготительнымъ. Почему всячески должно остерегаться, чтобы сосѣдъ не дѣлалъ ничего наперекоръ своему сосѣду, и особенно удалять всѣ ссоры между ими въ земледѣліи. Вредить не трудно; ето можетъ всякой; но не всякой можетъ приносить пользу. Кто запахиваетъ участокъ ближняго своего и переходитъ границу, тотъ долженъ заплатить за нанесенный ущербъ; но чтобы изцѣлиться отъ своего безумія и варварства, да платитъ обиженному въ двое противъ ущерба. Посредники во всѣхъ таковыхъ случаяхъ, судьи и оцѣнщики суть агрономы (начальники полей); въ важнѣйшихъ случаяхъ всѣ чины двѣнадцати частей съ надзирателями; въ маловажныхъ одни надзиратели. Они же судятъ и назначаютъ пеню тому, кто сдѣлаетъ потраву скотиною.

Кто присвоиваетъ себѣ чужой рой пчелъ; кто имѣя охоту къ пчеловодству, живетъ обманомъ, какъ то ударами звѣнящей мѣди приманиваетъ чужихъ пчелъ; тотъ да платитъ обиженному убытокъ. Кто, сожигая лѣсъ, не возметъ предосторожности для предохраненія сосѣдняго лѣса, тотъ долженъ платить за оцѣненный правителями убытокъ. Тому же подвергается и тотъ, кто при посѣвѣ захватитъ чужой участокъ, о чемъ довольно говорили другіе законодатели, коими иногда можно руководствоваться; ибо не льзя требовать отъ главнаго учредителя гражданскаго порядка, чтобы онъ съ точностію опредѣлилъ всѣ частные и маловажные случаи, кои послѣ его легко могутъ быть устроены.

Такимъ образомъ о водахъ для земледѣльцовъ есть древніе прекрасные законы достойные того, чтобы ввести ихъ теперь. Кто хочетъ провесть воду на свою землю, тотъ пусть проводитъ ее изъ общихъ водохранилищь, не пересѣкая ни у одного частнаго человѣка протекающихъ источниковъ; онъ можетъ проводить ее всюду, кромѣ жилья, храмовъ и памятниковъ, притомъ занимаетъ столько земли, околько потребно для одного канала. Если безводіе обыкновенное въ нѣкоторыхъ странахъ поглощаетъ съ лица земли дождевыя воды и не оставляетъ самаго необходимаго питья; то-

гда должно искапывать колодези глубиною до глинистой земли; если и въ сей глубинѣ вода не оказывается, тогда брать воду въ сосѣдствѣ, сколько нужно для напоенія всѣхъ домочадцовъ. Если сосѣды добываютъ ее съ нуждою, то агрономы изыскиваютъ способы, откол̀ѣ можно доставлять воду.

Если по изліяніи небесныхъ водъ, кто либо изъ низменныхъ жителей, задерживая ее, нанесетъ вредъ вверху живущему земледѣльцу, своему сосѣду; или напротивъ вверху живущій, спустивъ воду, повредитъ низменному, и оба не захотятъ примириться сами между собою; то въ городѣ градоправители, а въ полѣ агрономы распоряжаютъ, что должно дѣлать тому и другому. Не повинующійся сему распоряженію несетъ наказаніе за свое жестокосердіе и злое намѣреніе вредить другому. Обвиненный долженъ платить въ двое и за нанесенный вредъ и за неповиновеніе начальству.

Касательно плодовъ земныхъ, всѣ должны имѣть сообщеніе такимъ образомъ: поелику двоякіе плоды намъ посылаетъ щедрость Помоны: первый даръ безкорыстный Вакха; другой по свойству своему сохраняемый въ прокъ: то для сего да будетъ такой законъ: кто вкуситъ отъ полеваго плода виноградника или отъ смоквъ, прежде нежели настанетъ время собиранія ихъ, которое бываетъ осенью, на своемъ ли-то собствен-

номѣ полѣ, или на чужомѣ; тотѣ платитѣ пятьдесятъ священныхѣ драхмѣ Вакху, если сорветѣ изѣ своей собственности, мину, если сорветѣ у сосѣда, и двѣ трети мины за всякой плодѣ сѣ чужаго поля. Желающій вкушать отѣ винограда, такѣ называемаго свободнаго, или отѣ смоквѣ не запрещенныхѣ, изѣ собственнаго, вѣ свое время можетѣ рвать сколько захочетѣ; но если не спросясь, сорветѣ изѣ чужаго; то по закону, предписывающему не трогать того, что не позволено, всегда подвергается наказанію; если рабѣ безѣ позволенія владѣтеля коснется плодовѣ его, то по количеству ягодѣ получаетѣ равное число ударовѣ; но челядинецѣ, ходившій за произращеніемѣ плодовѣ, можетѣ вкушать отѣ нихѣ — сколько захочетѣ. Прибывшій иностранецѣ, если пожелаетѣ вкусить отѣ плодовѣ, при проводникѣ можетѣ рвать зрѣлые безѣ всякой пени; уступимѣ ему сей гостепріимный дарѣ; но до полевыхѣ плодовѣ прикасаться иностранцамѣ законѣ воспрещаетѣ. Коснувшійся по невѣденію наказывается: рабѣ — ударами, а свободный отпускается со увразумленіемѣ, пользоваться только тѣми плодами, которые неспособны ни для вина, ни для храненія. Что касается до грушѣ, яблокѣ, апельсинѣ и тому подобнаго, стыдно рвать ихѣ украдкой. Пойманный же моложе тридцати лѣтѣ наказывается легкими

ударами безъ ранъ; впрочемъ такому наказанію не подвергается свободный. Чужестранцу позволено пользоваться сими плодами, равно какъ виноградомъ. Старѣйшій лѣтами можетъ рвать и кушать, не унося ничего съ собою, можетъ имѣть сію свободу на ровнѣ съ иностранцемъ. Неповинующійся симъ законамъ подвергается лишенію чести, если кто донесетъ судьямъ о таковыхъ поступкахъ его.

Вода для садоводства есть самая питательная стихія, но легко портится; земля, солнце, воздухъ также служатъ пищею прозябающему изъ земли; но ихъ не легко испортить ядами, или отвести, или украсть; съ водою же все это можетъ случиться. И потому она требуетъ помощи закона; вотъ онъ: Если кто съ намѣреніемъ испортитъ чужую воду, ключевую или въ водохранилищахъ, отравитъ ее, или подкопаетъ, или вычерпаетъ; то обиженный доноситъ о семъ градоправителямъ, съ объявленіемъ своего ущерба. Уличенный въ порчѣ воды посредствомъ яда, сверхъ пени долженъ очистить источникъ или ближайшій потокъ, какъ предпишутъ ему сіе законоизъяснители.

Что касается до сбыту всѣхъ произведеній, всякой можетъ привозить свои, куда ему разсудится, гдѣ чрезъ сіе онъ не могъ бы вредить другому, или если прибыль его въ три раза важнѣе вреда, которой онъ мо-

жетъ причинить другому. Архонты должны быть распорядителями сихъ дѣлъ, и прекращать всѣ насильственные и тайные умыслы любостяжанія ко вреду ближняго. Обличенный въ такихъ поступкахъ предъ Архонтами платитъ пеню, если ущербъ простирается не выше трехъ минъ. Но если обвиненіе простирается выше, то по перенесеніи дѣла въ общее судилище виновный наказывается. Если какой правитель произнесетъ несправедливый приговоръ на щетъ ущерба; то онъ повиненъ заплатить обиженному въ двое. Всякой желающій можетъ переносить въ общія судилища свои жалобы на несправедливости начальниковъ. Безчисленны и маловажны постановленія, какъ должно назначать различныя степени наказанія, рѣшать дѣла, призывать къ суду, и сколько свидѣтелей представлять, двоихъ или болѣе; всѣ таковые случаи не могутъ быть оставлены безъ узаконенія, но притомъ они ниже главнаго законодателя. Пусть займутся симъ молодые, и соображаясь съ прежними постановленіями, присоединяютъ малое къ великому; искуство и опытность будутъ ихъ руководителями, доколѣ они все положатъ на твердомъ основаніи. Такимъ образомъ, содѣлавъ ихъ непоколебимыми, могутъ соображать съ ними свою жизнь.

Послѣ сего скажемъ о ремесленникахъ. Во первыхъ ни одинъ гражданинъ не долженъ

производить ремесленныхъ работъ, ни быть работникомъ другаго гражданина: ибо каждый гражданинъ уже имѣетъ важное ремесло, требующее всего старанія и великаго ученія; занимаясь общимъ благоустройствомъ города, онъ имѣетъ такія обязанности, съ коими не совмѣстна праздность. Ни какая человѣческая природа не достаточна для того, чтобы съ точностію исправлять двѣ должности или два ремесла, и чтобы, занимаясь своимъ собственнымъ искуствомъ, въ тоже время съ равнымъ успѣхомъ учить кого либо другому искуству. И такъ первымъ правиломъ въ нашемъ городѣ должно быть, чтобы кузнецъ не исправлялъ вмѣстѣ ремесла плотничьяго, и чтобы плотникъ не имѣлъ подъ своимъ надзоромъ кузнецовъ, которыми онъ доженъ заниматься болѣе, нежели своею работою, расчитывая, что отъ большаго числа работающихъ онъ получитъ болѣе прибыли. Каждый ремесленникъ, занимаясь только однимъ ремесломъ, отъ него только долженъ получать свое пропитаніе. Градоправители должны содержать сей законъ во всей его силѣ; они наказываютъ укоризнами, безчестіемъ того гражданина, которой болѣе печется о снисканіи какаго либо промысла нежели добродѣтели и обращаютъ его на истинный путь ея. Кто изъ иностранцевъ производитъ два ремесла; такого, наказываютъ заключеніемъ

или денежною пенею или изгнанiемъ изъ города и симъ ограничиваютъ число ихъ; если лишаютъ ихъ должной платы или работы, если кто обидитъ ихъ, или они кого обидятъ; то жалобы сего рода, до пятидесяти драхмъ простирающiяся, рѣшатъ сами градоправители; выше сего по закону рѣшатъ высшiя судилища.

Пошлины въ городѣ никто не платитъ ни за ввозимые, ни за вывозимые товары. Никто да не дерзаетъ ввозить ладану, и другихъ иноземныхъ благовонiй, также красокъ, которыхъ не производитъ наша страна, и другихъ безполезныхъ предметовъ роскоши, ни вывозить того, что необходимо для самаго города. Надзирателями и попечителями сихъ торговыхъ сношенiй должны быть пять законоблюстителей, избираемыхъ по порядку изъ двѣнадцати старѣйшинъ. Относительно оружiя и прочихъ военныхъ припасовъ, если будутъ потребны или иноземное искуство, или дерево, или металлъ, или кованiе или какiя животныя для военнаго употребленiя; то иппархи и военачальники, сдѣлавъ свои разпоряженiя, какъ для привоза, такъ и для вывоза, именемъ города даютъ и принимаютъ все нужное, руководствуясь законами, кои для сего изданы будутъ законоблюстителями. Торговля сими и подобными вещами въ нашемъ городѣ не должна быть предметомъ корысти.

Надлежащій порядокъ въ раздѣленіи питательныхъ и прочихъ произведеній страны, основываясь на древнемъ Критскомъ законѣ, можетъ происходить слѣдующимъ образомъ: всѣ произведенія двѣнадцати частей раздѣляются и потребляются равно между всѣми гражданами. Всякая двѣнадцатая часть, какъ то хлѣба, ячменя, включая сюда и прочіе плоды и всѣхъ животныхъ, назначенныхъ для потребленія, раздѣляются на три части, изъ коихъ первая служитъ для свободныхъ; вторая для ихъ служителей; третья для ремесленниковъ, иностранцевъ, поселенцевъ, кои пребываютъ въ городѣ и требуютъ пропитанія, и для тѣхъ, кои по дѣламъ города или частныхъ людей всегда пріѣзжаютъ въ городъ. Сія третья часть жизненныхъ припасовъ только одна остается продажною. Изъ двухъ же первыхъ частей ничто нейдетъ въ продажу. Но какимъ образомъ мы соблюдемъ точность въ раздѣленіи? Весьма ясно, что оно въ нѣкоторомъ отношеніи должно быть ровное, въ другомъ не ровное.

Кл. Какимъ образомъ?

Аѳ. Смотря потому, лучше или хуже бываетъ урожай и плодоносіе земли.

Кл. Безъ сомнѣнія.

Аѳ. Три раздѣленныя части, одна для господъ, другая для рабовъ, третья для иностранцевъ ни чѣмъ не больше одна другой, но совершенно равны. Всякой гражданинъ,

взявъ двѣ части, дѣлитъ ихъ между рабами и свободными по волѣ своей, сколько кому разсудитъ дать, по основательному разчисленію, и по числу животныхъ питающихся земными произведеніями.

Равнымъ образомъ самыя жилища должны быть раздѣлены по извѣстному порядку: именно двѣнадцать селеній составляютъ однинъ округъ, имѣющій въ срединѣ общее мѣсто сношенія. Въ каждомъ селеніи учреждается храмъ съ площадью для Боговъ и геніевъ — хранителей. Къ сохранившимся памятникамъ древности Магнезійцы должны имѣть то же почтеніе, какое имѣли къ нимъ древніе, и во всѣхъ прочихъ мѣстахъ воздвигнуть храмы Вестѣ, Зевесу, Аѳинѣ, и покровителю своей страны. Жилья располагаются вокругъ сихъ храмовъ, на возвышенныхъ мѣстахъ, удобныхъ для помѣщенія стражи.

Всю страну должно снабдить художниками, раздѣливъ ихъ на тринадцать частей. Одни помѣщаются въ городѣ въ двѣнадцати частяхъ его, другіе внѣ города въ окрестныхъ странахъ. Въ каждомъ селеніи должны быть всякаго рода ремесленники полезные для земледѣльцовъ. Первые изъ агрономовъ будутъ имѣть попеченіе о томъ, какихъ художниковъ и сколько должно поселить въ каждомъ мѣстѣ, дабы земледѣлецъ безъ всякаго труда могъ пользоваться ихъ помощію;

въ городѣ сіе предоставляется градоправителямъ. Торжищные стопрители имѣютъ попеченіе о всемъ, что касается до торжищъ, и послѣ цѣлости храмовъ надзираютъ, чтобы въ продажѣ съѣстныхъ припасовъ не было никакого обмана, они же, какъ блюстители благочинія, предупреждаютъ личныя оскорбленія и наказываютъ виновныхъ. При продажѣ отъ города иностранцамъ установленныхъ предметовъ, они наблюдаютъ, чтобы все происходило по закону. Законъ же таковъ: Въ девятое число мѣсяца, изъ всего хлѣба, которой назначенъ къ продажѣ, поставщики, иностранцы или рабы привозятъ въ городъ для гостей одну двѣнадцатую часть и гость на семъ торжищѣ закупаетъ на цѣлый мѣсяцъ хлѣба и все хлѣбное. Двѣнадцатаго числа одни производятъ продажу, другіе покупку всѣхъ жидкостей достаточно на цѣлый мѣсяцъ. Въ двадцать третье число происходитъ продажа животныхъ, смотря потому сколько могутъ сбыть продающіе и сколько достаточно для нуждающихся; тогда же продаются земледѣльческія орудія и другія вещи, какъ то кожи, одежда, вязанія, столярная работа и тому подобное. Иностранцы имѣютъ нужду покупать у другихъ готовое кушанье, также муку пшеничную, ячменную и всякія другія снѣди; изъ гражданъ же и рабовъ никто не можетъ ни покупать, ни продавать ничего

подобнаго; иностранецЪ на гостинномЪ дворѣ продаетЪ ремесленникамЪ и поселенцамЪ вино и кушанье, что многіе называютЪ карчебничествомЪ.

По раздѣленіи скота назначаются повара для иностранцевЪ и ремесленниковЪ, и прислуга. Дрова для ежедневной топки иностранецЪ покупаетЪ оптомЪ у мѣстныхЪ поставщиковЪ, и продаетЪ другимЪ иностранцамЪ по скольку и когда захочетЪ. Что касается до прочихЪ вещей и орудій необходимыхЪ для каждаго, онѣ продаются на общемЪ торжищѣ, на такомЪ мѣстѣ, которое законоблюстители вмѣстѣ сЪ торжищными приставами и градоправителями изберутЪ какЪ удобнѣйшее для промѣна денегЪ на товары и товаровЪ на деньги, чтобЪ ни кто не уступалЪ даромЪ другому своей собственности.

КтожЪ уступаетЪ по довѣренности, тотЪ получитЪ ли плату или не получитЪ, уже не можетЪ приносить жалобы послѣ сей сдѣлки. При куплѣ и продажѣ вещи, во сколько она дороже противЪ закона, вЪ которомЪ сказано, выше и ниже какой цѣны не покупать ничего, излишекЪ записывается у законоблюстителей а недостатокЪ вычитается.

Тоже должно постановить о поселенцахЪ, касательно записки ихЪ имѣнія. ВотЪ правила для таковыхЪ: время жительства для желающаго поселиться вЪ нашей странѣ,

если кто приходитЪ сЪ какимЪ либо художествомЪ, должно быть не долѢе двадцати лѢтЪ отЪ написанія; потомЪ сохраняя весь порядокЪ благочинія, онЪ платитЪ немаловажную подать, и за то уже свободенЪ отЪ всякой пошлины за продажу и покупку. По прошествіи же сего срока онЪ, взявЪ свое имѢніе, отходитЪ. Но если вЪ теченіи сего времени случится ему оказать какую либо отличную услугу городу, и онЪ убѢдитЪ совѢтЪ и народное собраніе или отсрочить для него время удаленія, или позволить ему остаться на всю жизнь свою; то онЪ получаетЪ удовлетвореніе по просьбѢ своей и по разсмотрѢнію города. Для дѢтей же поселенцовЪ, если они ремесленники и достигли пятнадцатилѢтняго возраста, время поселенія начинается отЪ слѢдующаго года. ВЪ теченіи двадцати лѢтЪ потомЪ они могутЪ жить, гдѢ пожелаютЪ. Ктожь и послѢ сего хочетЪ остаться, тотЪ долженЪ просить позволенія. Отходящій уничтожаетЪ всѢ записи, кои были сдѢланы на него у архонтовЪ.

РАЗГОВОРЪ ДЕВЯТЫЙ
О
ЗАКОНАХЪ.

Послѣ сего къ утвержденію законовъ принадлежатъ судебныя производства, сопутствующія всѣмъ дѣяніямъ, о которыхъ мы говорили. Какія дѣянія подлежатъ суду и наказанію, сіе частію уже сказано въ статьи о земледѣліи и о всемъ, что къ нему относится; но важнѣйшаго еще не сказано, и не изложено подробно, какое должно принимать наказаніе и отъ какихъ судей. И о семъ слѣдуетъ говорить по порядку.

Кл. Справедливо.

Аө. Постыдно нѣкоторымъ образомъ утверждать законами и то все, что мы теперь намѣрены ввести въ такомъ городѣ, который долженъ быть благоустроенъ, и сохранять всю правоту въ навыкахъ добродѣтели; и въ томъ же городѣ предполагать, что будутъ люди причастные ужаснѣйшимъ порокамъ; люди, которымъ законодатель необходимо долженъ грозить, какъ для отвращенія отъ сихъ дѣлъ, такъ и для наказанія за содѣянное; полагать для сего законы, будто сіе можетъ случиться, нѣкоторымъ образомъ, какъ я сказалъ, постыдно. Но мы издаемъ законы не для сыновъ Божіихъ, не для героевъ, какъ древніе законодатели, которые по преданію и сами происходили отъ

Боговъ, и законодательствовали для людей божественнаго происхожденія; мы люди, и законодательствуемъ для сѣмени человѣческаго. Намъ простительно бояться, чтобъ не произошли между нашими гражданами какъ бы плевелы, которыхъ не силенъ истребить самый огонь. Сколько бы сильны ни были законы, они ни обуздаютъ непреклонныхъ. Для нихъ-то я произнесу непріятный законъ о святотатствѣ, еслибъ кто посягнулъ на такое преступленіе; мы не желали бы, и даже нельзя надѣяться, чтобъ благовоспитанный гражданинъ заболѣлъ симъ недугомъ. Рыбы только, пришельцы и слуги пришельцовъ могутъ подвергаться ему. Для нихъ-то особенно, но притомъ не довѣряя и общей слабости человѣческой природы, я изрѣку законъ о святотатствѣ и о другихъ подобныхъ неизцѣлимыхъ преступленіяхъ. Предисловіе же къ сему, какъ прежде согласились, должно сказать самое краткое для всѣхъ. Кто нибудь говоря назидательныя рѣчи къ человѣку, котораго злое желаніе влечетъ днемъ и возбуждаетъ ночью, на ограбленіе святыни, положимъ, скажетъ такъ: Нещастный! не человѣческое зло и не божественное влечетъ тебя на святотатство; тебя побуждаетъ какое нибудь преступное жало, зародившееся въ человѣкѣ отъ древнихъ еще неочищенныхъ несправедливостей. Надобно осте-

регаться тебѣ всячески; и вотъ въ чемъ состоитъ осторожность: если родится въ тебѣ подобная мысль, прибѣгай къ очистительнымъ жертвамъ, иди молиться въ храмы Боговъ, отгоняющихъ всякую напасть, иди въ бесѣду людей добродѣтельныхъ. Учись у нихъ и самъ старайся разсуждать, какъ долженъ всякой человѣкъ любить прекрасное и справедливое; и не озираясь бѣги сообщества злыхъ людей.

Если ты сіе сдѣлаешь, то болѣзнь твоя утишится; иначе лучше предпочти смерть и оставь позорную жизнь. Когда, внимая сему предисловію, люди поймутъ, что такія дѣла нечестивы и гибельны для общаго благосостоянія, и повинятся, то для таковыхъ законъ молчитъ: но для непокорныхъ и послѣ предисловія онъ громко вопіетъ. Пойманный въ святотатствѣ рабъ или пришелецъ, съ написаніемъ на челѣ и на рукахъ преступленія, высѣченный, какъ судьями будетъ опредѣлено, нагой извергается за предѣлы государства. Послѣ такаго наказанія, можетъ быть, онъ образумится и сдѣлается лучшимъ: ибо не на зло клонится наказаніе, по закону совершаемое, но производитъ одно что либо изъ двухъ: или лучшимъ, или злобнѣйшимъ дѣлаетъ того, кто подвергается ему. Но если гражданинъ окажется въ подобномъ преступленіи; если онъ или противъ Боговъ

или противъ родителей, или противъ отечества совершитъ какое нибудь изъ великихъ и неслыханныхъ злодѣяній; то судья долженъ почитать его уже неизцѣлимымъ; тѣмъ болѣе что онъ получивши съ дѣтства столь отличное воспитаніе и наставленіе, не воздержался отъ ужаснаго зла. Смертная казнь для такаго есть самое малое зло: пусть онъ и для другихъ послужитъ урокомъ; пусть безславный погибнетъ за предѣлами отечества; дѣтямъ же его и племени, если они избѣгутъ пороковъ отца своего, принадлежитъ слава и всеобщій лестный отзывъ, что они хорошо и мужественно перешли отъ зла къ добру; имѣніе ихъ не должно быть обращаемо въ общественную казну въ такомъ государствѣ, въ которомъ всѣ участки всегда должны оставаться равными. Пени же, если преступленіе требуетъ, производятся такъ: онѣ налагаются сколько позволяетъ излишекъ отъ узаконеннаго участка, а болѣе никакъ. Точныя же свѣдѣнія для сего законоблюстители, выписавъ изъ записей, сообщаютъ судіямъ, дабы ни одинъ участокъ не уменьшался по недостатку имѣнія; а кто найдется достойнымъ важнѣйшей пени; если друзья его не захотятъ поручиться за него и своими пособіями освободить его; тотъ наказывается временнымъ заключеніемъ и строгими укоризнами. Но безъ наказанія за преступленіе никто не

долженъ оставаться, или бѣжать за границу. Смерть, заключеніе, удары, позорныя мѣста, удаленіе въ храмы на послѣднихъ предѣлахъ отечества, или денежныя пени, таковы должны быть наказанія. Судьями же для смертнаго наказанія должны быть законоблюстители и лучшіе изъ правителей предъидущаго года. Какимъ образомъ должно происходить введеніе ихъ, призываніе къ суду, подобное сему, о семъ будутъ имѣть попеченіе молодые, позднѣйшіе законодатели. Но наше дѣло установить самое судопроизводство (производство дѣла). Приговоръ дѣлается явно. Во первыхъ судьи по старшинству возсѣдятъ, предъ нихъ предстаютъ истецъ и отвѣтчикъ. Всѣ граждане, имѣющіе досугъ, предстоятъ и прилѣжно внимаютъ суду. Первое слово говоритъ обвинитель, второе отвѣтчикъ. Послѣ ихъ словъ начинаетъ дѣлать вопросы старшій, входя въ подробное разсмотрѣніе сказаннаго. Послѣ старшаго другіе по порядку излагаютъ, что найдутъ нужнымъ отнять или прибавить къ словамъ той и другой стороны тяжущейся. Кто не находитъ никакаго возраженія, тотъ передаетъ судъ другому. Написавъ изъ сказаннаго все принадлежащее къ дѣлу, всѣ судьи прикладываютъ къ написанному свои печати, и полагаютъ его въ храмѣ Весты. На другой день опять сошедшись, разсужда-

ютЪ, пересматриваютЪ дѣло и подписываютЪ сказанное; трижды совершивЪ сіе, собравЪ достаточныя доказательства и свидѣтелей, каждой изЪ произносящихЪ священный приговорЪ клянется предЪ Вестою, что онЪ по возможности судилЪ справедливо и истинно, и такимЪ образомЪ оканчивается судЪ. Послѣ преступленій противЪ БоговЪ, слѣдуетЪ ниспроверженіе существующаго порядка дѣлЪ: кто возведеніемЪ кого нибудь во власть порабощаетЪ законы, крамолами покоряетЪ себѣ городЪ, дѣйствуетЪ насильственно, и безаконно возбуждаетЪ мятежи: того должно почитать ужаснѣйшимЪ врагомЪ отечества; а верховнаго правителя вЪ городѣ, отЪ котораго бы укрылися или не укрылися подобные умыслы, хотя бы онЪ вЪ нихЪ не участвовалЪ, но по малодушію не смѣлЪ прибѣгнуть кЪ строгости мщенія за свое отечество, должно почитать вторымЪ злодѣемЪ. Всякой добрый гражданинЪ обязанЪ доносить правительству и приводить на судЪ беззаконно умышляющаго перемѣнить существующій образЪ правленія. Судьями сихЪ дѣлЪ будутЪ судьи для святотатцевЪ, и судЪ происходитЪ одинакимЪ образомЪ какЪ для однихЪ, такЪ и для другихЪ. Смертный приговорЪ произносится по большинству голосовЪ. ОднимЪ словомЪ, изЪ мщенія кЪ отцу наказаніе не должно простираться на дѣтей его, развѣ у кого и

отецъ и дѣдъ и прадѣдъ подвергались смертной казни; таковыхъ городъ, отдавъ имъ все ихъ имущество, кромѣ законнаго участка, отсылаетъ въ ихъ первобытное отечество. Если въ нѣкоторыхъ семействахъ будетъ много дѣтей и всѣ не моложе десяти лѣтъ, то изъ нихъ выбравъ десятерыхъ, коихъ назначитъ отецъ или дѣдъ съ отцовской или съ материнской стороны, имена избранныхъ препроводитъ въ Дельфы, и кого Богъ-оракулъ укажетъ, тотъ дѣлается наслѣдникомъ оставшагося имѣнія.

Кл. Хорошо.

Аѳ. Третій общій законъ долженъ показать, какіе судьи должны быть для сихъ дѣлъ, и какимъ порядкомъ доносящій объ измѣнѣ долженъ приводить обвиняемыхъ къ суду; также сказать объ участи дѣтей ихъ, оставаться ли имъ въ отечествѣ или выходить изъ онаго; и сей законъ будетъ общимъ для измѣнника, святотатца и для низпровергающаго своимъ насильствомъ общественные законы.

Для вора, украдетъ ли онъ много или мало, долженъ быть одинъ законъ и одно наказаніе за все. За покраденное долженъ платить въ двое обвиненной въ семъ преступленіи, если имѣніе его сверхъ законнаго участка достаточно для уплаты; иначе онъ заключается въ темницу, доколѣ или уплатитъ,

или помирится съ истцомъ; кто подвергается казни какъ государственный воръ, тотъ или по снисхожденію народа, или заплативъ въ двое за покраденное, освобождается отъ заключенія.

Кл. Что мы говоримъ, почтенный, будто нѣтъ никакой разности для ворующаго, украдетъ ли онъ много или мало, изъ священныхъ ли храмовъ, или изъ вещей общественныхъ, и мало ли другихъ несходствъ въ воровствѣ? Законодатель, кажется, долженъ вникать въ различіе ихъ, и не налагать за все одинакаго наказанія.

Аѳ. Прекрасно, Клиній; ты какъ будто пробуждаешь меня внезапнымъ преткновеніемъ въ спокойномъ теченіи моемъ. При семъ ты приводишь мнѣ на мысль и другое, что въ законодательствѣ никогда еще не было ничего совершенно устроеннаго.

Кл. Какъ можно сказать и это?

Аѳ. Мы уже и прежде не худо уподобили всѣ нынѣшнія законодательства рабамъ, рабами же врачаемымъ. Ты знаешь, что какой нибудь врачь, занимающійся врачеваніемъ только по опытамъ безъ ученія, увидѣвъ другаго врача свободнаго, съ свободнымъ больнымъ разговаривающаго, глубокомысленно съ помощію наукъ изслѣдывающаго начало болѣзни, и распространяющагося объ общей природѣ всѣхъ тѣлъ, — не подумавши громко засмѣется, и скажетъ то,

что говорятъ о семъ обыкновенно весьма многіе врачи:— глупой, ты не лѣчишь больнаго, но почти учишь, будто онъ долженъ сдѣлаться врачемъ, а не здоровымъ.

Кл. И кажется, онъ сказалъ бы это справедливо.

Аѳ. Но еслибъ онъ заключилъ, что и тотъ учитъ гражданъ, а не законодательствуетъ, кто излагаетъ законъ такъ, какъ мы теперь говоримъ; конечно онъ сказалъ бы сіе правильно.

Кл. Все равно.

Аѳ. Но мы имѣемъ еще одно преимущество.

Кл. Какое?

Аѳ. То, что не имѣемъ никакой необходимости законодательствовать; но войдя въ разсужденіе, мы разсматриваемъ въ каждомъ правленіи, что превосходно и что необходимо, и какимъ образомъ можетъ быть устроено. И теперь кажется мы вольны, если угодно смотрѣть въ законахъ на лучшее; а если желаемъ, на необходимѣйшее; избиремъ то или другое, если угодно.

Кл. Смѣшной выборъ мы предлагаемъ себѣ, почтенный! Мы былибъ подобны законодателямъ по неволѣ, еслибъ подлежало давать законы по величайшей какой нибудь необходимости безъ отсрочки даже до завтрашняго дня. Слава богу, намъ какъ и каменьщикамъ или начинающимъ другія ра-

боты, еще можно сносить все въ одну кучу и выбирать изъ ней все годное для будущаго зданія, но выбирать на досугѣ. Итакъ положимъ что мы зиждемъ не по нуждѣ, но по волѣ; одно перекладываемъ, другое слагаемъ, и правильно можно назвать одни изъ законовъ уже положительными, другіе только предложенными.

Аѳ. Это единственный способъ — согласить съ природою наше обозрѣніе законовъ. Но прошу васъ, возмите въ разсужденіе о законоподателяхъ. . .

Кл. Что?

Аѳ. Въ городахъ много пишутъ и разсуждаютъ о многихъ другихъ предметахъ; законодатели также пишутъ и разсуждаютъ.

Кл. Нѣтъ сомнѣнія.

Аѳ. Будемъ ли обращать все вниманіе только на сочиненія стихотворцевъ и тѣхъ, кои изложили стихами или прозою правила жизни; а сочиненія законодателей оставимъ? Или особенно въ сіи вникать будемъ?

Кл. И несравненно болѣе.

Аѳ. Не законодатель ли долженъ разсуждать о прекрасномъ, добромъ и справедливомъ? Не онъ ли долженъ учить, въ чемъ онѣ состоятъ, и какъ ими должно пользоваться, чтобъ жить щастливо?

Кл. Безъ сомнѣнія.

Аѳ. Но еслибъ стыдно было Гомеру или Тиртею или другимъ стихотворцамъ писать худо о жизни человѣческой и обязанностяхъ ея; то менѣе ли постыдно сіе для Ликурга, Солона, и для другихъ, кои писали о законахъ? Или справедливо сочиненія о законахъ болѣе другихъ должны отличаться лучшимъ и пріятнѣйшимъ выраженіемъ; чтобъ никакое другое не могло спорить или равняться въ превосходствѣ съ ними, чтобъ всякое противорѣчіе имъ было смѣшно? Представимъ себѣ, что законы должно писать съ любовію и мудростію отца и матери, а не съ строгостію тиранна приказать, погрозить, написать на стѣнѣ, и тѣмъ все дѣло рѣшить. Разсмотримъ же, какимъ образомъ и намъ говорить о законахъ; по силамъ ли сей трудъ или не по силамъ, будемъ готовы на все; и еслибъ что на пути своемъ надлежало претерпѣть, претерпимъ, только бы далъ Богъ успѣшно совершиться сему.

Кл. Прекрасно сказано; сдѣлаемъ, какъ ты говоришь.

Аѳ. И во первыхъ разсмотримъ точно, какъ мы себѣ предположили, о святотатствѣ, о всякомъ воровствѣ, и вообще о всѣхъ несправедливостяхъ. Не отчаемся, если законодательствуя, иное уже положили, о другомъ же входимъ только въ разсмотрѣніе. Мы дѣлаемся законодателями, но еще не законодатели. Скоро можетъ быть ими будемъ; но

расмотримъ, если угодно, по предложенной методѣ то, о чемъ я началъ говорить.

Кл. Очень желаемъ.

Аѳ. Постараемся же вникнуть въ прекрасное и справедливое, въ чемъ мы теперь уже согласны, и въ чемъ не согласны и мы сами съ собою, мы, которые стремимся по крайней мѣрѣ отдѣлиться отъ невѣжественной толпы и въ чемъ несогасна чернь между собою.

Кл. О какихъ разногласіяхъ нашихъ говоришь ты?

Аѳ. Постараюсь обЪяснить: въ справедливости вообще, въ справедливыхъ людяхъ, дѣлахъ и подвигахъ мы всѣ соглашаемся, что они прекрасны. И кажется, не ошибочно можно утверждать, что справедливые люди, хотя бы были безобразны наружностію, по безпристрастію же совершенно прекрасны, не правда ли?

Кл. Точно такъ.

Аѳ. Замѣтимъ же, что, если все соединенное съ справедливостію прекрасно; то и всѣ наши расположенія бываютъ таковыми же какъ и наши дѣла.

Кл. Не иначе.

Аѳ. Всякое правильное дѣйствіе въ такой мѣрѣ бываетъ прекрасно, сколько оно совмѣстно съ справедливостію.

Кл. Такъ.

Аѳ. Слѣдовательно нѣтъ никакого противорѣчія, что всякое расположеніе души, совмѣстное съ справедливостію, въ такой же мѣрѣ должно быть и прекрасно.

Кл. Справедливо.

Аѳ. Но мы, признавая какое нибудь расположеніе справедливымъ, но не прекраснымъ, признаемъ ихъ противными другъ другу, противными справедливое и прекрасное.

Кл. Какимъ образомъ ты ето говоришь?

Аѳ. Не трудно понять. Непосредственно предъ симъ положенные нами законы, кажется, говорятъ совершенно противное настоящимъ словамъ нашимъ.

Кл. Какимъ?

Аѳ. Мы положили, что святотатецъ и врагъ существующихъ законовъ справедливо наказываются смертію. Намѣреваясь сдѣлать многія подобныя узаконенія, мы удерживаемся, почитая ихъ ужасными по строгости ихъ и по жестокости наказанія; вотъ самыя справедливыя дѣла, но притомъ и самыя гнусныя. Такимъ образомъ не представляются ли намъ справедливое и прекрасное иногда какъ одно и тоже, иногда совершенно противными?

Кл. Случается.

Аѳ. Отъ того такъ не согласно многіе говорятъ о прекрасномъ и справедливомъ и раздѣляютъ ихъ на двѣ части.

Кл. Ето ясно, почтенный.

Аѳ. Посмотримъ же, Клиній, больше ли согласія будетъ въ нашихъ словахъ о томъ же предметѣ.

Кл. Въ чемъ?

Аѳ. Думаю, что я уже сказалъ это ясно въ прежнихъ словахъ.

Кл. Какимъ образомъ?

Аѳ. Если не прежде, такъ теперь скажу.

Кл. Что такоѐ?

Аѳ. Что всѣ злые во всѣхъ случаяхъ противъ воли своей бываютъ злыми; и если это такъ: то необходимое изъ сего слѣдствіе...

Кл. Какое?

Аѳ. Что всякой несправедливой человѣкъ есть золъ: но злой по неволѣ таковъ. Дѣлать же по неволѣ что нибудь произвольное, несообразно съ разсудкомъ. Полагающій обиду непроизвольною основывается на томъ, что несправедливый противъ воли своей причиняетъ ее. И я съ нимъ согласенъ; я также говорю, что всѣ противъ воли своей бываютъ несправедливыми; хотя кто по духу противорѣчія или для странности утверждаетъ, что дѣйствительно противъ воли иные дѣлаются такими, между тѣмъ многіе произвольно несправедливы. Но съ первымъ я согласенъ, а послѣдняго не принимаю. Какимъ же образомъ я соглашусь самъ съ собою? — спросите меня вы, Клиній и Мегилъ; и если такъ, почтен-

ный, то какой совѣтъ подашь ты намъ о законодательствѣ для города Магнезіи? Узаконять ли что или нѣтъ? какъ же нѣтъ? скажу я. Итакъ раздѣляешь ли ты преступленія на произвольныя и непроизвольныя? за произвольныя положишь ли большія на-наказанія, а за непроизвольныя меньшія? Или за всѣ равныя, такъ какъ бы не было преступленій совершенно произвольныхъ?

Кл. Провильно говоришь ты, почтенный; но къ чему намъ послужатъ слава сіи?

Аѳ. Прекрасный вопросъ! во первыхъ онѣ послужатъ намъ къ тому...

Кл. Къ чему?

Аѳ. Припомнимъ, какъ мы сказали и теперь и прежде, что относительно справедливости мы находимся въ великомъ замѣшательствѣ и несогласіи; взявъ сіе въ разсужденіе, опять вопросимъ себя самихъ: не разрѣшивши своего сомнѣнія о семъ предметѣ и не опредѣливши, чѣмъ различаются между собою, принятые законодателями всѣхъ временъ и всѣхъ государствъ два вида преступленій, произвольныхъ и непроизвольныхъ, различіе на которомъ основаны ихъ законы; останемся ли мы довольны тѣмъ, что повторимъ сіе изрѣченіе какъ оракульское и тѣмъ однимъ окончимъ, и не подтвердивъ справедливости сказаннаго доводами, будемъ предписывать законы? Ето невозможно. Но напередъ необходимо обЪяснить сіи два

вида и прочія ихъ различія, дабы всякой могъ слѣдовать за нашими причинами при возложеніи на кого нибудь наказанія, и судить нѣкоторымъ образомъ, справедливо ли оно возложено или несправедливо?

Кл. Кажется, ты хорошо говоришь, почтенный.

Аѳ. Намъ нужно одно что либо изъ двухъ, или не говорить, что всѣ преступленія не произвольны; или доказать, что сіе сказано правильно; одно изъ сихъ двухъ для меня совсѣмъ нестерпимо, быть увѣрену въ какой либо истинѣ и не смѣть сказать своего мнѣнія; ето беззаконно и богопротивно. Но какимъ образомъ произходятъ два вида? И если они не отличаются между собою произволомъ и непроизвольностію, но другимъ какимъ либо образомъ, то сіе также требуетъ объясненія.

Кл. Совершенно такъ, почтенный; иначе мы не можемъ понять сего раздѣленія.

Аѳ. Вы скоро поймете. Убытки, получаемые гражданами другъ отъ друга во взаимныхъ оборотахъ и сношеніяхъ, бываютъ многочисленны и весьма часто произвольнымъ и непроизвольнымъ образомъ.

Кл. Конечно такъ.

Аѳ. Но полагая всякой убытокъ несправедливостію, не подумаемъ, что и несправедливости съ убытками сопряженныя, также двояки: однѣ произвольныя,

другія непроизвольныя. Ибо непроизвольные убытки ни числомъ, ни мѣрою не меньше всѣхъ произвольныхъ. Разсмотрите, желая говорить сіе, говорю ли я что нибудь или вовсѣ ничего. Я не скажу, Мегиллъ и Клиній, что тотъ обижаетъ, но обижаетъ противъ воли, кто наноситъ вредъ другому противъ своего желанія, невольно; и въ законѣ я не отнесу сего вреда къ непроизвольной несправедливости. Великъ ли сей вредъ или малъ, я не назову его несправедливостію. Часто по моему мнѣнію услуга, оказанная не законнымъ образомъ, дѣлаетъ виновника своего несправедливымъ. Смотря потому, даетъ ли кто другому что либо или отнимаетъ у него, друзья, почти нельзя назвать его справедливымъ или несправедливымъ человѣкомъ. Но законодатель долженъ обращать вниманіе на самое намѣреніе и способы, какъ кто приноситъ пользу или вредъ, отличая всегда несправедливость и убытокъ; цѣлію законовъ должно быть, вознаградить по возможности убытокъ, спасти погибшее, возставить падшее, изцѣлить раненое и примиряя достойнымъ воздаяніемъ наносящихъ и претерпѣвающихъ обиды, стараться вмѣсто распри водворять дружество.

Кл. Ето хорошо!

Аѳ. Также неправедные убытки и корыстолюбіе, когда кто ищетъ обогащенія не-

справедливыми путями, какъ болѣзнь души изцѣлять, если она удобоизцѣлима; но надобно сказать, что изцѣленіе сей болѣзни клонится только къ тому —

Кл. Къ чему?

Аѳ. Дабы наносящаго большую или малую обиду законъ научалъ и заставлялъ впредь или вовсѣ не дерзать добровольно на дѣла подобныя или гораздо меньше, и вознаграждать притомъ нанесенный вредъ. Приводить къ сему дѣлами и словами, посредствомъ удовольствія, огорченія, почестями и безчестіемъ, денежными пенями и дарами, или другимъ какимъ либо образомъ внушать ненависть къ обидѣ и любовь къ справедливости, вотъ дѣйствія прекраснѣйшихъ законовъ. Если законодатель усматриваетъ людей неисправимыхъ съ сей стороны, то для таковыхъ какое наказаніе и какой законъ онъ положитъ? Зная, что для нихъ самихъ жизнь не представляетъ ничего хорошаго, и для другихъ они смертію своею принесутъ двоякую пользу; во первыхъ послужатъ имъ урокомъ, не обижать другихъ; во вторыхъ освободятъ городъ отъ людей порочныхъ, за такія преступленія законодатель необходимо предписываетъ смертную казнь; иначе никогда.

Кл. Все сказанное тобою очень справедливо. Но съ великою охотою желалибъ мы услышать яснѣйшее различіе между неспра-

ведливостію и вредомъ, между произвольнымъ и непроизвольнымъ, и о томъ, какая связь находится между первыми и послѣдними.

Аѳ. Постараюсь сдѣлать и сказать, какъ вы приказываете. Конечно вы сами столько говорите между собою о душѣ и слышите, что есть нѣкоторое расположеніе въ ней, или нѣкоторая часть существа ея-гнѣвъ, отъ природы неукротимый, грубой, который часто увлекаетъ насъ своею безразсудною, слѣпою силою.

Кл. Какъ этого не знать?

Аѳ. Сверхъ того мы примѣчаемъ въ душѣ влеченіе къ удовольствію, которое не имѣетъ ничего общаго съ гнѣвомъ; оно съ противной стороны владычествуетъ своею слѣпою силою, убѣждаетъ измѣннически дѣлать все, что внушаютъ стремленія его.

Кл. И точно.

Аѳ. Третьею причиною пороковъ, не ошибаясь, можно назвать невѣжество. Но законодатель лучше можетъ раздѣлить его на два вида: на простое невѣжество, которое бываетъ виною легкихъ пороковъ, и сложное, когда кто не только не знаетъ своего невѣжества, но и тщеславится своею мудростію, будто совершенно понимаетъ то, въ чемъ онъ вовсѣ не свѣдущъ. При силѣ и могуществѣ оно производитъ величайшія и грубѣйшія преступленія, при слабости же пороки дѣтей и стариковъ. Сіи мы называемъ

погрѣшностями и укрощаемъ ихъ законами кроткими, снисходительными.

Кл. Справедливо говоришь.

Аѳ. Разсуждая о людяхъ, мы говоримъ, что одни изъ нихъ благороднѣе по своимъ удовольствіямъ и гнѣву, другіе хуже.

Кл. Совершенно такъ.

Аѳ. Но мы никогда не слышимъ, чтобъ по невѣжеству одинъ былъ лучше, а другой хуже.

Кл. Очень справедливо.

Аѳ. Всѣ сіи побужденія увлекаютъ каждаго къ особеннымъ желаніямъ, и такъ сказать, раздираютъ на двѣ противныя стороны.

Кл. Очень часто.

Аѳ. Теперь уже ясно и безъ всѣхъ околичностей могу раздѣлить справедливое и несправедливое. Владычество надъ душею гнѣва, страха, удовольствія, горести, зависти и вожделѣній, вредитъ ли кто или нѣтъ, я вообще называю несправедливостію. Назову справедливымъ всякое дѣйствіе, сообразное съ понятіемъ блага, принятаго или отъ цѣлаго государства, или нѣкоторыми частными людьми, если сіе понятіе владычествуя въ душѣ, располагаетъ всѣмъ человѣкомъ, хотябъ онъ подвергался иногда ошибкѣ; повинующійся сей власти вездѣ, во всю жизнь есть лучшій человѣкъ. Погрѣшности его у всѣхъ называются неумышленною несправедливостью; впрочемъ теперь не спо-

римѣ о названіяхѣ. Открывши сіи три повода кѣ преступленію, постараемся напередѣ затвердить ихѣ вѣ памяти своей. Первой поводѣ есть огорченіе, которое мы называемѣ гнѣвомѣ и страхомѣ.

Кл. Точно такѣ.

Ас. Второй поводѣ даютѣ удовольствія и вожделѣнія и третій отсутствіе надежды, и всякаго истиннаго мнѣнія; и по раздѣленіи сего третьяго, мы находимѣ всѣхѣ пять видовѣ. Для сего должно издать различные законы, подведя ихѣ подѣ главные два рода.

Кл. Какія?

Ас. Одинѣ родѣ для преступленій открытыхѣ, тяжкихѣ; другой для содѣеваемыхѣ во тьмѣ и обманомѣ; иногда тѣмѣ и другимѣ образомѣ; смотря посему, и законы не могутѣ быть довольно строгими, чтобѣ соблюсти всю справедливость.

Кл. Правильно.

Ас. Послѣ сего приступимѣ опять кѣ тому, отѣ чего мы отступили вѣ продолженіи законодательства. У насѣ уже положены, кажется, законы о грабителяхѣ святыни, о предателяхѣ, о подрывающихѣ законы низпроверженіемѣ существующаго государственнаго устройства. Если учинитѣ такое преступленіе сумашедшій, или болѣзнію или дряхлою старостію обремененный или по слобоумію дѣтямѣ свойственному и сіе откроется избраннымѣ для сего судьямѣ, по

признанію самаго виновнаго, или заставшими его на дѣлѣ: то всякой изъ таковыхъ просто уплачиваетъ убытокъ имъ нанесенный, и отъ прочихъ обвиненій освобождается, исключая, если онъ убивши кого нибудь, осквернитъ руки свои кровію. Тогда онъ долженъ удалиться въ чужую страну и цѣлой годъ жить внѣ отечества. Но если онъ придетъ прежде узаконеннаго времени, или найдется, гдѣ бы то ни было, въ отечественной странѣ; то онъ законоблюстителями ввергается на цѣлой годъ въ публичную темницу, и потомъ освобождается. Начавъ говорить объ убійствѣ, постараемся положить конецъ законамъ о убійствѣ всякаго рода и во первыхъ о непроизвольномъ, нечаянномъ. Если кто при состязаніи на общественныхъ играхъ невольно, на самомъ мѣстѣ, или оставивъ нѣсколько минутъ жизни, убьетъ своего друга; равно если убьетъ на войнѣ или въ приготовленіи къ войнѣ, между тѣмъ какъ начальники дѣлали военное ученіе, невооруженный или вооруженный по подобію дѣйствительной войны; то по закону, данному о семъ отъ Делфійскаго аракула, такой убійца свободенъ отъ осужденія. Всякой врачь, если лѣчимый безъ умышленія его умретъ, по закону оправдывается. Если противъ воли одинъ убьетъ другаго, или безоружнымъ своимъ тѣломъ, или орудіемъ, или стрѣлою, или поданіемъ пищи и питья, или съ помощію огня

или мороза или лишеніемъ дыханія, изъ своихъ рукъ или посредствомъ тѣлъ постороннихъ; тотъ, какъ убійца, несетъ слѣдующее наказаніе: кто убьетъ чужаго раба, принявши его за своего, тотъ заплативъ за него, оставляетъ господина его безъ убытка; иначе долженъ заплатить двойную пеню за убитаго. Судіи утвержаютъ цѣну сію. При томъ онъ подвергается большимъ очищеніямъ и важнѣйшимъ, нежели убійцы на игрищахъ. Истолкователями сихъ очищеній будутъ люди оракуломъ назначенные. Убившій своего раба, по очищеніи освобождается по закону отъ всякаго другаго наказанія. Кто непроизвольно убьетъ свободнаго, тотъ подвергается тѣмъ же очищеніямъ, какими очищается убившій раба. Притомъ не оставимъ безъ вниманія одного изъ древнихъ преданій: говорятъ, что убитый насильственно, если онъ жилъ въ свободномъ разумѣ, по смерти своей питаетъ гнѣвъ на убійцу; еще исполненный страха и трепета за несправедливую смерть, и видя убійцу своего, ведущаго обычной образъ жизни, онъ негодуетъ; еще смущенный, онъ всею силою возмущаетъ и его, имѣя союзниками себѣ память, его самаго и дѣла его. Почему виновный долженъ удалиться на годъ отъ раздраженнаго изъ страны своей, и не посѣщать ни одного мѣста въ отечествѣ своемъ. Если убитъ иностранецъ, то убій-

цѣ не приближаться къ странѣ иностранца въ теченіи цѣлаго года. Если кто добровольно покорится сему закону, то ближайшій изъ роду убитаго, какъ свидѣтель раскаянія, прощаетъ убійцу, и соблюдая противъ его миръ, оказываетъ во всемъ кротость. Ктожь не покоряется, но еще, оскверненный убійствомъ, дерзаетъ вступать въ священные храмы, жертвовать и не хочетъ провесть въ изгнаніи узаконеннаго времени; того имѣетъ право привесть къ суду ближайшій изъ рода убитаго и виновнику двойное наказаніе. Но если ближайшій родственникъ не преслѣдуетъ мщеніемъ убивства: то оскверненіе переходитъ на него; на него убитый переноситъ обиду свою, и желающій подвергнуть его наказанію, по закону заставляетъ его на пять лѣтъ бѣжать изъ своего отечества. Если иностранецъ неумышленно убьетъ въ городѣ иностранца; то желающій преслѣдуетъ его по тѣмъ же законамъ: поселенецъ за сіе отлучается на годъ изъ отечества; совершенной же иностранецъ, кромѣ очищенія, если убьетъ иностранца или поселенца или гражданина, на всю жизнь изгоняется изъ страны, управляемой сими законами. Еслижь онъ преступно возвратится; то законоблюстители наказываютъ его смертію, имущество же его отдаютъ ближайшему родственнику убитаго. Если

онъ придетъ не по своей волѣ, но занесенный моремъ къ берегу, то не выходя изъ воды, онъ долженъ оставаться на кораблѣ, гдѣ могутъ быть омочены ноги его; или если онъ силою будетъ привлеченъ по суху; то первые, встрѣтившіе его, начальники города препровождаютъ его за границу. Если кто убьетъ свободнаго, и сдѣлаетъ сіе въ гнѣвѣ, то поступокъ сей должно принимать въ двоякомъ смыслѣ. Въ гнѣвѣ дѣйствуютъ и тѣ, кои вдругъ безъ всякаго намѣренія убить, во внезапномъ жару, ударомъ или другимъ подобнымъ образомъ убиваютъ кого нибудь, и раскаяніе слѣдуетъ за содѣяннымъ; во гнѣвѣ убиваютъ и тѣ, кои обидѣвшись словомъ или оскорбительнымъ поступкомъ, ищутъ случая отмстить, и находятъ его; сіи убиваютъ умышленно и послѣ содѣяннаго не раскаяваются. Итакъ надлежитъ положить два рода убивствъ, отъ гнѣва происходящихъ, которыя весьма правильно поставляются средними между произвольнымъ и непроизвольнымъ: тотъ и другой только подходятъ къ произвольному и непроизвольному. Одинъ питаетъ гнѣвъ, и не вдругъ отмщеваетъ, но злоумышленно избираетъ время; сей приближается къ произвольному; другой же, не владѣя своимъ гнѣвомъ, во внезапномъ порывѣ и неумышленно дѣйствующій, походитъ на непроизвольнаго: но и онъ несовершенно непро-

изволенъ, но только есть образъ непроизвольнаго. Почему трудно опредѣлить убивства, въ гнѣвѣ содѣлываемыя, принять ли ихъ какъ произвольныя или какъ непроизвольныя. Лучше и правильнѣе почитать ихъ только подобіемъ и раздѣлять между собою по злоумышленію и неумышленности. Убивающимъ по злоумышленію и гнѣву опредѣлить тягчайшія наказанія, а неумышленнымъ легчайшія. Ибо подходящее къ большему злу заслуживаетъ большее наказаніе; а къ меньшему — меньшее, слѣдовательно и въ нашихъ законахъ надлежитъ поступать такимъ же образомъ.

Кл. И совершенно такъ.

Аѳ. Обратясь опять къ предъидущему, скажемъ: убившій свободнаго, но убившій безъ намѣренія, въ гнѣвѣ, подвергается во всемъ прочемъ всему тому, что долженъ претерпѣть убившій безъ гнѣва; и на два года по необходимости долженъ бѣжать въ наказаніе за гнѣвъ. Убившій въ гнѣвѣ но съ злоумышленіемъ, наказывается во всемъ прочемъ по предъидущему; и какъ первой удаляется на два года, такъ сей на три и должайшимъ временемъ наказывается за сильнѣйшій гнѣвъ. Это постановляется о сихъ преступленіяхъ вообще; ибо трудно дать о семъ во всей подробности законы; иногда полагаемый по

законамъ важнѣйшимъ преступникомъ есть маловажнѣйшій, и полагаемый маловажнымъ есть важнѣйшій. Иногда убивство сопровождается большею жестокостію, иногда меньшею; но законы полагаются общими для всѣхъ убивствъ. Судіями же сихъ дѣлъ должны быть законоблюстители. Когда окончится время изгнанія для виновныхъ; то законоблюстители посылаютъ на границы государства десять мужей наблюдать строго, въ теченіи сего времяни, за поведеніемъ отлученныхъ и по сему опредѣляютъ ихъ исправленіе и возвращеніе въ отечество, и судьба ихъ зависитъ отъ приговора сихъ начальниковъ. Если кто изъ нихъ, возвратясь, опять побѣжденный гнѣвомъ, сдѣлаетъ подобное преступленіе, то онъ бѣжитъ и никогда не возвращается. А если возвратится, то подвергается одинакому наказанію съ возвратившимся убійцею — иностранцемъ. Убившій собственнаго раба подвергается очищенію; а за чужаго—платитъ господину его въ двое за убытокъ. Если кто изъ убійцъ не исполняетъ сего закона, но безъ очищенія оскверняетъ присутствіемъ своимъ торжища, игры и священные храмы; то желающій, представя въ судъ и того, кто изъ ближайшихъ родственниковъ долженъ мстить за убитаго, и самаго убійцу, заставляетъ ихъ платить двойную пеню, и нести двойное наказаніе;

деньги по закону онъ беретъ себѣ. Если же рабъ въ гнѣвѣ убьетъ господина своего; то родственники убитаго будутъ неповинны, если поступятъ съ убійцею, какимъ бы то ни было образомъ, но только не пустятъ живымъ. Но если чужой рабъ въ гнѣвѣ убьетъ свободнаго, то господа его отдаютъ его родственникамъ убитаго, и они по необходимости умерщвляютъ его, какъ сами захотятъ. И хотя рѣдко случается, если отецъ или мать въ гнѣвѣ, ударомъ или другимъ насильственнымъ образомъ убьютъ сына или дочь; то они подвергаются тѣмъ же очищеніямъ, какъ и прочіе убійцы, и отлучаются изъ отечества на три года. По возвращеніи же жена оставляетъ мужа и мужъ жену свою, и вмѣстѣ уже не живутъ, никакаго общенія не имѣютъ съ тѣми, кого лишили или брата или потомства, и не входятъ въ одни храмы. Нечестивый же и непокоряющійся, за нечестіе несетъ наказаніе отъ всякаго желающаго. Если мужъ въ гнѣвѣ убьетъ свою жену или жена своего мужа; то они подвергаются тѣмъ же очищеніямъ, и осуждаются на трехъ-лѣтнее изгнаніе; по возвращеніи такой преступникъ не участвуетъ въ жертвоприношеніяхъ дѣтей своихъ и не ѣстъ съ ними за однимъ столомъ. Неисполняющій сего родитель или сынъ несетъ наказаніе нечестія отъ всякаго, кто пожелаетъ. Если братъ въ гнѣвѣ убьетъ брата или се-

стру, или сестра убьетЪ брата или сестру; то очищенія и отлученіе для нихЪ таковы же, какія назначены родителямЪ и дѣтямЪ; они подвергаются одному осужденію сЪ тѣми, кои убиваютЪ брата у братьевЪ и у родителей дѣтей, и никогда не имѣютЪ сЪ ними ни общихЪ пенатовЪ ни жертвоприношеній. Непокорный же справедливо несетЪ наказаніе за нечестіе. Если кто предастся толикому гнѣву, что вЪ бѣшенствѣ дерзнетЪ поднять руку на родителей; то развѣ когда умирающій, предЪ смертію,—самЪ проститЪ его вЪ убивствѣ, очистившись подобно совершающимЪ непроизвольное убивство, и совершивЪ все прочее, онЪ дѣлается неповиннымЪ. Но, если умирающій не проститЪ, совершившій убивство повиненЪ многимЪ законамЪ. ОнЪ повиненЪ жесточайшему наказанію за сварливость, за нечестіе, за святотатство, ибо похитилЪ душу родившаго, и еслибЪ возможно было много разЪ умирать одному человѣку: то отцеубійцѣ или матери-убійцѣ, во гнѣвѣ совершившему сіе, праведно надлежало бы умирать многими смертями. ВЪ одномЪ только случаѣ законЪ предписываетЪ не защищаться, если предстоитЪ умереть отЪ родителей, и запрещаетЪ убивать отца или мать, произведшихЪ на свѣтЪ бытіе наше, но скорѣе все претерпѣть, нежели покуситься на жизнь ихЪ, и установляетЪ за сіе достойное наказаніе. На-

казаніе же убившему вѣ гнѣвѣ отца или мать, есть смерть. Но если братѣ убьетѣ брата при внезапной распрѣ между собою или подобнымѣ сему образомѣ, сражаясь, какѣ слабѣйшій противѣ начинщика; то онѣ, какѣ убившій врага, есть неповиненѣ. То же бываетѣ, если гражданинѣ убьетѣ гражданина или иностранецѣ иностранца. Чистѣ также будетѣ гражданинѣ, если защищая себя, убьетѣ иностранца и иностранецѣ гражданина, такѣ же если рабѣ убьетѣ раба. Но если рабѣ защищая себя, убьетѣ свободнаго, то онѣ судится, какѣ отцеубійца, по тѣмѣ же законамѣ. Что сказано о прощеніи убивства отцомѣ, тоже подлежитѣ сказать о всякомѣ другомѣ прощеніи: если кто добровольно прощаетѣ своему убійцѣ, какѣ неумышленно здѣлавшему сіе, тогда виновный допускается до очищеній. Годовое отлученіе предписывается ему закономѣ. Итакѣ о убивствѣ внезапномѣ, неумышленномѣ, вѣ гнѣвѣ произшедшемѣ, уже довольно сказано. Теперь должно говорить о произвольныхѣ убивствахѣ, совершаемыхѣ со всею несправедливостію, о злоумышленіи, которое внушаютѣ страсти, желанія и зависть.

Кл. Справедливо.

Аѳ. Во первыхѣ скажемѣ по возможности, каковы сіи страсти. Самая сильная изѣ нихѣ есть жадность, которая овладѣваетѣ душею, одичавшею отѣ чувственныхѣ побужденій.

Отсѣлѣ особенно родится самое обыкновенное въ людяхъ, и самое сильное стремленіе къ богатству: вотъ идолъ, который производитъ безчисленныя заботы о ненасытномъ и безмѣрномъ пріобрѣтеніи и дѣйствуетъ посредствомъ испорченной нашей природы и невѣжества. Невѣжество, говорю, есть причина того, что Еллины и варвары столь худо и несправедливо прославляютъ богатство. Почитая его первымъ благомъ, хотя оно есть уже третье, они вредятъ и себѣ и потомству своему. Лучше всего и полезнѣе говорить во всѣхъ городахъ истину о богатствѣ, что оно существуетъ для тѣла, а тѣло существуетъ для души. Итакъ богатство послѣ доблести души и тѣла, для которыхъ оно существуетъ, есть третье благо. Самый разсудокъ можетъ научить, что не должно искать богатства, дабы жить щастливо, но что щастіе состоитъ въ справедливомъ и честномъ пріобрѣтеніи. Тогдабъ въ государствахъ не было кровопролитія, которое очищается также кровопролитіемъ. Но теперь, какъ мы уже сказали, єто есть первая и важнѣйшая причина, почему наказанія за произвольное убивство такъ часты. Вторая есть расположеніе къ честолюбію, которое раждаетъ зависть — несносную сожительницу, особенно для самаго завистливаго человѣка, — и потомъ для людей отличнѣйшихъ въ го-

родѣ. Третьею причиною многихъ убивствъ суть малодушные и несправедливые страхи и подозрѣнія. Если чьи настоящія или прошедшія дѣла таковы, что онъ не желаетъ имѣть никого свидѣтелемъ ихъ; не желаетъ, чтобъ кто либо зналъ о нихъ, и если другимъ образомъ не можетъ, смертію истребляетъ доносчиковъ своихъ. Вотъ предисловіе для сихъ преступленій; къ сему прибавимъ то слово, которое слышатъ и которому вѣрятъ посвящающіеся въ таинства, что есть воздаяніе за дѣла сіи въ адѣ, и виновный возвратясь въ сію жизнь долженъ по естественному закону нести наказаніе и самъ терпѣть то, что сдѣлалъ другимъ и отъ другаго подобнымъ образомъ скончать жизнь свою. Для того, кто внимаетъ сему предисловію и боится сего наказанія, болѣе не нужно распространяться о семъ законѣ. А для непокорныхъ законъ такъ говоритъ: кто злоумышленно и несправедливо убьетъ кого нибудь изъ своихъ единоплеменныхъ; тотъ во первыхъ лишается всѣхъ правъ, и присутствіемъ своимъ не долженъ осквернять ни храма, ни торжища, ни пристани, ни другаго какого сборища, запрещаютъ ли сіе виновному другіе или не запрещаютъ. Законъ сіе запрещаетъ, и онъ запрещаетъ за весь городъ; такъ всегда думали, такъ будутъ думать. Ктожь изъ родныхъ и двоюродныхъ ближайшихъ къ убитому не только не воспрещаетъ, но и не пре-

слѣдуетъ; тотъ во первыхъ принимаетъ на себя оскверненіе и гнѣвъ Боговъ за нарушеніе закона. Во вторыхъ онъ несетъ наказаніе отъ всякаго, кто захочетъ мстить за убитаго. Желающій мстить, совершивъ все, что принадлежитъ до омовенія, и что въ семъ случаѣ установлено будетъ за правило оракуломъ, и предъявивъ свое право, идетъ принудить виновника по закону совершить дѣйствіе правосудія. Законодателю легко изложить, что сіе должно совершаться съ нѣкоторыми молитвами и жертвоприношеніями Богамъ, имѣющимъ попеченіе объ отвращеніи убивствъ въ государствахъ. Кто же сіи Боги, и какимъ образомъ сіи наказанія сопровождаются священными обрядами, сіе узаконятъ законоблюстители, совѣщаясь съ истолкователями, прорицателями и оракуломъ. Судьями сихъ дѣлъ бываютъ тѣ же, кои судятъ святотатцевъ, какъ сказано вообще. Виновный наказывается смертію, но не похороняется въ одной странѣ съ убитымъ, за то, что съ нечестіемъ соединилъ безстыдство. Если онъ бѣжитъ, и не хочетъ подвергнуться суду, то да бѣжитъ вѣчнымъ бѣгствомъ. Но если кто изъ таковыхъ придетъ въ страну убитаго; то первый встрѣтившійся съ нимъ изъ родственниковъ послѣдняго или изъ согражданъ да убьетъ его ненаказанно, или связавъ его, пусть представитъ на убіеніе

начальникамъ, судящимъ уголовныя преступленія. Приводящій въ судъ требуетъ поручителей, отвѣтчиковъ отъ приводимаго. И сей представляетъ достойныхъ мужей, судіями одобрѣнныхъ, троихъ, кои ручаются за подсудимаго въ явкѣ для отвѣта. Если кто не хочетъ или не можетъ представить отвѣтчиковъ; то судъ, взявъ его, заключаетъ въ темницу и отдаетъ къ наказанію. Если кто не самъ убьетъ, но умыслитъ, посовѣтуетъ умертвить другаго, и убивши его совѣтомъ и злымъ умысломъ, какъ виновникъ, какъ осквернившій душу свою убивствомъ, будетъ жить въ городѣ; то и для такаго учреждается судъ безъ поручительства. Виновный можетъ быть похороненъ въ странѣ своей. Всѣ же прочее, что сказано прежде, относится и къ нему. Тоже самое относится къ иностранцамъ касательно иностранцевъ; къ гражданамъ и иностранцамъ между собою, къ рабамъ касательнно рабовъ какъ въ дѣлахъ убивства, такъ и въ участіи совѣтомъ. Но поручительства, какъ сказано, даютъ только убійцы. Кто доноситъ объ убійствѣ, тотъ и самъ за себя даетъ поручительство. Если рабъ убьетъ свободнаго своеручно или своимъ внушеніемъ, и осужденъ будетъ къ наказанію; то учреждается общее народное игрище при могилѣ убитаго, и убійца на такомъ мѣстѣ, отколѣ онъ могъ бы видѣть могилу,

сѣчется розгами, сколько прикажетъ избранный глава и если не умретъ отъ ударовъ, то убивается. Если кто убьетъ раба безъ всякой вины, но отъ страха, чтобъ онъ не сдѣлался доносителемъ худыхъ и постыдныхъ дѣлъ его или по другой подобной причинѣ, то какое наказаніе понесъ бы убившій гражданина, тоже долженъ понести и онъ за смерть раба. Но если случится то, о чемъ и законъ давать опасно, и непріятно, и чего невозможно оставить безъ узаконенія, если произойдутъ убивства родныхъ или собственноручныя или чрезъ внушеніе, произвольныя и вовсѣ несправедливыя, какія бываютъ въ худоустроенныхъ и необразованныхъ государствахъ, но могутъ случиться и въ такихъ, гдѣ никогда не можнобъ ждать сего: то для сего опять должно повторить прежде сказанное слово; можетъ быть кто изъ насъ слушая его, добровольно воздержится отъ сихъ злочестивѣйшихъ кровопролитій. Баснь или слово, или какъ ни назовемъ его, во всей ясности идетъ отъ древнихъ жрецовъ, что бодрствующій гласъ правосудія за пролитіе родной крови требуетъ наказанія, и, какъ говорится въ семъ словѣ древнемъ, виновникъ необходимо долженъ терпѣть то же, что онъ другому содѣлалъ. Если кто убилъ отца своего, то и противъ него дѣти его дерзнутъ со временемъ тоже сдѣлать; кто убьетъ мать свою, тотъ самъ въ позд-

нѣйшихъ временахъ, принявши женское естество, необходимо кончитъ жизнь отъ руки дѣтей своихъ. Отъ оскверненія родственной крови нѣтъ очищенія; и оскверненное не можетъ измыться, доколѣ виновная душа не воздастъ убивства за убивство, равнаго за равное, доколѣ не укротитъ гнѣва всего сродства. Сіе должно остановить тѣхъ, кои страшатся Божіяго мщенія; но если кого постигнетъ бѣдственная участь, что онъ умышленно, произвольно дерзнетъ исторгнуть изъ тѣла душу отца или матери, или братьевъ или дѣтей: то законъ смертнаго законодателя противъ него сіе полагаетъ: во первыхъ онъ лишаетъ его всѣхъ правъ и требуетъ отъ него поручителей, какъ сказано въ предъидущемъ. И если кто будетъ обвиненъ въ семъ убивствѣ, то служители суда или архонты, убивъ его, повергаютъ нагаго на заклятомъ распутіи внѣ города, и всѣ начальства отъ цѣлаго города, повергая каждое одинъ камень на голову умершаго, — очищаютъ свое отечество отъ ужаснаго преступленія, потомъ относятъ его на границы своей земли и бросаютъ безъ погребенія. А что долженъ терпѣть тотъ, кто убьетъ ближайшаго своего и такъ называемаго возлюбленнѣйшаго? Кто убьетъ, говорю, самаго себя, не дождавшись времени, положеннаго судьбою, не по смертному приговору города, не по какому нибудь неизбѣжному

жесточайшему нещастію, не отъ угрызенія совѣсти, но по малодушію и по робости самъ себя подвергаетъ незаслуженному наказанію? Одинъ Богъ назначитъ для таковаго праведное очищеніе и погребеніе. Истолкователи воли его и блюстители сихъ законовъ заставляютъ ближайшихъ родственниковъ отдавать ему послѣдній долгъ по узаконенному. Могилы такимъ образомъ погибшихъ должны быть одиноки, пустынны и ни съ какою другою не смѣжны. Хоронятъ ихъ на пустынныхъ, неизвѣстныхъ предѣлахъ двѣнадцати частей, безславно, не ставя надъ ними ни столбовъ, ни надписей. Ели убьетъ кого нибудь лошадь или другое животное, исключая, если сіе сдѣлается на игрищахъ общественныхъ въ единоборствѣ; то ближайшіе убитаго отмщеваютъ за смерть его. Дѣло сіе судятъ агрономы, сколько ихъ соберетъ родственникъ убитаго; виновное же убиваютъ за границами страны. Если что нибудь неодушевленное лишитъ жизни человѣка, разумѣется только не громъ, не перунъ, отъ Бога происходящій, и не другое, что паденіемъ можетъ убить; то родственникъ убитаго призываетъ въ судіи ближайшаго сосѣда, чтобъ очистить отъ всякаго порицанія себя и все родство свое. Причина убивства искореняется такъ, какъ мы сказали о животныхъ. Если окажется убитый, но убійца останет-

ся неизвѣстнымъ, и не смотря на всѣ поиски, не откроется; то судъ о семъ происходитъ точно такъ, какъ и въ прочихъ случаяхъ. Объявляется преступленіе виновнику, глашатаи вызываютъ его, и на площади обвиненному произносится приговоръ, чтобъ онъ не являлся ни въ храмахъ, ни во всей странѣ убитаго; а если придетъ и будетъ узнанъ, то будетъ убитъ и безъ погребенія поверженъ внѣ страны убитаго. Вотъ главной законъ о убивствѣ, по коему должно поступать въ означенныхъ досѣлѣ случаяхъ. Но вотъ и еще случай, въ коемъ убившій бываетъ справедливъ и неповиненъ: если кто поймаетъ вора, ночью вошедшаго въ домъ для похищенія имущества, и убьетъ его, то онъ не повиненъ. Кто защищаясь, убьетъ грабителя, такъ же чистъ. Кто дѣлаетъ насиліе или благородной женщинѣ или отроку изъ похоти, тотъ безъ опасенія казни долженъ быть убитъ или отъ насильствуемаго или отъ отца, отъ братьевъ, или отъ дѣтей его. Если мужъ увидитъ насильство женѣ своей и убьетъ злодѣя; то онъ по закону чистъ. Кто, сохраняя отъ напрасной смерти или отца или мать, или дѣтей или братьевъ, убьетъ кого нибудь, тотъ совершенно не повиненъ.

Итакъ уже положены законы о воспитаніи живущей души, о ученіи, посредствомъ котораго она живетъ, и о томъ какія казни

слѣдуютъ за причиненіе смерти. Сказано также о попеченіи и питаніи тѣла. Теперь должно говорить о насильственныхъ поступкахъ между людьми произвольнымъ и непроизвольнымъ образомъ; должно опредѣлить по возможности, каковы они, и какими наказаніями могутъ быть прекращаемы; здѣсь, кажется, надлежащее мѣсто для узаконенія о сихъ случаяхъ. Раны и увѣчья отъ ранъ самой худой законодатель положилъ бы во вторыхъ послѣ смерти. Раны, какъ и убійства должно раздѣлить на непроизвольныя, отъ гнѣва, отъ страха и злоумышленныя. Въ предисловіи къ сему должно сказать, что люди необходимо должны имѣть законы и жить по законамъ; иначе они ни чѣмъ не отличаются отъ самыхъ дикихъ животныхъ. Причина же сему та, что никакая природа человѣческая сама по себѣ не способна видѣть полезное ближнимъ своимъ, живущимъ въ государственномъ устройствѣ, и даже зная лучшее, она безсильна и не имѣетъ постоянной воли, слѣдовать ему. Во первыхъ трудно понять, что въ государственномъ устройствѣ необходимо должно пещись не о своемъ собственномъ, но объ общемъ: ибо общее связываетъ, а собственное разрушаетъ государства, и что полезнѣе, какъ для общаго, такъ и для частнаго, болѣе утверждать общее, — нежели частное свое. Во

вторыхЪ, еслибЪ даже кто довольно искусился вЪ семЪ познаніи и постигалЪ сію истину; но потомЪ, управляя государствомЪ совершенно по произволу, не отдавая никому отчета, онЪ никакЪ не могЪ бы остаться навсегда при семЪ первомЪ мнѣніи, и жить для общаго блага, не промѣнявЪ его на собственное свое. Смертная природа безпрестанно влечетЪ его кЪ корыстолюбію, кЪ самовольству; она слѣпо бѣгаетЪ всякаго огорченія, и гоняется за удовольствіями, и — конечно поставитЪ ихЪ выше справедливаго и всего лучшаго. Огустѣвшая вЪ ней темнота наконецЪ исполняетЪ всѣхЪ золЪ и самаго правителя и все государство. ЕслибЪ кто изЪ людей, родившійся по божественному посланію, отЪ природы былЪ способенЪ вмѣстить все сіе знаніе; то онЪ конечно не имѣлЪ бы нужды вЪ законахЪ, кои бы управляли имЪ. Ибо знаніе и искуство выше всякаго закона и порядка, и не справедливо, чтобЪ умЪ оставался вЪ чужой покорности и раболѣпствовалЪ, — сей умЪ, коего свойство быть правителемЪ всего, еслибЪ онЪ по природѣ оставался истиннымЪ и свободнымЪ. Но теперь такого ума нигдѣ нѣтЪ или есть только вЪ самомЪ маломЪ числѣ избранныхЪ. Слѣдовательно должно принять второе: порядокЪ и законЪ, которой, хотя и не совсѣмЪ совершенЪ, все болѣе видитЪ и обЪемлетЪ. Основываясь на семЪ,

приступаю далѣе къ учрежденію, что долженъ претерпѣть или заплатить поранившій или увѣчившій другаго. Здѣсь всякой долженъ имѣть ясно предъ глазами сіи обстоятельства: что поранилъ? кого? какимъ образомъ? и прочее. Обстоятельства сіи бываютъ безчисленны и весьма различны между собою. Предписать судилищамъ разбирать всѣ сіи обстоятельства, или совсѣмъ не разбирать — равно не возможно. Одно только необходимо, разсматривать во всякомъ произшествіи, истинно ли ли оно или нѣтъ? Не опустить же ничего въ разсужденіи наказанія или пени, коимъ подвергаются виновные, но самому узаконить всѣ и маловажные и важные случаи, почти не возможно.

Кл. Что же сказать послѣ етаго ?

Аѳ. То, что иное должно предоставить судилищамъ, другое, не предоставляя другимъ, учреждаетъ самъ законодатель.

Кл. Чтожъ онъ будетъ учреждать самъ и что предоставитъ судилищамъ?

Аѳ. Должно сказать, что судилища въ городѣ бываютъ или худыя, безгласныя, кои скрываютъ свои мнѣнія и тайно дѣлаютъ суды, приговоры; или, что еще етого хуже, не сохраняющія никакой тишины, но подобно общественнымъ зрѣлищамъ, шумныя, гдѣ съ крикомъ хвалятъ или порицаютъ ораторовъ той и другой стороны и такимъ

образомъ судятъ; то и другое весьма вредно для общаго блага и не легко законодательствовать для сихъ судилищъ. Но если уже необходимость кого побуждаетъ къ сему, то онъ предоставляетъ имъ только въ самыхъ маловажныхъ случаяхъ налагать наказанія, и самъ узаконяетъ большія изъ нихъ и важнѣйшія. Но гдѣ судилища учреждены надлежащимъ образомъ; гдѣ будущіе судьи просвѣщены и со всею справедливостію избраны; тамъ праведно, прилично и полезно многое поручать ихъ суду относительно приговоровъ, что должны понесть или заплатить виновные. Итакъ для насъ не предосудительно не узаконять важнѣйшихъ и многихъ случаевъ, кои и хуже воспитанные судьи могутъ предвидѣть и соразмѣрять наказаніе съ важностію каждаго дѣла или преступленія. И мы, надѣясь, что тѣ, для коихъ издаемъ законы, будутъ тщательными, строгими судьями въ сихъ обстоятельствахъ, многое поручаемъ ихъ бдительности. Но при томъ, какъ мы говорили и дѣлали въ предъидущемъ своемъ словѣ, какъ тогда находили справедливымъ представить очертаніе и виды наказаній, дать судьямъ примѣры дабы не выступать за границы справливости; такъ сдѣлаемъ и здѣсь, обратясь опять къ законамъ. О ранахъ положится такое постановленіе: кто, умысливъ убить кого нибудь изъ своихъ, кромѣ тѣхъ, коихъ

законѣ велитѣ убить, поранитѣ, но не убьетѣ его до смерти; тотѣ какѣ злоумыслитель не достоинѣ милосердія, но какѣ убійца долженѣ подвергаться наказанію за убивство. Уважая же его судьбу, несовершенно злую, и хранителя его, которой, умилосердясь надѣ ними и надѣ раненымѣ, не допустилѣ одного принять неизлѣчимую рану, другаго подвергнуться проклятію и гибельному року;—изѣ благоговѣнія кѣ сему хранителю освобождаемѣ отѣ смерти ранившаго; но онѣ долженѣ переселиться вѣ сосѣдній городѣ и пользоваться по жизнь свою всѣмѣ своимѣ имѣніемѣ, заплативѣ увѣченному за вредѣ ему причиненный; судилище назначаетѣ пеню по винѣ его. Уголовные судьи судятѣ его, если умретѣ имѣ раненый. Если сынѣ злоумышленно поранитѣ отца или рабѣ господина; то наказаніе имѣ есть смерть. Если братѣ поранитѣ брата или сестру, или сестра — брата или сестру, и осудятся вѣ злоумышленіи, то наказаніе имѣ есть смерть. Жена ранившая мужа, умышляя убить его, или мужѣ ранившій свою жену, должны бѣжать навсегда, а имѣніемѣ ихѣ, если у нихѣ есть сынѣ или малолѣтныя дочери, управляютѣ попечители, кои пекутся обѣ осиротѣвшихѣ; дѣти возмужалые не обязаны питать бѣгущаго; но все имѣніе предоставляется имѣ. Если кто бездѣтный подвергнется сему нещастію; то

родственники его какъ съ мужеской, такъ и съ женской стороны до внучатныхъ, сошедшись вмѣстѣ, постановляютъ наслѣдника городу въ одинъ изъ пяти тысячь сорока домовъ, вмѣстѣ съ законоблюстителями и жрецами, разсуждая, что такой домъ не принадлежитъ ни живущему въ немъ, ни цѣлому роду его, но есть собственность цѣлаго города, который долженъ содержать свои домы благочестивѣйшими и во всякомъ щастіи. Но если какой нибудь изъ сихъ домовъ вмѣстѣ и нечестіемъ осквернится и подвергнется нещастью, такъ что владѣвшій имъ, не оставитъ послѣ себя дѣтей, но или неженатый или женившись, бездѣтнымъ умретъ, умретъ за произвольное убивство или за другое смертное преступленіе противъ Боговъ, или противъ гражданъ; или если кто бездѣтный убѣжитъ навсегда: то домъ его по закону прежде очищается и бываетъ освященъ; потомъ ближніе его вмѣстѣ съ законоблюстителями сошедшись, разсматриваютъ племя отличнѣйшее въ городѣ своею добродѣтелію и счастіемъ, въ которомъ дѣти многочисленны; изъ сего племени избираютъ одного и усыновляютъ отцу убитаго, или старшему въ родѣ, какъ собственнаго сына; назвавъ его ихъ именемъ, помолившись, чтобъ онъ содѣлался отцомъ, хозяиномъ и исполнителемъ благочестія и жертвоприношеній и былъ щастливѣе свое-

го родителя, такимъ образомъ постановляютъ его законнымъ наслѣдникомъ. А преступникъ остается безъ имени, безъ племени, безъ доли, когда его постигнетъ сіе нещастіе. Кажется, не всегда границы одной вещи точно отдѣлены отъ границъ другой, но между иными бываетъ промежутокъ сопредѣльный, между тою и другою стороною. Тоже, можно сказать, бываетъ между преступленіями произвольными и непроизвольными въ гнѣвѣ совершающимися. Кто обвиненъ будетъ въ нанесеніи ранъ, въ гнѣвѣ причиненныхъ; тотъ платитъ во первыхъ двойной ущербъ, ежели рана удобоизцѣлима, за неизцѣлимыя же въ трое; ежели рана удобоизцѣлима, но раненому причиняетъ великое безобразіе и укоризну, то платитъ вчетверо. Ежели кто, поранивъ кого нибудь, не только причинитъ вредъ обиженному, но у цѣлаго государства отниметъ воина сильнаго противъ враговъ; то онъ кромѣ прочей пени платитъ пеню государству, и сверхъ собственной службы, онъ служитъ за увѣченнаго и за него исправляетъ военныя повинности; а не сдѣлалавшій сего подвергается наказанію отъ всякаго желающаго за неслуженіе; степень же пени двойную, тройную, или четвероякую назначаютъ избираемые для сего судьи. Если родной такимъ же образомъ ранитъ роднаго; то родители, родственники до внучатныхъ съ мужеской и женской стороны,

мущины и женщины, сошедшись, судятъ и предоставляютъ родителямъ назначить пеню. Ели въ назначенiи пени бываетъ несогласiе; то голосъ съ мужской стороны одерживаетъ верхъ. Если и они не могутъ кончить, то относятся къ законоблюстителямъ. Дѣтямъ предъ родителями въ нанесенiи ранъ судiями бываютъ мужи, за шестьдесять лѣтъ имѣющiе отъ рожденiя, отцы чадъ, не усыновленныхъ, но истинныхъ; они дѣлаютъ приговоръ, повиненъ ли кто заплатить пеню или умереть, или подвергнуться еще важнѣйшему наказанiю или не слишкомъ важному. Изъ родственниковъ виновнаго никто не можетъ быть ему судьею, хотя бы имѣлъ возрастъ, закономъ опредѣленный. Если рабъ въ гнѣвѣ поранитъ свободнаго; то господинъ отдаетъ его раненому, поступить съ нимъ, какъ сей захочитъ; а не отдастъ, тó самъ долженъ вознаградить вредъ. Если онъ представитъ, что случившееся есть только условленный умыслъ раба и раненаго; то дѣло подвергается изслѣдованiю; не обличится рабъ, то господинъ платитъ за вредъ втрое, обличится—то сговорившiйся съ рабомъ, подвергается осужденiю на рабство. Поранившiй другаго нечаяннымъ образомъ платитъ только за вредъ. Ибо для случая нѣтъ никакихъ законовъ. Судiями же въ семъ дѣлѣ бываютъ тѣ же, кои судятъ дѣтей противъ родителей, и опредѣляютъ

цѣну вреда. Оскорбительны всѣ, представленные здѣсь, случаи; оскорбителенъ всякой родъ ссоры. Всякой мужъ, дитя, всякая женщина должны разсуждать, что уваженіе, оказываемое отъ младшаго старшему, весьма важно для тѣхъ, кои хотятъ быть спасены предъ Богами и благоденствовать между людьми. Постыдно и Богу ненавистно видѣть въ городѣ, если юный возстаетъ ссорою противъ старѣйшаго. Юноша, если наказываетъ его старѣйшій, великодушно долженъ переносить гнѣвъ его; ибо такимъ образомъ онъ возращаетъ почтеніе и для своей старости. И такъ вотъ правило: всякой у насъ долженъ почитать старѣйшаго себѣ и дѣломъ и словомъ. Мущину или женщину, которые старѣе его двадцатью годами, онъ чтитъ какъ отца и мать. Боясь Боговъ, предсѣдящихъ рожденію онъ стыдится всякаго возраста, которой можетъ быть ему отцомъ или матерью; такимъ же образомъ воздерживается отъ обидъ иностранцу или старожилу въ городѣ или новому пришельцу; онъ не дерзнетъ ударить его ни начиная драку, ни отражаясь, усовѣщивать его ударами. А если дерзостный и необузданный иностранецъ ударитъ его, и нужно будетъ отвѣчать ему; то не ударяя своими руками, пусть отведетъ его къ суду градоначальниковъ, дабы не пріучаться къ дерзости бить согражданъ. Градоправители же, разсудятъ его,

боясь Бога страннолюбиваго, и если найдутъ, что иностранецъ несправедливо билъ обывателя; то укрощаютъ его дерзость такимъ же числомъ ударовъ, сколько разъ онъ ударилъ. А если онъ правъ, то пригрозивъ укоризною приведшему, отпускаютъ обоихъ. Если ровесникъ ударитъ ровесника или старшаго но бездѣтнаго, или старый стараго или юноша юношу; то естественно должно отражаться безъ оружія, простыми руками. Если человѣкъ уже за сорокъ лѣтъ отъ рода задираетъ на драку, или осмѣливается бить; то названіе грубіяномъ, невоспитаннымъ, рабскимъ послужитъ ему достаточнымъ, позорнымъ наказаніемъ. Кто будетъ внимать симъ увѣщаніямъ, для того нѣтъ уже другихъ правилъ. Но непокорный, невнимающій предисловію пусть приметъ сей законъ: если кто ударитъ человѣка старѣе себя двадцатью годами или болѣе; то первый встрѣтившій ихъ, если онъ не ровесникъ и не моложе бьющихся, долженъ разнять ихъ, или объявляется по закону человѣкомъ худымъ. Если онъ одного возраста съ обижаемымъ, или моложе, то долженъ вступиться за него какъ за брата, за отца или еще больше; а сверхъ того подвергается суду дерзнувшій бить старѣйшаго; и если будетъ осужденъ, то заключается въ темницу не менѣе, какъ на годъ. Если судьи приговорятъ его къ большему; то принимается назна-

ченное ими время. Если иностранецЪ или кто изЪ жителей ударитЪ мужа старѣе себя двадцатью годами; то вЪ разсужденіи помощи отЪ встрѣчающихся тотЪ же законЪ удерживаетЪ свою силу; а обличенный вЪ сей винѣ иностранецЪ, а не обыватель платитЪ за сіе двулѣтнимЪ заключеніемЪ; обыватель же, какЪ не покоряющійся законамЪ, заключается на три года, если судилище не назначитЪ ему долговременнѣйшаго заключенія. Наказывается также и тотЪ, кто видѣлЪ и не подалЪ помощи: важнѣйшею пенею, вЪ мину, второю вЪ пятьдесятъ драхмЪ, третьею вЪ тридцать, четвертою вЪ двадцать. Судилище же для сихЪ людей составляютЪ военноначальники, старшины колѣнЪ, урядники и конно-начальники. Законы, по моему мнѣнію, установляются одни для людей добрыхЪ кЪ наученію, какимЪ образомЪ обращаться вЪ обществѣ и сохранять дружелюбіе; другіе для тѣхЪ, кои не получили воспитанія, но руководствуются нѣкоторою грубою природою,— для людей непреклонныхЪ, дабы они не впали во всякую порчу. Сіи заставляютЪ меня говорить то, что я теперь сказать намѣренЪ. Для сихЪ законодатель по необходимости пишетЪ законы, желая, чтобЪ не было вЪ нихЪ никогда никакой нужды. Кто дерзаетЪ вЪ ссорѣ поднять руку на отца или мать, не убоясь ни мщенія БоговЪ небесныхЪ, ни казни вѣчной,

но какъ бы зная, чего вовсѣ не знаетъ и презирая совѣты древнихъ и вообще всѣхъ людей, преступаетъ законъ; для такаго потребны самыя крайнія мѣры; смерть не есть еще самое послѣднее наказаніе. Мученія же ада хотя по справедливости суть ужаснѣйшія, но ни мало не удерживаютъ сихъ жестокихъ сердецъ. Иначе не было бы отцеубивствъ, ни другой дерзости противъ своихъ родителей. Почему и здѣсь наказанія симъ людямъ не должны быть менѣе адскихъ. И вотъ, что послѣ сего мы скажемъ: кто дерзнетъ ударить отца или мать или ихъ родителей, не въ сумашествіи; то первый случившійся при семъ (какъ и прежде) заступится, и заступившійся житель или иностранецъ занимаетъ первое мѣсто на играхъ народныхъ. А незаступившійся да бѣжитъ изъ отечества навсегда. Негражданинъ, заступившійся, пріобрѣтаетъ похвалу, — не заступившійся порицаніе: рабъ заступившійся дѣлается свободнымъ; не заступившійся получаетъ сто ударовъ бичемъ, если произойдетъ сіе на площади, — отъ приставовъ; внѣ площади, въ городѣ — отъ градоначальника; въ полѣ, отъ Агрономовъ, полевыхъ смотрителей. Какой ни случится при семъ произшествіи обыватель, дитя или мужъ или женщина, всякой долженъ споборать противъ нечестиваго. Не заступающійся проклятъ

гнѣвомъ отечественнаго, единоплеменнаго Дія; осужденный за ссору противъ родителей во первыхъ бѣжитъ изъ города въ другую страну на вѣчное изгнаніе, и отверженъ отъ всѣхъ храмовъ. Доколѣ онъ еще не отлученъ, агрономы преслѣдуютъ его ударами и бьютъ, какъ хотятъ. Если онъ возвратится, то наказывается смертію. Кто изъ свободныхъ съ нимъ вмѣстѣ будетъ ѣсть, пить, или вступитъ съ нимъ въ другое подобное сообщеніе, даже если встрѣтившись съ нимъ, добровольно прикоснется ему, тотъ не вступаетъ ни въ храмъ, ни на площадь, ни въ городъ, доколѣ не очистится, какъ участникъ изверга. Еслижь онъ не покорясь сему, беззаконно осквернитъ храмъ или городъ; то самый начальникъ, знавшій о семъ и не наказавшій его, подвергается одинакому осужденію какъ и за величайшее преступленіе. Если рабъ ударитъ свободнаго иностранца или гражданина, то, случившійся при семъ. долженъ заступится или по сужденію понесетъ наказаніе. Другіе свидѣтели, связавъ его вмѣстѣ съ ударившимъ, предадутъ обиженному. Онъ же принявъ ихъ, ввергаетъ въ оковы и бивъ, сколько хочетъ чтобы не причинить вреда господину, возращаетъ ему раба его по закону. Законъ же таковъ: если рабъ ударитъ свободнаго, не по повелѣнью начальниковъ, то господинъ, принявъ его связаннаго изъ рукъ

обиженнаго, не освободить его изъ оковъ, доколѣ онъ не выпроситъ у него прощенія и не убѣдитъ его, что не употребитъ во зло своей свободы. Тѣ же законы и для женщинъ между собою, и женамъ въ отношеніи къ мужьямъ, и мужьямъ въ отношеніи къ женамъ.

РАЗГОВОРЪ ДЕСЯТЫЙ
О
ЗАКОНАХЪ.

Кончивши рѣчь о ссорахъ, остается сказать одно правило противъ всѣхъ насильствъ: никто да не трогаетъ и не беретъ ничего чужаго; никто да не пользуется никакою вещію ближняго своего безъ согласія его. Ибо отъ сего происходили, происходятъ и будутъ происходить всѣ порочныя дѣла, о коихъ мы говорили. Ужаснѣйшія изъ нихъ суть необузданность и дерзкіе поступки юношества, особенно если они устремлены противъ святыни; и во первыхъ противъ храмовъ всенародныхъ, или частныхъ, принадлежащихъ какому либо колѣну; во вторыхъ противъ собственныхъ пенатовъ, и противъ умершихъ; въ третьихъ противъ родителей не только тѣ оскорбленія, о коихъ мы сказали, но и всѣ прочія; четвертый родъ преступленій, если кто, воспользовавшись оплошностію правителей, возметъ или унесетъ, или употребитъ что нибудь имъ принадлежащее безъ ихъ согласія; и въ пятыхъ всякая обида частная гражданъ, требующая правосудія. За святотатство явное или тайное уже вообще сказано, какому наказанію подвергается виновный. Но если кто дѣломъ или словомъ нечествуетъ противъ Боговъ; то

напередѣ употребимѣ увѣщаніе, потомѣ уже опредѣлимѣ, чему онѣ за сіе долженѣ подвергнуться. Вотѣ сіе увѣщаніе: кто вѣритѣ бытію Бога, тотѣ произвольно никогда не сдѣлаетѣ безчестнаго поступка, и не изречетѣ ни одного богохульнаго слова. Но дѣлаетѣ сіе всякой по какой либо изѣ трехѣ причинѣ: или онѣ не вѣритѣ бытію Бога, или допуская Боговѣ, думаетѣ, что они не пекутся о дѣлахѣ человѣческихѣ, или третье, почитаетѣ ихѣ удобопреклонными, и такими коихѣ можно умилостивить жертвою и молитвами.

Кл. Чтожь мы можемѣ сдѣлать или сказать противѣ таковыхѣ?

Аѳ. Любезный, послушаемѣ напередѣ ихѣ самихѣ, что скажутѣ, какѣ я предѣугадываю, сіи кощунствующіе презрители.

Кл. Но что они скажутѣ?

Аѳ. Они конечно скажутѣ сѣ насмѣшкою: вы говорите истинно, почтенные Аѳинянинѣ, Спартанецѣ и Кносіецѣ. Одни изѣ насѣ вовсѣ не признаютѣ бытія Боговѣ; другіе думаютѣ, что Боги не пекутся о насѣ; иные вѣрятѣ, что ихѣ можно умилостивить молитвою, какѣ вы говорите. Такѣ какѣ вы занимаетесь законодательствомѣ; то прежде, нежели начнете грозить намѣ строгостію, просимѣ васѣ, постарайтесь напередѣ убѣдить насѣ и научить бытію Боговѣ, посредствомѣ достаточныхѣ доводовѣ; — также доказать, что они благи и не увлека-

ются никакими дарами противъ справедливости. Мы слышимъ сіе и подобное сему также отъ превосходныхъ поетовъ, ораторовъ, гадателей, жрецовъ, и отъ многихъ другихъ: но все ето не удерживаетъ насъ отъ несправедливыхъ дѣяній, а только заставляетъ по содѣланіи ихъ прибѣгать къ умилостивленіямъ. Законодателей же, какъ говорятъ о васъ, кроткихъ, нежестокихъ, просимъ сначала употребить противъ насъ убѣжденіе; хотябъ вы говорили не лучше другихъ о бытіи Боговъ, но только бы ближе къ истинѣ, и мы скоро послушаемся васъ. Но если мы иногда возразимъ, то постарайтесь намъ отвѣчать.

Кл. Почтенный, кажется, легко доказать истину того, что Богъ существуетъ.

Ао. Какимъ образомъ?

Кл. Вопервыхъ земля и солнце и всѣ свѣтила такъ прекрасно устроены, времена такъ прекрасно раздѣлены на годы и мѣсяцы, и къ тому согласіе всѣхъ Еллиновъ и варваровъ, кои вѣрятъ бытію Боговъ.

Ао. Боюсь за васъ, любезной, хотя никогда не скажу, что стыжусь. Боюсь, что сіи злые люди станутъ отвѣчать вамъ презрѣніемъ. Вы не знаете причины ихъ невѣрія, и думаете, что только отъ необузданности страстей и желаній стремятся они къ безбожной жизни.

Кл. А какаяжь другая сему причина?

Ae. Вы, какъ совершенно люди сторонніе, совсѣмъ не знаете ее; она для васъ вовсѣ чужда.

Кл. Но чтожь ты хочешь сказать?

Ae. Причина сія есть невѣжество почти неизцѣлимое, почитающее себя совершенною мудростію.

Кл. Какимъ образомъ?

Ae. У насъ есть сочиненія, которыхъ у васъ совсѣмъ нѣтъ, какъ говорятъ, по строгости правительства. Сіи сочиненія суть мѣрныя, стихотворныя, другія прозаическія. Древнѣйшія изъ нихъ говорятъ о Богахъ, какимъ образомъ они произошли, и какъ произошли чрезъ нихъ другія вещи. Послѣ начала скоро они представляютъ Ѳеогонію, какъ Боги обращались между собою. На древнихъ уже нечего взыскивать, полезны ль, или не полезны сіи творенія ихъ для читателей. Но изъ уваженія и къ чести прадѣдамъ я не стану хвалить пользу ихъ сочиненій; не скажу даже, что онѣ написаны правильно. Но оставимъ древнихъ, пусть другіе объ нихъ говорятъ, если это Богамъ угодно. Мы должны жаловаться на сочиненія новѣйшихъ мудрецовъ, какъ на причину настоящихъ золъ; онѣ—то производятъ всю порчу. Если я или ты въ доказательство бытія Божія представимъ солнце, луну, звѣзды и землю, что они суть Боги, и божественны; то послѣдователи сихъ мудрецовъ скажутъ, что это земля и камни, что

они нимало не могутъ пещись о дѣлахъ человѣческихъ, и краснорѣчіемъ своимъ превращятъ ето въ достовѣрность.

Кл. Трудное слово ты сказалъ, почтенный, хотя оно только одно. Но если встрѣтятся многія подобныя слова, то будетъ еще труднѣе.

Ав. Чтожъ мы должны сказать? Что намъ дѣлать? Оправдываться ли противъ возраженій сихъ людей нечестивыхъ, которые не принимаютъ законодательства, и говорятъ, будто мы худо дѣлаемъ, что законодательствуя, предлагаемъ о бытіи Божіемъ? Или оставя сей предметъ, обратимся опять къ законамъ, дабы предисловіе наше небыло продолжительнѣе самихъ законовъ. Ибо не краткое произошло бы слово, еслибъ мы, желающимъ нечествовать, захотѣли, съ одной стороны представить всѣ доказательства тому, о чемъ говорить намѣрены, съ другой стороны устрашить ихъ, и наконецъ произведя въ нихъ раскаяніе, продолжать законы.

Кл. Но, почтенный, въ столь короткое время мы такъ часто говорили, что въ настоящей нашей бесѣдѣ краткость никакъ не должно предпочитать многословію. Насъ, какъ говорится, ни кто не гонитъ. Смѣшно и худо показалось бы, еслибъ вмѣсто лучшаго мы избрали кратчайшее. Немаловажное дѣло убѣдительно доказать быте

Боговъ, и то, что они благи и болѣе, нежели люди, любятъ правосудіе. Это послужило бы лучшимъ и удачнѣйшимъ предисловіемъ ко всѣмъ законамъ. Итакъ безъ негодованія, безъ торопливости продолжимъ свою бесѣду самымъ достаточнымъ, удовлетворительнымъ образомъ, не отвергая никакихъ средствъ, кои могутъ служить подкрѣпленіемъ нашимъ словамъ.

Ао. Твои слова, кажется, возраждаютъ во мнѣ мое усердіе; ты такъ сильно требуешь. Я не могу не говорить. Но можноли, не сердясь, говорить о Богахъ, о бытіи ихъ? По необходимости огорчишься и возненавидишь тѣхъ, кои вынуждаютъ у насъ сіе слово. Люди, вѣрившіе священнымъ повѣствованіямъ, коимъ они внимали отъ дѣтства и еще съ матернимъ млекомъ отъ кормилицъ, коими въ пѣсенкахъ занимали ихъ и для забавы и для назиданія, кои слушали они при жертвоприношеніяхъ въ молитвѣ; люди привыкшіе къ такимъ же священнымъ зрѣлищамъ, совершеніе которыхъ такъ пріятно занимаетъ взоръ и слухъ юношества, видѣвшіе родителей своихъ съ пламеннымъ усердіемъ приносящихъ жертвы за себя и за нихъ и бесѣдовавшихъ съ Богами молитвою и прошеніями въ несомнѣнной вѣрѣ въ бытіе ихъ; люди, ежедневно бывшіе свидѣтелями, что Еллины и всѣ варвары при восхожденіи и захожденіи солнца и луны, въ нещастіяхъ,

равно какѣ и вѣ щастіи приносятѣ мольбы и поклоненія Богамѣ; приносятѣ не потому, что ихѣ нѣтѣ, но чуждые всякаго сомнѣнія вѣ бытіи ихѣ; сіи люди, презрѣвѣ все сіе безѣ всякой достаточной причины, по которой можно предполагать вѣ нихѣ хотя малѣйшій умѣ, теперь принуждаютѣ насѣ говорить то, что мы говоримѣ: такихѣ людей можноли хладнокровно вразумлять и учить познанію Боговѣ, во первыхѣ что они есть?—Но испытаемѣ. Да не возобладаетѣ неистовство и ими, ослѣпленными своею ненасытною страстію и нами, на нихѣ негодующими. Безѣ гнѣва обратимѣ сію рѣчь кѣ симѣ заблудившимѣ умамѣ; удержавѣ свое негодованіе, будемѣ говорить откровенно кому нибудь изѣ таковыхѣ: юноша ты еще молодѣ: придетѣ время и заставитѣ тебя перемѣнить настоящія твои мнѣнія и принять противныя; дотолѣ не спѣши быть судьею дѣла важнѣйшаго. Важнѣе же всего, о чемѣ ты теперь не думаешь, — имѣть справедливое понятіе о Богахѣ и вести жизнь хорошую или нехорошую. Во первыхѣ я тебѣ скажу обѣ нихѣ одно нѣчто важное и ты вѣрно никогда не обличишь меня во лжи: не ты одинѣ и не друзья твои первые начали имѣть о Богахѣ такое мнѣніе; но во всякое время, вѣ большемѣ или меньшемѣ числѣ, люди бываютѣ подвержены сей болѣзни. Я тебѣ скажу, что сѣ ними бываетѣ. Еще ни одинѣ изѣ нихѣ отѣ

юности возросшій во мнѣніи, что нѣтъ Боговъ, не остался постоянно до старости въ семъ заблужденіи. Другія два мнѣнія постояннѣе и то не у многихъ, но у нѣкоторыхъ: первое, что есть Боги, но что они не пекутся о дѣлахъ человѣческихъ; — и другое, что они пекутся, но легко могутъ преклоняться жертвами и молитвами. Повѣрь мнѣ, ожидай истиннаго мнѣнія о семъ, сколько тебѣ возможно имѣть его, и разсматривай, что справедливо и что несправедливо. Совѣтуйся съ другими, а болѣе съ законодателемъ; а между тѣмъ не дерзай нечествовать противъ Боговъ. Клиній, тебѣ, какъ законодателю принадлежитъ трудъ, научить, какъ должно думать о сихъ божественныхъ предметахъ.

Кл. Доселѣ, почтенный, все превосходно было сказано.

Аѳ. Правда, Мегиллъ и Клиній, мы не примѣтно напали на превосходное слово.

Кл. Скажи, какое.

Аѳ. Которое всѣ почитаютъ премудрѣйшимъ изъ всѣхъ словъ.

Кл. Но говори яснѣе.

Аѳ. Нѣкоторые говорятъ, что всѣ вещи настоящія, прошедшія и будущія, произходятъ или отъ природы, или отъ искуства, или отъ случая.

Кл. Точно хорошо сказано.

Аѳ. Мудрые люди и должны говорить справедливо. Послѣдуемъ за ними и разсмотримъ, какъ они о семъ думаютъ.

Кл. Конечно.

Аѳ. Кажется, говорятъ они, что величайшая и прекраснѣйшая часть дѣлъ совершается природою и случаемъ, а малѣйшая искуствомъ, которое, заимствуя отъ природы бытіе, съ важныхъ и первоначальныхъ твореній лѣпитъ и строитъ все малое, ничтожное, — что называется у насъ художествомъ.

Кл. Скажи, какимъ образомъ.

Аѳ. Скажу это еще яснѣе: огонь, вода, земля и воздухъ произошли отъ природы и случаемъ, говорятъ они. Искуство въ нихъ не участвуетъ. Слѣдующія за симъ тѣла, какъ то земля, солнце, луна и звѣзды произошли отъ сихъ стихій совершенно бездушныхъ. Случайно носилась каждая стихія своею силою; случайно все сложилось по нѣкоему сродству, теплое съ холоднымъ, сухое съ влажнымъ, и мягкое съ грубымъ. И такъ какъ все произошло по необходимости, случайно изъ смѣшенія противныхъ: равнымъ образомъ произошли и небеса и все что на небѣ; отсюда составились всѣ формы, слѣдовательно и животныя и растѣнія; не по уму, не отъ Бога и не искуствомъ, говорятъ они, но природою и случаемъ. Художество же послѣ и послѣднее родилось изъ нихъ; — родилось

смертнымЪ, отЪ смертныхЪ же; родилось последнимЪ сЪ некоторымЪ ученіемЪ не безЪ истины, коей оно есть только слабое подобіе. Таковы суть словесность, музыка и другія бедныя художества. Но если некоторыя художества и производятЪ что нибудь важное, то только потому, что отЪ природы заимствовали всю силу, на примерЪ врачевство, земледеліе, и гимнастика. Политика же, говорятЪ они, заимствовала отЪ природы малейшую часть, а большую отЪ художества. ТакимЪ образомЪ законодательство произходитЪ не отЪ природы, но отЪ художества, коего положенія не могутЪ быть истинными.

Кл. КакЪ ето?

Аѳ. Добрый Кликій, они говорятЪ, что Боги суть произведеніе художества; — что они не по природе существуютЪ, но по законамЪ; — что они у всякаго народа свои, различные, смотря по тому, какЪ народы между собою условились вЪ законодательстве; — что прекрасное одно по природе, другое по закону; что справедливости по природе совсемЪ нетЪ, но вЪ разногласіяхЪ люди различно между собою принимаютЪ ее и всегда изменяютЪ; измененія, какія вЪ ней бываютЪ сделаны, остаются на то время господствующими и произходятЪ по законамЪ, а не по природе; — все ето произходитЪ, любезные, отЪ мудрыхЪ людей новейшихЪ временЪ,

отъ прозаиковъ и поетовъ, полагающихъ величайшую справедливость въ перевѣсѣ, одерживаемомъ силою. Отъ сего поселяются въ нынѣшнемъ вѣкѣ беззаконныя мнѣнія, будто совсѣмъ нѣтъ Боговъ, коихъ законъ признавать предписываетъ; отселѣ возмущенія; ибо всѣ стремятся къ справедливости естественной, которая по истинѣ состоитъ въ томъ, чтобъ властвовать надъ другими, и не жить въ рабствѣ у другаго по закону.

Кл. Какое произнесъ ты слово, почтенный? Какую гибель показалъ, какъ вообще для государствъ, такъ и для частныхъ семействъ въ нынѣшнемъ свѣтѣ?

Аѳ. Ты говоришь истину, Клиній. И когда такъ устроено уже издревлѣ, то что остается дѣлать законодателю? Долженъ ли, ставъ посреди города, угрожать всѣмъ, что если не признаютъ, не примутъ тѣхъ Боговъ, какихъ предписываетъ имъ законъ; — то же говоря о прекрасномъ, о справедливомъ и о всемъ, что устремляетъ людей къ добродѣтели или пороку; — если не будутъ исполнять ихъ въ томъ смыслѣ, какъ повелѣваетъ законодатель, однимъ словомъ, если кто не покоряется законамъ: то одинъ да накажется смертію, другой ударами и заключеніемъ, иной безчестіемъ, тотъ всѣми родами бѣдности и изгнаніемъ? — А убѣжденія кротости онъ вовсѣ не долженъ присоединять къ издаваемымъ законамъ?

Кл. Никакимъ образомъ, почтенный. Но если есть хотя малое средство убѣждать въ столь важномъ предметѣ, то законодатель и посредственный никакъ не долженъ оставлять его: но, какъ говорится, онъ долженъ кричать во весь ротъ, — и словами содѣйствовать древней вѣрѣ, что есть Боги; долженъ, какъ ты теперь сказалъ, заступиться за законъ и искуство, что они произходятъ отъ природы и не меньше природы, ибо суть порожденіе ума; ты, кажется, всегда говоришь сообразно съ здравымъ смысломъ и я тебѣ вѣрю.

Аѳ. Великодушный Клиній! но легколи говорить къ народу и вмѣстить ту обширность, съ какою соединенъ столь важный предметъ?

Кл. А по чему же не такъ, почтенный? Мы не скучали продолжительною бесѣдою о пьянствѣ и музыкѣ: о Богѣ ли и о предметахъ божественныхъ теперь говорить устанемъ? А мудрость и богопочтеніе суть такая подпора законодательству, что съ помощію ихъ божественныхъ доказательствъ, законы могутъ вѣчно пребыть непоколебимыми. Не чего бояться, если даже сначала и скучно покажется слушать; кто трудно понимаетъ, тотъ долженъ чаще возвращаться къ началамъ и снова ихъ пересматривать. Если рѣчь и продолжительна, но полезна; то нѣтъ еще причины и даже нечестно, по

моему мнѣнію, не служить ею къ пользѣ другихъ по возможности.

Мег. Прекрасно, кажется, говоритъ Кляній; не такъ ли, почтенный?

Аѳ. Да, Мегилъ! должно сдѣлать по словамъ его. Еслибъ не распространилось сіе зловредное ученіе, смѣло можно сказать, между всѣми; тогда излишнебъ было защищать, что Боги существуютъ: но теперь сіе необходимо. Когда важнѣйшіе законы испорчены людьми; то кто долженъ помочь имъ какъ не законодатель?

Кл. Конечно никто другой.

Аѳ. Но скажи мнѣ и ты, Кляній, какъ собесѣдникъ словъ моихъ: кажется люди сіи почитаютъ первою причиною всѣхъ вещей огонь, воздухъ, землю и воду, и называютъ ихъ природою; но къ чему тутъ, кажется? Они явно показываютъ сіе намъ въ своемъ словѣ.

Кл. Конечно.

Аѳ. Боже мой! какой источникъ грубѣйшаго заблужденія теперь открыли мы въ людяхъ, занимающихся естественными изслѣдованіями! смотри, разбирай совниманіемъ каждое слово: ибо весьма важно, если окажется, что они, занимаясь сами нечестивыми бесѣдами и внушая ихъ другимъ, принимаютъ слова не въ правильномъ, но превратномъ значеніи. — И я думаю, что они такъ дѣлаютъ.

Кл. Ты хорошо сказалъ; но постарайся доказать, когда они ето дѣлаютъ?

Аѳ. Для етого должно коснуться совсѣмъ постороннихъ словъ.

Кл. Не умедли, почтенный. Знаю, ты думаешь, что говоришь сіе, значитъ простираться за предѣлы законодательства; но если другимъ образомъ никакъ нельзя согласиться въ бытіи Божіемъ, которое принимается законами; то и сіе сказать надлежитъ.

Аѳ. Я скажу, если должно, одно не обычное слово: первую причину бытія и разрушенія полагаютъ не первою, но послѣднею, сіи слова приводящія душу къ нечестію; а послѣднее онѣ принимаютъ первымъ. Такимъ образомъ произошло заблужденіе о бытіи Боговъ.

Кл. Не понимаю.

Аѳ. Кажется, любезный, сіи люди почти во всѣ не знаютъ, что есть душа, и какую она имѣетъ силу, а еще меньше знаютъ о прочихъ свойствахъ ея и произхожденіи, что она есть первая; произошла прежде всѣхъ тѣлъ, управляетъ измѣненіями и всѣмъ устройствомъ ихъ. И если такъ, если душа первѣе тѣла; то по необходимости и все сродное душѣ произошло прежде всего того, что относится къ тѣлу?

Кл. Необходимо такъ.

Аѳ. Слѣдовательно мнѣніе, стараніе, разумъ, художество и законъ произошли прежде всего грубаго и мягкаго, тяжелаго и легкаго. И первыя великія творенія и дѣянія принадлежатъ художеству; естественныя же вещи и природа (которую неправильно такъ называемъ) суть послѣднія и управляются художествомъ и разумомъ.

Кл. Какимъ образомъ?

Аѳ. Не справедливо называютъ природу первоначальнымъ рожденіемъ. Если будетъ доказано, что не огонь и воздухъ, но душа произошла первая: то правильнѣе будетъ сказать совсѣмъ противнымъ образомъ, и притомъ сообразнѣе съ природою — что душа старѣе тѣла, а не иначе.

Кл. Весьма справедливо.

Аѳ. Итакъ обратимся опять къ своему предмету.

Кл. Какому?

Аѳ. Предостережемся всячески отъ обманчиваго слова, чтобъ не разувѣрилъ насъ стариковъ какой нибудь юноша, и потомъ, убѣжавъ, не оставилъ бы насъ въ посмѣяніи. Тогда скажутъ, что мы предпринимали весьма великое, а не успѣли и въ маломъ. Представьте себѣ, будто мы всѣ трое должны переходить чрезъ весьма быструю рѣку; что я, какъ младшій изъ васъ, и навыкшій въ великомъ плаваніи, сказалъ бы

вамЪ, что мнѣ прежде одному надлежитЪ пуститься вЪ опасность, и оставя васЪ вЪ покоѣ, испытать, можно ли чрезЪ нее перейти и вамЪ старикамЪ, или нѣтЪ. ЕслибЪ мнѣ показалось сіе возможнымЪ, тогда я позвалЪ и перевелЪ бы васЪ сЪ помощію своей опытности; но если рѣка не удобопроходима, то на меня пала бы вся опасность. Вы согласитесь, что я поступилЪ бы правильно. И настоящее слово для васЪ почти непостижимо и превышаетЪ всѣ ваши силы. И такЪ, чтобЪ оно не повергло васЪ вЪ недоумѣніе, если я стану предлагать вамЪ его и вопрошать васЪ не приготовившихся кЪ отвѣтамЪ, чтобы не оставить васЪ вЪ непріятнѣйшемЪ и неприличномЪ для васЪ расположеніи духа; кажется, мнѣ, лучше такЪ сдѣлать: между тѣмЪ какЪ вы будете спокойно слушать, я стану вопрошать самЪ себя, и самЪ себѣ буду также отвѣтствовать; такимЪ образомЪ окончу все слово, доколѣ докажется, что душа первѣе тѣла.

Кл. Кажется не льзя сдѣлать лучше. Дѣлай, какЪ сказалЪ.

Аѳ. Но если когда нибудь надлежитЪ молить Бога, то теперь это особенно нужно: надлежитЪ со всѣмЪ усердіемЪ молить о помощи Его, чтобы доказать, что ОнЪ есть. Руководствуясь нѣкоторымЪ твердымЪ способомЪ убѣжденія, приступимЪ кЪ дальнѣйшему слову. А тверже всего и безобман-

чивѣе вопрошать и отвѣтствовать въ доказываніи сей истины. Теперь вопроситъ кто нибудь: стоитъ ли все и не движется, или напротивъ? или иное движется, иное стоитъ? Я скажу: иное движется, иное стоитъ. На мѣстѣ ли какомъ стоитъ неподвижное и движется движущееся? Какъ же можетъ быть иначе? и притомъ одно совершаетъ свой путь около одного основанія, другое около многихъ. Ты говоришь, что заемлющее силу свою изъ средины, движется около одного основанія, какъ напримѣръ, движется окружность круговъ на одномъ мѣстѣ стоящихъ. Точно такъ. Мы знаемъ, что въ сей окружности движеніе, вмѣстѣ двигая и большой и меньшій кругъ, равно сообщается и меньшимъ и большимъ кругамъ, и слѣдовательно бываетъ меньше и больше. Сіе движеніе есть источникъ всего чудеснаго; оно вдругъ даетъ и большимъ и малымъ кругамъ, имъ соотвѣтственную быстроту и медленность, такъ что почти можно почесть его невѣроятнымъ. Весьма справедливо ты говоришь. Подъ движущимся около многихъ основаній, кажется, ты разумѣешь то, что, круговращаясь, безпрестанно переходитъ изъ одного мѣста на другое; и притомъ иногда обращается около одного центра, иногда чрезъ многіе; встрѣчаясь съ нимъ неподвижное разбивается и окружаетъ его, съ

стремящимся съ противной стороны оно смѣшивается, дѣлается срединою его и срастается. И я съ етимъ согласенъ. Сросшееся умножается, раздѣляющееся уменьшается, но или такъ, что раздѣлившіяся части удерживаютъ каждая свою извѣстную силу, или вмѣстѣ съ силою та и другая часть уничтожаются. Рожденіе всего происходитъ подобнымъ образомъ. И ясно, что начало съ приращеніемъ переходитъ во второе состояніе, изъ сего въ слѣдующее, и прошедши три состоянія, получаетъ чувство къ ощущаемымъ предметамъ. Такимъ образомъ измѣняясь, превращаясь, все рождается и дѣйствительно сущимъ бываетъ, доколѣ остается неизмѣняемымъ. Переходящее въ другое свойство, умираетъ. Кажется мы изчислили всѣ движенія почти въ ощутительныхъ видахъ, кромѣ двухъ?

Кл. Какихъ же?

Аѳ. Именно тѣхъ, къ коимъ клонится все наше разсужденіе.

Кл. Говори яснѣе.

Аѳ. Не о душѣ ли мы говорили?

Кл. Да, объ ней.

Аѳ. Итакъ пусть будетъ одно движеніе, которое можетъ двигать все другое, но само себя не двигаетъ; еще одно движеніе, которое всегда можетъ двигать и себя и другіе предмѣты, посредствомъ сро-

щенія, и раздѣленія, возрастанія и уменьшенія, рожденія и разрушенія.

Кл. Пусть будетъ такъ.

Аѳ. Теперь то движеніе, которое безпрестанно движетъ другіе предметы, и само измѣняется другими предметами, мы положимъ девятымъ, а то которое движетъ и себя и другіе предметы, — движеніе, проявляющееся во всѣхъ дѣйствіяхъ, во всѣхъ обстоятельствахъ, которое справедливо называется измѣненіемъ, и пружиною всего, — сіе движеніе назовемъ десятымъ.

Кл. Хорошо.

Аѳ. Изъ сихъ десяти движеній, которое мы предпочтительно называемъ сильнѣйшимъ и дѣятельнѣйшимъ?

Кл. Несравненно предпочтительнѣе то, которое само себя двигаетъ, а другія уже за нимъ слѣдуютъ.

Аѳ. Хорошо. Слѣдовательно въ сказанномъ, поелику мы сказали неправильно, надобно сдѣлать одну или двѣ перемѣны.

Кл. Какія?

Аѳ. Десятое движеніе не на своемъ мѣстѣ поставлено.

Кл. Какимъ образомъ?

Аѳ. Какъ первое по произхожденію и по силѣ; и второе за симъ, то, которое мы несправедливо назвали девятымъ.

Кл. Какъ ето?

Аѳ. Такъ. Если у насъ однимъ приводится въ движеніе другое, симъ третіе и такъ далѣе; то должно положить что нибудь за первую измѣняющую причину. Иначе какимъ образомъ то, что движется другимъ, можетъ быть первою причиною движенія? Ето невозможно. Но если что нибудь и само себя движетъ и передаетъ сіе движеніе другому, а сіе еще другому, и такимъ образомъ приводятся въ движеніе безчисленныя множества предметовъ; то началомъ сего движенія можетъ ли быть другое что, какъ не перемѣна само себя движущаго?

Кл. Прекрасно; должно согласиться съ етимъ.

Аѳ. Скажемъ еще одно и опять будемъ отвѣчать сами себѣ: въ первый разъ, когда произшедшее въ единое время было еще неподвижно, какъ нѣкоторые дерзаютъ говорить, какимъ движеніемъ изъ тѣхъ, о коихъ мы говорили, начало все двигаться?

Кл. Тѣмъ, которое само себя движетъ; ибо отъ другаго безъ предварительной причины не можетъ послѣдовать никакой перемѣны.

Аѳ. Итакъ сіе начало всѣхъ движеній, первое, которое произошло въ неподвижныхъ и въ движущихся предметахъ, которое само себя движетъ, мы назовемъ первѣйшею и сильнѣйшею причиною всѣхъ пе-

ремѣнъ. А вторую то, которое измѣняется другимъ, и движетъ другіе предметы.

Кл. Ето истинно.

Аѳ. Теперь еще будемъ отвѣтствовать:

Кл. Что такое?

Аѳ. Если мы увидимъ сіе движеніе въ чемъ либо земляномъ, или водяномъ, или огненномъ, въ отдѣльномъ или въ смѣшенномъ; то какъ мы назовемъ ето состояніе?

Кл. Ты вѣрно спрашиваешь меня, жизнію ли я называю то, что само собою движется?

Аѳ. Точно.

Кл. Да, я называю ето жизнію.

Аѳ. Но примѣтивъ въ чемъ либо душу, не назовемъ ли и етого также жизнію?

Кл. Не иначе.

Аѳ. Вникни еще ради Бога: не во всякой ли вещи мы замѣчаемъ три отношенія?

Кл. Какія?

Аѳ. Первое, сущность ея; второе, мысль, или понятіе о ея сущности; третье, ея названіе; и о всякомъ существѣ предлежатъ два вопроса.

Кл. Какъ два?

Аѳ. Иногда предлагается напередъ слово, и отыскивается его значеніе. Иногда напередъ представляется значеніе, и отыскивается названіе. Теперь еще скажите. . . .

Кл. Что такое?

Аѳ. Названіе, представляя по сему раздѣленію двѣ стороны, есть четное; значеніе

также число, раздѣленное на двѣ равныя части.

Кл. Истинно.

Аѳ. Я говорю, не къ одному ли мы приходимъ, не одно ли скажемъ, если предложивши мысль, предлагаемъ и названіе, или къ названію прилагаемъ и мысль? И потому называемъ сіе четнымъ числомъ, раздѣленнымъ на два: на имя и мысль

Кл. Совершенно справедливо.

Аѳ. Теперь душа есть названіе; какое же значеніе ея? Имѣемъ ли мы другое, кромѣ того, которое сказали? То есть движеніе, которое можетъ само себя двигать?

Кл. Ты говоришь, что значеніе двигаться самому собой имѣетъ туже сущность, какую заключаетъ въ себѣ названіе, душа — названіе, которое мы всѣ употребляемъ?

Аѳ. Я говорю это. И если это такъ, то еще ли искать доказательствъ, что душа есть первое рожденіе и движеніе всего, что есть, что было, что будетъ, и всего, что противно сему? Ибо уже ясно, что она есть причина всякой перемѣны и всякаго движенія.

Кл. Какихъ болѣе искать доказательствъ? Весьма удовлетворительно доказано, что душа есть первѣе всего, и начало движенія.

Аѳ. Но движеніе, происходящее въ чемъ нибудь отъ другаго чего либо, и само себя ни мало не двигающее, — сіе второе движе-

ніе, или какимъ бы ни положили его, не есть ли дѣйствительно измѣненіе бездушнаго тѣла?

Кл. Справедливо.

Аѳ. И такъ правильно, въ собственномъ значеніи и совершенно удовлетворительно мы назвали душу старѣе тѣла, а тѣло вторымъ, находящимся подъ управленіемъ души, коего свойство и природа состоятъ въ томъ, чтобы быть управляемымъ.

Кл. Весьма справедливо.

Аѳ. Припомнимъ то, въ чемъ мы прежде согласились, что если душа старѣе тѣла, то и свойства и дѣйствія душевныя старѣе и превосходнѣе свойствъ и дѣйствій тѣлесныхъ.

Кл. Совершенно такъ. Я очень помню.

Аѳ. Слѣдовательно душевныя расположенія, нравы, желанія, разсужденія, истинныя мнѣнія, старанія и память прошедшаго произошли прежде долготы, плоскости и глубины тѣла, равно какъ и душа прежде самаго тѣла?

Кл. Необходимо.

Аѳ. Послѣ сего необходимо также согласиться, что душа есть причина всего добраго, прекраснаго, равно худаго, постыднаго, справедливаго и несправедливаго и всѣхъ противоположностей? Ибо мы положили ее причиною всего.

Кл. Не иначе.

Ао. Не необходимо ли также сказать, что душа управляющая и живущая во всемъ движущемся, также правитъ и небесами?

Кл. Конечно.

Ао. Одна, — или многія?

Мег. Многія; — я за васъ отвѣчаю.

Ао. Но меньше двухъ не льзя положить: одной благодѣтельной и другой могущей дѣлать все противное.

Кл. Очень справедливо ты сказалъ.

Ао. Правитъ же душа всѣмъ на небѣ, на земли и на морѣ посредствомъ своихъ движеній, коихъ имена суть: желаніе, прозорливость, стараніе, совѣтъ, мнѣніе, мнѣніе же справедливое или ложное, которое она производитъ, радуясь или огорчаясь, съ смѣлостію или съ робостію, въ ненависти или въ любви; правитъ посредствомъ сродныхъ ей первоначальныхъ движеній, коими возбуждаются второстепенныя движенія тѣлъ, приводящія все къ возрастанію или къ разрушенію, къ раздѣленію или къ совокупленію; производящія теплоту и холодъ, тяготѣніе и легкость, жесткость и мягкость, бѣлое и черное, сладкое и горькое: всемъ симъ располагаетъ душа; — какъ ѵмъ божественный, какъ Богъ, она все ведетъ къ правильности и къ щастію. Но соединясь съ безуміемъ, она же строитъ все противное сему. Согласимся ли мы въ

етомѣ? Или еще сомнѣваетесь, не другимѣ ли образомѣ ето бываетѣ?

Кл. Никакѣ не сомнѣваемся.

Аѳ. Но ета душа, которая владѣетѣ небомѣ, землею и всѣмѣ обращеніемѣ, есть ли разумная и добродѣтели исполненная? Или неимѣющая ни того, ни другаго? Угодно ли вамѣ на сіе такѣ отвѣчать....

Кл. Какѣ?

Аѳ. Если мы скажемѣ, что все обращеніе, всѣ пути неба и тѣлѣ небесныхѣ имѣютѣ одинакое свойство сѣ движеніемѣ, круговращеніемѣ и связію ума; то очевидно должно назвать совершеннѣйшею ту душу, которая промышляетѣ о всемѣ мірѣ и ведетѣ его симѣ путемѣ.

Кл. Справедливо.

Аѳ. Но если мірѣ идетѣ нестройно и сѣ разумомѣ несообразно, то управляетѣ имѣ злая душа?

Кл. И ето справедливо.

Аѳ. Какое же свойство имѣетѣ движеніе разума? На етотѣ вопросѣ, друзья, трудно отвѣчать правильно. Почему я долженѣ самѣ сдѣлать сей отвѣтѣ.

Кл. Хорошо.

Аѳ. Если мы прямо будемѣ смотрѣть на солнце, то полдень обратимѣ для себя вѣ темную ночь; таковѣ и отвѣтѣ нашѣ будетѣ, если мы думаемѣ, что смертными очами можно видѣть и совершенно познать

верховный умъ. Несравненно безопаснѣе смотрѣть на него въ отраженіи.

Кл. Какимъ образомъ?

Аѳ. Если умъ подобенъ движенію; то возмемъ подобіе десяти движеній. Я вмѣстѣ съ вами приведу ихъ на память и сдѣлаю общими силами отвѣтъ.

Кл. Ето лучше всего.

Аѳ. Итакъ припомнимъ себѣ, какъ мы положили, что всѣ вещи или движутся или пребываютъ неподвижны.

Кл. Истинно.

Аѳ. Что одни изъ движущихся тѣлъ двигаются на одномъ мѣстѣ, другія безпрестанно перемѣняютъ его.

Кл. Точно такъ.

Аѳ. Сіи движенія, безпрестанно въ одномъ вращающіяся, необходимо должны двигаться около чего нибудь средняго, наподобіе круговъ, расходящихся отъ центра; и вотъ самое близкое подобіе обращенію и дѣйствію разума.

Кл. Какимъ образомъ?

Аѳ. Говоря, что умъ и движеніе, въ самомъ себѣ вращающееся на подобіе центральнаго обращенія круга, обращаются оба по однимъ законамъ, одинакимъ образомъ и въ одномъ, около одного и къ одной цѣли, въ одномъ смыслѣ и порядкѣ, кажется, мы не худые творцы прекрасныхъ подобій.

Кл. Очень справедливо.

Аѳ. Но движеніе всегда неровное, не по однимъ законамъ, не въ одномъ, не около одного, не къ одной цѣли стремящееся, безъ стройности, безъ порядка и безъ всякаго смысла не сродно ли со всякимъ безуміемъ?

Кл. Истинно такъ.

Аѳ. Теперь не трудно сказать утвердительно, что душа всѣмъ управляетъ и слѣдовательно должно согласиться, что и обращеніемъ небесъ управляетъ промышляющая и устрояющая душа, или совершеннѣйшая или напротивъ.

Кл. Но, почтенный, послѣ того, что уже сказано, нечестиво не сказать, что движетъ небесами или одна душа, украшенная всѣми совершенствами или многія таковыя.

Аѳ. Ты превосходно, Клиній, вникнулъ въ силу словъ; послушай и еще.

Кл. Что еще?

Аѳ. Если душа правитъ всѣмъ, и солнцемъ и луною, и прочими свѣтилами; то не правитъ ли она и порознь — каждымъ изъ нихъ?

Кл. Такъ.

Аѳ. И такъ объ одномъ скажемъ то, что относилось бы и ко всѣмъ свѣтиламъ.

Кл. Чтожь это одно?

Аѳ. Всякой человѣкъ видитъ тѣло солнца, а души его никто не видитъ. Равно никто ни видитъ души никакаго животнаго, ни живущаго ни умершаго. Но есть великая надежда, что сей родъ непостижимый для чувствъ

тѣлѣсныхъ, удобопостижимъ для ума. Посредствомъ ума и размышленія мы можемъ постигать сей предметъ.

Кл. Какъ ето?

Аѳ. Если солнцемъ правитъ душа, то мы не ошибемся, если скажемъ, что она совершаетъ изъ трехъ что либо одно.

Кл. Что же именно?

Аѳ. Что или она находясь внутри сего свѣтящагося тѣла, оттолѣ все устрояетъ, равно какъ въ насъ живущая душа дѣйствуетъ въ насъ; или доставляя ему откуда либо извнѣ вещество огненное или воздушное, какъ нѣкоторые утверждаютъ, приражаетъ силою своею тѣло къ тѣлу; или въ третьихъ, что она сама безтѣлесная правитъ посредствомъ нѣкоей непостижимой, чудесной силы.

Кл. Истинно.

Аѳ. Душа необходимо только посредствомъ сихъ дѣйствій всѣмъ управляетъ. И такую душу, на колесницѣ ли она выводитъ намъ съ солнцемъ свѣтъ, извнѣли, или другимъ какимъ образомъ, — всякой человѣкъ долженъ почитать Божественною; не правда ли?

Кл. Конечно, если кто не впалъ въ глубочайшее невѣжество.

Аѳ. Что скажемъ мы о всѣхъ свѣтилахъ, о лунѣ, о годахъ, мѣсяцахъ и всѣхъ временахъ, какъ не то же слово, что душа или души — причина всего етого, украшены всѣми доблестями; что мы назовемъ ихъ божествами,

въ тѣлахъ ли онѣ живутъ, какъ животныя, и украшаютъ все небо, или какъ бы то ни было. И кто соглашается на сіе, тотъ станетъ ли отрицать, что все исполнено Божества?

Кл. Нѣтъ ни одного, почтенный, столь безумнаго.

Аѳ. Итакъ, Мегиллъ и Клиній, мы исполнили свое слово, назначивъ прежде условія для того, кто не признаетъ Бога.

Кл. Какія условія мы назначили?

Аѳ. Или научить насъ, что мы полагая душу первою причиною всего, ошибаемся въ прочихъ словахъ, которыя за тѣмъ у насъ слѣдовали; или, если онъ не можетъ говорить лучше насъ, повѣритъ намъ, и въ продолженіи жизни своей признавать Боговъ. Разсмотримъ, достаточно ли мы не признающимъ Бога доказали бытіе Его или еще недостаточно.

Кл. Тутъ больше не остается ничего сказать.

Аѳ. Такъ сія рѣчь кончена. Теперь поговоримъ съ тѣмъ, кто признаетъ Боговъ, но думаетъ, что они не пекутся о дѣлахъ человѣческихъ. Доблестный юноша, скажемъ ему, ты признаешь Боговъ, потому что нѣкоторое сродство съ божественною природою и врожденное чувство заставляетъ тебя почитать и признавать ихъ: но успѣхи злыхъ и несправедливыхъ людей

какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни, кои хотя не приводятъ ихъ къ прямому щастію, но почитаются благами во мнѣніи народа, и прославляются музами и всеобщею молвою, — сіи успѣхи ведутъ тебя къ нечестію. Или ты смущаешься, видя, что злодѣи состарѣваясь и сыны сыновъ своихъ оставляютъ въ величайшихъ почестяхъ; слыша или бывши самовидцемъ величайшихъ злодѣяній, ты видишь, что посредствомъ ихъ люди взошли на престолы и достигли величайшихъ почестей; за все сіе, кажется, по сродству своему съ Богами ты не хотѣлъ бы порицать ихъ, какъ виновниковъ сего: но водимый нѣкоторымъ безуміемъ, и не желая враждовать противъ нихъ, наконецъ ты ввергся въ новое заблужденіе, что хотя и признаешь ихъ, но думаешь, что они презираютъ и не пекутся о дѣлахъ человѣческихъ. Дабы сіе мнѣніе не ввергло тебя еще въ большее нечестіе, посмотримъ, не можемъ ли его изгнать изъ мыслей твоихъ, прибавивъ нѣсколько словъ къ тому, что мы теперь сказали для не признающихъ бытія Боговъ. Вы, же Клиній и Мегиллъ, возмите на себя трудъ какъ и прежде — отвѣчать вмѣсто юноши. Если встрѣтится затрудненіе, то я васъ переведу чрезъ рѣку.

Кл. Справедливо ты говоришь: такъ и дѣлай, а мы по возможности постараемся исполнить по словамъ твоимъ.

Аѳ. Не трудно будетЪ также показать, что Боги не менѣе пекутся о малыхЪ вещахЪ, какЪ и о великихЪ. Я слышалЪ гдѣ — то, и помню нашЪ разговорЪ, что они какЪ совершенные во всѣхЪ добродѣтеляхЪ, имѣютЪ особенное свойство промышлять о всемЪ.

Кл. И я ето очень помню.

Аѳ. Теперь вообще разсмотримЪ, за какую добродѣтель мы называемЪ ихЪ благими. Владѣть мудростію и разумомЪ мы называемЪ добродѣтелію, а противное порокомЪ?

Кл. Точно такЪ.

Аѳ. Но добродѣтелью также называемЪ мужество а малодушіе порокомЪ?

Кл. Справедливо.

Аѳ. И при томЪ одно изЪ сихЪ называемЪ прекраснымЪ, другое постыднымЪ.

Кл. Необходимо.

Аѳ. И если есть для насЪ маловажныя вещи изЪ тѣхЪ, кои намЪ доставляютЪ пользу; то для БоговЪ мы ничего не можемЪ назвать ни высокимЪ, ни маловажнымЪ.

Кл. И вЪ етомЪ всякой согласится.

Аѳ. Но нерадѣніе, лѣность и роскошь назовемЪ ли мы добродѣтелію души или нѣтЪ?

Кл. КакЪ ето можно?

Аѳ. Но противнымЪ?

Кл. Да.

Аѳ. Слѣдовательно противное этому назовемъ противнымъ образомъ.

Кл. Да.

Аѳ. Слѣдовательно нерадивый, лѣнивый, роскошный, котораго поэтъ сравниваетъ съ трутнемъ, таковъ и въ нашихъ глазахъ?

Кл. Весьма справедливо.

Аѳ. Итакъ Богу не льзя приписать такого нрава, который Ему самому ненавистенъ; и никому не позволительно такое богохульство.

Кл. Нѣтъ! какъ возможно?

Аѳ. Говоря о комъ нибудь, кто болѣе другаго долженъ дѣйствовать и оказывать попеченіе, что умъ его занимается только высокими предметами и пренебрегаетъ всѣ маловажные, можемъ ли дѣлать похвалу сію, не впадая въ нелѣпость? Разсмотримъ, не по двумъ ли причинамъ можетъ такъ дѣйствовать Богъ или человѣкъ?

Кл. По какимъ же?

Аѳ. Или онъ думаетъ, что пренебрегая маловажные предметы, не производитъ чрезъ сіе никакой перемѣны въ цѣломъ; или даже ко вреду цѣлаго онъ не радитъ по лѣности и по роскоши. Или нерадѣніе сіе происходитъ отъ чего другаго? Ибо то не есть нерадѣніе, если кто не брежетъ какъ о большихъ, такъ и о малыхъ предметахъ, потому, что невозможно пещись обо всемъ; въ такомъ случаѣ и могущественный Богъ и

худой кто нибудь равно немощны и безсильны.

Кл. Какъ можно?

Аѳ. Итакъ намъ троимъ пусть отвѣтствуютъ сіи двое, кои оба признаютъ бытіе Боговъ, но одинъ полагаетъ ихъ удобопреклонными, а другой пренебрегающими маловажныя вещи: во первыхъ вы оба говорите, что Боги все знаютъ, видятъ и слышатъ, что отъ нахъ ничто укрыться не можетъ, что только подлежитъ чувствамъ или познанію. Согласны ли въ етомъ, или нѣтъ?

Кл. Такъ.

Аѳ. И что они все могутъ, что только возможно для смертныхъ и безсмертныхъ.

Кл. Какимъ образомъ не согласимся и въ етомъ?

Аѳ. И притомъ всѣ мы пятеро назвали ихъ преблагими и совершенными.

Кл. Очень.

Аѳ. Но если они таковы, какими мы ихъ признали, то должно также согласиться, что они отнюдь ничего не могутъ дѣлать по лѣности и по роскоши. Ибо праздность есть дочь робости и малодушія. Лѣность же дочь праздности и роскоши.

Кл. Весьма справедливо ты говоришь.

Аѳ. Изъ Боговъ никто не предается ни праздности ни лѣности; ибо ни въ комъ изъ нихъ нѣтъ робости и малодушія.

Кл. Весьма справедливо.

Аѳ. Если они не радятъ о маловажныхъ и ничтожныхъ частяхъ въ цѣломъ; то остается, что они дѣлаютъ сіе, или зная, что сіи части не заслуживаютъ никакого старанія, или въ противномъ убѣжденіи?

Кл. Не иначе.

Аѳ. И такъ не уже ли ты говоришь, почтенный, что они по незнанію, вмѣсто должнаго старанія, не радятъ; или хотя и знаютъ, что должно дѣлать, но поступаютъ какъ нерадивѣйшіе изъ людей, кои даже сами видя, что должно дѣлать лучше того, нежели какъ они дѣлаютъ, уступаютъ влеченію удовольствія или горести и ничего не дѣлаютъ?

Кл. Какъ это возможно?

Аѳ. Но человѣкъ также причастенъ духовной природѣ, и одинъ изъ всѣхъ животныхъ питаетъ къ Божеству столь глубокое почтеніе.

Кл. Кажется такъ.

Аѳ. Но Божія стяжанія суть всѣ смертные и животныя; и Божіи суть всѣ небеса.

Кл. И не инаго кого.

Аѳ. Пусть скажутъ, что это или маловажно или велико для Боговъ; какъ существамъ попечительнѣйшимъ и преблагимъ не свойственно имъ не радѣть о насъ, о своемъ стяжаніи. При томъ разсмотримъ и сіе —

Кл. Что такое?

Аѳ. Чувства и сила не въ противоположномъ ли отношеніи находятся къ легкости и трудности?

Кл. Какъ это?

Аѳ. Видѣть или слышать малое труднѣе, нежели великое: но нести, держать и соблюдать малое и немногое гораздо легче, нежели великое.

Кл. Нѣтъ сравненія.

Аѳ. Но если врачь, хочетъ и можетъ врачевать что нибудь цѣлое и притомъ о великихъ частяхъ печется, частички же и мѣлочи оставляетъ безъ вниманія; то хорошо ли у него пойдетъ цѣлое?

Кл. Ни коимъ образомъ.

Аѳ. Равно безъ малаго и немногаго ничего не можетъ быть великаго и многаго, ни у кормчихъ, ни у полководцевъ, ни у градоправителей, ни у кого другаго. Каменщики говорятъ, что безъ маленькихъ камней не могутъ твердо лежать большіе.

Кл. И какъ возможно?

Аѳ. И такъ не подумаемъ, что Богъ въ чемъ либо хуже смертныхъ художниковъ. Послѣдніе въ работахъ своихъ чѣмъ сами превосходнѣе, тѣмъ съ большею точностію, съ большимъ совершенствомъ, съ одинакимъ искуствомъ отдѣлываютъ какъ малое, такъ и великое; а Богъ премудрѣйшій, имѣющій волю и могущество промышлять, совсѣмъ

не занимается вещами малыми, какѣ существо праздное и всякихѣ трудовѣ убѣгающее; Онѣ оставляя легкое, обѣемлетѣ только великое.

Кл. Такаго мнѣнія о богахѣ, почтенный, мы не примемѣ. Оно нечестиво и не истинно.

Аѳ. Кажется, мы довольно сказали обвиняющему Боговѣ вѣ безпечности.

Кл. Да.

Аѳ. Убѣждаясь нашими словами, онѣ признается вѣ своей несправедливости. Еще нѣсколько словѣ не излишни кѣ совершенному его убѣжденію.

Кл. Какихѣ же нѣсколько словѣ, добрый Аѳинянинѣ?

Аѳ. Убѣдимѣ юношу, что промышляющій о всемѣ строитѣ все кѣ пользѣ и кѣ совершенству цѣлаго, и каждая частица дѣйствіемѣ или страданіемѣ своимѣ по возможности стремится кѣ сей общей цѣли. Есть и правители, раздѣляющіе всякому до самомалѣйшаго существа сродное ему дѣйствіе и страданіе, которые совершаютѣ сіе раздѣленіе сѣ величайшею точностію: и твоя частица, хотя самомалѣйшая, также всегда устремлена кѣ цѣлому. Ты конечно не зналѣ, что всякое рожденіе происходитѣ для цѣлаго, и что блаженнѣйшая сущность, наполняющая жизнь цѣлаго, не для тебя существуетѣ: но ты для ней. Всякой врачь и всякой искусный художникѣ все строитѣ для цѣлаго, для

пользы общей, дѣлаетъ не цѣлое для частей, но части для цѣлаго. Но ты ропщешь, не зная, какимъ образомъ твоя судьба относится къ общему, и какъ она можетъ быть полезнѣе для тебя самаго по законамъ общаго рожденія. Поелику же душа, переходя то въ одно тѣло, то въ другое, и за себя, и за другихъ испытываетъ различныя перемѣны; то властителю судебъ остается только лучшіе нравы переселять въ лучшее мѣсто, а худшіе, въ худшее, дабы всякая душа по достоинству имѣла приличной себѣ удѣлъ.

Кл. Какимъ образомъ, ты говоришь?

Аѳ. Я говорю, думая, что управленіе легко для Боговъ. Еслибъ кто въ работѣ своей сообразуясь только съ цѣлымъ, безпрестанно измѣнялъ всѣ виды, изъ огня дѣлая воду, и производилъ изъ одного многое, а изъ многаго единое, посредствомъ перваго, втораго и третьяго рожденія; тогда бы произошли неизчислимыя измѣненія въ цѣломъ устройствѣ. Но Верховный промыслъ управляетъ съ удивительною легкостію.

Кл. Какимъ же образомъ?

Аѳ. Вотъ какъ. Царь нашъ видѣлъ, что всѣ наши поступки зависятъ отъ души, и что въ нихъ находится или великая добродѣтель или порочность; видѣлъ также, что душа и тѣло хотя не вѣчны, какъ

Боги; но не должны уничтожаться; ибо по уничтоженіи того и другаго и рожденіе животныхъ было бы не возможно; видѣлъ, что доброта душевная всегда полезна, а злость вредна; и видя все сіе, онъ умыслилъ, всякой частицѣ всемірной души назначить свое мѣсто, и чрезъ то легчайшимъ и лучшимъ образомъ содѣлать навсегда добродѣтель торжествующею, а злость побѣжденною. Для сего онъ устроилъ, что всякая душа занимаетъ такое жилище и такое мѣсто, какою она сама бываетъ, и предоставилъ волѣ каждаго изъ насъ причину своего рожденія, каково бы оно ни было. Какъ кто самъ захочетъ, и каковъ кто въ душѣ своей; въ такомъ мѣстѣ, и такимъ всегда живетъ каждый изъ насъ.

Кл. И достойно.

Аѳ. Итакъ все измѣняется, что только причастно души, и въ самомъ себѣ заключаетъ причину своего измѣненія. Здѣсь, кажется, владычествуютъ неизмѣняемая судьба, порядокъ и законъ. Тѣ, которые не много измѣнили свою природу, идутъ въ изгнаніе не далеко отъ мѣста своего рожденія. Несправедливые и далѣе уклонившіеся отъ своей природы, низпадаютъ въ глубину, въ мѣста преисподнія, адомъ и другими страшными именами называемыя, которыя они и въ сей жизни со страхомъ воспоминаютъ, видятъ во снѣ, и отъ мученій коихъ, выходя изъ тѣла, не освобождаются.

Если душа болѣе измѣнилась въ порокѣ, нежели въ добродѣтели и укрѣпившись собственнымъ своимъ желаніемъ и сообществомъ, вознеслась къ божественной доблести; то она перемѣняетъ и мѣсто на святое, переселяется въ лучшій міръ, между тѣмъ какъ порочные въ другомъ мѣстѣ получаютъ достойную участь. Таковъ судъ безсмертныхъ Боговъ, небожителей, о юноша думающій, что Боги тебя оставили. Если душа твоя развратна, то она пойдетъ въ общество душъ преступнѣйшихъ; если она исправилась, то соединится съ душами святыми, и какъ въ жизни, такъ и во всякомъ родѣ смерти будетъ терпѣть и дѣйствовать, какъ необходимо бываетъ подобнымъ съ подобными. Сего суда Божія ни ты не избѣгнешь, ни кто другой симъ не похвалится. Боги съ особенною строгостію установили его; опасно подвергнуться ему. Онъ вездѣ слѣдитъ за тобою. Какъ бы ты ни былъ малъ, и хотя бы сокрылся въ глубинѣ земной; какъ бы ты ни былъ высокъ и хотя бы на небо возлетѣлъ: воздашь должное наказаніе и тамъ во адѣ, или даже еслибъ ты переселился въ мрачнѣйшія мѣста. По сему же слову суди и о тѣхъ, кои святотатствомъ и другими злодѣяніями изъ малыхъ содѣлались великими; кои, какъ ты думалъ, вмѣсто бѣдственной ведутъ жизнь блаженнѣйшую, и въ дѣлахъ которыхъ какъ въ зеркалѣ, ка-

жется, ты читалъ безпечность и нерадѣніе Боговъ. Ты еще не знаешь конца, къ чему это все клонится, и думаешь, дерзновеный юноша, что можно обойтися безъ сего знанія. Но безъ него ты никогда не поймешь назначенія своей жизни; не поймешь, ведетъ ли она тебя къ щастію, или къ нещастію. Богъ къ тебѣ будетъ еще милостивъ, если Клиній и весь нашъ совѣтъ успѣемъ убѣдить тебя, что ты самъ не понимаешь того, что говоришь о Божествѣ. Если мало тебѣ сихъ убѣжденій, то мы скажемъ и третье слово; внимай, если имѣешь сколько нибудь разума. Что Богъ есть и печется о человѣкѣ, кажется, не совсѣмъ худо доказано. Но будто Боги для неправедныхъ удобоумолимы, и принимаютъ дары; сего никакъ допустить не можно; это всякимъ образомъ требуетъ опровержения.

Кл. Превосходно сказано. Сдѣлаемъ, какъ говоришь.

Аѳ. Скажи ради самихъ Боговъ, пусть они удобоумолимы; но какимъ образомъ они могутъ быть таковыми? Кто они и какаго свойства? Необходимо они суть правители, столь совершенно правящіе вселенною?

Кл. Такъ.

Аѳ. Но какимъ правителямъ они подобны? Гдѣ сіи люди, которымъ бы можно уподобить всесовершеннѣйшихъ? Возницы ли это,

состязующіеся въ быстротѣ колесницъ, или мореходцы, управляющіе плаваніемъ кораблей? Подобны ли они вождямъ безчисленныхъ войскъ? Или врачамъ, отвращающимъ отъ тѣла войну болѣзней, или земледѣльцамъ, со страхомъ ожидающимъ вредной поры для всходу посѣва, или пастырямъ стадъ? Ибо мы уже согласились, что вселенная преисполнена всѣхъ благъ, но преисполнена также и золъ, числомъ непреодолѣвающихъ; отселѣ происходитъ война вѣчная, нескончаемая, требующая всей божественной бдительности. Намъ спобораютъ Боги и духи; мы ихъ стяжаніе. Убиваютъ же насъ несправедливость и насильство съ безуміемъ, а спасаютъ правосудіе и скромность съ мудростію, живущія въ духовныхъ силахъ Божества, кои проявляются нѣсколько и въ насъ. Но живущія на землѣ души чаще увлекаются несправедливымъ корыстолюбіемъ, какъ животныя пресмыкаются предъ стражами своими, псами или пастырями, или предъ могущественнѣйшими властителями, убѣждаютъ ихъ льстивыми словами и низкими прошеніями, каковы бываютъ прошенія и молитвы злыхъ,—чтобъ имъ безъ наказанія было позволено дѣлать корысти между людьми. Сіе корыстолюбіе въ частныхъ плотскихъ людяхъ есть такая же болѣзнь, какъ во временахъ года зараза, и какъ въ

государствахъ и въ народахъ, подъ другимъ названіемъ, несправедливость.

Кл. Совершенно такъ.

Аѳ. Таковы же необходимо слова и тѣхъ, кои говорятъ, что Боги прощаютъ несправедливымъ людямъ и злодѣямъ, если кто приноситъ имъ въ жертву часть отъ неправедной добычи; все равно, еслибъ волки удѣляли псамъ нѣсколько отъ хищенія своего, и сіи стражи, укрощенные дарами ихъ, позволилибъ имъ расхищать стадо. Не то же ли говорятъ, называющіе Боговъ удобоумолимыми къ преступленіямъ?

Кл. Точно то же.

Аѳ. И такъ не смѣшно ли уподоблять хранителей — Боговъ кому либо изъ тѣхъ, о коихъ мы теперь говорили? Или кораблеправителямъ, кои прельстясь возліяніями вина и куреніями жертвъ, потопляютъ и корабль и мореплавителей?

Кл. Какъ можно?

Аѳ. Или возницамъ, состязующимся въ быстротѣ колесницъ, кои, подкупленные дарами, уступаютъ побѣду другимъ?

Кл. Разительное подобіе ты представляешь въ словахъ сихъ.

Аѳ. Или военачальникамъ, или врачамъ и земледѣльцамъ или пастырямъ или псамъ, волками обольщаемымъ?

Кл. Довольно. Возможно ли это?

Аѳ. Но Боги для насъ не величайшіе ли стражи, и стражи всего важнѣйшаго?

Кл. Безъ всякаго сравненія.

Аѳ. И сохраняющихъ совершеннѣйшимъ образомъ вселенную, существа, отличающіяся болѣе всѣхъ неусыпною бдительностію, мы дерзаемъ ставить ниже псовъ, и людей, кои за дары, безчестно предлагаемые отъ людей несправедливыхъ, никогда не измѣнятъ справедливости?

Кл. Какъ можно? Ужасно слышать самое слово сіе. — Имѣющій такое мнѣніе человѣкъ по справедливости можетъ назваться преступнѣйшимъ, нечестивѣйшимъ изъ всѣхъ злодѣевъ.

Аѳ Теперь, кажется, довольно доказаны три истины, которыя мы себѣ предположили, что Боги существуютъ, что они пекутся о насъ, и что противъ справедливости ничѣмъ не умолимы.

Кл. И мы всѣ съ тобою согласны.

Аѳ. Иное сказано слишкомъ сильно по негодованію къ злымъ людямъ. Наша ревность противъ нихъ, добрый Клиній, устремлена на тотъ конецъ, дабы сіи заблудшіе, почитая справедливость на своей сторонѣ, не присвоили себѣ власти въ самыхъ дѣлахъ своихъ показывать то, что они думаютъ о Богахъ. Отселѣ наше рвеніе сказать сильнѣе. Если мы успѣли убѣдить нѣкоторыхъ, возненавидѣть свой образъ мыслей и возлю-

бишь прошивной ему; то предисловіе наше къ законамъ о нечестіи сказано не напрасно.

Кл. Есть надежда; но во всякомъ случаѣ сей родъ слова не послужитъ упрекомъ для законодателя.

Аѳ. Послѣ сего предисловія слѣдуетъ, какъ бы истолкователь законовъ, слово предъявляющее всѣмъ нечестивымъ перемѣнить свои нравы на благочестивые. Непокоряющимся да будетъ сей законъ о нечестіи: Если кто нечествуетъ словомъ или дѣломъ; то первый свидѣтель удерживаетъ его, представя о семъ правителямъ. Первыя власти, узнавшія о семъ дѣлѣ, по законамъ должны отнестись къ опредѣленному для сего судилищу. Начальство, которое, услышавъ, оставитъ сіе безъ вниманія, само подвергается суду отъ того, кто пожелаетъ вступиться за законы; и судилище каждому обвиненному въ нечестіи опредѣляетъ наказаніе. Заключеніе въ темницу есть общее для всѣхъ преступниковъ. Три темницы находятся въ городѣ: одна общая у площади для вѣрности подсудимаго; одна подлѣ собранія, въ ночи имѣющихъ свои засѣданія, и называется смирительною, усовѣстительною; одна во глубинѣ страны въ мѣстѣ пустынномъ и дикомъ, которой имя соотвѣтствовало бы строгости наказанія. Въ нечестіи обвиняются по тремъ причинамъ, о коихъ мы

прежде говорили. И поелику каждая изѣ сихѣ причинѣ подраздѣляется на двѣ; то изѣ сего произходитѣ шесть родовѣ преступленій, кои требуютѣ разсмотрѣнія и различной степени наказанія. Одни изѣ тѣхѣ, кои вовсѣ не признаютѣ бытія Боговѣ, отѣ природы добросердечны, питаютѣ любовь кѣ справедливости, ненавидятѣ злыхѣ, и по ненависти кѣ несправедливымѣ не имѣютѣ поползновенія кѣ безчестнымѣ дѣламѣ, убѣгаютѣ худыхѣ сообществѣ и привязаны кѣ добрымѣ, правдивымѣ;—другіе ко мнѣнію своему, что нѣтѣ Бога, присоединяютѣ невоздержность вѣ удовольствіяхѣ и огорченіяхѣ, сильную память и остроту ученія. Тотѣ и другой родѣ имѣютѣ общее заблужденіе, не признавать Боговѣ. Но одинѣ менѣе, другой болѣе дѣйствуетѣ ко вреду человѣчества. Одинѣ исполненѣ богохулія противѣ всего священнаго, дерзко говоритѣ противѣ Боговѣ, жертвоприношеній и клятвѣ. Вооружась насмѣшкою, онѣ легко сдѣлаетѣ таковыми же и другихѣ, если не будетѣ удержанѣ наказаніемѣ. Другой, хотя имѣетѣ тотѣ же образѣ мыслей, но называется добросердечнымѣ; вѣ самомѣ же дѣлѣ характерѣ его исполненѣ хитрости и коварства, кои производятѣ такое множество вѣщателей, и всѣ роды заклинаній, для пользы тирановѣ, демагоговѣ и полководцовѣ;

стремясь только къ собственному самоугодію, они составляютъ оружіе для такъ называемыхъ софистовъ, коихъ есть много родовъ. Но два особенно заслуживаютъ вниманіе законовъ: родъ насмѣшниковъ, кощуновъ не одной, не двухъ, но многихъ смертей достойный; другой же требующій увразумленія и заключенія. Мнѣніе, что Боги не пекутся, производитъ также два рода преступниковъ; равно какъ и то, что Боги удобоумолимы къ извиненію преступленій. Во всѣхъ таковыхъ случаяхъ иногда люди дѣйствуютъ по невѣжеству, безъ злаго умысла и безъ всякаго худаго расположенія; таковыхъ судія заключаетъ въ домъ усовѣщиванія не менѣе, какъ на пять лѣтъ. Въ продолженіе сего времени никто изъ гражданъ съ ними ни видится, кромѣ членовъ ночнаго собранія, кои бесѣдуютъ къ увразумленію и ко спасенію души. По окончаніи сего времени ихъ заключенія, кто изъ нихъ обратится на путь разума, тотъ пусть живетъ съ разумными; иначе если онъ опять впадетъ въ такое же преступленіе, наказывается смертію. Но есть люди буйные, звѣрскіе, кои не вѣря бытію Боговъ, отвергая ихъ промыслъ или почитая ихъ удобопреклонными, въ семъ заблужденіи своемъ оказываютъ презрѣніе къ людямъ, обольщаютъ многихъ изъ живущихъ, увѣряютъ, что они души мертвыхъ могутъ

переводить изъ одного мѣста въ другое, обѣщаютъ преклонить Боговъ жертвами, молитвами и заклинаніями и сею хитростію похищаютъ у простаковъ, у цѣлыхъ домовъ и городовъ ихъ имѣніе. Обвиненнаго въ семъ преступленіи судъ по закону наказываетъ заключеніемъ въ пустынную темницу, куда не приближается ни одинъ свободный, и гдѣ принимаетъ онъ отъ рабовъ опредѣленную законоблюстителями пищу. Когда онъ умретъ, то безъ погребенія повергаютъ его внѣ предѣловъ отечества; кто изъ свободныхъ похоронитъ его; тотъ подвергается суду за нечестіе. Если онъ оставитъ дѣтей годныхъ для отечества; то опекуны сиротъ имѣютъ попеченіе и объ нихъ съ того времени, какъ отецъ подвергнется наказанію. Для всѣхъ таковыхъ случаевъ потребно положить общій законъ, который бы не позволялъ народу погрѣшать дѣломъ и словомъ въ дѣлахъ божественныхъ, и ограничивалъ бы его безуміе, запрещая вводить противъ закона свои божества или жертвоприношенія. Для всѣхъ да будетъ одинъ простой законъ: никто да ни созидаетъ храмовъ въ частныхъ домахъ; но кто хочетъ жертвовать, пусть идетъ въ общественные храмы и жертвы свои предастъ жрецамъ или жрицамъ, кои совершаютъ сіе въ чистотѣ и непорочности. Съ его молитвами и другіе могутъ соеди-

нять свои молитвы. Сіе установляется потому, что не легко воздвигать храмы и вводить Боговъ; но къ совершенію сего потребны великой умъ и осторожность. Есть обычай у женщинъ, особенно у всѣхъ немощныхъ, у людей, подвергнувшихся нещастію или бѣдности, во время скорби своей также и во время какого нибудь неожиданнаго благополучія приносить жертвы, дѣлать обѣты, обѣщать храмы Богамъ, духамъ, и чадамъ Боговъ. Устрашенные видѣніями, снами, всѣмъ лицамъ, какія только могутъ себѣ припомнить, немедленно сооружаютъ жертвенники, храмы; и цѣлые домы, селенія наполняютъ святынею, на чистыхъ мѣстахъ и гдѣ бы то ни случилось. Все это должно подлежать сему закону. Но чтобъ злочестивые тайно не заводили въ домахъ своихъ жертвенниковъ, надѣясь скрытно умилостивить Боговъ жертвами и молитвами, и въ сей надеждѣ, прилагая беззаконіе къ беззаконію, не навлекли бы и на себя проклятія Боговъ и на тѣхъ, кто имъ позволяетъ дѣлать сіе; — Богъ не осудитъ законодателя,—полагается законъ, не созидать въ собственныхъ домахъ храмовъ. Ктожь имѣетъ другой храмъ и празднуетъ другіе праздники кромѣ общественныхъ; если онъ не содѣлалъ другихъ важнѣйшихъ преступленій, о томъ, видѣвшій, доноситъ законоблюстителямъ, кои

должны приказать перенести свою святыню въ общественные храмы. Непокоряющійся сему подвергается наказанію, доколѣ не перенесетъ онъ своей святыни въ общій храмъ. Ктожъ обличится въ нечестіи не дѣтскомъ, но какъ злодѣй, если не чистый жертвовалъ Богамъ въ общественномъ храмѣ, или создалъ свой, тотъ наказывается смертію. Законоблюстители, разобравъ дѣтскія преступленія отъ важныхъ, представляютъ о сихъ судилищу и на нечестивыхъ требуютъ казни.

РАЗГОВОРЪ ОДИННАДЦАТЫЙ
О
ЗАКОНАХЪ.

Теперь взаимныя отношенія, сдѣлки у насъ требуютъ настоящаго порядка. Есть для сего простое общее правило: да не касается никто насильственно до моего имѣнія и да не тронетъ ни малѣйшей вещи безъ моего согласія. И я съ моей стороны также буду поступать съ другими по чистой совѣсти.

Первая изъ сихъ вещей есть сокровище, которое сохраняетъ кто либо или для себя, или для дѣтей своихъ. Если оно не принадлежитъ мнѣ, или родителямъ моимъ; то я не стану просить Боговъ, чтобъ они дали мнѣ найти его; и нашедши его, я никогда себѣ не присвою. Я не послушаюсь, еслибъ даже самые прорицатели совѣтовали мнѣ овладѣть чужимъ залогомъ. Я не столько обогащусь, овладѣвши имъ, сколько пріобрѣту силы для душевной добродѣтели, и справедливости, если не трону его. За временную выгоду я пріобрѣту сокровище несравненное лучшее, если въ душѣ своей, предпочитая всякому богатству правоту, буду сохранять ее и въ стяжаніяхъ своихъ. Во многихъ случаяхъ прекрасно говорится: не трогай того, что не поколебимо; и здѣсь можно сказать тоже. Должно повѣрить и

преданіямъ, что несправедливое пріобрѣтеніе не въ пользу дѣтямъ; но кто не заботясь о дѣтяхъ, и презирая всѣ законы, беретъ то, что положено не имъ и не отцомъ его; беретъ, не спросясь съ положившимъ, вопреки прекраснѣйшему и простому правилу законодателя непростаго: не бери, чего не положилъ: что долженъ претерпѣть сей презритель справедливости, расхищающій не маловажное, чего онъ самъ не клалъ, но величайшее сокровище? Отъ Боговъ, Богъ самъ знаетъ: но изъ людей кто увидитъ сіе, долженъ обьявить въ городѣ градоблюстителямъ; на площади приставамъ, въ другихъ мѣстахъ сельскимъ старостамъ другихъ и начальникамъ. По обьявленіи городъ посылаетъ вопросить въ Дельфы: и что оракулъ изречетъ о сокровищѣ и похитителѣ его, то городъ и долженъ совершить, повинуясь божественнымъ изреченіямъ. Если свободный откроетъ, то онъ пріобрѣтаетъ похвалу какъ добродѣтельный, а если умолчитъ, то почтется порочнымъ. Открывшій рабъ дѣлается свободнымъ; городъ платитъ за него господину его; а не откроетъ, то накажется смертію. За симъ слѣдуетъ другой законъ относительно прочихъ какъ важныхъ, такъ и неважныхъ случаевъ. Если кто умышленно или неумышленно оставитъ что нибудь свое, то нашедшій не долженъ трогать ничего; ибо напутный Геній

хранитъ сіе, какъ жертву, по закону ему посвященную. Но если кто, вопреки сему возметъ оставленную вещь и понесетъ въ свой домъ; то, какъ бы ни маловажна она была, если возметъ ее рабъ, настигшій его не моложе тридцати лѣтъ, наказываетъ его многими ударами; если возметъ свободный; то сверхъ молвы, приличной низкому человѣку и нарушителю законовъ, онъ долженъ заплатить оставившему за взятую вещь въ десятеро дороже.

Кто, требуя съ кого нибудь свои деньги, хотя не много прибавитъ; тому сей признается, что онъ нашелъ деньги, но не его; и если имѣніе его по закону записано у правительства, то онъ зоветъ нашедшаго къ суду; и сей долженъ идти. Открывшій по предъявленію, что спорная вещь его, беретъ ее. Если она принадлежитъ другому отсутствующему; то кто не представитъ вѣрной поруки, въ доставленіи ему его собственности, отъ того она по сей невѣрности отбирается. Если спорная вещь не предъявлена у Архонтовъ; то до рѣшенія хранится у трехъ старѣйшихъ изъ нихъ. Если въ закладѣ или въ поручительствѣ находится животное; то обвиненой по суду долженъ представить Архонтамъ кормъ для онаго. Судъ же должны окончить архонты въ теченіи трехъ дней.

Раба своего всякой можетъ возвратить и дѣлать съ нимъ, что законами позволено. Тоже

можетъ сдѣлать всякой вмѣсто своего ближняго или друга съ его бѣжавшимъ рабомъ, для доставленія его законному господину. Отыскивающій свободу находящемуся въ рабствѣ, долженъ отыскивать ее по закону; представить за него трехъ достойныхъ поручителей и такимъ образомъ взять его отъ господина; иначе никакъ. Кто будетъ отбирать раба не сообразно съ симъ постановленіемъ, тотъ обвиняется въ насильствѣ, и обличенный, платитъ обиженному въ двое за предъявленный убытокъ. Господинъ можетъ возвратить себѣ вольноотпущеннаго, если сей не оказываетъ почтенія отпустившему его, или оказываетъ недовольно. Почтеніе же состоитъ въ томъ, чтобъ отпущенный трижды въ мѣсяцъ приходилъ въ домъ къ отпустившему предлагать ему свои слуги согласно съ справедливостію и по своимъ силамъ; такъ же въ брачной союзъ вступать онъ долженъ по согласію прежняго господина. Отпущеннный не можетъ быть богаче господина, которому принадлежитъ весь его излишекъ. Онъ живетъ въ городѣ не болѣе двадцати лѣтъ; послѣ того, подобно всѣмъ иностраннымъ, онъ долженъ удалиться со всѣмъ своимъ имуществомъ, если не испроситъ у архонтовъ и отпустившаго позволенія остаться въ городѣ. Еслижь у отпущеннаго или у кого либо изъ иностранцевъ имѣніе будетъ выше имѣнія третьяго класса, то, считая съ того дня, какъ сіе откроется, въ

тридцать дней онѣ долженѣ удалиться со всѣмѣ ему принадлежащимѣ, и такому отѣ архонтовѣ не должно быть ни какой отсрочки. Кто преслушаетѣ сіе, будетѣ приведенѣ вѣ судѣ и уличенѣ, тотѣ наказывается смертью и его имѣніе дѣлается общественнымѣ. Судѣ обѣ имѣніи производится по колѣнамѣ, если двѣ тяжущіяся стороны не сдѣлаются между собою предѣ судіями выбранными, домашними. Если кто востребуетѣ, какѣ собственность, какое нибудь животное или что либо изѣ другихѣ вещей; то владѣющій ею долженѣ возвратить ее или продавцу, или дарителю, за деньги и другимѣ какимѣ образомѣ ее отдавшему: гражданину и живущему вѣ городѣ, вѣ теченіи тридцати дней; а для передачи вѣ чужія страны вѣ теченіи пяти мѣсяцевѣ, коихѣ срединою должно быть время солнечнаго поворота сѣ лѣта на зиму.

То, что передаетѣ одинѣ другому посредствомѣ продажи и покупки, можетѣ передаваться только тогда, если вѣ тоже время на площади одинѣ отдаетѣ, другой получаетѣ условленную цѣну; иначе никогда; и сѣ отлагательствомѣ платы никогда не должно производить ни продажи, ни покупки. Впрочемѣ, вѣ другихѣ мѣстахѣ позволительно одному сѣ другимѣ мѣняться вещами, по взаимной довѣренности; но должно знать, что законѣ не ручается за сіи сдѣлки. Всѣ займы произво-

дятся дружелюбнымъ образомъ: но если здѣсь и произойдетъ несогласіе; то должно стараться никогда не доводить его до суда.

Продающій вещь, за которую онъ долженъ получить не менѣе пятидесяти драхмъ, по необходимости можетъ пробыть въ городѣ десять дней. Покупающій долженъ знать домъ продавца по причинѣ жалобъ, кои могутъ послѣдовать въ подобныхъ случаяхъ, и для законнаго возвращенія, которое иногда должно, иногда не должно происходить въ сихъ случаяхъ. Кто продаетъ слугу одержимаго или проказою, или каменною болѣзнію, или недержаніемъ мочи, или такъ называемою священною, падучею болѣзнію, или какимъ нибудь другимъ скрытнымъ, продолжительнымъ и неизлѣчимымъ недугомъ тѣлеснымъ или душевнымъ, но продаетъ лѣкарю, или гимнастику; то между ими нѣтъ никакаго возврата; равно нѣтъ его и тогда, если кто продаетъ, напередъ сказавши истину; но если человѣкъ опытный продаетъ неопытному; то покупающій можетъ возвратить купленнаго въ теченіи шести мѣсяцовъ, кромѣ падучей болѣзни, въ которой возворотъ позволителенъ въ теченіи цѣлаго года. Свидѣтельство должно происходить предъ тѣми врачами, коихъ изберутъ себѣ обѣ тяжущіяся стороны. Виновный платитъ въ двое противъ той цѣны, за которую продалъ раба. Если про-

даетъ простой человѣкъ простому же; то, хотя бываетъ возворотъ и свидѣтельство; но виновный долженъ заплатить одну простую цѣну. Если кто завѣдомо продаетъ другому убійцу; то куплѣ таковой нѣтъ возвороту; а незнавшій сего можетъ возвратить, какъ скоро узнаетъ, коковъ сей купленный. Сей судъ произходитъ въ присудствіи пяти младшихъ изъ законоблюстителей. Знавшій продавецъ по осужденіи долженъ освятить, очистить домъ покупающаго по закону истолкователей святыни, и притомъ заплатить ему тройную цѣну.

При промѣнѣ денегъ или за деньги, или за какое либо животное, или за вещь бездушную всякой, повинующійся законамъ, долженъ отдавать и принимать все безъ лукавства. Дѣлавши предисловіе ко всѣмъ прочимъ законамъ, сдѣлаемъ его и противъ сего порока. Всякой долженъ представлять себѣ что лукавство, ложь и обманъ зоконопреступны; и чернь не справедливо думаетъ, будто позволительно обманывать въ свое время, въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Потомъ, не разбирая сего времени, какъ и когда это позволительно, и не подчиняя себя никакимъ правиламъ, сіи невѣжды весьма много вредятъ и себѣ и другимъ.

Законодателю не позволительно оставить сіе безъ вниманія; онъ непремѣнно долженъ назначить для сего или тѣснѣйшія или

обширнѣйшія границы. Ограничимся такъ: лжи, обмана и лукавства, какъ пороковъ вопіющихъ къ Богу, никто изъ боящихся гнѣва Божія, да не употребляетъ ни въ словѣ, ни въ дѣлѣ. Тотъ во первыхъ ненавистенъ Богамъ, кто, клянясь ложною клятвою, оказываетъ къ нимъ презрѣніе; а во вторыхъ презрѣнъ тотъ, кто лжетъ предъ людьми, которые лучше его. Лучшіе же и отличнѣйшіе мужи вообще суть добродѣтельные предъ порочными, старѣйшіе предъ младшими, слѣдовательно и родители предъ дѣтьми, мужи предъ женами, начальники предъ подчиненными, коимъ всѣмъ надлежитъ воздавать почтеніе со всякою покорностію, особливо въ государственномъ устроеніи, о которомъ теперь простирается наше слово. Всякой, оказывающій какое нибудь лукавство на торжищѣ, лжетъ и обманываетъ; клянясь именемъ Боговъ, онъ явно преступаетъ законы на доскахъ изображеные; ибо не имѣетъ стыда предъ людьми и не сохраняетъ почтенія къ Богамъ. Безъ сомнѣнія лучшее свойство души есть не сквернить имени Боговъ, сколько возможно людямъ, и всегда ходить предъ ними во всякой правотѣ и чистотѣ. Если не послушаютъ сего; то вотъ и законъ: продающій что нибудь на торжищѣ никогда не долженъ говорить двухъ цѣнъ продаваемой вещи. Но сказавъ одну цѣну, если не получитъ ее, пусть

отложитъ продажу своей вещи до другаго времени, и въ етотъ день ни прибавляетъ, ни убавляетъ цѣны ея. Похвала и божба не должны быть употребляемы ни въ какой продажѣ. Кто же вопреки сему будетъ божиться; того безотвѣтно можетъ наказать всякой гражданинъ, который услышитъ его, не моложе тридцати лѣтъ; за пренебреженіе сего всякой подвергается нарѣканію въ измѣнѣ законамъ. Если кто противъ сего устава дерзаетъ обманывать товаромъ; то знающій въ немъ различіе, если можетъ доказать, пусть обличитъ его предъ архонтами. Если докажетъ рабъ, или обыватель, то поддѣланный товаръ дѣлается его собственностію. Если гражданинъ не докажетъ; то какъ презритель божества онъ объявится безчестнымъ; если докажетъ; то да принесетъ даръ Богамъ покровителямъ торжища. Обличенный же въ обманѣ лишается своего товара и сверхъ того, смотря по цѣнѣ онаго, за каждую драхму получаетъ по удару отъ торжищнаго глашатая, которой при томъ всѣмъ объявляетъ вину, за которую онъ наказанъ. Къ отвращенію обмановъ и злодѣйствъ въ продажѣ, торговые приставы и законоблюстители, посовѣтовавшись съ людьми опытными во всѣхъ частяхъ торговли, должны написать всѣ обязанности торгующихъ и прибить на столбѣ сіи законы, ясно излагающіе все касающееся до тор-

жища. О городовыхЪ приставахЪ уже прежде довольно сказано. Если нужно будетЪ что либо прибавить кЪ городовому уложенію; то они вмѢстѢ сЪ законоблюстителями, написавЪ и раздѢливЪ на первыя и на вторыя обязанности, прибиваютЪ кЪ столбу.

ПослѢ обмана вЪ торговлѢ слѢдуетЪ говорить о продающихЪ сЪѢстные припасы. Сказавши объ нихЪ свое мнѢніе, потомЪ положимЪ самый законЪ. Торговля по сущности своей бываетЪ вЪ городѢ не ко вреду, но напротивЪ. Не благодѢтельной ли человѢкЪ тотЪ, кто неравное и несоразмѢрное состояніе имѢній приводитЪ вЪ равное и соразмѢрное? Сіе должны производить у насЪ деньги, и сіе то есть собственное назначеніе торговли. Всякой наемникЪ, всякой страннопріимецЪ и другіе мѢлочные промышленники, имѢютЪ цѢлію, доставлять ближнимЪ пособіе во всѢхЪ нуждахЪ и производить уравнительность вЪ имѢніяхЪ. Почемужь сіи промыслы кажутся нечестивыми, низкими; почему они у всѢхЪ вЪ порицаніи, разсмотримЪ; и если не все, то по крайней мѢрѢ вЪ частяхЪ исправимЪ закономЪ. Это дѢло кажется немаловажное и требуетЪ вниманія.

Кл. КакимЪ образомЪ?

Аѳ. Любезный Клиній! по природѢ, даже между благовоспитанными весьма не много такихЪ людей, кои, когда потребуетЪ нужда, или родится какая либо страсть, моглибЪ

отказывать себѣ и ограничиваться малымъ; кои, имѣя способы получить величайшія выгоды, рѣшились бы отказаться отъ нихъ, предпочитая умѣренное чрезмѣрному. Большая часть людей поступаютъ совершенно противнымъ образомъ. Они незнаютъ мѣръ своимъ нуждамъ, и гдѣ можно пріобрѣсть умѣренную выгоду, они не знаютъ мѣры своей ненасытной жадности. Вотъ отъ чего пришли въ такую ненависть и порицаніе всѣ таковые промышленники, торгаши и содержатели гостинницъ. Еслибъ кто (чего не дай Богъ) заставилъ (смѣшно сказать, но скажемъ) вездѣ, благороднѣйшихъ людей хотя на короткое время содержать гостинницы, харчемствовать и производить подобные промыслы: или еслибъ жены ихъ по какой либо крайности были принуждены участвовать въ семъ дѣлѣ: тогдабъ мы увидѣли, какъ все ето прекрасно и любезно; и еслибъ ето дѣлалось безъ всякой порчи; то всякая бы женщина уважаема была вмѣсто матери, вмѣсто кормилицы. Теперь сіи барышники, устроивъ вездѣ въ пустынныхъ мѣстахъ, по дальнимъ дорогамъ жилья для постоя, ласково принимаютъ подъ кровъ свой всѣхъ находящихся въ нуждѣ; даютъ тихое убѣжище отъ жестокой бури, или прохладу отъ удушительнаго зноя; а потомъ, принявши такъ дружественно, вмѣсто угощенія, какъ плѣнныхъ враговъ отпускаютъ изъ

рукЪ своихЪ за безмѣрной, неправедной, нечистой выкупЪ. Такія злоупотребленія справедливо навлекаютЪ ненависть и нарѣканіе на сихЪ помощниковЪ нуждающимся; и законодатель долженЪ отвратить сіе зло.

Справедливо сказано, что трудно бороться противЪ двухЪ крайностей, какЪ то бываетЪ вЪ болѣзняхЪ и во многихЪ другихЪ случаяхЪ; и теперь должно бороться сЪ двумя противоположными врагами, сЪ бѣдностію и богатствомЪ. ОдинЪ изЪ нихЪ губитЪ роскошью душу человѣческую; другой силою скудости влечетЪ ее кЪ безстыдству. Какое же врачевство противЪ сей болѣзни городу разумно управляемому? Во первыхЪ по возможности менѣе имѣть такихЪ промышленниковЪ; потомЪ поручать сіе такимЪ людямЪ, отЪ порчи которыхЪ городЪ не можетЪ получить великаго вреда; вЪ третьихЪ, для самыхЪ занимающихся симЪ промысломЪ, открыть способЪ, не оставлять безЪ наказанія ихЪ безстыдства и нравственнаго униженія.

За сими словами вЪ доброй часЪ положимЪ слѣдующій законЪ. ИзЪ КритянЪ, которымЪ БогЪ приведетЪ поселиться и быть воздѣлывателями пяти тысячь и сорока участковЪ, никто ни добровольно, ни противЪ воли не долженЪ быть ни промышленникомЪ, ни торгашемЪ, ни посвящать

себя служенію частнымъ людямъ не равнаго состоянія, кромѣ отца и матери, первыхъ въ родѣ, и всѣхъ старѣйшихъ людей свободныхъ. Не легко съ точностію опредѣлить благородныя услуги и неблагородныя. Одобреніе или презрѣніе мужей отличнѣйшихъ только могутъ давать симъ услугамъ ихъ цѣну. Кто какимъ либо образомъ будетъ участвовать въ низкихъ промыслахъ; того долженъ стыдить всякой благомыслящій предъ мужами, коимъ ихъ доблести даютъ первое мѣсто между гражданами. Кто недостойнымъ промысломъ безчеститъ свой родъ и домъ, тотъ да воздержится отъ сего въ первой разъ однолѣтнимъ, во вторɵй двулѣтнимъ заключеніемъ, и такъ далѣе, при всякомъ новомъ обличеніи удвоеннымъ временемъ наказанія.

Второй законъ предоставляетъ торговлю съѣстными припасами колонистамъ или иностранцамъ; наконецъ третій повелѣваетъ, чтобъ сіи люди были честнѣйшіе, или, сколько можно, менѣе худже. Законоблюстители должны помнить, что ихъ долгъ, не столько смотрѣть за тѣми, коимъ ихъ рожденіе и доброе воспитаніе уже не позволяютъ быть порочными и худыми, сколько за тѣми, коимъ самыя ихъ упражненія суть сильное побужденіе къ порокамъ. Столь вредное вліяніе промысла, впрочемъ необходимаго въ городѣ, и другія обстоя-

тельства, здѣсь еще не развитыя, требуютъ, чтобы законоблюстители по сношенію съ людьми опытнѣйшими во всякомъ промыслѣ, такъ какъ положено уже прежде о подобной торговлѣ, разсмотрѣвъ приходы и расходы, опредѣлили умѣренную выгоду для промышленника; а за соблюденіемъ утвержденныхъ цѣнъ должны смотрѣть торговые приставы, или городовые или сельскіе. Такимъ образомъ сей промыслъ, доставляя каждому пользу, весьма мало можетъ вредить общей нравственности.

Кто принявъ на себя какое нибудь дѣло, не исполняетъ сдѣланнаго договора; тотъ, если не воспрепятствовали ему или законы или приговоръ, если сей договоръ не сдѣланъ по принужденію, или если онъ противъ собственной воли не долженъ былъ уступить неожиданному обстоятельству, подвергается суду въ неустойкѣ, который происходитъ въ собраніяхъ по колѣнамъ, если тяжущіеся не примирятся между собою въ частныхъ судилищахъ.

Всѣ художники состоятъ подъ священнымъ покровительствомъ Ифеста и Аѳины, которые устрояютъ нашу жизнь художествами, равно какъ и тѣ люди, кои содѣйствіемъ и искуствомъ Арея и Аѳины доставляютъ безопасность мирнымъ работамъ художниковъ, справедливо, какъ защитники, священны симъ божествамъ. Они

проводятЪ жизнь свою вЪ служеніи отечеству и гражданамЪ: одни, какЪ вожди и сподвижники на войнѣ; другіе, какЪ наемные творцы орудій и совершители работЪ. ТѣмЪ и другимЪ не прилично лгать вЪ своихЪ работахЪ; ибо они безчестятЪ Божество, покровительствующее ихЪ художествамЪ. Если кто изЪ художниковЪ не совершитЪ работы кЪ положенному сроку, по лѣности, презрѣвЪ весь стыдЪ и страхЪ кЪ Богу Жизнедателю, и вЪ слѣпотѣ своей думая, что ОнЪ, какЪ свой, все прощаетЪ ему; тотЪ во первыхЪ долженЪ воздать должное Богу; во вторыхЪ, какЪ законЪ повелѣваетЪ, заплатить обманутому цѣну его, и заказанное сдѣлать уже безЪ всякой платы. Отдающему работу, какЪ и продающему одинЪ законЪ повелѣваетЪ цѣнить вещь не обманчиво, но по простой, настоящей цѣнѣ ея. ХудожникЪ безЪ сомнѣнія знаетЪ сію цѣну. ВЪ свободномЪ городѣ работающій не долженЪ обманывать частныхЪ людей своимЪ художествомЪ, которое по природѣ есть дѣло ясное, чистое и неложное, и потому обиженный имѣетЪ судЪ противЪ обидѣвшаго. Если заказавшій работу художнику не платитЪ должнымЪ образомЪ, по сдѣланному условію, и оскорбляя Зевеса градодержителя и Аѳину, участницу гражданскаго устройства, за кратковременную корысть разрушаетЪ обществен-

ную связь; то законъ долженъ вступаться за нарушаемыя права. Кто за работу не платитъ въ условленное время; тотъ долженъ заплатить вдвое. Если пройдетъ годъ; то, хотя всѣ прочія ссуды денегъ дѣлаются безъ корысти, сей же платитъ по драхмѣ на каждый мѣсяцъ прибавки. Дѣла сего рода судятся по колѣнамъ. Говоря вообще о художникахъ, справедливо упомянуть мимоходомъ и о тѣхъ, кои на войнѣ устрояютъ спасеніе отечества; и имъ, какъ и прочимъ, законъ долженъ воздать достойную почесть,—награду мужамъ воинственнымъ, и не щадить похвалы тому, кто совершитъ добровольное или возложенное на него доблестное дѣло; равно долженъ порицать того, кто возмется за какое нибудь важное дѣло и не совершитъ. Закономъ, воздающимъ похвалу доблести, но закономъ болѣе совѣтующимъ, нежели принуждающимъ да будетъ навсегда для народа: почитать мужей доблестныхъ, кои мужествомъ своимъ и военными добродѣтелями спасаютъ отечество, но почитать ихъ второю почестію; первая же и величайшая принадлежитъ тѣмъ, кои отличаются своимъ уваженіемъ къ предписаніямъ законодателей.

Итакъ важнѣйшія отношенія гражданъ между собою у насъ почти устроены; остаются еще сироты и опека, которыя также необходимо требуютъ устройства и рас-

поряженія. Главнѣйшій предметъ здѣсь есть расположеніе умирающихъ къ завѣщаніямъ и участь остающихся безъ завѣщанія; я сказалъ необходимо, потому что безъ распоряженія оставить ихъ невозможно.—Иначе всякой станетъ дѣйствовать по своему, несогласно съ другими, противно законамъ, обычаямъ живущихъ, противно собственному своему расположенію, которое онъ имѣлъ до завѣщанія; если мы дадимъ силу просто всякому завѣщанію, которое сдѣлаетъ кто либо предъ послѣднею минутою жизни, когда человѣкъ по большей части дѣлается малодушнымъ и безумнымъ.

Кл. Къ чему же ты сіе говоришь, почтенный?

Аѳ. Человѣкъ умирающій дѣлаетъ великія затрудненія законодателю, и говоритъ ему слово страшное, прискорбное.

Кл. Какое?

Аѳ. Желая быть господиномъ всего, онъ съ гнѣвомъ обыкновенно говоритъ. . . .

Кл. Что же?

Аѳ. Какая несправедливость, о Боги, говоритъ онъ, если мнѣ не позволено давать свое, кому захочу, и кому нѣтъ, кому больше, кому меньше, смотря по усердію или по холодности, которую ясно всякой доказалъ мнѣ во время моей болѣзни, въ моей старости, и въ другихъ разныхъ случаяхъ!

Кл. Развѣ онъ несправедливо такъ говоритъ? Какъ тебѣ кажется?

Аѳ. Я нахожу, что прежніе законодатели были слишкомъ снисходительны и законодательствовали не зная и не помышляя о слѣдствіяхъ.

Кл. Какимъ образомъ ты ето говоришь?

Аѳ. Они устрашились сихъ словъ, и положили такой законъ: позволено всякому завѣщать собственность, кто какъ захочетъ. Но мы, Клиній, умирающимъ въ нашемъ городѣ сдѣлаемъ отвѣтъ основателнѣйшій.

Кл. Какой же?

Аѳ. Друзья, мы скажемъ, вы послѣдній день доживаете въ смущеніи и трудно вамъ знать собственныя свои вещи, а наипаче самихъ себя, какъ повелѣваетъ Пиѳійской оракулъ. Но я, какъ законодатель, полагаю, что и сами вы уже не себѣ принадлежите, равно какъ и ваше имѣніе. Оно принадлежитъ цѣлому вашему поколѣнію настоящему и будущему, а еще болѣе отечеству, коему принадлежитъ и весь родъ вашъ и все имѣніе. И если такъ, то я не соглашусь, чтобъ васъ, удрученныхъ болѣзнію и старостію кто нибудь принудилъ лестію завѣщать противъ всякаго права. Я взираю только на общую пользу отечества и вашего поколѣнія, оставя въ сторонѣ частныя выгоды каждаго; а вы не гнѣвайтесь на насъ, отходя въ тотъ путь, куда васъ призываетъ общая судьба

человѣчества, и намъ предоставьте дѣла свои. Мы по возможности будемъ пещись о всѣхъ, и стараясь объ однихъ, не забудемъ и другихъ. Сіе да будетъ предисловіемъ, какъ для живыхъ, такъ и для умирающихъ. Вотъ законъ: пишущій завѣщаніе во первыхъ да напишетъ наслѣдникомъ своимъ изъ дѣтей достойнѣйшаго. Если кого изъ нихъ отдаетъ другому въ усыновленіе, да напишетъ и сіе. Если у него еще остается сынъ безъ наслѣдства, котораго по закону можно отослать въ поселяемую страну; такому изъ прочаго имущества онъ можетъ дать все, что захочетъ, кромѣ наслѣдственнаго удѣла, и всего, что къ нему принадлежитъ. Если у него много дѣтей, то кромѣ удѣла отецъ можетъ раздѣлить между ими все остальное. У кого изъ дѣтей есть свой домъ, тому не удѣляетъ ничего изъ имѣнія; равно не удѣлять и дочери, у которой есть обрученный женихъ; у которой нѣтъ жениха, ту должно снабдить имуществомъ. Если послѣ завѣщанія представится кому либо изъ сыновъ или дочерей общая доля, то часть завѣщанная остается другому наслѣднику. Если отецъ не оставитъ послѣ себя дѣтей мужескаго пола; то мужа дочери своей, котораго хочетъ, назначаетъ, какъ сына, наслѣдникомъ. Если умретъ у него сынъ усыновленнный или родный, не пришедшій въ совершенной возрастъ; то онъ можетъ усыновить на мѣсто

его другаго съ лучшимъ щастіемъ. Если кто совершенно бездѣтный пишетъ завѣщаніе; то онъ можетъ подарить девятую часть благопріобрѣтеннаго, кому хочетъ; а прочее, передавъ усыновленному, неукоризненно исполнитъ обязанность родителя, какъ къ истинному сыну.

Если дѣти имѣютъ нужду въ опекѣ, и отецъ ихъ, умирая, написалъ свою волю, чтобъ попечителями ихъ были извѣстныя ему особы, добровольно на себя принимающія опеку; то выборъ ихъ дѣлается по сему завѣщанію. Если кто умретъ совершенно безъ завѣщанія или забудетъ о выборѣ опекуновъ; то для сего избираются ближайшіе сродники съ отцовой стороны и съ матерней, два попечителя съ одной стороны и два съ другой, и одинъ изъ друзей умершаго. Сихъ законоблюстители опредѣляютъ къ сиротамъ. Пятнадцать законоблюстителей по старшинству управляютъ всею опекою и сиротами, чередуясь между собою трое на одинъ годъ и трое на другой, доколѣ совершится кругъ пятилѣтія; потомъ снова начинаютъ тотъ же порядокъ. Дѣти послѣ отца, хотя бы онъ, умирая, не оставилъ никакого завѣщанія, состоятъ всегда подъ общими законами опеки. Кто при нечаянной кончинѣ оставитъ дочерей; тотъ да проститъ законодателю, если сей изъ

трехъ обязанностей каждаго отца исполнитъ только двѣ, и выдавая дочь его, будетъ смотрѣть только на продолженіе его рода и на цѣлость удѣла, и по невозможности знать волю покойника, не исполнитъ третьей, на что отецъ обратилъ бы свое вниманіе, чтобъ выбрать себѣ сына, а дочери своей жениха изъ гражданъ самаго добронравнаго и образованнаго. Законъ же для сихъ случаевъ таковъ: Если кто безъ завѣщанія оставляетъ дочерей своихъ; то послѣ смерти его братъ отъ одного отца или отъ одной матери беретъ и дочь его и принадлежащій ей удѣлъ. Нѣтъ брата, то беретъ ее братнинъ сынъ, если онъ съ нею одного возраста. Если нѣтъ никого изъ сихъ, то заступаетъ мѣсто сынъ сестры. Четвертой слѣдуетъ дядя, братъ отца, пятой сынъ его, шестой сынъ отцовой сестры. Такимъ образомъ, если остаются дочери, родъ долженъ поддержаться ближайшею роднею, сначала однокровными, потомъ двоюродными, напередъ по линіи мужеской, потомъ женской. Соотвѣтственность же и несоотвѣтственность лѣтъ для брака судія долженъ наблюдать, разсматривая нагихъ жениховъ и невѣстъ съ открытыми грудями. Если нѣтъ родныхъ ни племянниковъ, ни внучатныхъ; то кого сама невѣста изберетъ по взаимному согласію и съ одобреніемъ опекуна, тотъ пусть будетъ наслѣдникомъ умершаго и же-

никомъ его дочери. Таковые недостатки часто могутъ встрѣчаться въ городѣ. Если безпріютная дочь увидитъ отходящаго въ поселеніе юношу и ей будетъ по мысли сдѣлать его наслѣдникомъ отцовскаго имѣнія; то онъ, какъ сродственникъ, по закону долженъ вступить въ наслѣдство; а если онъ совсѣмъ внѣ рода, и для гражданъ чужой, то по выбору опекуна и дочери умершаго онъ имѣетъ право жениться на ней, и вступивъ въ домъ, принять имѣніе незавѣщавшаго. Если кто умретъ совершенно безъ дѣтей мужескаго и женскаго пола, и умретъ безъ завѣщанія; то поступать по тому же закону. Мущина и женщина равесники, ближайшіе изъ рода, вступаютъ въ выморочной домъ и обладаютъ удѣломъ; во первыхъ сестра, во вторыхъ дочь брата, въ третьихъ дочь сестры, въ четвертыхъ сестра отца, въ пятыхъ дочь брата отцовскаго, въ шестыхъ дочь сестры отцовской, которыя выходятъ за мужъ за ближайшихъ въ родствѣ по уложенію, какъ прежде сказано. Да не сокроются отъ насъ всѣ затрудненія, которыя необходимо встрѣчаются, если законъ повелѣваетъ наслѣднику умершаго жениться на родственницѣ, не разбирая безчисленныхъ препятствій, кои могутъ удерживать людей отъ повиновенія сему установленію и не смотря ни на что, еслибъ даже женихъ или невѣста подвержены бы-

ли увѣчью и болѣзнямъ душевнымъ и тѣлеснымъ. Безъ сомнѣнія всѣ заключатъ, что законодатель несправедливо сдѣлалъ, не обративъ на сіе вниманія. Скажемъ же одно общее предисловіе и для законодателя и тѣмъ, для коихъ онъ пишетъ, что и ему извинительно, если онъ, стараясь объ общемъ благѣ, не могъ отвратить всѣхъ частныхъ неудобствъ и нещастій, кои со всякимъ случаются; извинительно и имъ, если они иногда справедливо не могутъ исполнить того, что онъ, не знавши, предписываетъ.

Кл. Какимъ образомъ, скажи.

Аѳ. Часто сынъ богатаго отца добровольно не захочетъ жениться на дочери своего дяди; онъ устремляетъ гордыя мысли свои къ выгоднѣйшему супружеству. Иногда же, видя въ повелѣніи законоподателя свое крайнее нещастіе, онъ по необходимости принужденъ бываетъ ослушаться его, если его принуждаютъ вступить въ неровную связь и даютъ, какъ бремя на всю жизнь, больную или слабоумную жену. Объ етомъ у насъ теперь слово, и вотъ законъ: — если будетъ жалоба на законы о завѣщаніи, о чѣмъ либо другомъ и о бракѣ; если станутъ говорить, что законодатель — еслибъ самъ былъ живъ и находился при семъ дѣлѣ, не принуждалъ бы ни жениться, ни выходить за мужъ такимъ несправедливымъ образомъ: то на сіи жалобы кто нибудь изъ

ближнихЪ или опекунЪ скажетЪ, что законодатель оставилЪ сиротамЪ трешейской судЪ и пятнадцать законоблюстителей вмѣсто отцовЪ, кЪ которымЪ могутЪ приходить для рѣшенія всѣхЪ подобныхЪ сомнѣній, и мнѣнія коихЪ могутЪ приниматься за законЪ. Кому покажется чрезмѣрною сія власть вЪ рукахЪ законоблюстителей, тотЪ может вести недовольныхЪ вЪ судилище избранныхЪ и тамЪ рѣшить спорЪ. Неправому отЪ законодателя стыдЪ и поруганіе и великая пеня, осли онЪ имѣлЪ вЪ мысляхЪ одно богатство.

Сироты должны получить, такЪ сказать, второе рожденіе. Мы уже говорили о питаніи и ученіи, кои слѣдуютЪ послѣ перваго рожденія. Послѣ втораго, дѣтямЪ, лишеннымЪ родителей, всѣми способами должно облегчить нещастную жалкую участь сиротства ихЪ. Во первыхЪ вмѣсто родителей зоконЪ даетЪ имЪ вЪ своихЪ блюстителяхЪ отцовЪ, не менѣе чадолюбивыхЪ, которые ежегодно смѣняясь, будутЪ пещись о нихЪ, какЪ о собственныхЪ дѣтяхЪ, и какЪ мы совѣтуемЪ имЪ вЪ предисловіи о воспитаніи сиротЪ. КЪ чему же иному клонятся первыя слова мои, что души умершихЪ и по смерти имѣютЪ нѣкоторую силу — пещись о дѣлахЪ человѣческихЪ? Продолжительны были бы слова вЪ доказательство сей истины. Повѣримъ тому, что говорятЪ о семЪ столь мно-

гія и весьма древнія преданія; повѣримъ и законодашелямъ, что ешо не ложно, если шолько не почишаемъ ихъ совершенно безумными. И если такъ, то во первыхъ убоимся небесныхъ Боговъ, которые милосердуютъ о безпомощномъ состояніи сиротъ; потомъ почтимъ души отжившихъ, которые сохраняютъ нѣжную любовь къ племени своему, и къ почитающимъ его благопріятны, а къ непочитающимъ враждебны; постыдимся и живыхъ украшенныхъ сѣдинами старости и величайшими почестями; сихъ мужей вездѣ почтенныхъ, гдѣ только Государство благоденствуетъ подъ справедливыми законами и за любовь къ которымъ дѣти дѣтей живутъ въ щастіи. Они имѣютъ тонкой слухъ и острое зрѣніе къ дѣламъ сиротства, и сколько благорасположены къ справедливымъ, столько ненавидятъ притѣснителей сиротства, почитая его важнѣйшимъ и священнѣйшимъ залогомъ. На сіе долженъ обращать опекунъ или Архонтъ весь свой умъ, если имѣетъ хотя малый и по возможности своей благотворить сиротамъ въ пропитаніи, въ наученіи, почитая всякое добро, имъ оказанное, добромъ для самаго себя и дѣтямъ своимъ. Кто послушается сего увѣщанія до закона, и не причинитъ никакой обиды сиротѣ, тотъ избѣжитъ жестокаго гнѣва законодателя. А непослушный, обижающій сироту, не имѣющаго отца или матери, пла-

шишѣ за всякую обиду вѣ двое больше, нежели когдабѣ онѣ обидѣлѣ имѣющаго опща и машь; что касается до прочаго законодашельсшва вѣ отношеніи опекуновѣ кѣ сиротамѣ и архоншовѣ кѣ обязанносшямѣ опекуновѣ: еслибѣ они, воспитывая собсшвенныхѣ своихѣ дѣшей и вѣ дѣлахѣ собсшвеннаго хозяйсшва не имѣли предѣ глазами примѣровѣ благороднаго воспиціанія и нѣкоторыхѣ законовѣ, кѣ сему приспособленныхѣ; то справедливо было бы установишь нѣкоторыя опекунскіе законы, какѣ опличные отѣ другихѣ, назначающіе другой образѣ жизни и другія упражненія сиротамѣ и несиротамѣ. Но у насѣ теперь нѣтѣ сего различія вѣ упражненіяхѣ сирошсшва и дѣтей при живыхѣ родителяхѣ; хотя еще не привыкли равняшь ихѣ вѣ почестяхѣ, вѣ безчесшіяхѣ и вѣ попеченіи, которое имѣемѣ о шѣхѣ и о другихѣ.

И для сего то сироты требуютѣ того, чтобѣ законодатель соединилѣ сѣ увѣщаніями строгость и угрозы. Вотѣ необходимая угроза: Опекунѣ, имѣющій вѣ своемѣ попеченіи дѣвочку или мальчика, также законоблюститель, наблюдающій за опекуномѣ, должны любить безпомощнаго сироту не менѣе собсшвеныхѣ своихѣ дѣтей; должны пещись обѣ имѣніи его не менѣе, какѣ и о собсшвенномѣ своемѣ, и еще болѣе по честности. Вотѣ единсшвенной законѣ, на кошо-

ромъ основываюшся всѣ дѣла опеки. Еслижь кшо иначе поступаешъ и прошивъ сего закона; то Архоншъ взыскиваешъ съ опекуна, а опекунъ неправаго Архонша приводишъ въ судилище избранныхъ, и по приговору сего суда подвергаешъ его двойной ценѣ. Если домашніе или кшо нибудь изъ граждан замѣшятъ нерадѣніе или зловредность опекуна; то приводятъ его въ тоже судилище, и въ чемъ онъ будетъ обвиненъ, за то долженъ плашишь въ четверо. Одна половина сей пени принадлежитъ дитяти, а другая истцу. Равнымъ образомъ если сирота, пришедши въ возрастъ, увидитъ, что опека худо производилась; то по окончаніи пятилѣтія онъ имѣетъ право искать удовлетворенія. Если опекунъ виновенъ; то судилище опредѣляетъ ему наказаніе или пеню. Оно же рѣшитъ, если кшо изъ Архонтовъ несмотрѣніемъ своимъ нанесъ вредъ сиротѣ; если къ несмотрѣнію онъ присоединилъ и несправедливости; то сверхъ пени онъ изключается изъ числа законоблюстителей, и общество градское избираетъ вмѣсто его странѣ и городу другаго законоблюстителя.

Бываютъ раздоры у родителей противъ дѣтей и у дѣтей противъ родителей, раздоры, переходящіе всякую мѣру, въ коихъ и родители думаютъ, что законодатель долженъ бы имъ дать власть, если они хо-

пять, чрезъ глашатая предъ всѣми, отлучить сына своего отъ себя и объявить его не сыномъ своимъ; и дѣти отцовъ своихъ, изможденныхъ болѣзнями и старостію хотятъ обвинять въ сумашествіи. Сіе дѣйствительно можетъ быть только между самыми развращенными людьми. Ибо при односторонности зла, на примѣръ ежели отецъ добръ, а сынъ худъ, или напротивъ, вражда не можетъ простираться до такой нещастной крайности. Въ другомъ Государствѣ отлученный сынъ еще не отлучается отъ отечества; но въ томъ, коему будутъ принадлежать сіи законы, сынъ, отлученный отъ отца, необходимо долженъ переселиться въ другую страну. Ибо здѣсь число домовъ не можетъ простираться выше пяти тысячь сорока. Почему судебный порядокъ требуетъ, чтобъ сіе отлученіе происходило не отъ однаго отца, но въ присутствіи всего родства; и по закону такъ надлежитъ поступать въ семъ случаѣ: кому гибельной гнѣвъ въ правѣ или не въ правѣ внушитъ желаніе отлучить отъ родства своего того, кого онъ родилъ и воспиталъ; тотъ не просто долженъ дѣлать сіе и не вдругъ; но собравъ всѣхъ родственниковъ до двоюродныхъ, равно и со стороны материнской; предъ ними долженъ обвинять его и доказать, что онъ заслужилъ быть отлучнымъ отъ рода своего; должно позволить

и сыну защищаться, если онъ совсѣмъ не заслужилъ сего наказанія. Если отецъ убѣдитъ и будетъ имѣть на своей сторонѣ болѣе половины голосовъ всѣхъ родственниковъ и другихъ совершеннолѣтнихъ женщинъ и мущинъ, кромѣ голоса своего, матери, и обвиняемаго; то такимъ только образомъ можетъ отлучить отъ себя сына своего, а не иначе. Отлученнаго если кто изъ гражданъ пожелаетъ усыновить, то законъ сему не препятствуетъ. Ибо юные нравы подвержены безпрестаннымъ перемѣнамъ. Но если никто не захочетъ усыновить его; то попечители поселеній принимаютъ его въ свое вѣдомство и даютъ ему все нужное въ новомъ обществѣ. Если кого старость, или болѣзнь, или жестокость нрава и подобные случаи содѣлаютъ безумнымъ, и кромѣ домашнихъ никто не замѣтитъ его безумія, въ которомъ онъ, какъ господинъ расточаетъ свое имѣніе; сынъ между тѣмъ не доумѣваетъ и не смѣетъ обвинять его въ сумашествіи; то вотъ законъ ему: во первыхъ придти къ старѣйшимъ изъ законоблюстителей и объявить о нещастіи отца своего. Они по достаточномъ разсмотрѣніи совѣщаются, должно ли обвинить его или нѣтъ. При обвиненіи должны быть свидѣтели и избранные судьи. Обвиненный въ послѣдующее время уже не имѣетъ права располагать ни малѣйшею вещію, но долженъ вести жизнь дѣтскую.

Если мужъ и жена по несходству характеровъ живутъ несогласно; то десять мужей изъ законоблюстителей и десять женщинъ, имѣющихъ смотрѣніе за браками, пекутся о таковыхъ, какъ посредники. Если они могутъ примирить несогласныхъ; то ихъ дѣло кончено. Но если не примиримые кипятъ все большею ненавистью; то искать для каждаго изъ нихъ новыхъ сожителей; и какъ вѣроятно, сіи распри происходятъ отъ нетерпѣливаго нрава; то лучше соединять живые характеры съ кроткими. Если ссорятся между собою бездѣтные или малодѣтные супруги, то новое сожительство позволительно и для дѣтей. При достаточномъ числѣ дѣтей для успокоенія старости и взаимной помощи разводъ и соединеніе также позволительны. Если умретъ жена, оставя послѣ себя дѣтей мужескаго и женскаго пола; то законъ совѣтуетъ, но не повелѣваетъ воспитывать ихъ безъ мачихи. Если она умретъ бездѣтная; то мужъ необходимо долженъ жениться, чтобъ имѣть достаточное число дѣтей для дома и для отечества. Если умретъ мужъ, оставя послѣ себя довольное число дѣтей; то мать ихъ должна во вдовствѣ воспитывать ихъ. Но если она слишкомъ молода, чтобы цвѣтущія лѣта проводить безъ мужа; то родственники ея по совѣщаніи съ женщинами, пекущимися о бракахъ, должны поло-

жишь о семъ общее ихъ мнѣніе. Бездѣшные же вдовцы и вдовы вступаюшъ въ супружесшво для дѣшей. Досшачное число дѣшей по закону опредѣляешся дочь и сынъ. Если уже извѣсшно, кшо родишели рожденнаго; шо судъ долженъ рѣшишь, за кѣмъ рожденный долженъ слѣдовашь. Дишя, прижишое рабынею съ рабомъ, или свободнымъ, или вольноошпущеннымъ, безъ исключенія принадлежишъ господину ея. Дишя, прижишое свободною съ рабомъ, принадлежишъ господину раба. Если дишя родишся ошъ господина и рабыни его, или ошъ госпожи и раба ея и сдѣлаешся сіе гласнымъ; шо рожденное ошъ госпожи брачныя надзирашельницы ошсылаюшъ въ чужую сшрану съ ошцомъ его, а рожденное ошъ господина ошсылаюшъ законоблюсшишели съ родильницею.

Забывашь своихъ родишелей ни Богъ, ни разумный человѣкъ никогда никому не посовѣшуешъ. Приведемъ себѣ на памяшь предисловіе, сдѣланное о поклоненіи Богамъ; оно шакже можешъ бышь принаровлено къ почшенію и непочшенію своихъ родишелей. Всѣ народы издревлѣ имѣюшъ двоякой законъ въ разсужденіи Боговъ: однихъ мы чшимъ, какъ ясно видимыхъ; другимъ воздвигаемъ подобія, сшашуи, и воздавая почшеніе бездушнымъ, вѣримъ, чшо за сіе, одушевленные Боги будушъ къ намъ благошворишельны и милосшивы. Но у кого въ домѣ

успокоены при маститой старости отецЪ или мать, дѣдЪ или бабка; тотЪ, имѣя сіе сокровище, если знаетЪ достойную цѣну ему, долженЪ чтить его выше всякой статуи.

Кл. Какая же это достойная цѣна?

Аѳ. Я скажу, и это, друзья, стоитЪ вашего вниманія.

Кл. Говори только.

Аѳ. ЕдипЪ, оставленный, презрѣнный дѣтьми, призывалЪ на нихЪ гнѣвЪ небесный; Боги услышали его и всѣ поеты воспѣваютЪ ихЪ мщеніе. Раздраженный АминторЪ проклялЪ сына своего Феникса, и Тезей Иполита. Безчисленные примѣры доказываютЪ, что Боги внимаютЪ молитвамЪ родителей противЪ дѣтей ихЪ. Самое правосудіе хотѣло, чтобЪ для дѣтей не было врага ужаснѣе, какЪ разгнѣванный родитель. Но не подумаемЪ, что БогЪ внимаетЪ только молитвамЪ раздраженнаго отца или матери противЪ дѣтей своихЪ: когда успокоенный почтенный родитель вЪ радости сердечной проситЪ небеснаго благословенія своимЪ добрымЪ чадамЪ; то можно ли думать, что Боги имЪ не внимаютЪ и не воздаютЪ намЪ по ихЪ молитвамЪ? ТогдабЪ они были несправедливые раздѣлители своихЪ благЪ. А сіе не свойственно ихЪ провидѣнію.

Кл. СовсѣмЪ не свойственно.

Аѳ. Итакъ представимъ себѣ, какъ мы сей часъ сказали, что для Боговъ нѣтъ священнѣе памятниковъ между нами, какъ престарѣлый отецъ, согбенный старостію дѣдъ, или почтенная мать; они принимаютъ какъ жертву тѣ почести, кои мы воздаемъ своимъ родителямъ. Иначе не внимали бы молитвамъ ихъ. Какое преимущество имѣютъ живыя тѣла предковъ предъ бездушными изваяніями Боговъ? Тѣ чувствуютъ наши услуги, молятся за насъ, и за непочтеніе проклинаютъ насъ; сіи не дѣлаютъ ни того, ни другаго; и кто должнымъ образомъ служитъ своему отцу, дѣду и всѣмъ старѣйшимъ; тотъ для угожденія Богамъ не имѣетъ нужды ни въ какихъ лучшихъ подобіяхъ.

Кл. Прекрасно сказано.

Аѳ. И такъ всякой благоразумный боится и почитаетъ своихъ родителей, видя изъ многихъ примѣровъ, что молитвы ихъ неостаются тщетны. И если такъ, то для добродѣтельныхъ есть приобрѣтеніе, родители престарѣлые, достигающіе до положеннаго предѣла жизни, — и горькая печаль, родители умирающіе въ юности. Злодѣй долженъ трепетать предъ отцомъ своимъ. Всякой, внимая словамъ симъ, да воздаетъ всѣ должныя почести родившимъ его; а для кого сіе предисловіе есть только пустой звукъ, для того справедливо положить сей законъ: если кто въ городѣ не оказы-

ваетъ своимъ родителямъ должнаго уваженія; если не такъ откровененъ съ ними, какъ съ дѣтьми своими, со внуками, какъ съ самимъ собою, и не исполняетъ ихъ желаній; то обиженный или самъ, или чрезъ кого нибудь долженъ объявить о семъ троимъ старѣйшимъ изъ законоблюстителей или троимъ изъ тѣхъ женъ, кои смотрятъ за брачнымъ союзомъ, а сіи наказываютъ виновныхъ розгами и заключеніемъ въ темницу мущинъ до трицати лѣтъ, а женщинъ до сорока. Если и далѣе сего возраста они не оставятъ своего непочтенія къ родителямъ и оскорбляютъ ихъ; то таковыхъ должно приводить въ судилище старѣйшихъ, которые подвергаютъ виновнаго пенѣ или наказанію, и не почитаютъ никакаго наказанія слишкомъ жестокимъ по его злодѣйству. Если обиженный не можетъ самъ жаловаться; то всякой свободной, узнавшій о семъ, долженъ донести правительству, или онъ будетъ объявленъ безстыднымъ, и желающій можетъ вести его къ суду. Если объявитъ рабъ;— то онъ дѣлается свободнымъ. Если онъ принадлежитъ обижающему или обиженному, то правительство отпускаетъ его; если онъ принадлежитъ другому господину; то казна платитъ за него. Правители пекутся о томъ, чтобы за доносъ его никто не мстилъ ему.

Что касается до отравы ядомъ; то о смер-

тныхъ случаяхъ уже прежде сказано. Но еще ничего не говорили о вредѣ, если кто умышленно отравляетъ другаго въ питьѣ, пищѣ или въ мазяхъ. Двѣ порчи, существующія въ родѣ человѣческомъ, требуютъ вниманія: въ одной, о которой мы теперь упомянули, вредъ дѣлается естественнымъ образомъ отъ одного тѣла другому; другая порча посредствомъ чародѣйствъ, наговоровъ и такъ называемыхъ привороповъ дерзающимъ вредить внушаетъ твердое удостовѣреніе, что они это могутъ дѣлать и заставляютъ думать другихъ, будто они болѣе всего страждутъ отъ чародѣевъ. Не легко узнать, какимъ образомъ все это дѣлается; и еслибъ кто узналъ истину, трудно убѣдить въ ней другихъ. Напрасной трудъ убѣждать зараженныхъ суевѣрнымъ опасеніемъ другъ къ другу, и когда они увидятъ на дверяхъ или на распутіи или на могилахъ родителей восковыя изображенія, нельзя заставить ихъ презирать подобныя вещи: они не имѣютъ о семъ никакаго истиннаго понятія. Раздѣливши на двѣ части законъ о чародѣйствѣ, — если кто захочетъ чародѣйствовать какимъ либо образомъ, сперва попросимъ его, посовѣтуемъ, чтобъ онъ не принимался за подобныя дѣла, не смущалъ народа, какъ дѣтей, пустымъ страхомъ и не принуждалъ законоподателя и судію приступать къ излѣченію отъ сей болѣзни.

Во первыхъ, кто принимается за чародѣйство, въ намѣреніи вредить другимъ, не знаетъ дѣйствія его на тѣло, если онъ не свѣдущъ во врачебномъ искуствѣ; не знаетъ силы заклинанія, если онъ не вѣщунъ, не гадатель. Скажемъ сіе слово въ законъ о порчѣ: кто портитъ другаго безъ смертоноснаго вреда ему самому или людямъ его, но во вредъ скоту его или пчеламъ; если врачь будетъ обличенъ въ семъ злодѣйствѣ; то онъ накажется смертію; если простой человѣкъ, то судилище подвергаетъ его или наказанію или платежу. Если кто чарадѣйствами, приворотами или какими нибудь заклинаніями заставитъ подозрѣвать себя въ порчѣ; вѣщій и гадатель смертію да накажется. Если кто, не знающій искуства прорицанія будетъ обвиненъ въ порчѣ; то судилище назначаетъ ему или наказаніе или денежную пеню.

Кто наноситъ другому вредъ воровствомъ или насильствомъ; тотъ платитъ обиженному болѣе или менѣе, смотря по сдѣланному убытку. Вообще наказаніе продолжается, доколѣ вознаградится убытокъ. Всякой долженъ понести его за свою погрѣшность для исправленія: погрѣшившій по неразумѣнію или по юности увлеченный совѣтами другихъ, наказывается слабѣе; погрѣшившій по закоснѣлому невѣжеству, по необузданности страстей, или огорченія,

въ малодушномъ страхѣ, по жадности, по ненависти или по непримиримому гнѣву, жесточае наказывается, не за содѣланное уже зло: ибо содѣланнаго нельзя поправить: но для того, чтобы онъ самъ возненавидѣлъ порокъ; чтобъ другіе, видя его, исправлялись, и чтобъ остановить несчастныя слѣдствія преступленій. Къ сей только цѣли законы подобно мѣткому стрѣлку должны устремлять строгость и соразмѣрность наказаній. И судья, имѣющій власть опредѣлять за преступленія или денежную пеню или наказаніе, долженъ содѣйствовать въ семъ случаѣ законодателю, который подобно живописцу, дѣлаетъ только внѣшнее очертаніе сотребывающихъ предметовъ. Сей трудъ и намъ предлежитъ совершить теперь по возможности лучшимъ образомъ: должно опредѣлить соотвѣтственныя наказанія за воровство и насильство, если Боги и сыны Боговъ благословятъ намѣреніе законодателя.

Сумасшедшій не долженъ показываться въ городѣ. Родственники должны хранить его дома, какъ сами знаютъ, или должны платить денежную пеню: изъ перваго класа сто драхмъ, какъ за раба, такъ и за свободнаго, котораго выпустятъ; изъ втораго класса четыре пятыхъ доли мины; изъ третьяго три пятыхъ доли, а изъ четвертаго двѣ. Сходятъ съ ума отъ разныхъ

причинъ: тѣ, о которыхъ здѣсь говорится, подвергаются сему отъ болѣзней; другіе сходятъ съ ума отъ сильнаго гнѣва. Сіи при малѣйшей враждѣ громогласно изрыгаютъ другъ на друга всѣ ругательства, которыя никакъ не могутъ быть позволительны въ благоустроенномъ городѣ. Противъ всякаго злословія да будетъ сей простой законъ: никто никого ругать не долженъ. Если кто не согласенъ въ чемъ нибудь съ другимъ; то пусть научитъ и вразумитъ несоглашающагося и прочихъ присутствующихъ, воздерживаясь отъ всякаго злословія. Ибо что бываетъ изъ того, когда разгнѣванные клянутъ другъ друга, и укоризненными названіями обличаютъ въ себѣ женственный нравъ? Отъ словъ, отъ бездѣлицы, въ самомъ дѣлѣ поселяется между ими ненависть и неримиримая вражда. Сказавши слово, угождая самому неблагодарному господину — гнѣву своему, мы питаемъ его всякою злобою; душа наша, сколько нибудь укрощенная воспитаніемъ, опять обращается въ дикое звѣрство; мы живемъ въ ожесточеніи и пожинаемъ горькія плоды своего гнѣва. Въ такихъ случаяхъ намъ обыкновенно случается говорить на своего противника что нибудь смѣшное. Такая привычка рѣдко кого не совращала съ пути благонравія и не погубляла ума его. Почему никто никому не долженъ говорить подоб-

наго ни въ храмѣ, при всенародныхъ жертвоприношеніяхъ, ни на игрищахъ, ни на торжищѣ, ни въ судѣ, ни въ другомъ какомъ либо собраніи. Начальникъ каждаго изъ сихъ мѣстъ наказываетъ непослушныхъ; сверхъ того они лишаются права искать наградъ, какъ не пекущіеся о законахъ и не исполняющіе повелѣній законодателя. Если и въ другомъ мѣстѣ начинщикъ спора, или защищающій что нибудь не воздержатся отъ оскорбительныхъ словъ; то старѣйшій, которой при семъ случится, долженъ вступиться за законъ, силою разогнать во гнѣвѣ зложелательствующихъ другъ другу; или онъ подвергается опредѣленной пенѣ. Замѣтимъ при семъ, что въ ссорѣ невозможно удержаться, чтобъ не сказать остраго, насмѣшливаго слова. Насмѣшка оскорбительна, если сопряжена съ гнѣвомъ. Но допустимъ ли мы талантъ комиковъ,—говорить на другихъ смѣшное, если они безъ гнѣва пожелаютъ выводить на сцену гражданъ? Или должно раздѣлить шутку отъ нешутки, и въ шуткѣ позволительно сказать о комъ либо смѣшное, безъ гнѣва; а съ намѣреніемъ во гнѣвѣ никогда никому не позволительно? Пропускать сего въ законодательствѣ не должно. Скажемъ же, кому позволительно сіе и кому нѣтъ. Сочинителю комедій или сатиръ или стихотвореній не позволяется ни въ словѣ, ни въ подобіи выводить

на сцену кого либо изъ гражданъ, ни въ гнѣвѣ, ни безъ гнѣва; не послушнаго наградоположники изгоняютъ въ тотъ же день изъ страны своей или платятъ три мины въ храмъ Бога, въ честь котораго совершаются игры. Тѣ же, кои, какъ прежде сказано, имѣютъ власть подвергать другихъ насмѣшкѣ, должны дѣлать сіе безъ гнѣва, въ шуткѣ, а не съ намѣреніемъ вредить другому. Разсмотрѣніе сихъ сочиненій поручается главному попечителю воспитанія юношества; и что онъ одобритъ, то сочинитель можетъ представить народу, а чего не одобритъ,—того ни самъ онъ не долженъ показывать никому другому, ни сообщать чрезъ слугу или свободнаго; или онъ объявится худымъ человѣкомъ и законопреступнымъ.

Сожалѣнія достоинъ не голодный, не бѣдный, но человѣкъ разумный, отличный доблестью души или какою нибудь заслугою, котораго постигнетъ подобное несчастіе. И удивительно было бы, если бы такой человѣкъ, рабъ ли онъ, или свободной, остался въ забвеніи и пришелъ въ крайнюю нищету въ городѣ, хотя нѣсколько благоустроенномъ. Почему законодатель безопасно можетъ положить на такихъ сей законъ: Нищихъ да не должно быть въ нашемъ городѣ. Но если кто хочетъ имъ сдѣлаться и безъ труда поддерживать жизнь свою милостынею; то съ торжища изгоняютъ его приставы

торжища, изъ города астиномы, изъ прочей страны сельскіе смотрители препровождаютъ его за границу, такъ чтобъ вся страна была совершенно свободна отъ сихъ животныхъ.

Если рабъ или раба причинятъ вредъ въ чужомъ имѣніи, безъ всякой вины со стороны обиженнаго, но по неопытности или по неблагоразумію своему; то господинъ виновнаго долженъ вознаградить за весь убытокъ, или выдать сдѣлавшаго вредъ. Но если господинъ покажетъ, что обидѣвшій и обиженный согласились между собою въ сей хитрости, чтобъ отнять у него раба; то сей злоумышленной искъ подвергается суду, и обличившій долженъ получить за человѣка двойную цѣну въ сравненіи съ тѣмъ, какъ оцѣнитъ его судъ; а если будетъ осужденъ, то долженъ вознаградить за убытокъ и сверхъ того отдать раба. За вредъ, причиненный воламъ, лошадямъ, собакѣ и другимъ животнымъ сосѣда, дѣлается такое же вознагражденіе.

Если кто добровольно не хочетъ итти во свидѣтели; то имѣющій нужду въ свидѣтельствѣ долженъ вызвать его. Вызванный долженъ отвѣчать на судные вопросы; и если знаетъ и хочетъ свидѣтельствовать, пусть свидѣтельствуетъ; а если отзывается незнаніемъ; то поклявшись тремя божествами, Зевсомъ, Аполлономъ и Ѳеми-

дою, что онъ ничего не знаетъ, отпускается изъ суда. Призываемый во свидѣтельство, если не приходитъ къ призывающему, подвергается суду за вредъ. Если кто приводитъ во свидѣтели самаго судящаго; то сей объявивши свидѣтельство, уже не можетъ дѣлать судебнаго приговора. Свободная женщина имѣетъ право свидѣтельствовать и защищать дѣла, если не имѣетъ мужа; а при жизни мужа можетъ только свидѣтельствовать. Рабыня, рабъ и дитя могутъ свидѣтельствовать и защищать только въ дѣлахъ убивства; если есть достовѣрные поручители, что они явятся къ суду, когда свидѣтельство ихъ откроется ложнымъ. Обѣ тяжущіяся стороны если уличатъ другъ друга въ ложныхъ свидѣтельствахъ, судятся въ семъ до рѣшенія главнаго дѣла, и судопроизводства сіи, за подписаніемъ обѣихъ сторонъ, хранятся у начальства, для обличенія лжесвидѣтельства. Кто два раза будетъ открытъ во лжесвидѣтельствѣ, такого законъ уже не заставляетъ свидѣтельствовать. Кто будетъ обличенъ три раза, тому уже не позволено никакое свидѣтельство; а если послѣ трехъ разъ таковой осмѣлится свидѣтельствовать; то всякой желающій можетъ донести о немъ правительству, и обвиненный наказывается смертію. Ежели окажутся ложными такія свидѣтельства, которыя обли-

ченному уже доставили въ судѣ выиграть дѣла, и болѣе половины свидѣтелей ложно свидѣтельствовали; то такое рѣшеніе дѣла остается не дѣйствительнымъ; дѣло снова подвергается разсмотрѣнію и пересужденію, правильно ли оно рѣшено или не правильно. Симъ послѣднимъ судомъ оканчивается все судопроизводство.

Многія дѣла, прекрасныя въ человѣческой жизни, подвержены гибельному року, который ихъ портитъ и унижаетъ. Не прекрасное ли дѣло въ людяхъ правосудіе? Не оно ли утверждаетъ между ими тишину и спокойствіе? А если такъ, то защищать невинныхъ не есть ли благороднѣйшій долгъ каждаго? Но завистливый духъ назвалъ прекраснѣйшимъ именемъ искуства то, что было прежде естественнымъ способомъ суда, — искуства, которое можетъ давать праводу правому и неправому дѣлу, до суда относящемуся. Суетно сіе искуство, и тщетны всѣ слова витійственныя, если платятъ за нихъ деньгами. Въ нашемъ городѣ сіе искуство, или безъискуственный навыкъ и упражненіе—совсѣмъ не должны рождаться. Законодатель требуетъ, чтобъ никто не говорилъ противнаго правосудію, и чтобъ непослушный удалился въ другія страны съ своимъ хитросплетеніемъ. Покорнымъ молчаніе, а непокорнымъ сей законъ: кто обнаружитъ свое намѣреніе совращать въ серд-

цахъ судей силу правосудія къ противному, какъ-то, запутывать дѣло пустымъ многословіемъ и несправедливымъ сужденіемъ; того желающій можетъ обвинять въ неправосудіи или въ ябѣдничествѣ. Судъ избранныхъ судитъ его, строго разсматривая, по корыстолюбію ли онъ сдѣлалъ сіе, или по враждѣ; если по враждѣ, то судъ запрещаетъ ему въ продолженіи извѣстнаго времени судить и быть стряпчимъ; если по корыстолюбію, то иностранцу велитъ выѣхать и никогда не возвращаться, или грозитъ смертною казнію; гражданина же подвергаетъ смерти за то, что онъ корысть почитаетъ выше всего. Смертію наказывается и тотъ, кто дважды будетъ обвиненъ въ содѣяніи сего по враждѣ.

РАЗГОВОРЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ
О
ЗАКОНАХЪ.

Кто дѣлаетъ себя самозванцемъ, посломъ или вѣстникомъ отъ своего города къ другому; или если посланный объявитъ не то, съ чѣмъ онъ былъ посланъ; или пришедшій отъ непріятелей или союзниковъ не искренно изрѣчетъ извѣстіе или исполнитъ посольство: таковыхъ по закону должно подвергать суду, какъ нечестивыхъ и беззаконныхъ нарушителей посольства и приказаній Ермія и Зевеса, и виновныхъ подвергать или денежной пенѣ или наказанію.

Воровство чужаго имѣнія есть подлое дѣло; грабежъ — безстыдное. Изъ сыновъ Зевесовыхъ никто никогда не занимался ни тѣмъ, ни другимъ, ни хитростью, ни силою. Не будемъ вѣрить слѣпо поетамъ и нѣкоторымъ баснословамъ, заблуждающимъ въ сихъ предметахъ; не станемъ думать, будто воровать и дѣлать насильство совсѣмъ не гнусно; будто сами Боги тоже дѣлаютъ. Ето не истинно и не правдоподобно. Дѣлающій сіи беззаконія, конечно не есть ни Богъ, ни сынъ Боговъ. Ето лучше можетъ знать законодатель, нежели всѣ поеты.

Кого убѣждаютъ наши слова, тотъ щастливъ, и во всю жизнь да будетъ щастливъ; а не вѣрящій пусть борется съ симъ закономъ: укравшій что либо общественное,

малое или великое, всегда одному наказанію подвергается. Ибо крадущій что нибудь малое крадетъ по одинакой склонности, но только по меньшей возможности. Кто беретъ большую часть, ему непринадлежащую, тотъ совершаетъ ту же мѣру злодѣянія. Итакъ законъ не полагаетъ меньшаго и большаго наказанія, смотря по количеству украденнаго; но потому только, что одинъ воръ еще можетъ исправиться, а другой не удобоизцѣлимъ. Если кто поймаетъ иностранца или раба въ покражѣ чего нибудь общественнаго: то въ ожиданіи исправленія его судъ долженъ опредѣлить ему или наказаніе или денежную пеню. Гражданинъ же и воспитанный, каково воспитаніе! если будетъ пойманъ въ воровствѣ общественнаго и въ насиліи отечеству своему, какъ неизлѣчимый, накажется смертію.

Для войска нужны частые совѣты и многіе законы. Главнѣйшій изъ нихъ есть тотъ, чтобъ въ воинствѣ никому никогда не быть безначальнымъ, ни мущинѣ, ни женщинѣ; не пріучать себя къ собственной какой привычкѣ; не дѣлать ничего ни важнаго, ни маловажнаго самому собою по одиначкѣ: но и въ военное и въ мирное время всегда смотрѣть на начальника, во всемъ ему слѣдовать, самыя малѣйшія дѣла исправлять по его распоряженію какъ то вставать, когда прикажутъ, выходить, упражняться въ тѣ-

лодвиженіяхЪ, мыться, ѣсть, и вставать ночью, для стражи и для полученія приказаній; и вЪ самыхЪ опасностяхЪ, безЪ знака отЪ начальника, ни преслѣдовать, ни отступать: однимЪ словомЪ, не знать и совершенно забыть, что значитЪ дѣлать что нибудь отдѣльно отЪ другихЪ, но вести всегда всѣмЪ жизнь совокупную и общую. НѣтЪ ничего и быть не можетЪ лучше, полезнѣе и дѣйствительнѣе сего для спасенія на войнѣ и для пріобрѣтенія побѣды. Самые граждане должны привыкать кЪ сему во время мира; отЪ самаго дѣтства должны учиться управлять другими и быть подЪ начальствомЪ у другихЪ; а безначаліе должно быть изгнано не только изЪ общества людей, но и отЪ самыхЪ скотовЪ имЪ подвластныхЪ.

СЪ тою же цѣлію должно совершать всѣ пляски, клонящіяся кЪ умноженію военнаго мужества, и упражнять члены свои во всякой развязности и ловкости, также пріучаться кЪ воздержанію вЪ питьѣ и пищѣ, кЪ перенесенію холода и зноя, и знакомиться сЪ жесткимЪ одромЪ; а болѣе всего не ослаблять крѣпости головы и ногЪ посторонними повязками, оставляя свой природной покровЪ и употребленіе природной обуви. Сохраненіе сихЪ двухЪ крайностей имѣетЪ великое вліяніе на здоровье всего тѣла, равно какЪ и несохраненіе ихЪ производитЪ противное дѣйствіе; ибо ноги суть неутомимые слуги

всего человѣческаго состава, голова же — верховный начальникъ: природа заключила въ ней всѣ главныя чувства.

Юноша отъ дѣйства долженъ слышать сію похвалу воинственной жизни. Законъ же повелѣваетъ имъ служить или въ рядахъ, или въ отдѣльныхъ отрядахъ. Кто по какому либо малодушію уклонится отъ службы безъ позволенія военачальниковъ; тотъ по окончаніи похода судится отъ военныхъ архонтовъ въ уклоненіи отъ войны. Судитъ же его все войско въ своихъ собраніяхъ, особо пѣшіе и особо конные, равно какъ прочія части войска. Пѣшіе преступники приводятся къ пѣшимъ, конные къ коннымъ и всякой къ своимъ сослужащимъ. Обвиненному никогда уже не позволяется быть сподвижникомъ въ дѣлахъ мужества, ни осуждать другаго въ уклоненіи отъ войны, ни быть обвинителемъ ни въ какихъ подобныхъ случаяхъ, и сверхъ того судилище подвергаетъ его или наказанію или денежной пенѣ. По окончаніи суда, надъ уклоняющимися отъ войны, опять тѣ же начальники дѣлаютъ другое собраніе. Желающій получить должную награду въ своемъ отечествѣ не говоритъ ничего о предъидущихъ войнахъ, не представляетъ ни свидѣтельствъ, ни другихъ достовѣрныхъ доказательствъ, но говоритъ только объ одномъ послѣднемъ походѣ. За побѣду всякому опредѣляется

оливковй вѣнокъ. Сей вѣнокъ написанный въ храмѣ какого либо воинственнаго божества, будетъ служить всякому во всю жизнь его свидѣтелствомъ его отличныхъ подвиговъ, первыхъ, вторыхъ третьихъ и т. д. Кто послѣ сраженія возвратится въ домъ прежде, нежели приведутъ войско архонты; тотъ обвиняется въ оставленіи рядовъ въ томъ же судилищѣ, гдѣ судится уклоненіе отъ службы. Обвиненнымъ опредѣляются тѣ же наказанія. Но всякой человѣкъ, обвиняющій другаго, долженъ остерегаться по возможности чтобъ ни произольно, ни противъ воли не представить ложнаго свидѣтельства. Правосудіе, говорятъ, есть дочь стыда, и говорятъ истинно. Ложь по свойству своему противна и стыду и правосудію. Если въ другихъ случаяхъ надлежитъ судьямъ остерегаться погрѣтать противъ истины: то особенно въ сужденіи за оставленіе оружія во время войны; не различая того, кто оставляетъ оружіе по необходимости, мы подвергнемъ его ненависти, какъ за посыдное дѣло и невиннаго несправедливо накажемъ. Не легко опредѣлить сіи необходимые случаи; при всемъ томъ законъ хотя отчасти долженъ сдѣлать сіе раздѣленіе. Возмемъ въ примѣръ басню о Патроклѣ и скажемъ: еслибъ онъ принесенный въ лагерь безъ оружія, былъ еще живъ, что со многими случается, когда Гекторъ владѣлъ уже первыми

оружіями сына Пелеева, которыя, какъ Гомеръ повѣствуетъ, подарены были Θетидѣ при бракѣ ея; тогда всѣ робкіе изъ Грековъ моглибъ укорять Патрокла въ оставленіи оружія. Сколь часто теряютъ его, или низвергаясь съ крутизны, или на морѣ, или при дождѣ, когда застигнетъ кого внезапное, сильное стремленіе воды? Можно представить безчисленные примѣры къ оправданію сего нещастія, подверженнаго сомнѣнію. Но по возможности надлежитъ отличать бóльшее и труднѣйшіе зло отъ меньшаго и легчайшаго. Уже самое названіе, даваемое въ укоризну, дѣлаетъ различіе. Не правильно было бы укорять вообще за потерю щита; но правильно укоряемъ оставляющаго оружіе: ибо не все равно терять оружіе, когда отнимутъ его превосходнѣйшею силою, и бросать его произвольно. Сіи два случая совершенно различны. Итакъ въ законѣ полагается: кто окруженный непріятелями, не обращаетъ противъ нихъ своего оружія и не сражается, но произвольно оставляетъ его, или повергаетъ, желая лучше быстротою ногъ спасти постыдную жизнь, нежели мужественно встрѣтить доблестную и блаженную смерть: тотъ за сіе оставленіе оружія подвергается суду. Случаи же выше приведенные судья оставляетъ безъ вниманія. Ибо малодушнаго должно наказы-

вать, чтобъ онъ исправился, а нещастнаго наказанiемъ уже не исправишь.

Но какое приличное наказанiе можетъ быть человѣку, отдающему во власть непрiятелей свою защиту. Еслибъ можно было сдѣлать противное тому, что нѣкогда Богъ сдѣлалъ съ Ценеемъ Өессалiйцемъ, измѣнивши его изъ женщины въ мужчину; то сiе перерожденiе изъ мущины въ женщину было бы лучшее, приличнѣйшее наказанiе бросающему свой щитъ. Установимъ ближайшее къ сему, чтобъ онъ болѣе не подвергалъ опасности своего животолюбiя, но провождалъ бы долгую жизнь въ величайшемъ поношенiи; да будетъ противъ таковыхъ сей законъ: кто подвергнется суду, какъ малодушно оставившiй военныя оружiя; того не долженъ употреблять, какъ воина, ни полководецъ, ни другой кто изъ военныхъ начальниковъ; того недолжно допускать даже въ строй, ни къ чему другому. Иначе блюститель нравственности подвергаетъ пѣнѣ того, кто приметъ малодушнаго: изъ перваго класса такой платитъ тысячу драхмъ, изъ втораго пять минъ, изъ третьяго три, изъ четвертаго одну; самъ же виновный сверхъ того, что удаляется за малодушiе свое отъ всѣхъ мужественныхъ опасностей, долженъ еще заплатить изъ перваго класса тысячу драхмъ, изъ втораго пять минъ, изъ третьяго три, изъ четвертаго одну. Но какое приличное слово мы

скажемъ о томъ, кто смотритъ за нравственностію правителей, изъ которыхъ одни избираются по жребію на годъ, другіе по выбору на многіе годы? Кто можетъ быть для нихъ достойнымъ Цензоромъ? Кто изъ нихъ, изнемогши подъ бременемъ своего званія и не имѣя силы, соотвѣтствующей своей власти, не скажетъ и не сдѣлаетъ чего нибудь несправедливаго? Очень трудно найти для начальниковъ начальника отличнаго доблестію: при всемъ томъ должно употребить всѣ усилія, чтобы обрѣсти сихъ мужей Божественныхъ. Почему же? въ Государственномъ устроеніи такъ какъ въ кораблѣ, или въ животномъ, есть многія связи, кои мы, какъ одну раздѣленную природу, называемъ различными именами; связи вдоль идущія, поперечныя и конечныя; каждая малѣйшая связь можетъ или сохранить, или разрушить цѣлое членоустроеніе. Если Цензоры, судіи правителей, лучше сихъ и отличаются предъ ними неукоризненнымъ правосудіемъ; то весь городъ и вся страна цвѣтетъ и блаженствуетъ. Если судъ надъ правителями иначе происходитъ; то по ниспроверженіи правосудія, которое соединяетъ въ одно тѣло всѣ части государственнаго правленія, всякая власть отдѣляется отъ другой, всѣ стремятся къ разнымъ цѣлямъ, раздѣляютъ одинъ городъ на многіе, наполняютъ его возмущеніями, и ведутъ къ неизбѣжной гибели. Для сего Цензоры

должны быть люди отличнѣйшіе во всякой доблести. Начало ихъ и выборъ устроимъ такимъ образомъ: Всякой годъ, при поворотѣ солнца съ лѣта на зиму, весь городъ долженъ собираться во храмѣ Солнца и Аполона для избранія и посвященія симъ божествамъ трехъ мужей, которыхъ бы не одинъ, но всѣ признали лучшими и не моложе пятидесяти лѣтъ. Изъ предложенныхъ отдѣлять избранныхъ большинствомъ голосовъ, отбрасывая изъ нихъ по половинѣ, если число ихъ четное; а если нечетное, то исключивъ одного съ меньшимъ числомъ голосовъ, составить равныя половины. При ровныхъ голосахъ, если половина превосходитъ требуемое число, излишекъ убавить, отбросивъ младшихъ по лѣтамъ; потомъ дѣлать выборъ между прочими, доколѣ останутся трое; если у всѣхъ или у двоихъ голоса будутъ равные, то полагаясь на Божію волю и щастіе избирать по жребію, и троихъ избранныхъ вѣнчать оливковою вѣтвью; потомъ воздавъ симъ мужамъ ихъ отличія, возвѣстить всюду, что городъ Магнезія, вновь получивши отъ Бога спасеніе, посвящаетъ Солнцу изъ среды своей трехъ мужей и приноситъ первенцовъ своихъ ему и Аполлону по древнему обычаю, какъ жертву покровителямъ правосудія. Въ первой годъ избрать двѣнадцать Цензоровъ, старцевъ до восмидесятилѣтняго возраста. А въ послѣдующія вре-

мена избирать уже ежегодно по три. Сіи судьи, раздѣливъ всѣ власти на двѣнадцать частей, должны обличать и испытывать ихъ всѣми позволительными способами; во все время суда своего они должны жить въ храмѣ Аполлона и Солнца, въ которомъ были избраны. Они судятъ и частно и въ общихъ совѣщаніяхъ; отдаютъ отчетъ государству обо всѣхъ правителяхъ, выставляя на площади написаніе о каждомъ начальствѣ, если оно, по приговору ихъ, должно подвергнуться наказанію или пѣнѣ. Начальникъ, не признающій справедливымъ суда Цензоровъ, приводитъ ихъ къ избраннымъ судіямъ: и если оправдается, то обвиняетъ самихъ Цензоровъ, если хочетъ; а если будетъ обвиненъ, то онъ по необходимости долженъ умереть, если Цензоры приговорили его къ смертной казни; а при другихъ приговорахъ, если возможно, долженъ платить въ двое. Должно также опредѣлить, каковы должны быть возмездія симъ мужамъ и какимъ образомъ. При жизни своей они пользуются первыми почестями во всемъ государствѣ и занимаютъ первыя мѣста во всѣхъ собраніяхъ. Также при народныхъ жертвоприношеніяхъ, при зрѣлищахъ и при другихъ торжественныхъ собраніяхъ, общихъ для всѣхъ Еллиновъ, предсѣдатели избираются изъ сихъ мужей; они одни въ городѣ украшаются лавровыми вѣнками; всѣ они

суть жрецы Аполлона и Солнца; и одинъ первой изъ жрецовъ ежегодно избирается первосвященникомъ; имя его означается въ лѣтописяхъ, для показанія, сколько времени существуетъ городъ. Умершимъ почести выставленія, выноса и погребенія совершаются совершенно отлично отъ другихъ гражданъ. Въ одеждахъ бѣлыхъ, безъ слезъ и безъ вопля они сопровождаются. Пятнадцать дѣвъ и пятнадцать юношей, предстоя предъ гробомъ его, поютъ гимнъ въ похвалу жрецамъ, не прерывая хвалебныхъ пѣсней своихъ въ продолженіи цѣлаго дня. Съ утренней зарею сто юношей, упражняющихся въ гимнастическихъ играхъ, несутъ гробъ его къ могилѣ, за ними слѣдуютъ родственники умершаго. Имъ предъидутъ взрослые юноши, въ военномъ одѣяніи, конные съ лошадьми, пѣшіе съ оружіемъ, равно и прочіе. Отроки у гроба поютъ отечественную пѣснь; за гробомъ шествуютъ дѣвы и жены свободныя уже отъ брачнаго союза; за сими идутъ жрецы и жрицы, какъ при священномъ погребеніи, если не воспретитъ имъ и здѣсь, какъ и въ прочихъ случаяхъ Пиѳійской Оракулъ. Гробъ устрояется подъ землею подъ обширнымъ сводомъ изъ многоцѣнныхъ твердыхъ камней, въ нишахъ которыхъ поставляются рядомъ каменные одры. Здѣсь положивъ покойнаго, кругомъ дѣлаютъ насыпь и обсаживаютъ ее деревьями, оставляя

средину, чтобъ въ послѣдующее время уже не искать новаго отверстія въ распространяющуюся обитель мертвыхъ. Здѣсь ежегодно совершаются состязанія музыкальныя, игры конныя и гимнастическія. Такія почестиощдаются неукоризненно исправлявшимъ званіе свое. Но если кто изъ сихъ мужей, гордясь своимъ выборомъ, обраружитъ слабость человѣческой природы и по избраніи сдѣлается худымъ: то законъ повелѣваетъ обвинять его всякому, кто пожелаетъ. Дѣло сіе произходится въ судѣ такимъ образомъ: во первыхъ законоблюстители составляютъ сіе судилище. Къ нимъ присоединяются и тѣ, кои уже совершили свое время, и судъ избранныхъ. Обвиняющій письменно объявляетъ, что такой-то не достоинъ ни отличій, ни своего званія. Если обвиняемый будетъ осужденъ; то онъ лишается своей власти, и погребенія, и прочихъ присвоенныхъ ему почестей. Но если обвинитель не будетъ имѣть пятой части голосовъ; то долженъ заплатить перваго класса двѣнадцать минъ, втораго восемь, третьяго шесть, четвертаго двѣ.

Великаго удивленія достоинъ Радамантъ въ рѣшеніи судебныхъ дѣлъ. Въ его время люди имѣли твердую вѣру въ бытіе боговъ; ибо многіе сами происходили отъ боговъ; таковъ былъ и самъ Радамантъ, какъ говорятъ. Онъ, кажется, не полагался на судъ

человѣческой, но предоставлялъ судить богамъ; отъ чего и дѣла рѣшались при немъ просто и скоро. Во всякомъ сомнѣніи онъ заставлялъ тяжущихся давать клятву, и примирялъ безъ всякой медленности и ущерба. Теперь же, какъ нѣкоторые изъ людей совсѣмъ не вѣрятъ богамъ, другіе думаютъ, что они не пекутся о насъ; а большая и порочнѣйшая часть держится мнѣнія, что они за малое куреніе ѳиміама и за льстивыя молитвы содѣйствуютъ имъ въ грабежахъ, и избавляютъ ихъ отъ многихъ великихъ наказаній; теперь способъ Радамантова суда былъ бы безполезенъ для нынѣшняго поколѣнія людей. Мнѣніе о богахъ измѣнилось въ людяхъ; слѣдовательно потребно измѣнить и самые законы. Мудрые законы должны изключить изъ рѣшенія дѣлъ всѣ клятвы тяжущихся сторонъ. Имѣющій судъ противъ другаго долженъ представлять обвиненія безъ клятвы. Оправдывающійся, написавъ свои оправданія, подаетъ ихъ Архонтамъ, не приводя во свидѣтели боговъ. При такомъ многолюдствѣ въ городѣ, страшно вообразить себѣ, что почти половина изъ тѣхъ, кои такъ дружелюбно обращаются между собою на пиршествахъ, въ другихъ бесѣдахъ и въ частныхъ совѣщаніяхъ, суть клятвопреступники. И такъ предложимъ законъ: присягу должны произносить: судья, когда приступаетъ къ суду, власти при из-

браніи прочихъ начальствъ, или когда вынимаютъ жребій, также судья плясокъ и всей музыки , наградоположники, предсѣдатели при гимнастическихъ играхъ и конныхъ ристалищахъ, и во всѣхъ случаяхъ, гдѣ отъ клятвопреступленія не льзя ожидать никакой пользы. А гдѣ отрицающему или утверждающему клятва можетъ принесть очевидную пользу; тамъ тяжущіеся должны судиться безъ помощи ея; вообще предсѣдящіе не должны позволять ни божбы для удостовѣренія, ни заклинаній собою и родомъ своимъ, ни униженныхъ прошеній, ни слезъ, женщинамъ приличныхъ; но излагать справедливость со всею простотою и ясностію. Если кто начнетъ говорить что либо постороннее; то судьи наклоняютъ рѣчь опять къ настоящему дѣлу. Иностранецъ съ иностранцемъ могутъ взаимно давать и принимать клятвы, если сами захотятъ. Не состарѣваясь и не возрастая въ городѣ, они не могутъ совратить примѣромъ своимъ другихъ. Всякой судъ можетъ рѣшаться такимъ же образомъ, если свободной сдѣлаетъ преступленіе, не подвергающее его ни ударамъ, ни заключенію, ни смерти.

Торжественные ходы, великолѣпныя празднества, и другіе общенародные обряды, также служенія во время мирныхъ жертвоприношеній и во время военныхъ сборовъ имѣютъ своихъ преступниковъ. Мѣра противъ

сихъ преступленій да будетъ такова: съ непослушныхъ городъ взыскиваетъ пеню за неисполненіе своихъ обязанностей. Если кто измѣняетъ слову, давши залоги; то они продаются, и деньги сіи принадлежатъ городу. Если самая пеня значительнѣе вырученныхъ денегъ; то правительство возложивъ на виновныхъ и сію плату, приводитъ ихъ въ судъ и содержитъ, доколѣ они заплатятъ требуемое. Государству, которое получаетъ свои доходы только отъ земледѣлія и не производитъ торговли за границею, необходимо надлежитъ сдѣлать постановленіе въ разсужденіи отлучающихся изъ отечества и въ разсужденіи пріѣзжающихъ иностранцевъ. Законодатель долженъ здѣсь подать свой совѣтъ и распространить его по возможности посредствомъ убѣжденія. Обыкновенно смѣшеніе разныхъ городовъ смѣшиваетъ и нравы: ибо иностранцы приносятъ съ собою разныя ново-введенія и перемѣны, а сіе наноситъ благоустроеннымъ народамъ величайшій вредъ. Другимъ безъ хорошихъ законовъ, безъ твердыхъ нравовъ нѣтъ ни какой разности смѣшиваться съ другими, принимать иностранцовъ, и самимъ переселяться въ другія города, куда кто пожелаетъ, безъ различія и молодой и старой. Съ другой стороны совсѣмъ невозможно не принимать другихъ, и самимъ не путешествовать. Всѣ почтутъ это грубостію, жестоко-

стію, нарушеніемЪ гостепріимства; всѣ будутЪ порицать вЪ насЪ нравы гордые, не миролюбивые; не должно пренебрегать мнѣніемЪ другихЪ, кажемся ли мы имЪ добрыми или нѣтЪ. КакЪ бы кто ни былЪ далекЪ отЪ добродѣтели, но вЪ сужденіи своемЪ о другихЪ онЪ не такЪ худЪ и безсмысленЪ. Самые злые имѣютЪ вЪ себѣ божественный лучь проницательности и многіе изЪ нихЪ вЪ словахЪ и во мнѣніи безошибочно отдѣляютЪ лучшихЪ людей отЪ худшихЪ. А потому лучшее правило городамЪ не пренебрегать доброй славы, но предпочитать ее многому другому. Высочайшая справедливость требуетЪ, чтобЪ истинно добрый наслаждался доброхвальною жизнію. Совершенный мужЪ не долженЪ искать одного безЪ другаго. И поселяемому вЪ Критѣ городу надлежитЪ добродѣтелію пріобрѣтать у всѣхЪ людей знаменитѣйшую и лучшую славу. Есть вѣрная надежда, что скоро солнце и прочіе боги узрятЪ его на ряду сЪ прочими благоустроенными городами и странами, если онЪ пойдетЪ своимЪ путемЪ. ВЪ разсужденіи путешествій вЪ чужія страны и принятія иноземцовЪ надлежитЪ такЪ поступать: во первыхЪ моложе сорока лѣтЪ никому никуда не позволяется путешествовать; и то не по собственнымЪ дѣламЪ но по общественнымЪ, какЪ то глашатаямЪ, посламЪ или соглядатаямЪ. Походы воен-

ные не причисляются къ путешествіямъ. Посольства учреждаются къ Аполлону Пиѳійскому, къ Зевесу Олимпійскому, въ Немею и на Истмъ, чтобы участвовать въ жертвоприношеніяхъ и въ играхъ, установленныхъ въ честь симъ божествамъ. Но должно посылать по возможности въ большемъ числѣ людей прекраснѣйшихъ, доблестнѣйшихъ, которые бы доставили славу городу при священныхъ и мирныхъ собраніяхъ и ручались бы за славу на войнѣ. Возратясь въ соотчичамъ, они скажутъ юношамъ, что всѣ прочіе города въ гражданскомъ устройствѣ своемъ уступаютъ ихъ отечеству. Наблюдателями посылаются изъ самихъ законоблюстителей мужи свободные отъ службы. Если кто изъ гражданъ въ досужное время пожелаетъ видѣть состояніе другихъ народовъ, то законъ ему не возбраняетъ сего. Государство, незнающее ни худыхъ, ни хорошихъ постановленій другихъ народовъ, удаляющееся отъ всякаго сообщенія съ ними, еще не твердо и далеко отъ своего совершенства. Не прочны и законы, если они принимаются не только не по общему мнѣнію, но и несообразно съ нравами. Вездѣ есть нѣкоторые люди божественные не многіе, достойные того, чтобъ искать ихъ совѣтовъ; они бываютъ и въ благоустроенныхъ городахъ и въ неблагоустроенныхъ. Благонадежнѣйшій, чуждой всякой порчи, житель города благоустроеннаго

долженъ слѣдить ихъ и на сушѣ и на морѣ, дабы по совѣту ихъ утвердить свои хорошія постановленія, и исправить недостаточныя. Безъ сего наблюденія и разысканія, равно какъ и при худыхъ наблюдателяхъ, благосостоніе города не прочно.

Кл. Какимъ же образомъ помочь тому и другому.

Аѳ. Вопервыхъ нашъ наблюдатель долженъ быть старѣе пятидесяти лѣтъ. Притомъ онъ долженъ отличаться, какъ прочими качествами, такъ и подвигами военными, дабы внушить всѣмъ народамъ хорошее мнѣніе о законоблюстителяхъ. За шестьдесять лѣтъ поздно путешествовать. Разсмотрѣвши все, что обращало его вниманіе въ десятилѣтнемъ путешествіи, онъ долженъ явиться въ собраніе, имѣющихъ смотрѣніе за законами. Сіе собраніе состоитъ изъ младшихъ и старѣйшихъ, и засѣдаетъ неопустительно каждый день отъ утра до полудня. Въ немъ участвуютъ жрецы, почтенные по своимъ трудамъ, десять старшихъ законоблюстителей и попечитель всего воспитанія, какъ настоящій, такъ и тѣ, кои уже оставили сію должность. Всякой изъ нихъ приводитъ съ собою младшаго отъ тридцати до сорока лѣтъ, кого самъ изберетъ. Бесѣда и совѣщаніе обыкновенно произходятъ о законахъ своего отечества, если узнаютъ какую либо разность въ нихъ съ законами

чужихъ странъ; также о наукахъ, которыя приносятъ пользу въ семъ отношеніи, и разливаютъ новой свѣтъ въ познаніи законовъ, и незнаніе коихъ производитъ темноту. Сіи науки одобренныя старѣйшими, дѣлаются новымъ предметомъ неусыпнаго старанія юношества. Если путешественникъ, созвавшій собраніе, недостоинъ вниманія ихъ: то онъ подвергается общему выговору. Отличившимся изъ нихъ весь городъ оказываетъ уваженіе, и особенное презрѣніе тому, кто возвратится худшимъ. Итакъ въ сіе собраніе долженъ немедленно притти путешественникъ, наблюдавшій законы въ другихъ странахъ, и сказать, если по слуху заимствовалъ что нибудь новое въ законоположеніи, въ ученіи и въ воспитаніи, также сообщить, что самъ выдумалъ; и если онъ возвратился ни лучше ни хуже; то похвалить его за доброе расположеніе. Если онъ возвратился несравненно лучше; то и при жизни воздавать ему отличную почесть, и умершему все собраніе отдаетъ должную похвалу. Если кто въ путешествіи своемъ испортился; то онъ не долженъ бесѣдовать ни съ младшими, ни съ старшими подъ личиною мудреца. Онъ можетъ жить частнымъ человѣкомъ, если будетъ покоренъ Архонтамъ; иначе долженъ умереть, если въ судѣ обвинятъ его, что онъ вводитъ измѣненія или въ ученіи или въ законахъ. Если

кто достоинъ подвергнуться суду, но архонты не представятъ его; то имъ вмѣсто отличія воздается безчестіе. Вотъ, что требуется отъ всякаго путешествующаго.

Послѣ сего обратимъ вниманіе на пріѣзжающихъ. Есть четыре рода иностранцовъ, о которыхъ говорить надлежитъ. Первой родъ есть промышленниковъ, которые обыкновенно проводятъ лѣто въ путешествіяхъ. Подобно перелетнымъ птицамъ, они безъ всякаго другаго искуства, въ лучшее время года, по морямъ стремятся въ тѣ города, куда привлекаетъ ихъ корысть. Ихъ должны принимать внѣ города на торжищахъ, въ пристаняхъ и въ общенародныхъ зданіяхъ начальники особенно къ сему приставленные, которые принимаютъ также всѣ предосторожности, чтобъ сіи иностранцы не вводили ничего новаго; сохраняя предъ ними все правосудіе, заимствуютъ отъ нихъ самое малое, только необходимое. Второй родъ путешествуетъ для того, чтобъ насытить зрѣніе свое новыми видами и душу вдохновеніями музъ. Для сихъ страннолюбіе должно устроить гостинницы при храмахъ. Жрецы и юноши должны имѣть о нихъ попеченіе, и угощать ихъ во все время, доколѣ они все увидятъ и услышатъ, для чего пріѣхали, и отправятся безъ вреда себѣ и другимъ. Судьями ихъ должны быть жрецы, если вредъ имъ или ими причиненный простирается

раетсл до пятидесяти драхмъ. По важнѣйшимъ жалобамъ они находятъ судъ у торжищныхъ приставовъ. Третій родъ пріѣзжающихъ изъ другой страны по дѣламъ общественнымъ должны принимать всенародно, только военноначальники, всадники и таксіархи. Угощеніемъ его занимается пританея и тотъ, у кого онъ въ домѣ остановится. Четвертой родъ самой рѣдкой: если въ замѣну нашимъ наблюдателямъ, пріѣдетъ кто къ намъ изъ чужой страны не моложе пятидесяти лѣтъ и желаетъ видѣть въ другихъ городахъ все рѣдкое, прекрасное, или самъ хочетъ что либо показывать; пусть онъ идетъ прямо безъ приглашенія къ богатѣйшимъ и къ мудрѣйшимъ людямъ; для мудраго всюду двери отверсты. Пусть идетъ въ домъ всякаго воспитанія, съ увѣренностію, что онъ по своимъ заслугамъ вездѣ будетъ весьма пріятнымъ гостемъ. Въ мудрыхъ своихъ бесѣдахъ онъ иное займетъ, иное сообщитъ, и какъ другъ осыпанный дарами, удалясь, оставитъ по себѣ сожалѣніе. Такимъ образомъ надлежитъ принимать всѣхъ пріѣзжающихъ изъ чужой страны и выпровождать ихъ, почитая страннолюбиваго Зевеса, а не душить своихъ гостей яствами и куреніями и, какъ теперь дѣлаютъ питомцы Нила, грубыми привѣтствіями.

Дающій поручительство, долженъ давать его явно, изложивъ на письмѣ все дѣло не

менѣе какъ предъ тремя свидѣтелями, если дѣло простирается до тысячи драхмъ; а болѣе тысячи, — предъ пятью. Продающій что либо отъ имени другаго, также ручается, что онъ продаетъ честно, и по надлежащей цѣнѣ. Онъ подлежитъ тому же суду, какъ и отдающій. Кто хочетъ обыскивать кого либо, пусть обыскиваетъ раздѣтый или только въ исподнемъ платьѣ, не подпоясанный, и поклявшись, что онъ ищетъ, надѣясь найти; а тотъ долженъ допустить его до всего замѣченнаго и незамѣченнаго въ домѣ. Кто не позволяетъ обыскивать себя; того, недопускаемый къ обыску, подвергаетъ суду; обвиненный платитъ въ двое противъ оцѣненнаго убытка. Если владѣтель дома отсутствуетъ; то оставшіеся въ домѣ даютъ обыскивать только незапертыя вещи, а на запертыя обыскивающій кладетъ свою печать, и на пять дней приставляетъ свой караулъ. Если отсутствіе продолжится долѣе; то онъ, взявъ градскихъ приставовъ, обыскиваетъ и запертыя вещи, и обыскавши, опять ихъ запираетъ въ присутствіи домашнихъ, при градскихъ приставахъ, и кладетъ печати. Срокъ для спорныхъ вещей, далѣе котораго онѣ безспорно остаются въ рукахъ того, кто ими владѣетъ, таковъ: въ разсужденіи земли и дома нѣтъ никакого спора; въ разсужденіи же прочаго если кто, владѣя какою либо вещію, показывал-

ся съ нею въ городѣ, на площади, въ храмахъ, и никогда не скрывалъ ее, между тѣмъ какъ другой утверждаетъ, будто въ сіе же время искалъ ее: то по прошествіи года съ того времени, какъ одинъ началъ владѣть ею, а другой искать, уже не позволяется отбирать сей собственности; если кто пользуется ею не на торжищѣ и не въ городѣ, но въ полѣ, и другой не встрѣтится съ нимъ въ теченіи сего времени; то по прошествіи пяти лѣтъ она уже не отъемлется; если кто пользуется ею въ городѣ, но только дома; то срокомъ для отысканія назначаются два года. Кто владѣетъ ею въ полѣ и тайно; то симъ срокомъ будутъ десять лѣтъ. Но если въ чужомъ народѣ кто отыщетъ свою собственность; то для отнятія ея нѣтъ никакого срока. Кто насильственно воспрепятствуетъ другому явиться къ суду, или какъ истцу или какъ свидѣтелю: если удержитъ раба своего или чужаго; то судъ остается не дѣйствительнымъ и нерѣшеннымъ; если удержитъ свободнаго; то, сверхъ недѣйствительности суда, заключается на годъ въ темницу, и подвергается лишенію свободы. Если кто насильственно препятствуетъ явиться состязателю своему въ гимнастикѣ, въ музыкѣ или въ другой какой игрѣ: то желающій доноситъ о семъ наградоположникамъ, и они допускаютъ его къ состязанію. Но еслието будетъ уже

поздно; если соперникъ, удержавшій его, уже получилъ побѣду; то награда отдается удержанному и онъ написывается побѣдителемъ, въ какомъ храмѣ самъ пожелаетъ; а удержавшему не позволяются за это состязаніе ни жертвоприношенія, ни надписи; и притомъ подвергается суду во вредѣ, будетъ ли онъ побѣжденъ, или побѣдитъ.

Завѣдомо принимающій украденную вещь, несетъ такое же наказаніе, какъ и укравшій. За пріемъ бѣглеца наказаніе — смерть. Всякой долженъ почитать друзьями и врагами своими друзей и врагомъ своего отечества; тому смертная казнь, кто самъ собою, безъ общаго согласія заключаетъ миръ или начинаетъ войну. Если одна только часть города для себя одной дѣлаетъ съ кѣмъ нибудь миръ или войну; то виновныхъ въ семъ преступленіи военачальники приводятъ въ судъ; и обвиненный наказывается смертію. Служащіе отечеству должны служить безъ даровъ, не употребляя никакого предлога, никакаго оправданія, будто отъ добрыхъ можно принимать дары, а отъ худыхъ неможно. При семъ образѣ мыслей весьма трудно воздержаться отъ лихоимства; несравнено безопаснѣе принять одинъ законъ, ни когда не служить для взятокъ. Непокоряющійся просто наказывается смертію по суду.

Для сбору податей многія причины тре-

буютЪ во первыхЪ имѣть точное свѣденіе обЪ имѣніи каждаго; во вторыхЪ, чтобы отЪ каждаго колѣна доносили агрономамЪ (начальникамЪ сельскаго хозяйства) обЪ ежегодномЪ урожаѣ. Раздѣливши самые подати на два рода, государство назначаетЪ ежегодно тотЪ или другой по своему разсужденію: или требуетЪ часть отЪ всего имѣнія, или отЪ одного годоваго дохода, сверхЪ того, что вносится хлѣбомЪ для общественныхЪ пиршествЪ.

Умѣренный человѣкЪ долженЪ приносить богамЪ жертвы умѣренныя. Земля, сей домЪ нашего пребыванія, есть священный храмЪ всѣхЪ БоговЪ. ИтакЪ жертвовать ею во второй разЪ не можно. Золото и серебро вЪ другихЪ городахЪ и вЪ частности и вЪ храмахЪ есть отличнѣйшее завидное стяжаніе. Слоновая кость, какЪ остатокЪ жизненнаго разрушенія, не есть удобное приношеніе. Желѣзо и мѣдь суть орудія войны; изЪ деревЪ можно приносить вЪ общественные храмы вещи здѣланныя изЪ одного древа, также и отЪ камней; изь тканей можно приносить неболѣе odномѣсячной роботы одной женщины. ИзЪ цвѣтовЪ БогамЪ приличнѣе бѣлые, особено на тканяхЪ. Яркіе цвѣты суть украшенія воинственныя. Лучшіе дары суть птицы и статуи, кои одинЪ художникЪ можетЪ сдѣлать вЪ одинЪ день. Прочіе приношенія должны быть сЪ симЪ сообразны.

При раздѣленіи города на свои части, сказано уже и о томъ, что въ немъ и какъ должно происходить; положены законы для всѣхъ важнѣйшихъ отношеній; остается только привести въ дѣйствіе правосудіе. Въ судахъ первые судьи должны быть избранные, которыхъ избираютъ единогласно истецъ и отвѣтчикъ, кои лучше могутъ назваться посредниками. Вторые судьи суть сельскіе и областные, раздѣленные по двѣнадцати частямъ. При сихъ судьяхъ, тяжущіеся подвергаются большему наказанію, если они недовольны судомъ первыхъ. Обвиняемый, если будетъ обвиненъ во второй разъ, долженъ платить пятую часть иска. Если кто, жалуясь на сихъ судей, хочетъ судиться въ третій разъ, то переноситъ дѣло въ судъ избранныхъ; обвиненный и здѣсь платитъ половину всего иска. Если обвиняющій, недовольный рѣшеніемъ перваго суда, переходитъ во второй, и выигрываетъ дѣло; то онъ получаетъ и пятую часть иска; а проигравъ, платитъ такую же часть. Переведя дѣло въ третій судъ, недовольные первыми рѣшеніями, обвиняемый, если и здѣсь будетъ обвиненъ, какъ уже сказано, платитъ въ полтора раза больше иска, а обвиняющій половину.

Выборы судовъ, пополненіе ихъ, постановленіе для каждой власти потребныхъ служителей, узаконенное для каждаго дѣла

время, подаваніе голосовъ, отсрочка, все прочее относящееся до судебнаго порядка, первыя и послѣднія рѣшенія, необходимость отвѣтовъ и очныхъ ставокъ, и подобное сему были предметами нашей бесѣды: хорошо и справедливо говорить о нихъ дважды, трижды. Всѣ маловажные и легкіе случаи, опущенные старымъ законодателемъ, долженъ дополнить молодой. Частныя судилища такимъ образомъ могутъ получить твердое основаніе; народныя же и общественныя, сообразуясь съ которыми, каждая власть должна исправлять дѣла свои, во многихъ городахъ получили отъ мудрыхъ мужей прочныя постановленія. Оттолѣ законодатели должны заимствовать нужное для новаго градоустроенія; должны соображать, исправлять, повѣрять опытомъ, и когда поставятъ все на твердую точку, тогда окончивъ и запечатлѣвъ неразрѣшимою печатію всѣ постановленія, будутъ поступать по нимъ во все послѣдующее время. Мы уже говорили и еще нѣчто скажемъ о скромности судей, о добромъ ихъ имени, равно какъ и о тѣхъ препятствіяхъ, кои въ другихъ государствахъ подавляютъ все справедливое, доброе и прекрасное, въ познаніи коихъ напередъ долженъ утвердиться всякой приготовляющійся къ званію судьи, всегда имѣя ихъ предъ глазами и научаясь имъ изъ чтенія. Главнѣйшія науки для

того, чтобы учащагося содѣлать лучшимъ, суть законы; и мудрые законы всегда могутъ и должны имѣть сіе божественное дѣйствіе, или разумъ долженъ стереть съ нихъ сіе великое, чудное названіе; всѣ похвалы и порицанія, кои мы читаемъ въ стихотвореніяхъ, или въ прозѣ; все, что находится въ книгахъ, или что говорится въ ежедневныхъ бесѣдахъ, иногда изъ любви къ спору, иногда изъ пустой словоохотливости, — все сіе имѣетъ свой необманчивый оселокъ въ сочиненіяхъ законодателя. Съ ними добрый судья владѣетъ противояднымъ средствомъ противъ всѣхъ словъ, къ исправленію себя и города. Добродѣтельнымъ они подаютъ твердость и преспѣяніе въ справедливости, а порочнымъ приготовляютъ излѣченіе отъ невѣжества, отъ необузданности, отъ малодушія, и вообще отъ всякой несправедливости, ежели въ нихъ не слишкомъ закоренѣли худыя мнѣнія: а въ комъ сіи мнѣнія неизлѣчимы, для тѣхъ изцѣленіемъ служитъ смерть. Судьи и начальники ихъ, подвергая зараженныхъ сему справедливому наказанію, какъ уже часто было повторено, достойно пріобрѣтаютъ похвалу во всемъ городѣ.

Когда годичные суды положатъ конецъ всѣмъ суднымъ дѣламъ; то еще остается имъ исполнить сіи законы: во первыхъ судебная власть должна отдать выигра-

вшему дѣло всѣ деньги обвиненнаго за исключеніемъ необходимаго, по прочтеніи глашатаемъ самаго приговора въ присутствіи судей. При наступленіи перваго мѣсяца изъ слѣдующаго судебнаго года, если проситель еще неудовлетворенъ; то начальство вступаясь за него, принуждаетъ обвиненнаго къ удовлетворенію. И если недостаетъ хотя одной драхмы, онъ не имѣетъ права судиться ни съ кѣмъ, доколѣ не уплатитъ сполна всего просителю; но другіе всѣ между тѣмъ могутъ призывать его къ суду. Если обвиненный опровергаетъ рѣшеніе судей; то они приводятъ его въ судилище законоблюстителей; обвиненный въ семъ судѣ, какъ нарушитель общественнаго блага и преступникъ законовъ, наказывается смертію.

Мужу, подъ кровомъ законовъ родившемуся, воспитанному, произведшему дѣтей, воспитавшему ихъ, честно исполнявшему свои сношенія, защищавшемуся правосудіемъ противъ обидъ, строгостію его удерживаемому отъ оскорбленія другихъ, и состарѣвшемуся, по неизбѣжному року, наконецъ предлежитъ естественная смерть. Умершему, какъ мущинѣ, такъ и женщинѣ отдаются послѣднія приличныя почести, и долгъ какъ подземнымъ, такъ и выспреннимъ богамъ, по наставленіямъ истолкователей святыни. Кладбищемъ ихъ должна быть страна не возработываемая; и могилы ихъ ни малы, ни ве-

лики. Хоронить ихъ тамъ, гдѣ земля можетъ быть способна только для сего употребленія, и безъ вреда живущимъ можетъ скрывать въ нѣдрахъ своихъ прахъ усопшихъ. Но тамъ, гдѣ она, како мать, всегда готова приносить пищу чадамъ своимъ, ни живой ни мертвой, никто не долженъ лишать насъ даровъ ея. Насыпь должна быть не выше такой, какую могутъ сдѣлать пять человѣкъ въ теченіи пяти дней. Надгробные камни таковы, чтобъ вмѣстить надпись умершему изъ четырехъ героическихъ стиховъ. Выносъ долженъ быть не позднѣе того времяни, въ которое можно отличить обмершаго отъ дѣйствительно умершаго. Сообразно съ человѣческою природою онъ долженъ совершиться на третій день. Во всѣхъ случаяхъ надлежитъ вѣрить законодателю, особенно въ томъ, что душа совершенно отлична отъ тѣла. И въ самой жизни дѣйствующее въ каждомъ изъ насъ есть не что иное, какъ душа, а тѣло какъ призракъ только сопутствуетъ намъ; и по смерти своей тѣло справедливо можно назвать призракомъ. Но сущій каждый изъ насъ дѣйствительно безсмертенъ; наша, такъ называемая, душа отходитъ къ другимъ Богамъ воздать отчетъ, какъ говоритъ отечественный законъ. Добрая душа воздаетъ отчетъ дерзновенный, а порочная весьма страшный. Умершему отъ насъ мало помощи. Живому должны помогать

всѣ ближніе, чтобѣ онѣ жилѣ вѣ правотѣ и преподобіи, и по смерти, вѣ той жизни не причастенѣ былѣ муки за злыя свои согрѣшенія. По сему не будемѣ вѣ горести расточать дома своего, будто онѣ не таковѣ же, какѣ и сія похороняемая масса тѣла. Сопровождая вѣ могилу любезнѣйшихѣ своихѣ, сына, брата, или друга, вспомнимѣ, что они только переходятѣ, исполняютѣ чреду свою. Но будемѣ благоразумны, умѣреннымѣ жертвуя, уже бездушному храму почившимѣ. Законодатель, ненарушая приличія, кажется, такѣ можетѣ назначить умѣренное. Вотѣ законѣ: изѣ высшаго класса употреблять на все погребеніе не болѣе пяти минѣ; изѣ втораго три, изѣ третьяго двѣ. Для четвертаго довольно одной. Законоблюстители, имѣя и другія многія обязанности и попеченія, не менѣе того должны пещись о дѣтяхѣ, и о всякомѣ возрастѣ; при кончинѣ всякаго гражданина одинѣ изѣ закоблюстителей, котораго изберутѣ домашніе умершаго, дѣлается распорядителемѣ; и кѣ похвалѣ его служатѣ приличныя и умѣренныя почести умершему, а неприлинныя кѣ его безславію. Выносѣ и все прочее совершается по закону, кѣ которому должно прибавить и сіе, что плакать по умершему ни запрещать, ни приказывать не прилично. Но запрещается плакать и рыдать внѣ дома, нести умершаго открыто по улицѣ, производить на пути

вопли и выносить его за городЪ до зари. Сie да будетЪ закономЪ для всѣхЪ; повинующiйся ему, свободенЪ отЪ наказанiя; а не повинующiйся одному изЪ законноблюстителей отЪ всѣхЪ подвергается общему наказанiю. О прочихЪ родахЪ погребенiя или о недостойныхЪ онаго, какЪ то обЪ отцеубiйцахЪ, святотатцахЪ уже прежде положены законы, и законодательство наше почти приходитЪ кЪ концу. Но сдѣлать что нибудь еще не значитЪ положить конецЪ всему, и построить еще не значитЪ поселить. Если мы обезпечимЪ навсегда состоянiе рожденнаго: тогда по справедливости можемЪ думать, что сдѣлали все, что сдѣлать надлежало: а безЪ етаго цѣлое еще не совершено.

Кл. Сказано справедливо. Но скажи яснѣе, кЪ чему ето клонится?

Аѳ. Клинiй, много хорошаго прежде было сказано. Не просты между прочимЪ и названiя ПаркЪ.

Кл. Какiя же?

Аѳ. ЛахезисЪ, раздавательница жребiевЪ, первая; Клоѳо, прядущая, вторая; АтроносЪ, непреклонная, третья, которая должна утвердить слова наши подобно веществамЪ на огнѣ сливающимся и прiобрѣтающимЪ неразрѣшимую силу; и Государство не только должно приготовлять здоровье и твердость тѣламЪ, но

производить благоустройство въ душахъ, и особенно доставить прочность законамъ. Въ нашихъ законахъ кажется еще недостаетъ сего, какимъ образомъ они могутъ получить естественнымъ образомъ неразрѣшимую силу.

Кл. Не маловажно сказать, какимъ образомъ можно пріобресть сіе, въ какомъ бы то ни было дѣлѣ.

Аѳ. Впрочемъ возможно, какъ мнѣ кажется.

Кл. И такъ не кончимъ своего слова безъ того, чтобы не доставить сего преимущества своимъ законамъ. Ибо смѣшнобъ было напрасно трудиться надъ чѣмъ нибудь, не произведя ничего прочнаго.

Мег. Справедливо совѣтуешь; и я на твоей сторонѣ.

Кл. Ето хорошо. И такъ какимъ же образомъ наше государственное устройство и законы могутъ получить свою прочность?

Аѳ. Мы сказали, что въ городѣ должно быть собраніе, которое составляютъ десятеро изъ законоблюстителей, всѣ мужи старѣйшіе и заслугами украшенные, также путешествовавшіе съ тѣмъ, чтобъ въ чужихъ земляхъ услышать что нибудь полезное для законодательства; которые возвратясь въ свое отечество, были испытаны первыми, и потомъ уже допущены въ собраніе. Сверхъ того всякой можетъ приво-

дить сюда юношу не моложе тридцати лѣтъ, но юношу по природному своему расположенію и по воспитанію достойнаго представиться другимъ; и если онъ и прочими будетъ одобренъ, то принимать его; а если другіе не одобрятъ его, то судъ ихъ остается тайною для всѣхъ, и особенно для самаго отверженнаго. Мы сказали, что сіе собраніе должно происходить по утру, когда всякой свободенъ какъ отъ частныхъ своихъ, такъ и отъ общественныхъ дѣлъ. Сказали сіе въ предъидущемъ словѣ.

Кл. Точно такъ.

Аѳ. Опять возвращусь къ сему собранію и скажу, что оно, еслибъ употребили его для государства вмѣсто якоря, имѣя въ виду только общественное благосостояніе, можетъ сохранить все драгоцѣннѣйшее для насъ.

Кл. Какимъ образомъ?

Аѳ. Говоря сію истину, намъ еще потребно время и терпѣніе.

Кл. Очень хорошо; дѣлай, какъ думаешь.

Аѳ. Во всякомъ дѣлѣ есть свой хранитель, такъ какъ для животнаго есть величайшій хранитель — душа и голова.

Кл. Какимъ это образомъ? скажи.

Аѳ. Отъ доблести зависитъ сохраненіе каждаго животнаго. — Въ душѣ есть врожденный умъ: въ головѣ находится зрѣніе и

слухѣ. Вообще же умѣ, соединеный сѣ отличнѣйшими чувствами, справедливо можетѣ назваться спасеніемѣ всякаго.

Кл. Кажется такѣ.

Аѳ. Кажется. Но развѣ умѣ, соединенный сѣ чувствами, не можетѣ быть спасеніемѣ для корабля и вѣ бурю и вѣ ясную погоду? Кормчій и мореплаватели, подчиняя чувства свои правительствующему уму, не сохраняютѣ ли и себя и всего, что на кораблѣ?

Кл. Такѣ.

Аѳ. Для сего не нужно многихѣ примѣровѣ; представимѣ себѣ военное искуство и врачевство; какую цѣль имѣютѣ и полководцы и всѣ врачи? — Первые не побѣду ли и власть надѣ непріятелями, и не возстановленіе ли здоровья есть цѣль врачевства?

Кл. Безѣ сомнѣнія.

Аѳ. Врачь незнающій, что такое есть вѣ тѣлѣ здоровье, полководецѣ незнающій, что побѣда, и люди подобные симѣ, могутѣ ли приписывать себѣ смыслѣ вѣ сихѣ предметахѣ?

Кл. Какимѣ образомѣ?

Аѳ. Что же сказать о государствѣ? незнающій, кѣ какой цѣли стремится все государственное устройство, во первыхѣ можетѣ ли назваться справедливымѣ начальникомѣ? Потомѣ можетѣ ли онѣ спасти то, чего и самой цѣли совершенно не постигаетѣ?

Кл. Какимъ образомъ?

Аѳ. И такъ, кажется, чтобъ устроить поселеніе какой нибудь страны, необходимо должно знать цѣль гражданскаго устройства; потомъ; какимъ образомъ можно достигнуть сей цѣли; наконецъ какіе законы и какіе люди ведутъ къ ней прямо, или криво. Неудивительно, что городъ безъ сихъ пособій въ своихъ поступкахъ дѣйствуетъ безумно, безсмысленно и на удачу.

Кл. Истинно говоришь.

Аѳ. Теперь можемъ ли мы сказать, въ какихъ частяхъ города и въ какихъ постановленіяхъ находится достаточная для сего предосторожность?

Кл. Не совсѣмъ еще ясно, почтенный. Но если должно угадать, кажется, слова твои мѣтятъ на собраніе, которое должно засѣдать ночью.

Аѳ. Прекрасно отгадалъ: но это собраніе, какъ показываетъ настоящее слово, должно обладать всею добродѣтеліею, которой начало есть не поколебаться на разныхъ основаніяхъ; но всегда взирать на одно, и къ нему устремлять все, подобно стрѣламъ.

Кл. Совершенно такъ.

Аѳ. Теперь мы не будемъ удивляться тому, что законы вездѣ такъ неосновательны; это отъ того, что въ каждомъ городѣ законодательство имѣетъ свою особенную

цѣль. У однихъ справедливость ограничивается тѣмъ, чтобъ были правители въ городѣ, все равно добрые или злые; у другихъ единственная цѣль есть — обогащаться, подъ игомъ ли рабства или нѣтъ, все равно; у иныхъ всѣ стремленія обращены къ жизни свободной; иные въ законодательствѣ имѣютъ двоякую цѣль, чтобъ быть свободными и деспотами другихъ городовъ; почитающіе себя мудрѣйшими предполагаютъ себѣ всѣ цѣли вдругъ, и не могутъ сказать, на какую особенную, единую — они должны взирать.

Кл. Иштакъ почтенный, наше прежнее положеніе справедливо. Мы сказали, что всѣ законы у насъ устремлены къ одной цѣли, и ета цѣль, какъ мы согласились, есть добродѣтель.

Аѳ. Такъ.

Кл. Но добродѣтель мы раздѣлили на четыре.

Аѳ. Точно такъ.

Кл. Умъ есть главный надъ ними. Съ нимъ должны сообразоваться равно и прочія три добродѣтели.

Аѳ. Ты прилѣжно внимаешь, слушай и остальное. Мы сказали, что умъ кормчаго, врача и полководца устремленъ къ одному; теперь мы остановились на изслѣдованіи ума политическаго. Вопросимъ его какъ человѣка: ты же какую цѣль имѣешь? — Для

тебя что ето одно, ясно изложенное въ умѣ врача? Ты столько превосходнѣе другихъ и не можешь сказать? Не можете ли вы, Клиній и Мегиллъ, вмѣсто его отвѣчать мнѣ, такъ какъ вы изслѣдовали со мною многіе другіе предметы, что ето одно?

Кл. Ни коимъ образомъ, почтенный.

Аѳ. Но надобно постараться видѣть его въ чемъ нибудь.

Кл. Въ чемъ же на примѣръ?

Аѳ. Мы сказали, на примѣръ, что есть четыре вида добродѣтели; и каждая изъ четырехъ имѣетъ свое особое названіе.

Кл. Такъ.

Аѳ. И всѣ они называются однимъ именемъ; мужество называется добродѣтелію, мудрость добродѣтелію, двѣ прочія также добродѣтелію.

Кл. Точно такъ.

Аѳ. Различны ли онѣ между собою, и отъ того приняли различныя названія, ето не трудно сказать: но должно ли ихъ назвать однимъ именемъ — добродѣтелію, ето не легко опредѣлить.

Кл. Какимъ образомъ ты говоришь?

Аѳ. Не трудно объяснить то, о чемъ я говорю. Раздѣлимъ между собою вопросы и отвѣты.

Кл. Какимъ образомъ?

Аѳ. Спроси у меня, почему мы, назвавъ одно имя, добродѣтель, опять раздѣляемъ

ее на два вида, то есть мужество и мудрость. Я тебѣ скажу причину. Одно бываетъ въ отношеніи къ страху; самыя животныя, и нѣжныя дѣти способны имѣть мужество; оно родится въ душѣ, отъ природы, безъ разсужденія. Но мудрою и умною душа безъ разсужденія никогда быть не можетъ. Слѣдовательно мужество и мудрость различны между собою.

Кл. Истину говоришь.

Аѳ. Итакъ ты слышалъ отъ меня, что онѣ различны, и суть двѣ; а ты мнѣ скажи, почему онѣ одно и тоже. Подумай также и скажи, почему четыре составляютъ одно. А у меня опять, сказавши что онѣ одно, спроси, какимъ образомъ ихъ четыре. Потомъ разсмотримъ: зная о какой нибудь вещи, что она имѣетъ и названіе и смыслъ названія, опредѣленіе, нужно ли знать только одно имя ея, не зная смысла, определенія? Или имѣющему понятіе о величинѣ и красотѣ такое невѣжество посрамительно?

Кл. Кажется такъ.

Аѳ. Но законодателю, законоблюстителю, тому, кто добродѣтелію своею выше другихъ и получилъ въ ней пальму побѣды, что важнѣе мужества, скромности, мудрости и правосудія, о коихъ мы теперь говорили?

Кл. Безъ сомнѣнія ничто.

Аѳ. Итакъ истолкователи, учители, законодатели, хранители другихъ, требующему наставленія, или увразумленія, или долженствующему воздавать наказаніе за преступленія, не должны ли показать, какую силу имѣютъ порокъ и добродѣтель, и совершенно объяснить ихъ различіе? Или какой нибудь странствующій поетъ, или выдающій себя наставникомъ юношества долженъ имѣть преимущество предъ людьми первыми во всякой доблести? Послѣ того во всякомъ государствѣ, гдѣ нѣтъ стражей довольно сильныхъ словомъ и дѣломъ, гдѣ нѣтъ стражей разумѣющихъ добродѣтель, не удивительно видѣть тѣжъ недостатки, какимъ подвержены всѣ нынѣшнія государства.

Кл. Ето весьма естественно.

Аѳ. Чтожъ и намъ остается дѣлать? Какимъ образомъ приготовить стражей, которые бы и словомъ и дѣломъ были выше черни въ добродѣтели? Какимъ образомъ нашъ городъ можетъ уподобиться головѣ и чувствамъ мудрыхъ, и заключать въ себѣ такую же бодрственную стражу?

Кл. Чтожъ и какимъ образомъ мы скажемъ что нибудь по сему уподобленію?

Аѳ. Ясно что городъ есть какъ бы одно тѣло: благороднѣйшіе юноши находясь на стражѣ, какъ бы съ высоты озираютъ весь городъ со всею быстротою и проницатель-

ностію души. Сіи стражи передаютЪ ощущенія свои памяти, и служатЪ старѣйшимЪ провозвѣстниками всего, что происходитЪ вЪ городѣ. Старѣйшіе, уподобляясь уму и одаренные основательнымЪ, глубокимЪ размышленіемЪ, составляютЪ совѣтЪ и сЪ помощію единомыслящихЪ юношей, пекутся о благосостояніи всего города. ТакЪ ли надлежитЪ поступать или иначе? Всѣ ли равно должны быть принимаемы на сіе дѣло, безЪ всякаго вниманія кЪ воспитанію и просвѣщенію ихЪ?

Кл. Это не возможно.

Аѳ. ТакЪ должно искать просвѣщенія основательнѣйшаго.

Кл. Кажется такЪ

Аѳ. Но просвѣщеніе, о которомЪ мы говорили, можетЪ ли здѣсь принести пользу?

Кл. БезЪ всякаго сомнѣнія.

Аѳ. Но мы сказали, что всякой совершенный художникЪ и стражЪ долженЪ имѣть способность не только видѣть многое, но также приводитЪ многое кЪ единому, знать послѣднее, и кЪ нему приводить все имЪ видимое.

Кл. Правильно.

Аѳ. Естьли понятіе о чемЪ нибудь полнѣе и опредѣленнѣе того, когда отЪ многоразличнаго и неравнаго мы можемЪ переходить кЪ единой идеи?

Кл. МожетЪ быть.

Аѳ. Не можетъ быть; но дѣйствительно для людей нѣтъ другой яснѣйшей методы.

Кл. Вѣрю тебѣ, почтенный, и согласенъ съ тобою. Но будемъ говорить далѣе.

Аѳ. Наши блюстители божественнаго градоустройства должны точно знать, во первыхъ, что происходитъ изъ четырехъ сіе единое, заключающееся въ мужествѣ, скромности, правосудіи и мудрости, что правильно мы называемъ добродѣтелію. Не оставимъ своихъ изысканій не рѣшивши, на что должно взирать, на единое ли, или на цѣлое, или на то и другое, или на что нибудь особенное. Иначе можемъ ли мы быть сильными въ добродѣтели, если даже не умѣемъ сказать, многоразлична ли она; четыре ли ихъ, или она одна? Напередъ убѣдимся въ етомъ сами, а потомъ постараемся ввести сіе и въ самомъ городѣ. Или лучше совсѣмъ оставить ето?

Кл. Никакъ не должно оставлять сего; справедливость словъ твоихъ такъ очевидна. Но какимъ образомъ приступить къ етому?

Аѳ. Не о томъ говорите, какъ приступить, но напередъ согласимся сами между собою, нужно ли ето или не нужно?

Кл. Весьма нужно, если возможно.

Аѳ. Что мы можемъ представить себѣ подобнаго о прекрасномъ и добромъ? То ли, что одно и другое заключается во множествѣ? Или что онѣ одно и тоже?

Кл. Кажется необходимо должно представлять ихъ какъ одно.

Аѳ. Довольно ли только представлять, и не умѣть объяснить сего словами, и даже въ етомъ нѣтъ никакой нужды?

Кл. Какъ можно? Сіе прилично только рабскому уму.

Аѳ. Не тоже ли надлежитъ сказать о всемъ, достойномъ нашего старанія, что будущіе блюстители законовъ должны видѣть истину; должны умѣть истолковать ее словомъ, и доказать дѣлами что прекрасное отлично отъ неестественнаго?

Кл. Безъ сомнѣнія.

Аѳ. Но познаніе Бога не есть ли одинъ изъ прекраснѣйшихъ предмѣтовъ, о которыхъ мы доселѣ бесѣдовали. Не надлежитъ ли знать, сколько возможно человѣку, о бытіи Его и всемогуществѣ; для простой черни по крайней мѣрѣ столько, сколько говорятъ объ Немъ законы; но въ законоблюстители и не принимать того, кто не пріобрѣлъ себѣ полной вѣры въ существо Его; такого даже не ставить въ выборѣ наряду съ людьми доблестными.

Кл. Справедливо, какъ ты говоришь, лѣниваго и слабаго въ семъ познаніи исключать изъ круга мужей доблестныхъ.

Аѳ. Мы уже знаемъ, что два доказательства, кои выше были представлены, ведутъ къ вѣрѣ въ Боговъ?

Кл. Какія.

Аѳ. Первое то, что мы сказали о душѣ, что она есть старѣе и божественнѣе всѣхъ существъ, коихъ движеніе посредствомъ рожденія произвело матерію. Второе, порядокъ въ обращеніи свѣтилъ небесныхъ, коими движетъ умъ всѣмъ управляющій. Кто смотритъ на сіе не съ холодностію — и не тупыми очами, тотъ никогда не будетъ безбожникомъ, и со всѣмъ противное испытываетъ, нежели чего ждетъ грубая чернь, которая думаетъ, что занимающіеся астрономіею и другими точными, необходимыми науками, дѣлаются безбожниками; ибо они видятъ, что все происходитъ по закону необходимости, а не по разумному желанію — сдѣлать добро.

Кл. Какъ же это должно быть?

Аѳ. Теперь, когда бытіе души уже не отвергается, бываетъ совсѣмъ противное. Умъ поражается многими чудесами; тѣ, кои испытывали ближе порядокъ вещей, не имѣютъ сомнѣнія, чтобы тѣла безъ души и безъ разумѣнія могли двигаться съ столь удивительною точностію. Нѣкоторые даже утверждали, что верховный умъ управляетъ всѣми небесными движеніями. Но съ другой стороны сіи же самые философы, забывая, что душа по свойству своему старѣе тѣла, и думая, что существованіе ея начинается съ тѣломъ, такъ сказать все измѣнили и сами

впали въ величайшія затрудненія. Всѣ тѣла небесныя, представляющіяся ихъ взорамъ, казались имъ камнями, землею и бездушнымъ веществомъ, которому приписывали причину гармоніи вселенной. Вотъ что произвело столько безбожія, и отняло у всѣхъ охоту заниматься сими познаніями. Сіе внушило поэтамъ оскорбительныя насмѣшки и заставило ихъ сравнивать философовъ со псами, наполняющими воздухъ пустымъ лаемъ. Но насмѣшки сіи неосновательны: и теперь, какъ я сказалъ, мы видимъ совсѣмъ противное.

Кл. Какъ это?

Аѳ. Не можетъ имѣть совершеннаго благоговѣнія къ Богамъ тотъ, кто не убѣдился напередъ, что душа старѣе всѣхъ существъ, произходящихъ по закону рожденія; что она безсмертна и управляетъ всѣми тѣлами; и во вторыхъ, какъ мы часто говорили, что въ планетахъ есть сила все двигающая. Кто не занимался науками, приготовляющими къ симъ познаніямъ, и постигши ихъ тѣсное отношеніе съ музыкою, не старался ввести гармоніи между нравственностію и законами; кто не можетъ отличать предметовъ, могущихъ имѣть опредѣленіе отъ неопредѣленныхъ; кто не соединяетъ сихъ познаній съ гражданскими добродѣтелями: тотъ недостоинъ управ-

лять государствомЪ, и способенЪ только быть исполнителемЪ воли разумнѣйшей.

НашЪ долгЪ, МегиллЪ и Клиній, разсмотрѣть, не должно ли присоединить кЪ предЪидущимЪ постановленіямЪ и нощнаго совѣта, изЪ правителей совершенныхЪ во всѣхЪ познаніяхЪ, какЪ прилично блюстителямЪ законовЪ и общаго блага. Или мы сдѣлаемЪ иначе?

Кл. КакЪ не присоединить, если только ето вЪ нашей власти?

Аѳ. Но мы всѣ будемЪ стараться обЪ етомЪ; я сЪ охотою берусь помогать вамЪ вЪ семЪ предпріятіи. И можетЪ быть по опытности своей и по наблюденіямЪ, сдѣланнымЪ вЪ сихЪ предметахЪ, я найду и другихЪ, кои будутЪ намЪ содѣйствовать.

Кл. ИноземецЪ, непремѣнно должно слѣдовать по сему пути, которой, кажется, намЪ самЪ БогЪ показываетЪ. Но теперь надлежитЪ открыть средство, какЪ привести все ето вЪ исполненіе.

Аѳ. Для сего еще не возможно дать закона, прежде нежели все будетЪ устроено. Тогда дадутЪ его сами правители, имѣющіе на сіе полную власть. А теперь все, что мы можемЪ для сего сдѣлать, есть только ученіе и частая бесѣда.

Кл. КакЪ? Что ты хочешь сказать чрезЪ сіе?

Аѳ. Мы начнемЪ сЪ выбора людей, по своему возрасту, по своимЪ познаніямЪ, по ха-

рактеру и поведенію способныхъ быть хранителями гоосударства. Что касается до наукъ, коимъ они должны учиться,—не легко ни изобрѣсть ихъ, ни сдѣлаться ученикомъ изобрѣтателя. При семъ безполезно опредѣлять закономъ время, въ какое должно начать и кончить каждую науку; ибо и занимающіеся не могутъ знать точно сего времени, прежде нежели сдѣлаются искусными въ своемъ предметѣ. Итакъ кавъ сіе не сдѣлается яснѣе, сколько бы мы ни говорили, прервемъ нашъ разговоръ: — сія темнота прежде времени не можетъ разсѣяться.

Кл. Если такъ, то чтожъ остается намъ дѣлать?

Аѳ. Друзья мои. Игра еще нерѣшена, по пословицѣ, и побѣда ни на чьей сторонѣ. Но если мы хотимъ имѣть или самое число очковъ или близкое къ нему, то не будемъ терять времени. Я раздѣлю съ вами трудность и открою вамъ мысли свои о воспитаніи и учрежденіи, о которомъ мы говорили. Опасность дѣйствительно велика, и другому я не совѣтывалъ бы подвергаться ей. Тебѣ же, Клиній, совѣтую сдѣлать опытъ; если ты успѣешь дать Магнезіи хорошій образъ правленія, республиканскій или монархической; то ты пріобрѣтешь безсмертную славу. И каковъ бы ни былъ конецъ твоего предпріятія; все ты прославишься такимъ муже-

ствомъ, котораго послѣ тебя ни кто другой неможетъ имѣть.

Когда будетъ устроенъ сей божественный совѣтъ, друзья мои; то ему мы поручимъ охраненіе государства. Тутъ нѣтъ ни какой трудности, и почти всѣ нынѣшніе законодатели въ етомъ согласны. Тогда мы увидимъ въ исполненіи то, что въ семъ разговорѣ рисовалось намъ, какъ во снѣ, когда мы представляли подобіе соединенія главы и разумѣнія. Члены совѣта согласные, просвѣщенные и постановленные въ срединѣ государства, какъ умъ и чувства въ головѣ, сдѣлаются вѣрными блюстителями отечества, какихъ мы не видали въ теченіи жизни своей.

Мег. Послѣ всего что мы слышали любезный Клиній, надлежитъ или отказаться отъ предположеннаго государства, или не отпускать сего иностранца, но напротивъ заставить его всѣми средствами и прозьбами намъ содѣйствовать въ семъ предпріятіи.

Кл. Ты говоришь очень справедливо, Мегиллъ; я такъ и сдѣлаю; помоги мнѣ съ своей стороны.

Мег. Я тебѣ помогу.


BRITISH
4 DE 71
MUSEUM

СПИСОКЪ ОСОБАМЪ,

БЛАГОВОЛИВШИМЪ ПОДПИСАТЬСЯ НА КНИГУ СІЮ.

Экз.

въ Москвѣ.

Его Превосходительство Сергѣй Степановичь Ланской 1

Его Сіятельство Графъ Алексанръ Николаевичь Панинъ 2

Его Сіятельство Князь Владиміръ Михайловичь Волконской 1

Его Сіятельство Князь Николай Ивановичь Трубецкой 1

Ея Сіятельство Княгиня Елисавета Сергѣевна Шаховская 1

Ея Превосходительство Катерина Аполлоновна Рахманова 1

Его Превосходительство Григорій Ивановичь Фицеръ 1

Его Превосходительство Николай Антоновичь Хлюстинъ 1

Его Высокородіе Николай Васильевичь Ушаковъ 2

Его Высокородіе Михаилъ Казимировичь Голынской 1

Его Высокородіе Иванъ Николаевичь Тютчевъ 1

Экз.

Его Высокоблагородіе Матвѣй Никифоровичъ Ивановъ 1
Его Благородіе Дмитрій Петровичъ Ознобишинъ 1
Его Благородіе Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій 6
Его Благородіе Александръ Ивановичъ Кошелевъ 4
Его Благородіе Михаилъ Степановичъ Ширай 1
Его Благородіе Николай Александровичъ Мильгуновъ 1
Его Благородіе Николай Андрѣевичъ Загряжскій 2
Его Благородіе Михаилъ Петровичъ Погодинъ 1
Его Благородіе Дмитрій Александровичъ Яковлевъ 1
Его Благородіе Владиміръ Александровичъ Яковлевъ 1
. . . . Раичъ 1

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Стр.*	*Напечатано:*	*Читай:*
21	29	установила	установили
22	10	изобрели	изобрѣли
24	1	но отомъ;	но о томъ,
—	30	пораженія;	пораженія
25	2	вреднанаго	вреднаго
68	5	несправеливая	несправедливая
69	3	скою	свою
77	27	то есть	то есть,
99	12	низмемнымъ	низменнымъ
116	16	дала	дало
126	7	Правительство:	Правительство,
147	9	потребно,	потребно
150	23	объясиить	объяснить
169	1	пятыи	пятый
198	28	дастоинству	достоинству
206	30	его	Его
220	1	ифиларховъ	и Филарховъ
236	23	упустить	опустить
243	31	за недо-	за недостат-
265	24	дѣиствіе	дѣйствіе
272	21	нѣкоторыхлъ	нѣкоторыхъ.
288	29	предъ ними	предъ нимъ
305	29	чшо	что
337	28	отчего	отъ чего
344	10	воздержаться	воздержится
359	9	одинъ	одинъ.
371	21	и теперь кажется	и теперь, кажется,
392	15	подлежитъ	надлежитъ
407	25	сдѣлалавшій	сдѣлавшій
408	19	вахочитъ	захочетъ
476	23	худже	худые

